

**ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ**

**ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Журнал издается с 2006 года
Выходит 4 раза в год

№ 37/2016
Часть I

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-40132 от 11.06.2010
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Учредитель, издатель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования (ФГБОУ ВО) «Кемеровский государственный институт культуры»

Адрес учредителя, издателя
Кемеровская область, 650056, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 17.
Тел.: (3842)73-30-64. Факс: (3842)73-28-08
E-mail: priemnaya@kemguki.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. В. Шунков, доктор филологических наук,
доцент

Ответственный секретарь

Л. Ю. Егле, кандидат культурологии, доцент

Технический редактор

О. В. Устимова

Редактор *Н. Ю. Мальцева*

Перевод *А. А. Шербинин*,
член Союза переводчиков России

Компьютерная верстка *М. Б. Сорокиной*
Дизайн *А. В. Сергеев*

Адрес редакции:
Кемеровская область, 650056, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 17.
Журнал «Вестник КемГУКИ»
Тел.: (3842)73-30-64. Факс: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Электронная версия журнала:
<http://vestnik.kemguki.ru/>

ISSN 2078-1768

© ФГБОУ ВО «Кемеровский
государственный институт
культуры», 2016

**BULLETIN OF KEMEROVO STATE
UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS**

**JOURNAL OF THEORETICAL
AND APPLIED RESEARCH**

Journal is published since 2006
Published quarterly

№ 37/2016
Part I

The Mass Media Registration Certificate
ПИ No. ФС77-40132 of 11.06.2010 by the Federal
Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media

Founder, publisher

Federal State-Funded Educational Institution
of Higher Education
(FSFEI HE) «Kemerovo State University
of Culture»

The address of the founder, publisher
Kemerovo region, 650056, Kemerovo,
Voroshilov Str., 17.
Tel.: (3842)73-30-64. Fax: (3842)73-28-08
E-mail: priemnaya@kemguki.ru

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

A. V. Shunkov, Dr of Philological Sciences,
Associate Professor

Administrative Secretary

L. Yu. Egle, PhD in Culturology, Associate Professor

Technical editor

О. В. Устимова

Editor *N. Yu. Maltseva*

Translation *A. A. Sherbinin*,
member of the Union of Translators of Russia

Computer layout *M. B. Sorokina*
Design *A. V. Sergeev*

Address of the Publisher:
Kemerovo region, 650056, Kemerovo,
Voroshilov Str., 17.
Journal «Bulletin of KemGUKI»
Tel.: (3842)73-30-64. Fax: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Web Journal link:
<http://vestnik.kemguki.ru/>

ISSN 2078-1768

© FSFEI HE «Kemerovo State
University of Culture», 2016

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА ЖУРНАЛА

Председатель совета:

Колин Константин Константинович, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук (Австрия), Российской академии естественных наук и Международной академии наук высшей школы, главный научный сотрудник Института проблем информатики Российской академии наук (г. Москва, РФ).

Члены совета:

Ариарский Марк Ариевич, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры социально-культурной деятельности, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, заслуженный работник культуры Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, РФ).

Астафьева Ольга Николаевна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры ЮНЕСКО Института государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, директор Научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации», член Российского философского общества, член Научно-образовательного культурологического общества, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Белозерова Марина Витальевна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Лаборатории этносоциальных проблем Сочинского научно-исследовательского центра Российской академии наук (г. Сочи, РФ).

Бородин Борис Борисович, доктор искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой истории и теории исполнительского искусства, Уральская государственная консерватория им. М. П. Мусоргского, член Союза композиторов России (г. Екатеринбург, РФ).

Быховская Ирина Марковна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры культурологии, социокультурной антропологии и социальных коммуникаций, Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма (г. Москва, РФ).

Влодарчик Эдвард, доктор исторических наук, профессор, ректор Щецинского университета (г. Щецин, Польша).

EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNAL

Department of the Editorial Council:

Kolin Konstantin Konstantinovich, Dr of Technical Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Acting Member of the International Academy of Sciences (Austria), the Russian Academy of Natural Sciences and the International Higher Education Academy of Sciences, Senior Research Fellow of the Institute of Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

Members of the Editorial Council:

Ariarskiy Mark Arieovich, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Socio-cultural Activities, St. Petersburg State University of Culture, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation (St. Petersburg, Russian Federation).

Astafyeva Olga Nikolaevna, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the UNESCO Department of Institute of Public Administration and Civil Service, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Director of the Center "Civic Society and Social Communications," Member of the Russian Philosophic Society, and Scientific Education Culturologic Society, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Belozerova Marina Vitalyevna, Dr of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher at the Laboratory of Ethno-social Problems of the Sochi Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences (Sochi, Russian Federation).

Borodin Boris Borisovich, Dr of Art History, Professor, Department Chair of History and Theory of Performing Arts, Ural State Mussorgsky's Conservatoire, Member of the Russian Composers Union (Yekaterinburg, Russian Federation).

Bykhovskaya Irina Markovna, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Professor of Department of Culturology, Socio-cultural Anthropology and Social Communications, Russian State University of Physical Education, Sport, Youth and Tourism (Moscow, Russian Federation).

Wlodarczyk Edward, Dr of Historical Sciences, Professor, Rector of the Szczecin University (Szczecin, Poland).

Волк Павел Леонидович, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой музыкального и художественного образования, Томский государственный педагогический университет, начальник Департамента по культуре и туризму Томской области (г. Томск, РФ).

Гавров Сергей Назипович, доктор философских наук, профессор Российского нового университета, профессор кафедры социологии и рекламной коммуникации, Московский государственный университет дизайна и технологии (г. Москва, РФ).

Генова Нина Михайловна, доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор, заведующая кафедрой театрального искусства и актерского мастерства, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, член Союза театральных деятелей России, заслуженный работник культуры Российской Федерации (г. Омск, РФ).

Демин Вадим Петрович, доктор искусствоведения, профессор, академик-секретарь Отделения образования и культуры Российской академии образования (г. Москва, РФ).

Донских Олег Альбертович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Новосибирский государственный университет экономики и управления (г. Новосибирск, РФ).

Игумнова Наталия Петровна, доктор педагогических наук, главный научный сотрудник Российской государственной библиотеки, член Российской Академии Естествознания, действительный член и член Президиума Отделения библиотекосведения Международной академии информатизации, заслуженный работник культуры Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Иконникова Светлана Николаевна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории культуры, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук, Международной академии информатизации, Международной академии наук высшей школы (г. Санкт-Петербург, РФ).

Кинелев Владимир Георгиевич, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой ЮНЕСКО, Российский новый университет, академик Российской академии образования, действительный член Российской инженерной академии, академик Академии естественных наук Российской Федерации, почетный академик Международной академии науки, образования и технологий (Германия), академик Российской академии наук (г. Москва, РФ).

Volk Pavel Leonidovich, Dr of Culturology, Professor, Department Chair of Musical and Art Education, Tomsk State Pedagogical University, Head of Department of Culture of the Tomsk Region (Tomsk, Russian Federation).

Gavrov Sergey Nazipovich, Dr of Philosophical Sciences, Professor of Russian New University, Professor of Department of Sociology and Advertising Communications, Moscow State University of Design and Technology (Moscow, Russian Federation).

Genova Nina Mikhaylovna, Dr of Culturology, PhD in Philosophy, Professor, Department Chair of Theater Art and Acting Skill, Dostoevsky Omsk State University, Member of the Theatre Union of the Russian Federation, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation (Omsk, Russian Federation).

Demin Vadim Petrovich, Dr of Art History, Professor, Academician-secretary of the Department of Education and Culture of the Russian Academy of Education (Moscow, Russian Federation).

Donskikh Oleg Albertovich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Department Chair of Philosophy, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation).

Igumnova Nataliya Petrovna, Dr of Pedagogical Sciences, Senior Resercher of the Russian State Library, Member of the Russian Academy of Natural History, Acting Member and Member of Presidium of the Library Science Department International Informatization Academy, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Ikonnikova Svetlana Nikolaevna, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Department Chair of Theory and History of Culture, St. Petersburg State University of Culture, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, the International Informatization Academy, the International Higher Education Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation).

Kinelev Vladimir Georgievich, Dr of Technical Sciences, Professor, Department Chair of UNESCO, Russian New University, Academician of the Russian Academy of Education, Acting Member of the Russian Academy of Engineering, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Academician of International Academy of Science, Education and Technologies (Germany), Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

Литерска Барбара, доктор гуманитарных наук в области искусствоведения, профессор института музыки факультета искусств, Зеленогурский университет (г. Зелена Гура, Польша).

Луков Валерий Андреевич, доктор философских наук, профессор, директор Института фундаментальных и прикладных исследований, Московский гуманитарный университет, академик-секретарь Отделения гуманитарных наук Русской секции Международной академии наук, вице-президент Русского отделения Международной академии наук, вице-президент Международной академии наук (Австрия), академик Международной академии наук педагогического образования, почетный работник высшего профессионального образования, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Мазур Петр, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики, Высшая государственная профессиональная школа в Хелме (г. Хелм, Польша).

Москалюк Марина Валентиновна, доктор искусствоведения, профессор, профессор кафедры музыкально-художественного образования, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, исполняющий обязанности ректора Красноярского государственного института искусств (г. Красноярск, РФ).

Разлогов Кирилл Эмильевич, доктор искусствоведения, профессор, Всероссийский государственный университет кинематографии им. С. А. Герасимова, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, почетный член Бразильской академии философии, член Научного совета Российской академии наук по комплексной проблеме «История мировой культуры», руководитель комиссии Научного совета Российской академии наук по изучению и охране культурного и природного наследия, академик Российской академии естественных наук, академик-секретарь Национальной академии кинематографических искусств и наук России (г. Москва, РФ).

Садовой Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий Лабораторией этносоциальных проблем, Сочинский научно-исследовательский центр Российской академии наук (г. Сочи, РФ).

Светлова Ольга Александровна, кандидат искусствоведения, доцент, доцент кафедры истории музыки, проректор по научной и творческой работе, Новосибирская государственная консерватория имени М. И. Глинки (г. Новосибирск, РФ).

Literska Barbara, Dr of Humanitarian Sciences in Art History, Professor of the Institute of Music of the Faculty of Arts, University of Zielona Góra (Zielona Góra, Poland).

Lukov Valeriy Andreevich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Director of the Institute of Fundamental and Applied Research of Moscow University for the Humanities, Academician-secretary of Humanitary Sciences Section of Russian Department of the International Academy of Sciences, Vice-president of Russian Department of the International Academy of Sciences, Vice-president of the International Academy of Sciences (Austria), Academician of International Teacher's Training Academy of Science, Honorary Worker of Higher Professional Education, Honorary Worker of Science of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Mazur Pyetr, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Department Chair of Pedagogy, State School of Higher Education in Chelm (Chelm, Poland).

Moskalyuk Marina Valentinovna, Dr of Art History, Professor, Professor of Department of Music and Art Education, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Acting Rector of Krasnoyarsk State Institute of Arts (Krasnoyarsk, Russian Federation).

Razlogov Kirill Emilyevich, Dr of Art History, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov, Honorary Worker of Arts of the Russian Federation, Honorary Member of the Brazilian Academy of Philosophy, Member of Scientific Council of the Russian Academy of Sciences on Complex Problem "History of World Culture," Head of the Commission of Scientific Council Russian Academy of Sciences for Studying and Protection of Cultural and Natural Heritage, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Academician-secretary of the National Academy of Picture Arts and Sciences of Russia (Moscow, Russian Federation).

Sadovoy Aleksandr Nikolaevich, Dr of Historical Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Ethno-social Problems, Sochi Research Center of Russian Academy of Sciences (Sochi, Russian Federation).

Svetlova Olga Aleksandrovna, PhD in Art History, Associate Professor, Associate Professor of Department of Music History, Vice-rector for Scientific and Creative Work, Novosibirsk State Glinka Conservatoire (Novosibirsk, Russian Federation).

Смолянинова Ольга Георгиевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой информационных технологий обучения и непрерывного образования, директор Института педагогики, психологии и социологии, Сибирский федеральный университет, член-корреспондент Российской академии образования (г. Красноярск, РФ).

Сунь Юйхуа, доктор педагогических наук, профессор, ректор Даляньского университета иностранных языков (г. Далянь, КНР).

Тер-Минасова Светлана Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории преподавания иностранных языков, президент факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва, РФ), лауреат премий Фулбрайта и имени М. В. Ломоносова, почетный доктор Бирмингемского университета (Великобритания) и Нью-Йоркского университета (США).

Урсул Аркадий Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, профессор факультета глобальных процессов, руководитель Центра глобальных исследований, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, академик Международной академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Академии наук Молдавии, президент Международной академии ноосферы (устойчивого развития), почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Ужанков Александр Николаевич, доктор филологических наук, кандидат культурологии, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, действительный член Академии Российской словесности, член Научного совета Российской академии наук по изучению и охране культурного и природного наследия, член Общественного совета и Совета по науке при Министерстве культуры Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Хандке Ришард, доктор искусствоведения, профессор, ректор Академии искусств (г. Щецин, Польша).

Хесус Лау, доктор философии, профессор, председатель Секции информационной грамотности Международной федерации библиотечных ассоциаций и учреждений (ИФЛА), директор Исследовательского центра Университета Веракруза (г. Халапа, Мексика).

Чжао Цзиминь, профессор, ректор Чанчуньского государственного педагогического университета (г. Чанчунь, КНР).

Smolyaninova Olga Georgievna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Department Chair of Information Technology Study and Continuing Education, Director of Institute of Education, Psychology and Sociology, Siberian Federal University, Corresponding Member of the Russian Academy of Education (Krasnoyarsk, Russian Federation).

Sun Yuhua, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Rector of Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China).

Ter-Minasova Svetlana Grigoryevna, Dr of Philological Sciences, Professor, Department Chair of Theory of Teaching the Foreign Languages, President of Foreign Languages and Regional Study Faculty, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), Winner of Fulbright and Lomonosov Awards, Honorary Doctor of University of Birmingham (UK) and New York University (USA).

Ursul Arkadiy Dmitrievich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Faculty of Global Processes, Head of the Center for Global Studies, Lomonosov Moscow State University, Academician of the International Academy of Sciences, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of Academy of Sciences of Moldova, President of International Academy of Noosphere (Sustainable Development), Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Uzhankov Aleksandr Nikolaevich, Dr of Philology Sciences, PhD in Culturology, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Acting Member of Academy of Russian Literary Word, Member of of Scientific Council Russian Academy of Sciences for Studying and Protection of Cultural and Natural Heritage, Member of the Public Council and Council for Science of the Ministry of Culture of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Handke Ryszard, Dr of Art History, Professor, Rector of Academy of Arts (Szczecin, Poland).

Jesús Lau, Dr of Philosophy, Professor, Head of the Section of Information Literacy of the International Federation of Library Associations and Institutions (IFLA), Director of Research Center, University of Veracruz (Xalapa, Mexico).

Zhao Jimin, Professor, Rector of Changchun State Pedagogical University (Changchun, China).

СОСТАВ НАУЧНОЙ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Научные редакторы разделов

Раздел «Культурология»

Мартынов Анатолий Иванович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры музейного дела, Кемеровский государственный институт культуры, академик Российской академии естественных наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Кемерово, РФ).

Миненко Геннадий Николаевич, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры культурологии, Кемеровский государственный институт культуры, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, член Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры (г. Кемерово, РФ).

Красиков Владимир Иванович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Центра научных исследований, Всероссийский государственный университет юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России), член-корреспондент Российской Академии Естествознания (г. Москва, РФ).

Марков Виктор Иванович, доктор культурологии, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры культурологии, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Казаков Евгений Федорович, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры философии, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ).

Лесовиченко Андрей Михайлович, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры народной художественной культуры и музыкального образования, Новосибирский государственный педагогический университет (г. Новосибирск, РФ).

Раздел «Искусствоведение»

Проконова Наталья Леонидовна, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры культуры и искусства

SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Scientific Editors of Sections

Section of Culturology

Martynov Anatoliy Ivanovich, Dr of Historical Sciences, Professor, Professor of Department of Museum Sciences, Kemerovo State University of Culture, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Worker of Science of the Russian Federation (Kemerovo, Russian Federation).

Minenko Gennadiy Nikolaevich, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture, Corresponding Member of Petrovsky Academy of Sciences and Arts, Member of International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Krasikov Vladimir Ivanovich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Chief Researcher Research Centre Russian, State University Justice Ministry of Justice (RPA Russian Ministry of Justice), Corresponding Member of the Russian Academy of Natural History (Moscow, Russian Federation).

Markov Viktor Ivanovich, Dr of Culturology, PhD in Philosophy, Associate Professor, Professor of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Kazakov Evgeniy Fedorovich, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Philosophy, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation).

Lesovichenko Andrey Mikhaylovich, Dr of Culturology, PhD in Art History, Associate Professor, Professor of Department of Folk Art, Culture and Music Education, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation).

Section of Art History

Prokopova Natalya Leonidovna, Dr of Culturology, PhD in Art History, Associate Professor, Professor in Department of Culture and Art of

речи, заведующая лабораторией теоретических и методических проблем искусствоведения, директор института театра, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Степанская Тамара Михайловна, доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой истории отечественного и зарубежного искусства, Алтайский государственный университет, член-корреспондент Российской Академии Естествознания (г. Барнаул, РФ).

Умнова Ирина Геннадьевна, доктор искусствоведения, профессор, профессор кафедры музыковедения и музыкально-прикладного искусства, Кемеровский государственный институт культуры, член-корреспондент Российской Академии Естествознания, член Союза композиторов России (г. Кемерово, РФ).

Синельникова Ольга Владимировна, доктор искусствоведения, доцент, заведующая кафедрой оркестрово-инструментального исполнительства, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Раздел «Педагогические науки»

Гендина Наталья Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры технологии автоматизированной обработки информации, директор НИИ информационных технологий социальной сферы, Кемеровский государственный институт культуры, академик Международной академии наук высшей школы, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член Постоянного комитета IFLA по информационной грамотности, эксперт ЮНЕСКО по проблемам разработки индикаторов медиа- и информационной грамотности (г. Кемерово, РФ).

Пилко Ирина Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры технологии документальных коммуникаций, Кемеровский государственный институт культуры, член Совета Российской библиотечной ассоциации (г. Кемерово, РФ).

Пономарёв Валерий Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников, и. о. проректора по научной и творче-

Speech, Head of Laboratory of Theoretical and Methodological Problems of Art History, Director of Institute of Theatre, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Stepanskaya Tamara Mikhaylovna, Dr of Art History, Professor, Head of Department of History of Native and Foreign Art, Altai State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural History (Barnaul, Russian Federation).

Umnova Irina Gennadyevna, Dr of Art History, Professor, Professor of Department of Musicology and Musical Arts, Kemerovo State University of Culture, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural History, Member of the Russian Composers Union (Kemerovo, Russian Federation).

Sinelnikova Olga Vladimirovna, Dr of Art History, Associate Professor, Head of Department of Orchestral, Instrumental Performance, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Section of Pedagogical Sciences

Gendina Natalya Ivanovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of Technology of Automated Information Processing, Director of R&D Institute of Information Technologies in Social Sphere, Kemerovo State University of Culture, Academician of the International Higher Education Academy of Sciences, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Member of the IFLA Standing Committee on Information Literacy, UNESCO Expert on Development of Indicators of Media and Information Literacy (Kemerovo, Russian Federation).

Pilko Irina Semyenovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of Documentary Communications Technologies, Kemerovo State University of Culture, Member of Council of the Russian Library Association (Kemerovo, Russian Federation).

Ponomaryev Valeriy Dmitrievich, Dr of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of Department of Directing Theatrical Performances and Festivals, Acting Vice-rector for Scientific Research

ской деятельности, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Ярошенко Николай Николаевич, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности, Московский государственный институт культуры (г. Москва, РФ).

Заруба Наталья Андреевна, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, Кемеровский государственный институт культуры, академик Академии педагогических и социальных наук, заслуженный учитель Российской Федерации (г. Кемерово, РФ).

Панина Татьяна Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, директор института дополнительного профессионального образования, Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева, заслуженный учитель Российской Федерации, действительный член Академии педагогических и социальных наук (г. Кемерово, РФ).

Костюк Наталья Васильевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и психологии, директор НИИ межкультурной коммуникации и социально-культурных технологий, Кемеровский государственный институт культуры, член-корреспондент Академии педагогических и социальных наук (г. Кемерово, РФ).

and Creative Activities, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Yaroshenko Nikolay Nikolaevich, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Sociocultural Activity, Moscow State University of Culture (Moscow, Russian Federation).

Zaruba Natalya Andreevna, Dr of Sociological Sciences, PhD in Pedagogy, Professor, Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Kemerovo State University of Culture, Academician of Academy of Pedagogical and Social Sciences, Honorary Teacher of the Russian Federation (Kemerovo, Russian Federation).

Panina Tatyana Semyenovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of State and Municipal Management, Director of Institute for Continuing Professional Education, T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Honorary Teacher of the Russian Federation, Member of Academy of Pedagogical and Social Sciences (Kemerovo, Russian Federation).

Kostyuk Natalya Vasilyevna, Dr of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Director of R&D Institute of Intercultural Communication and Sociocultural Technologies, Kemerovo State University of Culture, Corresponding Member of Academy of Pedagogical and Social Sciences (Kemerovo, Russian Federation).

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Иванов А. В., Фотиева И. В. Евразийская вертикаль «Алтай–Гималаи»: биосферно-культурные параллели и исторические связи.....	13
Новосельская В. В. Культурно-природный ландшафт как предмет комплексного анализа.....	18
Гертнер С. Л., Китов Ю. В. Культура как политика. Критика способности суждения.....	31
Казаков Е. Ф. Душа человека XIX века (на материале европейского искусства).....	47
Норкина Е. А. Этническая картина мира и выражение ментальности в старофранцузском героическом эпосе (на материале героической поэмы «Песнь о Роланде»).....	53
Тресвятский Л. А. Основные черты православия и православной культуры в России.....	58
Жилинина Н. А. Диалектика внешнего и внутреннего в восприятии брака и семейных отношений на Руси в допетровскую эпоху.....	62
Золотухин В. М., Козырева М. В. Социокультурные основания реализации и регламентации потребностей в контексте исследования качества жизни.....	68
Юркова М. В. Художественная традиция в современном дизайне и ее влияние на формирование региональной идентичности.....	76
Лакунова Д. Р., Тайсаев Д. М. Адыгские обряды вызывания дождя в культе обоготворения мёртвых... 82	
Дьяконова С. А. Сэргэ как памятник архитектуры и искусства народа Саха.....	86
Баштанник С. В. Средневековая городская культура на сырдарьинском направлении Великого шелкового пути.....	93
Сабелев М. М. «Культурная среда» и «культурное пространство»: целесообразность использования понятий в исследовании театральной культуры российской провинции.....	102
Суворкина Е. Н. «Век ребенка» в век ребенка: культурологическая концепция Э. Кей.....	109
Звягин С. П., Макачук С. В. Газеты о состоянии досуга в Мариинском, Щегловском и Кузнецком уездах Томской губернии в условиях Гражданской войны (1918–1919).....	113

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Вуйошевич С., Карташова Т. В. Национальное искусство Черногории в контексте культурного диалога с Россией: введение в проблему.....	123
Москалюк М. В., Серикова Т. Ю. Архетип как способ прочтения субъективного содержания абстрактного произведения.....	130
Фаттахова Л. Р. Неканоническое использование гласовых моделей в традиционной старообрядческой службе (на примере общины Русской православной старообрядческой церкви г. Новокузнецка).....	143

Богданова М. А. Методы В. М. Беляева по реставрации пения песен из сборника «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым».....	150
Виноградова М. А. Раннее фортепианное творчество Алемдара Караманова.....	157
Ульмасов Ф. А. О специфике сольного вокально-инструментального музицирования в восточной монодии.....	165
Камалиева А. С. Взаимосвязь художественных традиций в костюмах башкир и народов Сибири....	172
Алексеева Т. П., Бралгин Е. Ю. Элементы символизма в творчестве Ю. Е. Бралгина.....	181
Щетинина С. Ю. Визуальные медиа в мультимедийной инсталляции.....	188

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Кудрина Е. Л., Колногоров В. В. Социально-культурная среда как педагогическое средство воспитания личного состава органов внутренних дел.....	194
Паклина Е. А. Условия мотивации студенческой молодёжи к волонёрской деятельности в высших учебных заведениях.....	199
Лазарева М. В. К вопросу о развитии непрерывного профессионального образования в сфере культуры и искусств (на примере краевого научно-учебного центра кадров культуры Министерства культуры Красноярского края).....	204
Зуева Т. В. Социализация подростков в социально-культурной деятельности школы и семьи.....	208
Попова А. В. Концептуальные подходы к использованию произведений Сергея Слонимского на уроках музыки в младших классах общеобразовательной школы.....	214
Гук А. Г. Система менеджмента качества в вузе: новая парадигма внедрения.....	223
Алфавитный указатель авторов.....	232

CONTENTS

CULTUROLOGY

Ivanov A.V., Fotieva I.V. Eurasian Vertical “Altai – Himalaya”: Biosphere Cultural Parallels and Historical Connections.....	13
Novoselskaya V.V. Cultural and Natural Landscape as a Subject of Analysis.....	18
Gertner S.L., Kitov Y.V. Culture as Politics. The Critique of Judgement.....	31
Kazakov E.F. The Soul of Man XIX Century (on the Material of European Art).....	47
Norkina E.A. Ethnic Picture of the World and Expression of Mentality in Ancient French Heroic Epic (on the Basis of Heroic Poem “The Song of Roland”).....	53
Tresvyatskiy L.A. Main Lines of Orthodoxy and Orthodox Culture in Russia.....	58
Zhilyanina N.A. Dialectics of External and Internal in Perception of Marriage and Family Relations in Russia During the Pre-petrine Period.....	62
Zolotukhin V.M., Kozyreva M.V. Sociocultural Bases of Realization and Regulation of Needs for the Context of Research of Sociocultural Aspect of Life Quality.....	68
Yurkova M.V. Art Traditions in a Modern Design and Its Influence to Formation of the Regional Identity... 76	
Lakunova D.R., Taysaev G.M. Circassian Rainmaking Ceremonies in the Cult of Deification of the Dead... 82	
Dyakonova S.A. Serge – the Hitching Post – as a Monument of Architecture and Art of the Sakha Ethnos... 86	
Bashtannik S.V. Medieval Urban Culture in the Semirechye Distance of the Great Silk Road.....	93
Sabelev M.M. “Cultural Environment” and “Cultural Space”: Feasibility of Using the Terminology in the Study of Russian Provincial Theater Culture.....	102
Suvorkina E.N. “Century of the Child” in the Age of the Child: Cultural Concept of E. Key 14.....	109
Zvyagin S.P., Makarchuk S.V. Newspapers about the State Leisure Time in Mariinsk, Shcheglovsk and Kuznetsk Districts of Tomsk Province in the Civil War (1918–1919).....	113

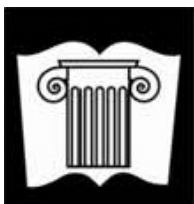
HISTORY OF ART

Vuyoshevich S., Kartashova T.V. Montenegro National Art in the Context of Cultural Dialogue with Russia: Introduction to the Problem.....	123
Moskalyuk M.V., Serikova T.Y. The Archetype as a Way of Reading the Subjective Contents of an Abstract Work.....	130

Fattakhova L.R. Non-canonic Usage of Tone Patterns in the Traditional Old-believers' Service (Exemplified by Community of Russian Orthodox Old Believers' Church in Novokuznetsk).....	143
Bogdanova M.A. V.M. Belyaev's Ways and Methods of Reviving and Remodeling the Traditional Singing of Old Russian Folk Songs Collected by Kirsha Danilov 'The Ancient Russian Poems' Antology.....	150
Vinogradova M.A. Early Piano Works of Alemdar Karamanov.....	157
Ulmasov F.A. About a Specific Solo Vocal and Instrumental Music in Oriental Monody.....	165
Kamalieva A.S. Interconnection of Artistic Traditions in Costumes of the Bashkirs and Siberian Peoples...	172
Alekseeva T.P., Bralgin E.Y. Symbolic Elements in Y.E. Bralgin's Artwork.....	181
Shchetinina S.Y. Visual Media in Multimedia Installation.....	188

PEDAGOGICAL SCIENCES

Kudrina E.L., Kolnogorov V.V. Socio-cultural environment as a Pedagogical Tool the Training of the Personnel of Internal Affairs Bodies.....	194
Paklina E.A. Motivation and Involvement of Students to the Volunteering Movement.....	199
Lazareva M.V. On the Issue of Continuing Vocational Training Development in Culture and Art (on the Example of Culture Staff Regional Research and Training Center of Krasnoyarsk Region Ministry of Culture).....	204
Zueva T.V. Adolescents' Socialization in Socio-cultural Activities of School and Family.....	208
Popova A.V. Conceptual Approaches to the Use of Pieces by Sergei Slonimsky for Musical Lessons at Junior Grades of a Secondary School.....	214
Guk A.G. Quality Management System in Higher Education Institutions: New Paradigm of Implementation.....	223
List of Authors in Alphabetical Order.....	232

КУЛЬТУРОЛОГИЯ CULTUROLOGY

УДК 008

ЕВРАЗИЙСКАЯ ВЕРТИКАЛЬ «АЛТАЙ – ГИМАЛАИ»: БИОСФЕРНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ И ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ¹

Иванов Андрей Владимирович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Алтайский государственный аграрный университет (г. Барнаул, РФ). E-mail: ivanov_a_v_58@mail.ru

Фотиева Ирина Валерьевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теории и практики журналистики, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, РФ). E-mail: fotieva@bk.ru

В статье выделяется ряд культурных и биосферных параллелей между двумя важнейшими горными регионами планеты – Алтаем и Гималаями. Сходство природных условий (специфические черты горных регионов, высокий уровень биоразнообразия, влияние на климатические процессы азиатского региона) во многом обуславливает близость хозяйственных практик, культурных и художественных традиций и ценностно-мировоззренческих основ. Многие исследования (в частности, проведенные во время известной трансгималайской экспедиции, организованной Н. К. Рерихом) выявили общие черты древнейших культурно-археологических памятников двух регионов; явственные следы древнейших торговых и культурных связей между Алтаем и Гималаями. Авторы также отмечают специфику этнокультурного диалога на отмеченных территориях, заключающуюся в сочетании максимального этнокультурного и религиозного разнообразия с длительными и продуктивными кросскультурными контактами различных этнических групп. В завершение статьи делается вывод о том, что наряду с укреплением широтной евразийской связи по линии Великого шелкового пути, российским и индийским ученым следует способствовать исследованию, возрождению и укреплению меридиональной евразийской связи по линии «Алтай – Гималаи», которую можно рассматривать, по аналогии, как «Великий культурный путь».

Ключевые слова: Алтай, Гималаи, культурные параллели, кросскультурные связи, этнокультурный диалог.

EURASIAN VERTICAL “ALTAI – HIMALAYA”: BIOSPHERE CULTURAL PARALLELS AND HISTORICAL CONNECTIONS

Ivanov Andrey Vladimirovich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Philosophy Department, Altai State Agrarian University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: ivanov_a_v_58@mail.ru

Fotieva Irina Valeryevna, Dr of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of Department of Theory and Practice of Journalism, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: fotieva@bk.ru

¹ Работа выполнена в рамках гранта РГНФ – администрации Алтайского края «Алтай и Гималаи как уникальные культурно-биосферные регионы Евразии: поиск общих ценностей, эколого-экономических стратегий, социокультурных параллелей», № 16-13-22002.

The article highlighted a number of cultural and biosphere parallels between two major mountain regions of the planet: the Altai and the Himalayas. The similarity of natural conditions (specific features of mountain regions, a high level of biodiversity, impact on climate processes in the Asian region) largely determine the proximity of economic practices, cultural and artistic traditions, basic values and world view foundations. So, for the Altai and the Himalaya, the most important task is the preservation of forest resources as the basis for the sustainability of their environmental systems. Studies show that in spite of the powerful “globalist rink” the traditional system of values persists both in Altai and in Himalayas. Many studies (in particular, carried out during the famous Trans-Himalayan expedition organized by N. Roerich) revealed similarities of ancient cultural and archaeological sites of the two regions. So, even Roerich noted the similarity of menhirs, burial grounds and cave paintings of the Altai and the Himalaya, especially those related to the Scythian-Sarmatian period. Today, thanks to research by German scientist Yettmara, we can talk about earlier parallels in the Altai petroglyphs, the Himalaya and the Hindu Kush, dating back to the III–II thousand, BC. The presence of ancient trade and cultural relations between the Altai and the Himalaya evidenced by the findings of Indian bronze mirrors and shirts from the Himalayan wild silkworm in Scythian tombs in the Altai. There are clear traces of ancient trade and cultural relations between the Altai and the Himalaya. The authors also note the specifics of the ethno-cultural dialogue in the mentioned areas: a combination of a maximum of ethno-cultural and religious diversity with a long and productive cross-cultural contacts of various ethnic groups. The authors concludes that, along with the strengthening of the latitude of the Eurasian communication on the Great Silk Road line, Russian and Indian scientists should contribute to the study, revival and strengthening of the meridional Eurasian communication line “Altai – Himalaya”, which can be considered by analogy as “Great cultural way”.

Keywords: Altai, Himalaya, cultural parallels, cross cultural communication, ethnocultural dialogue.

На важнейшую роль меридиональной евразийской оси «Сибирь – Индия» (или в более образной форме – «Алтай – Гималаи») впервые указал Н. К. Рерих, писавший: «Истинно “Алтай – Гималаи” – два магнита, два равновесия, два устоя. Радостно видеть жизненность в связях индо-русских» [10, с. 268–269]. Однако в чем конкретно видел эту магнитную связь великий русский живописец и путешественник? Почему именно Алтай и Гималаи он называет двумя устоями Евразии? Мы постараемся выделить подобные параллели и связи и наметить пути совместных российско-индийских исследований, которые разворачиваются сегодня под эгидой, созданной в 2015 году Международной научной группы «Алтайско-Гималайская инициатива» [2].

Начнем с анализа объективных **биосферных и хозяйственных параллелей между двумя великими горными системами Земли**. Прежде всего, Алтай и Гималаи – это крайняя северная и крайняя южная границы внутренних бессточных котловин и хребтов Центральной Азии, образующих самую редконаселенную и малоисследованную территорию евроазиатского континента. С ледников Алтая, аккумулирующих влажные ветра Атлантики, реки текут на север Евразии в сто-

рону Северного ледовитого океана. Иртыш, Обь и Енисей обеспечивают воспроизводство жизни на гигантских пространствах России и Казахстана. Что касается Гималаев, то они с юга встают стеной на пути весенне-летних муссонов, дующих с Индийского океана. Их снега питают великие реки Южной Евразии, прежде всего, Инд и Ганг, а также главную водную артерию Тибета – Брахмапутру. Это основа жизни государств индийского субконтинента. Алтай и Гималаи также вносят большой вклад в образование двух важнейших зон высокого давления – Монгольского (сибирского) и Тибетского зимних антициклонов, определяющих циркуляцию и обновление воздуха на огромных пространствах континентальной Евразии. Кроме этого, Алтай и Гималаи являются крупнейшими центрами биоразнообразия, крайним северным и южным полюсами распространения центрально-азиатской фауны, типа барса, горного козла, барана, яка, улара.

Есть параллелизм между двумя регионами и в том, что если Алтай – родина сибирского кедра (сибирской сосны), то Западные Гималаи – центр распространения гималайского кедра (деодара). Залежи разнообразных руд и биосферные богатства обоих горных регионов объективно пре-

вратили их в хозяйственные центры земледелия (предгорные районы и речные долины отличаются хорошей увлажненностью и качеством черноземов), приручения диких животных и развития фитотерапии (древнейший скелет домашней собаки найден на Алтае, а Гималаи – родина Аюрведы, системы древней индийской медицины), а также в древнейшие очаги металлургического производства.

Схожесть биосферного потенциала обуславливает общность экологических проблем и стратегий хозяйственной деятельности. Так, и для Алтая, и для Гималаев важнейшей задачей является сохранение лесных богатств как основы устойчивости их экологических систем. В частности, именно вырубка лесов стала одной из главных причин наводнений на Алтае в 2014 году, а в Гималаях в 2015 году. Что касается общности хозяйственных стратегий, то в обоих регионах остро стоит задача органического совмещения традиционных и современных стратегий землепользования, глубокой переработки природных ресурсов, создания сети особо охраняемых природных территорий. Важнейшая линия совместных научных разработок и практико-ориентированных исследований алтайских и индийских ученых – производство органического (или экологически чистого) продовольствия.

Оба региона являются также крупнейшими туристическими центрами, где активно в последние годы развиваются спортивный и культурный виды туризма, а также такие его разновидности, как экстремальный, сельский и гастрономический туризм. Соответственно близки и проблемы обоих регионов, связанные с бурным развитием туристической отрасли: повышенная антропологическая нагрузка на культурные ландшафты, разрушение традиционного образа жизни и утрата культурных традиций местного населения. Вечная проблема туризма в уникальных культурно-биосферных регионах Земли «как совместить доходы от туристической отрасли с сохранением их потенциала?» является общей для органов государственной власти и общественности двух регионов.

Перспектива глобального перехода от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии мирового развития объективно заставляет ученых России и Индии (Алтай и

Гималаев) совместно и комплексно разрабатывать стратегии развития уникальных культурно-биосферных регионов Евразии как важнейших потенциальных точек становления новых цивилизационных отношений.

Культурно-исторические связи и параллели. В первую очередь, на наш взгляд, очевидна близость идейных и ценностных основ культуры двух регионов. Сегодня, за всем многообразием культурных традиций, все более отчетливой становится их идейно-ценностная *поляризация*. Она проявляется, в частности, в отношении к так называемым либерально-рыночным ценностям. Так, Л. С. Васильев справедливо отмечает, что в то время как в Европе рыночные связи лишь в очень незначительной степени обуславливаются связями других типов (семейно-клановыми, сословными и пр.) и все решения диктуются жестким законом прибыли, – в Индии (и, в целом, на Востоке), напротив, рынок и прибыль подчинены иным ценностям и межличностным, социальным, клановым связям: «Словом, здесь господствует иная, чем на Западе, система общепризнанных ценностей» [4]. Многие исследования показывают, что, несмотря на мощный «глобалистский каток», у восточных народов эта традиционная система ценностей по-прежнему сохраняется, а, возможно и усиливается. Здесь между народами Сибири и Индии также просматриваются весьма зримые параллели: неприятие чисто торгашеских, конкурентных и индивидуалистических жизненных ориентаций; примат сотрудничества, кооперации, взаимовыручки, коллективизма. Суровые условия труда и быта в горных и предгорных районах Алтая и Гималаев делают исключительно сложным ведение индивидуального фермерского хозяйства. Без помощи соседей и родственников проблематичным становится само выживание, в условиях суровых зим со снежными заносами на дорогах и перевалах; при этом измерять непосредственные – родственные, дружеские, соседские и духовные – связи между людьми в товарно-денежном эквиваленте, очевидно, невозможно. Соответственно, бескорыстная помощь близким, соседям и друзьям является важнейшей человеческой и общественной ценностью. В связи с этим можно предположить, что **одной из важнейших черт перехода к новым цивилизационным отношениям**, необходимость которых давно обсуж-

дается в связи с глобальными кризисами, **станет повышением роли непосредственных жизненных связей между людьми по сравнению со связями опосредствованными (экономическими и государственно-правовыми)**. И здесь исторически накопленный потенциал таких связей у жителей Алтая и Гималаев может оказаться исключительно значимым.

Далее, давно отмечено, что, в отличие от равнин и приморских территорий, в горах существенно проще **укрыться от врагов, основать и сохранить в тайне религиозные и культурные святыни**. Камень и дерево дают широкие возможности для бытового и сакрального строительства; чистота горного воздуха – для календарно-астрономических наблюдений; уединенность и сияющие снежные вершины – для художественной и молитвенной сосредоточенности. На Алтае и в Гималаях культурных памятников и сакрально-астрономических центров обнаружено довольно много. Более того, между ними существуют несомненные параллели. Так, еще Рерихи отмечали сходство менгиров, могильников и наскальных рисунков Алтая и Гималаев, особенно относящихся к скифо-сарматскому периоду [8, с. 27–28]. Сегодня, благодаря исследованиям немецкого ученого Йеттмара, можно говорить и о более ранних параллелях в петроглифах Алтая, Гималаев и Гиндукуша, восходящих к III–II тыс. до нашей эры (см. [7, с. 40–41]). О наличии древнейших торговых и культурных связей между Алтаем и Гималаями свидетельствуют находки индийских бронзовых зеркал (см. [5]) и рубашки из дикого гималайского шелкопряда в скифских могилах на Алтае. С достаточной уверенностью можно говорить и о существовании древнего кочевого и торгового пути между Западными Гималаями и Алтаем, шедшего из Кашмира через Трансгималаи и Каракорум в Восточный Туркестан, а оттуда через перевалы Канас и Даян-Нур на русский и монгольский Алтай. В буддийском мире есть предание о том, что этим путем ходил на север Будда [9, с. 172]. По нему из Индии в Россию в 1925 году прошла экспедиция Рерихов. Этот торговый путь довольно активно использовался вплоть до китайской оккупации Тибета в пятидесятые годы прошлого века. Сегодня обсуждается идея о необходимости создания трансевразийского меридионального транспортно-энергетического

коридора Россия-Индия через территорию Китая, фактически воссоздающего этот древний караванный путь по оси Сибирь-Гималаи (см. [3]).

Еще одна важная черта функционального сходства Алтая и Гималаев – это то, что они обеспечивают не только выживание народов и сохранение их культурного наследия, но активный **этнокультурный диалог**. Именно в горных регионах, с одной стороны, обнаруживается наибольшее этнокультурное и религиозное разнообразие, а с другой – длительные и продуктивные кросскультурные контакты, когда народы перенимают друг у друга религиозные представления, хозяйственные и бытовые навыки, не говоря уж о языковых заимствованиях. Например, в индийских Гималаях знаменитая Куллу называется «долиной тысячи богов», но при этом есть единые религиозные объекты почитания и праздники, которые отмечают все ее этнические группы. Таково почитание реки Биас и праздник богини Трипурасундари. Аналогичная ситуация и на Алтае, где, например, река Катунь и гора Белуха почитались священными и русскими, и алтайцами, а все народы Алтая отмечают Масленицу – праздник провода зимы и встречи весеннего солнца.

Есть крайне интересные лингвистические и религиозные параллели между культурой Алтая и Гималаев. Например, священная трехглавая вершина в штате Джамму носит название Трикута и является обителью Вайшну Деви – Великой Богини Матери [11, с. 160]. Но в тюркских языках корень «кут» носит сакральный характер, обозначая одновременно и бессмертную часть человеческой души, и материнскую небесную субстанцию (душу) Космоса, куда индивидуальная душа человека на время возвращается после смерти физического тела. Та же Белуха в мифологии алтайских народов рассматривается как обитель богини-прародительницы Умай.

Любопытно также, что процесс слияния древних индоевропейских и местных дравидийских племен начинает активно идти в районе Гималаев со второй половины I тыс. до н. э., и в это же время в скифских курганах Пазырыка рядом друг с другом обнаружены захоронения и типичных европеоидов, и типичных монголоидов. Отдельная тема – общность ритуальных и социальных функций индийских поэтов-риши и алтайских сказителей-кайчи, также обладавших мистиче-

ским и пророческим даром. Родина легендарного творца Ригведы риши Вьясы – уже упоминавшаяся высокогорная долина Куллу, а самые выдающиеся алтайские сказители, как А. Г. Калинин, – также выходцы из труднодоступных мест горного Алтая (в частности, из высокогорного района Улагана). Между индийскими риши проводились регулярные корпоративные состязания, как проводятся они сегодня между алтайскими кайчи. Общность состоит еще и в том, что, в отличие от современного спорта и даже музыкальных конкурсов, здесь победа одного из рапсодов являлась победой всех, а вовсе не средством личного самоутверждения [6, с. 482].

Другая интересная параллель между Алтаем и Гималаями, как двумя духовными полюсами Евразии: в них **есть внутренние узлы, важнейшие торговые и караванные перепутья**, где благодаря особым природно-ландшафтным условиям сходятся пути многих народов, пульсирует и обогащается живая кровь истории. В Гималаях – это территория Кашмира и княжества Ладакх, лежащих в верховьях Инда на древнем перепутье между Афганистаном, Индией, Тибетом, Восточным Туркестаном и Средней Азией. Здесь сходятся великие хребты Гиндукуша, Трансгималаев и Каракорума. На Алтае ему соответствует территория вокруг плоскогорья Укок – пограничье между Сибирью и Центральной Азией, Китаем, Россией, Казахстаном и Монголией. В этом районе сходятся горный массив Табын-Богдо-Ола, хребты Монгольский и Южный Алтай, Катунский хребет и хребет Листвяга. Сюда кочевые племена и торговые караваны из Великой степи попадали по долине Иртыша и Бухтармы, откуда потом могли уйти или на север в сакральный центр Алтая с го-

рой Белухой, Уймонской и Каракольской долинами или же повернуть к югу в сторону Джунгарии через перевал Канас, или же, продолжая двигаться на восток, оказаться в высокогорных пустынях и степях Западной Монголии. Не случайно Ладакх и Укок с прилегающими территориями – это настоящие сокровищницы археологии со следами многих прошедших здесь племен и культур.

Есть несомненные антропологические и культурные сходства между алтайским и гималайским горными регионами с точки зрения этнического состава их населения, параллелей в мифологии и эпосе, объектах религиозного почитания и характере отправляемых культов, в орнаментах одежды и жилища, в общности хозяйственных стратегий деятельности, экологических и социально-культурных проблем. Систематические научные исследования этих связей и параллелей только начинают разворачиваться благодаря совместной работе алтайских и гималайских ученых (см. [1; 2]), и здесь, на наш взгляд, в самое ближайшее время следует ожидать интересных и важных результатов.

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод о том, что наряду с укреплением широтной евразийской связи по линии Великого шелкового пути, который ныне активно лоббируется Китаем; российским (особенно сибирским) и индийским ученым следует всячески совместно способствовать исследованию, возрождению и укреплению меридиональной евразийской связи по линии «Алтай-Гималаи». На наш взгляд, есть все основания рассматривать эту линию как еще один Великий путь, но не столько торговый, сколько, в первую очередь, важнейший **Великий культурный путь** человечества.

Литература

1. Алтай – Гималаи: два устья Евразии. – Барнаул: АГАУ, 2012. – 325 с.
2. Алтай – Гималаи: традиционные знания и инновации в развитии горных и предгорных регионов Евразии: мат-лы I Российско-индийско-монгольского семинара, 19-20 июня 2015 года. – Барнаул: Фонд «Алтай-21 век», 2015. – 228 с.
3. Арун Моханти, Иванов А. В. Союз Индии, России, Китая: от деклараций – к реальным проектам // Вестн. МГУ. Сер. 12. Политические науки. – 2015. – № 2. – С. 49–59.
4. Васильев Л. С. История Востока [Электронный ресурс]. – URL: http://www.plam.ru/hist/istorija_vostoka_tom_2/p1.php.
5. Васильков Я. В. Древнейшие индийские зеркала из скифо-сарматских курганов Алтая и Южного Приуралья // Степи Евразии в древности и Средневековье: мат-лы науч.-практ. конф. – СПб.: Изд-во гос. Эрмитажа, 2003. – Кн. II. – 310 с.
6. Елизаренкова Т. Я. «Ригведа» – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I-IV. – М.: Наука, 1989. – 767 с.

7. Кубарев В. Д. Алтай – древняя сокровищница Азии // Алт. вестн. – 2002. – № 2. – С. 38–44.
8. Рерих Ю. Н. Звериный стиль у кочевников Северного Тибета. – М.: Международный центр Рерихов, 1992. – 40 с.
9. Рерих Н. К. Избр. – М.: Совет. Россия, 1979. – 384 с.
10. Рерих Н. К. Из литературного наследия. – М.: Изобраз. искусство, 1974. – 476 с.
11. Шапошникова Л. В. Великое путешествие. – М.: Междунар. центр Рерихов, 2000. – Кн. 2: По маршруту мастера. – 444 с.

References

1. *Altay – Gimalai: dva ustoya Evrazii [Altai – Himalaya: two abutment of Eurasia]*. Barnaul, AGAU Publ., 2012. 325 p. (In Russ.).
2. *Altay – Gimalai: traditsionnye znaniya i innovatsii v razvitii gornyykh i predgornyykh regionov Evrazii. Materialy I-go Rossiysko-indiysko-mongol'skogo seminara, 19–20 iyunya 2015 goda [Altai - Himalayas: traditional knowledge and innovation in the development of mountain and foothill regions of Eurasia. Proceedings of the I Russian-Indian-Mongolian workshop, 19-20 June 2015]*. Barnaul, Fond “Altay-21 vek” Publ., 2015. 228 p. (In Russ.).
3. Arun Mokhanti, Ivanov A.V. Soyuz Indii, Rossii, Kitaya: ot deklaratsiy – k real'nym proektam [Union of India, China, Russia, from declarations - to real projects]. *Vestnik MGU. Seriya 12: Politicheskie nauki [Bulletin of Moscow State University. Series 12. Political science]*, 2015, no. 2, pp. 49-59. (In Russ.).
4. Vasil'ev L.S. *Istoriya Vostoka [History of the East]*. (In Russ.). Available at: http://www.plam.ru/hist/istoriya_vostoka_tom_2/p1.php.
5. Vasil'kov Ya.V. Drevneyshie indiyskie zerkala iz skifo-sarmatskikh kurganov Altaya i Yuzhnogo Priural'ya [Ancient Indian Mirror of the Scythian-Sarmatian burial mounds of the Altai and Southern Urals]. *Stepi Evrazii v drevnosti i Srednevekov'e. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Eurasian steppes in antiquity and the Middle Ages. Proceedings of the scientific-practical conference]*. St. Petersburg, Hermitage Publ., 2003, book 2. 310 p. (In Russ.).
6. Elizarenkova T.Ya. “Rigveda” – velikoe nachalo indiyskoy literatury i kul'tury [“Rig Veda” - the beginning of a great Indian literature and culture]. *Rigveda. Mandaly I–IV*. Moscow, Nauka Publ., 1989. 767 p. (In Russ.).
7. Kubarev V.D. *Altay – drevnyaya sokrovishchnitsa Azii [Altai - a treasure trove of ancient Asia]*. *Altayskiy vestnik [Altai Messenger]*, 2002, no. 2, pp. 38-44. (In Russ.).
8. Rerikh Yu.N. *Zverinyy stil' u kochevnikov Severnogo Tibeta [Animal style of the nomads of northern Tibet]*. Moscow, Mezhdunarodnyy tsentr Rerikhov Publ., 1992. 40 p. (In Russ.).
9. Rerikh N.K. *Izbrannoe [Selected works]*. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1979. 384 p. (In Russ.).
10. Rerikh N.K. *Iz literaturnogo naslediya [From the literary heritage]*. Moscow, Izobrazitel'noye iskusstvo Publ., 1974. 476 p. (In Russ.).
11. Shaposhnikova L.V. *Velikoe putesthestvie. Kniga 2. Po marshrutu мастера [The great journey. Book 2: Along the master's route]*. Moscow, Mezhdunarodnyy tsentr Rerikhov Publ., 2000. 444 p. (In Russ.).

УДК 712 (045)

КУЛЬТУРНО-ПРИРОДНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК ПРЕДМЕТ КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА

Новосельская Вера Вадимовна, кандидат педагогических наук, министр культуры Республики Крым (г. Симферополь, РФ). E-mail: mincult@rk.gov.ru

В отличие от понятия культурного ландшафта, которое акцентирует внимание на социальной сущности данного феномена, понятие культурно-природного ландшафта подчеркивает органичное и гармоничное единство природной среды и целенаправленно-преобразующей деятельности человека, существенную взаимосвязь и взаимодействие естественного и человеческого. Это обуславливает необходимость применения к определению и изучению культурно-природных ландшафтов как культурологических, так и природно-географических методов.

В статье рассматривается и уточняется сущность понятия «культурно-природный ландшафт». Определяется место культурно-природного ландшафта в системе антропогенных ландшафтов. Подчеркивается роль природной основы, изучается влияние на формирование культурно-природных ландшафтов различных антропогенных факторов. Выделены классификационные признаки типологии культурно-природных ландшафтов, естественные и культурно-исторические основания для описания и характеристики культурно-природных комплексов как уникальных и неповторимых феноменов.

Учитывая тот факт, что каждый культурно-природный ландшафт уникален, так как формируется в особых природных условиях и в результате конкретной культурно-преобразующей деятельности, чтобы иметь четкое представление о конкретном культурно-природном комплексе необходимо рассматривать его по определенным классификационным или типологическим признакам. При этом важнейшей методологической установкой при характеристике культурно-природного ландшафта должен стать комплексный учет всех его особенностей и признаков – и естественных, и историко-культурных. Только при таком подходе может быть осуществлено полноценное изучение каждого культурно-природного ландшафта как уникального и неповторимого совместного творения рук человеческих и сил природы.

Ключевые слова: ландшафт, природный ландшафт, антропогенный ландшафт, культурный ландшафт, культурно-природный ландшафт, классификация культурно-природных ландшафтов.

CULTURAL AND NATURAL LANDSCAPE AS A SUBJECT OF ANALYSIS

Novoselskaya Vera Vadimovna, PhD in Pedagogy, Minister of Culture of the Republic of Crimea (Simferopol, Russian Federation). E-mail: mincult@rk.gov.ru

The article deals with the essence of the concept of “cultural and natural landscape.” Clarifies the definition of “cultural and natural landscape.” The place of the cultural and natural landscape in the system man-made landscapes. The role of natural basis, examines the impact on the formation of cultural and natural landscapes of various anthropogenic factors. Determined classification features of typology of cultural and natural landscapes, isolated natural, cultural and historical basis for the description and characteristics of the cultural and natural systems as a unique and unrepeatable phenomena. In contrast to the concept of a cultural landscape, which focuses on the social nature of the phenomenon, the notion of cultural and natural landscape emphasizes organic and harmonious unity of the natural environment and purposefully-transforming human activities, essential relationship and interaction of natural and human. This makes it necessary to apply to the definition and study of the cultural and natural landscape as a cultural and natural geographic methods.

The article deals with the essence of the concept of “cultural and natural landscape.” The definition of “cultural and natural landscape” is clarified. The place of the cultural and natural landscape in the system of anthropogenic landscapes is defined. The role of natural basis is emphasized. The impact on the formation of cultural and natural landscapes of various anthropogenic factors are examined. The classification features of typology of cultural and natural landscapes are determined. The natural, cultural and historical basis for the description and characteristics of the cultural and natural systems as a unique and unrepeatable phenomenon is isolated.

Given the fact that every cultural and natural landscape is unique, as it is formed in the special natural conditions and as a result of a particular cultural and transformative activity, to have a clear idea about the specific cultural and natural complex is necessary to treat it according to certain classification or typological characteristics. At the same time the most important methodological orientations in the characterization of the cultural and natural landscape should be a comprehensive account of all its features and attributes: natural, historical and cultural. Only with this approach a full study of each cultural and natural landscape as a unique and unrepeatable joint creation of human hands, and the forces of nature can be carried out.

Keywords: landscape, natural landscape, anthropogenic landscape, cultural landscape, cultural and natural landscape, classification of cultural and natural landscapes.

Природа – дом, в котором живет человек. Но культура тоже дом для человека, причем дом, создаваемый самим человеком. Сюда входят самые разнообразные явления, материально воплощенные в виде идей и различного рода духовных ценностей.

Д. С. Лихачев

Устойчивое развитие, основанное на сбалансированных и гармоничных отношениях между социальными потребностями, экономической деятельностью и окружающей средой, вызывает необходимость более пристального изучения среды обитания людей. Компоненты окружающей среды, особенно на региональном уровне, играют важную для общественных интересов роль в культурной, экологической, природоохранной и социальной областях, и представляют собой, прежде всего, благоприятный ресурс для экономической и иной деятельности.

Особая роль в этом процессе отводится ландшафтам как материальной основе размещения производительных сил и местообитания человека, как жизнеобеспечивающему ресурсу и носителю духовной культуры общества. На региональном уровне современное промышленное и горнодобывающее производство, развитие сельского и лесного хозяйства, а также регионального и городского транспорта, инфраструктуры туризма и отдыха являются причинами ускоренной трансформации ландшафтов, образования многообразных антропогенных ландшафтов, среди которых особое место занимают культурные и культурно-природные.

Учитывая, что эта категория ландшафтов способствует формированию местной культуры, является основополагающим компонентом мирового и национального культурного наследия, вносящим вклад в благосостояние людей и укрепление их самобытности; а также является важной частью обеспечения качества жизни и ключевым условием индивидуального и социального благосостояния, исследование условий и факторов формирования культурно-природных ландшафтов, определение основных признаков их типологии и проведение классификации на региональном уровне является интересным и актуальным.

Исследование культурно-природных ландшафтов на региональном уровне и, в частности, проведение их классификации позволят в даль-

нейшем выделить территории, которым нанесен ущерб производственной деятельностью; выделить территории с высоким качеством окружающей среды и отличающиеся исключительной красотой, гармоничным сочетанием природы и творений рук человеческих; планировать и регулировать состояние культурно-природных ландшафтов, определять необходимые природоохранные действия соответствующих органов управления.

Анализ исследований и публикаций

Обзор научных публикаций показал, что существуют различные научные подходы к определению сущности культурного ландшафта во взаимосвязи с соответствующей природной средой. Многие известные исследователи культуры – в частности, Ю. М. Лотман, Г. Д. Гачев, Д. С. Лихачев – обращали внимание на роль природного фактора в ее развитии. Более конкретно эта проблема представлена в разработках концепций культурного, антропогенного, культурно-природного ландшафтов. В работах таких авторов, как Д. Л. Арманд, Д. В. Богданов, Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова, А. Г. Исаченко, Ф. Н. Мильков, В. А. Низовцев, В. А. Николаев, А. С. Красовская, Р. Ф. Туровский, Р. Ю. Федоров и др. рассматриваются базовые понятия культурного ландшафта как разновидности ландшафта антропогенного, разрабатываются представления о культурном ландшафте и, одновременно, определяется возможность использования ландшафтных исследований для решения различных научных и практических задач. Внешние цели использования культурного ландшафта анализируются в работах Ф. Н. Милькова, А. Г. Исаченко, Ю. Г. Саушкина и др. В последнее время внимание ученых уделяется систематике, типологии и классификации культурных ландшафтов: работы В. Л. Каганского, А. В. Любичанковского, О. А. Ливинской и др. Работы Ю. П. Князева, В. А. Николаева имеют комплексный характер, в них прослеживается существенная взаимосвязь культурного и природного ландшафтов, изучается ландшафт смешанного типа – по сути культурно-природный ландшафт. Вопросы сохранения культурных и природных ландшафтов, их современное состояние и перспективы развития рассмотрены в работах Ю. П. Князева, В. Л. Каганского, а также, в частности, в Европейской Конвенции о ландшафтах.

Общим для всех исследований является признание существенной взаимосвязи культурного и природного компонентов ландшафтов, единства преобразующей деятельности человека и естественных процессов окружающей среды, их взаимозависимости. Однако вопросы содержания, формирования, систематизации и классификации культурно-природных ландшафтов рассмотрены недостаточно.

Учитывая это, целью нашего исследования является уточнение понятия «культурно-природный ландшафт», осуществление его комплексного анализа, определение оснований для классификации культурно-природных ландшафтов.

*Определение понятия
«культурно-природный ландшафт»*

Очевидно, что понятие «культурно-природный ландшафт», являющееся производным от понятий «культурный ландшафт» и «природный ландшафт» и, в то же время, не совпадающее с ними, требует особого анализа, соответствующего определения и комплексного подхода к изучению.

Комплексный подход к выявлению структуры и свойств культурно-природных ландшафтов заключается в исследовании сформировавшегося в результате взаимодействия природы, хозяйственной и социокультурной деятельности природно-культурного территориального комплекса, состоящего из характерных сочетаний природных и культурных компонентов, которые находятся в устойчивой взаимосвязи и взаимообусловленности, и представляющего собой сложную систему ценностей – природных, материальных и духовных, обладающих высокой степенью экологической, исторической, культурологической и экологической информативности.

Этот подход имеет достаточно устоявшуюся научную традицию, так как вопросы взаимодействия общества и природы, человека и ландшафта с самых первых этапов развития науки постоянно были в центре внимания многих исследователей. Однако в большинстве натуралистических исследований ландшафт рассматривался как чисто природное образование.

Достаточно полно собирательный образ ландшафта как природного географического комплекса представлен Н. Ф. Реймерсом. В словаре-

справочнике он приводит несколько определений, в основу которых заложены природные признаки, однако при этом практически не учитываются изменения, возникающие под влиянием антропогенной деятельности:

«Ландшафт – это:

- сравнительно небольшой специфичный и однородный участок земной поверхности, ограниченный естественными рубежами, в пределах которых природные компоненты находятся в сложном взаимодействии и приспособлены друг к другу;

- совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных предметов и явлений природы, исторически образующих развивающийся во времени физико-географический комплекс или ряд комплексов;

- обобщающее понятие для объединения типологических комплексов более низкого иерархического ранга, которые могут быть территориально разобщенными, но сходными по основным природным чертам;

- природный географический комплекс, в котором все основные компоненты: рельеф, климат, воды, почвы, растительность и животный мир находятся в сложном взаимодействии и взаимообусловленности, образуя однородную по условиям развития единую неразрывную систему;

- общее понятие для любых типологических и региональных географических единиц» [16, с. 261].

По мере возрастания антропогенного воздействия на природные системы ландшафты трансформируются из природных, естественных в измененные, антропогенные. Эти изменения отмечались учеными уже в начале XX века. В 60–70-х годах прошлого столетия возрос научный интерес к проблемам преобразования природных ландшафтов в антропогенные. В результате в изучении ландшафтов начинает четко просматриваться два соответствующих направления: традиционное и антропогенное (см. [5]). Традиционное ландшафтоведение занимается в основном изучением строения, происхождения, функционирования и изменения природных ландшафтов, условиями их формирования, определением методов исследования и признаков классификации ландшафтов, классификацией и районирование ландшафтов и т. д.

Однако, учитывая степень освоенности территорий и техногенные нагрузки на территории, основное внимание ученых начинает сосредотачиваться на конструктивных аспектах ландшафтоведения, активизируется изучение антропогенных ландшафтов. Ландшафт стал рассматриваться не только как природное образование, но и как «область, в которой характер рельефа, климата, растительного покрова, животного мира, населения и, наконец, культура человека сливаются в единое гармоничное целое, типически повторяющееся на протяжении известной (ландшафтной) зоны Земли» [1, с. 7].

Именно поэтому антропогенные ландшафты изучаются как «ландшафты, преобразованные хозяйственной деятельностью человека настолько, что изменена связь природных (экологических) компонентов в степени, ведущей к сложению нового по сравнению с ранее существующим на этом месте природного комплекса» [16, с. 262].

Термин «антропогенный ландшафт» образован от греч. *anthropos* – человек и *genes* – рождённый. К антропогенным ландшафтам относятся большинство современных ландшафтов Земли.

В настоящее время существует множество классификаций, построенных на основе учёта степени антропогенной изменённости природной основы ландшафта, генезиса этих изменений, целей использования, хозяйственной ценности, длительности существования, возможности регулирования и некоторых других характеристик, индивидуальных для каждого типа ландшафта.

Научное внимание к изучению изменённых человеческой деятельностью природных ланд-

шафтов объясняется также их широким распространением. В настоящее время практически не осталось ландшафтов, которые не испытали бы на себе прямого или косвенного воздействия человека, проявляющегося в самых разных формах и разнообразной степени. Деятельность человека оказывает более или менее существенное воздействие на свойства всех ландшафтных компонентов и ландшафтных комплексов в целом. Современные ландшафты испытывают влияние не только природных (как эндогенных, так и экзогенных), но и антропогенных факторов, что определяет их изменение, а также возникновение новых видов антропогенных ландшафтов. В настоящее время антропогенные ландшафты занимают более половины территории суши Земли [16, с. 16].

Таким образом, особенностью развития антропогенных ландшафтов является: во-первых, постоянное увеличение их площади; во-вторых, их формирование происходит под влиянием не только природных, но и различных видов антропогенной деятельности; в-третьих, влияние антропогенных факторов непостоянно, оно может усиливаться, уменьшаться или прекращаться, что определяет качественные показатели состояния культурно-природных ландшафтов; и, наконец, в отличие от природных ландшафтов, осуществляется контролируемость процесса их развития человеком.

Рассмотрим некоторые классификации антропогенных ландшафтов с целью выявления основных классификационных признаков и свойств культурных и культурно-природных ландшафтов (табл. 1).

Таблица 1

Виды антропогенных ландшафтов

Автор	Классификационные признаки	Виды ландшафта
Реймерс Н. Ф.	Вид деятельности	<i>Городской (урбанистский)</i> – тип антропогенного ландшафта с постройками, улицами, парками
		<i>Техногенный (индустриальный)</i> – разновидность антропогенного ландшафта, особенности формирования и структуры которого обусловлены производственной деятельностью человека, связанной с использованием мощных технических систем. Воздействие может быть прямым (механическое нарушение земель, растительности, затопление и т. д.) и косвенным (загрязнение, промышленными выбросами, сбросами, отходами и т. д.)

Окончание таблицы 1

Автор	Классификационные признаки	Виды ландшафта
		<i>Агрокультурный</i> – ландшафт, естественная растительность в котором в значительной мере заменена посевами и насаждениями сельскохозяйственных и садовых культур
		<i>Культурный</i> – целенаправленно созданный антропогенный ландшафт, обладающий целесообразными для человеческого общества структурой и функциональными свойствами
Реймерс Н. Ф.	Рациональность использования природных ресурсов	<i>Нарушенный</i> – тип антропогенного ландшафта, возникший в результате нерационального использования природных ресурсов
		<i>Оптимальный</i> – ландшафт, максимально соответствующий определенной форме пользования (например, для рекреации); потребностям данной группы населения/ этноса (например, потребностям степных кочевников, горцев и т. д.)
		<i>Охраняемый</i> – ландшафт, в котором запрещены или регламентированы все или некоторые виды хозяйственной деятельности
Исаченко А. Г.	Степень изменения под влиянием хозяйственной деятельности	<i>Условно изменённые, или первобытные.</i> <i>Слабо изменённые.</i> <i>Нарушенные (сильно изменённые).</i> <i>Собственно культурные или рационально преобразованные</i>
Мильков Ф. Н.	Вид деятельности	<i>Сельскохозяйственные.</i> <i>Промышленные.</i> <i>Линейно-дорожные.</i> <i>Лесные антропогенные.</i> <i>Водные антропогенные.</i> <i>Селитебные.</i> <i>Рекреационные.</i> <i>Беллигеративные</i>
	Социально-экономические функции	<i>Ресурсовоспроизводящие</i> (промышленные, сельскохозяйственные, лесохозяйственные). <i>Средообразующие</i> (селитебные, рекреационные). <i>Заповедные.</i> <i>Средозащитные (природоохранные)</i>
	Генезис	<i>Техногенные.</i> <i>Пирогенные.</i> <i>Дигрессионные, пашенные</i>
	Характер последствий	<i>Культурные.</i> <i>Акультурные.</i> <i>Деградированные (бедленды)</i>

Таким образом, культурный ландшафт выделяется многими авторами как подвид антропогенного ландшафта по таким признакам: вид деятельности (Н. Ф. Реймерс), степень изменения под влиянием хозяйственной деятельности (А. Г. Исаченко), характер последствий деятельности человека (Ф. Н. Мильков).

Понятие «культурный ландшафт» в отечественную научную литературу ввёл Л. С. Берг [1]. Еще в начале XX века он обратил внимание ученых на необходимость изучения не только природных, но и культурных ландшафтов. Берг исходил из того, что в отличие от природного ландшафта, в создании которого человек участия не принимает, в формировании культурного ландшафта человеческая деятельность играет определяющую роль. Культурными он называл все ландшафты, целенаправленно преобразованные, созданные и регулируемые человеком – это и городские, и сельские, и сельскохозяйственные, и другие виды ландшафтов (см. [1]).

Классический подход в ландшафтоведении позволяет рассматривать культурный ландшафт как частный случай антропогенного ландшафта – освоенный человеком, исторически приспособленный к природным условиям, целенаправленно сформированный, воплощенный в системе материальных и духовных ценностей.

В современной науке понятие «культурный ландшафт» имеет несколько определений, на что, в частности, обращает внимание А. А. Шишкина, отмечая, что «как только у человека появляются первые проблески сознания, он целенаправленно стремится подчинить себе природу. Но если культурный ландшафт как явление имеет длительную историю, сравнимую с историей человека, с историей его духовной и материальной деятельности, то «культурный ландшафт» как научное понятие разрабатывается сравнительно недавно и имеет неравнозначную степень освещённости в различных областях знания, имеет множество определений, характеристик и классификаций» [20, с. 151–152].

В географической науке культурный ландшафт рассматривается как антропогенный ландшафт, изменённый и регулируемый человеком в соответствии с определенными целями, и обладающий высокими эстетическими и функциональными качествами. В частности, Ю. А. Веденин и М. Е. Кулешова определяют его как

«природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и человека, его социокультурной и хозяйственной деятельности и состоящий из характерных сочетаний природных и культурных компонентов, находящихся в устойчивой взаимосвязи и взаимообусловленности» [2, с. 16].

Историко-культурный подход позволяет рассматривать культурный ландшафт как определенную местность, в течение длительного исторического периода бывшую средой обитания общности людей, являющихся носителями уникальных культурных черт и связанных с определенными историческими событиями.

В культурологии культурный ландшафт может рассматриваться как культурно-природное образование, в формировании и развитии которого активную, содержательно формирующую роль играют духовные и интеллектуальные ценности, сохраняемые и передаваемые от поколения к поколению людей в виде информации. Эти ценности являются органической частью соответствующего ландшафта и взаимодействуют с иными, материальными компонентами. А. Г. Исаченко по этому поводу отмечает, что если «для ландшафтоведа объектом является ландшафт как таковой, как целостная система, а культура – лишь как один из его элементов, то для географа-культуролога культура служит подлинным объектом исследования, а ландшафт играет роль некоторой вспомогательной конструкции или даже элемента культуры» [5, с. 13].

А. А. Шишкина выделяет в рамках культурологического направления три основных подхода: информационно-аксиологический, этнокультурный, феноменологический [20, с. 153]. Несмотря на их определенные различия, все они рассматривают культурный ландшафт как территорию и результат жизнедеятельности определенных групп или общностей людей, создающих и утверждающих свою, уникальную систему ценностей и артефактов культуры.

Таким образом, культурный ландшафт обобщенно понимается, по словам В. Л. Каганского, как «земное пространство, жизненная среда достаточно большой (самосохраняющейся) группы людей, если это пространство одновременно целно и структурировано, содержит природные и культурные компоненты, освоено утилитарно,

семантически и символически» [7, с. 24]. Как видим, культурный ландшафт – явление прежде всего социальное, пространство и результат жизнедеятельности определенной общности людей.

Понятие же культурно-природного ландшафта акцентирует внимание на взаимодействии двух составляющих – культуры и природы как единого пространства, на необходимости учета их специфики и взаимозависимости. Это позволяет осуществлять комплексный подход к исследованию такого пространства обитания человека, как ландшафт.

Типология культурно-природных ландшафтов

Проведение комплекса исследований по типологии культурно-природных ландшафтов необходимо для систематизации и упорядочения множества разнообразных культурно-природных территориальных комплексов.

Исследователи культурных и культурно-природных ландшафтов сталкиваются с необходимостью одновременного решения нескольких комплексных задач. Во-первых, необходим реестр или кадастр таких культурно-природных образований. Это связано с проблемами их определения и идентификации, выявления факторов воздействия на них, их сохранения и рационального использования. Во-вторых, необходимо проведение систематизации таких объектов с целью выявления природных особенностей, культурной индивидуальности и уникальности каждого культурно-ландшафтного комплекса, а также выработки стратегии их использования и сохранения.

Основу типологии культурно-природных ландшафтов могут составить, прежде всего, классификационные признаки культурных ландшафтов, которые необходимо дополнить признаками типологии природных ландшафтов. В системе типологий культурно-природных ландшафтов наряду с культурологическими характеристиками обязательно должны присутствовать и признаки ландшафтов природных, поскольку данные образования являются результатом сотворчества человека и природы.

Среди природных признаков типологии природных ландшафтов чаще всего указывают их местоположение в системе природных комплексов, генезис и морфологию, высоту над уровнем моря и рельеф; характер растительности, отношение к водным объектам и акваториям. При определении

культурно-природного ландшафта среди них необходимо выбрать те признаки, которые наиболее значимы в процессе его идентификации.

В документах ЮНЕСКО для оценки культурных ландшафтов применяется типология, основанная на таких классификационных признаках, как степень культурных преобразований и жизнеспособность ландшафта (см. [3]).

Исходя из типологии культурных ландшафтов, по признаку степени культурных преобразований и жизнеспособности можно выделить три основные категории культурно-природных ландшафтов.

В первую очередь, это целенаправленно созданные (искусственные, рукотворные) ландшафты. Данная категория, прежде всего, включает объекты ландшафтной архитектуры: объекты садово-парковой архитектуры, парки и сады. Они создаются индивидуально, по определенному замыслу, и их характерной особенностью является точная планировочная композиция, учитывающая особенности природного ландшафта. При этом функциональное предназначение элементов ландшафтных объектов в обязательном порядке должно соотноситься с их эстетическими качествами.

Категория целенаправленно созданных (рукотворных) культурно-природных ландшафтов включает:

- ископаемые, хранящие в себе археологические и палеонтологические памятники. Как правило, это остатки древних поселений, курганные комплексы, оазисы древних или сменивших географический ареал культурных общностей, сформировавших в свое время облик ландшафта, но утративших свои функции как носителей культурной традиции;

- реликтовые, которые включают усадебные, дворцово-парковые и некоторые монастырские ландшафты;

- развивающиеся ландшафты, продолжающие своё существование благодаря целенаправленной деятельности человека, специально организованной для их восстановления, сохранения и развития.

Вторая категория ландшафтов – это естественно сформировавшиеся культурно-природные ландшафты. В естественно сформировавшихся ландшафтах природные процессы в результате

длительных человеческих воздействий подвергаются определённым изменениям. Природные компоненты ландшафта приспосабливаются к этим изменениям, а в сформированном ландшафте проявляются черты как естественной эволюции, так и преобразующей деятельности человека.

Данная категория ландшафтов включает:

- ископаемые или археологические ландшафты, сохраняющие в себе памятники истории, выявленные в ходе раскопок и являющиеся в настоящее время своеобразным «музеем под открытым небом»;

- реликтовые ландшафты, которые в отличие от ископаемых продолжают жить и развиваться. Как правило, это «угасающие» ландшафты, оказавшиеся в окружении чуждой им культурной среды или изменившиеся под воздействием природных условий;

- развивающиеся ландшафты, которые часто связаны с детерминированными географически аборигенными культурами, являющимися уязвимыми в результате своей существенной зависимости от естественных качеств ландшафта.

Третьей категорией культурно-природных ландшафтов являются ассоциативные. К ассоциативным относятся: ландшафты, имеющие какие-либо памятники культурного наследия: связанные с религиозными и художественными ассоциациями; природные ландшафты, не имеющие материальных объектов культуры, однако отраженные в духовной культуре; мемориальные ландшаф-

ты, сохраняющие память о важнейших исторических событиях или выдающихся личностях; ландшафты, нашедшие отражение в творчестве выдающихся деятелей искусства; сакральные ландшафты. Ассоциативные ландшафты включены в историко-культурное пространство в качестве памятных мест, мест творчества, сакральных местностей и т. д. Культурная составляющая подобного рода ландшафтов достаточно часто представлена не в материальной, а в ментальной форме, благодаря ассоциации объекта с определенным феноменом культуры.

При этом следует отметить, что во всех категориях рассмотренных ландшафтов – целенаправленно созданных, естественно сформировавшихся и ассоциативных, – при безусловном учете природной составляющей, ведущая роль все же принадлежит целенаправленно-преобразующей культурной деятельности человека.

Однако для более полной характеристики культурно-природных ландшафтов целесообразно осуществлять их типологию на основе нескольких классификационных признаков, учитывая природные особенности, исторические функции, статус особо охраняемой территории, статус объекта культурного наследия ЮНЕСКО. Это позволит не только провести систематизацию культурного и природного наследия, но и разработать стратегию управления культурно-природными ландшафтами в соответствующем регионе (табл. 2).

Таблица 2

Классификационные признаки типологии культурно-природных ландшафтов

Классификационные признаки	Характеристика ландшафта
<i>Природные признаки ландшафта</i>	
Характер рельефа	низменный, равнинный, холмистый, грядовой, низкогорный, горный, высокогорный и т. д.
Характер растительности	лесной, луговой, болотный, степной, лесостепной и т. д.

Окончание таблицы 2

Классификационные признаки	Характеристика ландшафта
Отношение к водотокам и акваториям	приморский, приозёрный, приречный
Генезис и морфология	водно-ледниковый, дюнный, террасовый, долинный и т. д.
Особенности социально-исторического функционирования ландшафта	
Вид хозяйственной деятельности человека	сельскохозяйственный, промысловый, сакральный, заповедный, мемориальный и т. д.
Тип культуры	усадебный, дворцово-парковый, монастырский, горнозаводской, военно-исторический (ландшафты полей сражений), традиционный сельский (крестьянская культура), городской (исторические кварталы)
Степень культурных преобразований и жизнеспособность ландшафта	Целенаправленно созданный (рукотворный) ландшафт, в том числе: ископаемый, реликтовый, развивающийся. Естественно сформировавшийся ландшафт, в том числе: ископаемый или археологический, реликтовый или «угасающий», развивающийся. Ассоциативный ландшафт
Особо сохраняемые и охраняемые ландшафтные территории	
Охранный статус	государственный природный заповедник (в том числе биосферный), национальный парк, природный парк, государственный природный заказник, памятник природы, дендрологический парк и ботанический сад, лечебно-оздоровительная местность и курорт
По статусу культурного наследия ЮНЕСКО	
Общественное признание объекта шедевром творчества. Исключительная наглядность. Исключительная выраженность, репрезентативность. Историческая феноменальность. Наличие условий и местообитаний. Таксономическая уникальность. Ассоциативная (опосредованная) ценность	Комплексное историко-культурное образование, являющееся носителем исторической памяти, связанный с местами, хранящим в себе материальные и нематериальные свидетельства исторической памяти. По культурному наследию – это шедевр творчества, по природному – феномен исключительной красоты и эстетической ценности

При этом необходимо отметить, что обобщенная система критериев ценности природного и культурного наследия ЮНЕСКО не имеет достаточной четкости и по указанным критериям, вероятно, объекты не могут быть оценены в каких-либо количественных показателях или иметь общепринятое документальное подтверждение. В системе критериев ЮНЕСКО по культурному наследию выделяются шедевры творчества, а по природному наследию – феномены исключительной красоты и эстетической ценности (указанные критерии представлены в табл. 2). Однако каждый из них требует более полного определения.

Рассмотрим более подробно указанные критерии. В Европейской конвенции по ландшафтам они представлены следующим образом:

«- Общественное признание объекта шедевром творения.

- Исключительная наглядность эволюционных процессов, наблюдаемых как ряд последовательно изменяющихся во времени и пространстве качественных состояний природных или культурных комплексов и их компонентов. Этот критерий учитывается как по отношению к культурному, так и природному наследию.

- Исключительная выраженность, репрезентативность (полнота представленности) природного либо культурного объекта или явления. Этот критерий непосредственно учитывается при оценке культурного наследия, а именно: культурной традиции, технологии, типа застройки, форм землепользования. В отношении к природному наследию этот критерий учитывается лишь косвенно, через иллюстрацию основных этапов истории Земли и важных экологических и биологических процессов. Использование этого критерия как самостоятельного применительно к любым формам наследия. Для культурного ландшафта этот критерий может применяться в отношении к его планировке, пропорциям, компонентному составу, технологиям освоения территории.

- Историческая феноменальность, или важное историческое свидетельство, иллюстрирующее определенный этап истории, исторически значимый для природы и общества процесс, событие или явление. Этот критерий фигурирует при оценке и культурного природного наследия.

- Наличие условий и местообитаний, имеющих ключевое значение для сохранения природного и культурного разнообразия, в том числе особо ценных природных и культурных феноменов,

находящихся под угрозой исчезновения. Данный критерий применяется только для оценки природного наследия и ориентирован на биоразнообразие. Для культурного ландшафта это критерий особенно значим, так как последний зачастую представляет собой уникальные «места обитания» какой-либо культурной традиции и является средоточием различных типов культуры.

- Таксономическая уникальность, то есть исключительная редкость определенного типа или класса объектов. Уникальность может быть обусловлена изменением или нарушением условий окружающей среды вплоть до уничтожения местообитаний либо присущей объекту уязвимостью, либо разрушающим действием времени. К подобным уникальным явлениям относятся природные и культурные реликты, включая реликтовые культурные ландшафты.

Уникальность всегда предполагает высокую научную и информативную ценность. Данный критерий однозначно выделяется как самостоятельный только для культурного наследия. В применении к природному наследию он используется в скрытой форме во всей системе критериев – его заменяют понятия «выдающийся», «превосходный», «исключительный», «универсальный», что содержит указание на редкость явления.

- Ассоциативная (опосредованная) ценность, отражающая связи с историческими событиями, выдающимися личностями, их творчеством, с общественными идеалами и культурными традициями. Этот критерий используется для оценки только объектов культурного наследия и только в качестве дополнения к другим критериям» [3].

При этом, согласно документам ЮНЕСКО, культурный ландшафт как объект природного и культурного наследия должен обладать тремя важными свойствами: универсальностью, целостностью и аутентичностью.

Универсальность ландшафта отражает факт взаимодействия человека и природы в географическом (адаптация к местным природным условиям), историческом (историческое изменение характера природопользования) и культурном (воплощение духовно-эстетического отношения человека к природе) аспектах.

Целостность ландшафта отражает завершенность, системность, гармоничность и сохранение всех составляющих: материальных объектов, традиций природопользования, ментальных свойств.

Аутентичность ландшафта характеризует его достоверность, подлинность. Следует учитывать, что свойство аутентичности неразрывно связано со свойством целостности.

Основополагающим в рассматриваемом подходе выступает понятие о культурно-природном ландшафте или культурно-природном территориальном комплексе – исторически сформированной равновесной системе, в которой естественные и культурные составляющие образуют единое целое и не являются фоном или фактором воздействий друг на друга.

Кроме определения классификационных признаков для проведения типологии культурно-природных ландшафтов требуют своего разрешения еще несколько вопросов.

Одним из них является определение границ данных ландшафтов. Границы культурно-природного и природного территориальных комплексов могут не совпадать. В данном случае культурно-природный ландшафт характеризуется в полном соответствии с методологией, выработанной ЮНЕСКО в отношении объектов Всемирного природного и культурного наследия.

Другой проблемой является оценка взаимодействия природы и общества. В формировании культурно-природных ландшафтов отражаются как конструктивные аспекты взаимодействий человека и природы, так и отрицательные результаты конфликтных ситуаций: природных, событийных, исторических и др. При этом особое внимание должно уделяться тем значимым фактам и событиям в истории и культуре народов, которые существенно повлияли на них или определили их развитие.

Выводы

Таким образом, культурно-природный ландшафт является разновидностью антропогенных ландшафтов, формирование которых произошло под влиянием природы и в результате различных видов антропогенной деятельности. При этом ведущим элементом ландшафта выступает культура, понимаемая как результат и процесс целена-

правленной жизнедеятельности людей, их особый жизненный мир, создаваемый согласно соответствующим ценностям и интересам.

В отличие от понятия культурного ландшафта, которое акцентирует внимание на социальной сущности данного феномена, понятие культурно-природного ландшафта подчеркивает органичное и гармоничное единство природной среды и целенаправленно-преобразующей деятельности человека, существенную взаимосвязь и взаимодействие естественного и человеческого. Это обуславливает необходимость применения к определению и изучению культурно-природных ландшафтов как культурологических, так и природно-географических методов.

Учитывая тот факт, что каждый культурно-природный ландшафт уникален, так как формируется в особых природных условиях и в результате конкретной культурно-преобразующей деятельности, чтобы иметь четкое представление о конкретном культурно-природном комплексе, необходимо рассматривать его по определенным классификационным или типологическим признакам. К ним относятся:

- природные (характер рельефа, растительности, расположения по отношению к водотокам и акваториям, генезис и морфология);
- особенности социально-исторического функционирования (вид хозяйственного воздействия, тип культуры, степень культурных преобразований и жизнеспособности ландшафта);
- тип особой территориальной сохранности и охраны;
- статус принадлежности к объектам культурного наследия ЮНЕСКО.

Важнейшей методологической установкой при характеристике культурно-природного ландшафта должен стать комплексный учет всех его особенностей и признаков – и естественных, и историко-культурных. Только при таком подходе может быть осуществлено полноценное изучение каждого культурно-природного ландшафта как уникального и неповторимого совместного творения рук человеческих и сил природы.

Литература

1. Берг Л. С. География и ее положение в ряду других наук // *Вопр. страноведения*: сб. ст. – М.: Л., 1925. – С. 3–17.
2. Веденин Ю. А., Кулешова М. Е. Культурный ландшафт как категория наследия // *Культурный ландшафт как объект наследия*: сб. ст. / под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. – М.: Ин-т Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – С. 13–36.

3. Европейская конвенция по ландшафтам [Электронный ресурс]. – URL: http://alaros.ru/dokumenty/evropejskaja_landshaftnaja_konvencija.pdf.
4. Исаченко А. Г. Глобальная система ландшафтных макрорегионов // Изв. Рус. геогр. о-ва. – 2007. – Т. 139, вып. 1. – С. 1–18.
5. Исаченко А. Г. О двух трактовках понятия «культурный ландшафт» // Изв. Рус. геогр. о-ва. – 2003. – Т. 135, вып. 1. – С. 5–16.
6. Каганский В. Л. Исследование российского культурного ландшафта как целого и некоторые его результаты // Междунар. журн. исслед. культуры. – 2011. – № 4 (5). – С. 26–40.
7. Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: сб. ст. – М.: Новое лит. обозрение, 2001. – 576 с.
8. Князев Ю. П. Природное и культурно-природное наследие Европы: современное состояние, проблемы и перспективы развития // Вестн. ВГУ. Серия: География. Геоэкология. – 2014. – № 3. – С. 53–59.
9. Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. – М.: Ин-т Наследия; СПб.: Дм. Буланин, 2004. – 620 с.
10. Ливинская О. А. Понятие культурного ландшафта в отечественной географии // Псков. регион. журн. – 2012. – № 14. – С. 120–128.
11. Любичанковский А. В. Географический и культурологический подходы к дифференциации объектов культурного наследия // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. – 2008. – № 6. – С. 17–24.
12. Любичанковский А. В. Проблема понимания культурных ландшафтов в современной отечественной науке // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. – 2007. – № 10. – С. 28–34.
13. Мильков Ф. Н. Человек и ландшафты. Очерки антропогенного ландшафтоведения. – М.: Мысль, 1973. – 224 с.
14. Николаев В. А. Культурный ландшафт – геоэкологическая система // Вестн. МГУ. Сер. 5. География. – 2000. – № 6. – С. 3–8.
15. Николаев В. А. Эстетическое восприятие ландшафта // Вестн. МГУ. Сер. 5. География. – 1999. – № 6. – С. 10–15.
16. Реймерс Н. Ф. Природопользование: словарь-справочник. – М.: Мысль, 1990. – 632 с.
17. Саушкин Ю. Г. Культурный ландшафт // Саушкин Ю. Г. Избр. тр. – Смоленск: Универсум, 2001. – 416 с.
18. Туровский Р. Ф. Культурные ландшафты России. – М.: Ин-т Наследия, 1998. – 210 с.
19. Федоров Р. Ю. Культурный ландшафт региона. Опыт историко-географической реконструкции [Электронный ресурс] // Электрон. б-ка «Путь в Сибирь». – URL: <http://library.ikz.ru/georg-steller/aus-sibirien-2013-2006/Fedorov-R.YU.-KULTURNYI-LANDSHAFT-REGIONA.-OPYT>.
20. Шишкина А. А. Культурный ландшафт: основные концепции // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». – 2011. – № 1(21). – С. 151–157.

References

1. Berg L.S. Geografiya i ee polozhenie v ryadu drugikh nauk [Geography and its position among other sciences]. *Voprosy stranovedeniya: sb. statey [Questions of geography: coll. articles]*. Moscow, Leningrad, 1925, pp. 3-17. (In Russ.).
2. Vedenin Yu.A., Kuleshova M.E. Kul'turnyy landshaft kak kategoriya naslediya [The cultural landscape as a category of Heritage]. *Kul'turnyy landshaft kak ob"ekt naslediya [Cultural Landscape as an object of heritage: coll. articles]*. Ed. Yu.A. Vedenin, M.E. Kuleshova. Moscow, Institut Naslediya Publ.; St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2004, pp. 13-36. (In Russ.).
3. *Evropeyskaya konvenciya po landshaftam [The European Landscape Convention]*. (In Russ.). Available at: http://alaros.ru/dokumenty/evropejskaja_landshaftnaja_konvencija.pdf.
4. Isachenko A.G. Global'naya sistema landshaftnykh makroregionov [Global System Landscape macro-regions]. *Izvestiya Russkogo Geograficheskogo obshchestva [Proceedings of the Russian Geographical Society]*, 2007, vol. 139, iss. 1, pp. 1-18. (In Russ.).
5. Isachenko A.G. O dvukh traktovkakh ponyatiya "kul'turnyy landshaft" [About two interpretations of the concept of "cultural landscape"]. *Izvestiya Russkogo Geograficheskogo obshchestva [Proceedings of the Russian Geographical Society]*, 2003, vol. 135, iss. 1, pp. 5-16. (In Russ.).
6. Kaganskiy V.L. Issledovanie rossiyskogo kul'turnogo landshafta kak tselogo i nekotorye ego rezul'taty [Research of the Russian cultural landscape as a whole and some of its results]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury [International journal of research culture]*, 2011, no. 4 (5), pp. 26-40. (In Russ.).
7. Kaganskiy V.L. *Kul'turnyy landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo: sbornik statey [Cultural Landscape and Soviet habitable space: coll. articles]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2001. 576 p. (In Russ.).

8. Knyazev Yu.P. Prirodnoe i kul'turno-prirodnoe nasledie Evropy: sovremennoe sostoyanie, problemy i perspektivy razvitiya [Natural and cultural and natural heritage of Europe: current state, problems and prospects]. *Vestnik VGU [Vestnik VSU]*. Series of Geography, Geoecology, 2014, no. 3, pp. 53-5. (In Russ.).
9. *Kul'turnyy landschaft kak ob'ekt naslediya [Cultural landscape as an object of heritage]*. Ed. Yu.A. Vedenin, M.E. Kuleshova. Moscow, Institut Naslediya Publ.; St. Petersburg, Dm. Bulanin Publ., 2004. 620 p. (In Russ.).
10. Livinskaya O.A. Ponyatie kul'turnogo landshafta v otechestvennoy geografii [Concept of cultural landscape in the national geography]. *Pskovskiy regionologicheskiy zhurnal [Pskov regionologicheskoy magazine]*, 2012, no. 14, pp. 120-128. (In Russ.).
11. Lyubichankovskiy A.V. Geograficheskiy i kul'turologicheskiy podkhody k differentsiatsii ob'ektov kul'turnogo naslediya [Geographical and cultural approaches to the differentiation of cultural heritage]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Orenburg State University]*, 2008, no. 6, pp. 17-24. (In Russ.).
12. Lyubichankovskiy A.V. Problema ponimaniya kul'turnykh landshaftov v sovremennoy otechestvennoy nauke [The problem of understanding of cultural landscapes in the modern domestic science]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Orenburg State University]*, 2007, no. 10, pp. 28-34. (In Russ.).
13. Mil'kov F.N. *Chelovek i landshafty. Ocherki antropogennogo landshaftovedeniya [Man and landscapes. Essays anthropogenic landscape science]*. Moscow, Mysl' Publ., 1973. 224 p. (In Russ.).
14. Nikolaev V.A. Kul'turnyy landschaft – geoekologicheskaya sistema [Cultural Landscape - geoecological system]. *Vestnik MGU [Bulletin MGU]*. Series 5. Geography, 2000, no. 6, pp. 3-8. (In Russ.).
15. Nikolaev V.A. Esteticheskoe vospriyatie landshafta [Esthetic perception of the landscape]. *Vestnik MGU [Bulletin MGU]*. Series 5. Geography, 1999, no. 6, pp. 10-15. (In Russ.).
16. Reymers N.F. *Prirodopol'zovanie: slovar'-spravochnik [Nature: dictionary-reference book]*. Moscow, Mysl' Publ., 1990. 632 p. (In Russ.).
17. Saushkin Yu.G. Kul'turnyy landschaft [Cultural Landscape]. *Izbrannyye trudy [Selected Works]*. Smolensk, Universum Publ., 2001. 416 p. (In Russ.).
18. Turovskiy R.F. *Kul'turnyye landshafty Rossii [Russia's cultural landscape]*. Moscow, Institut Naslediya Publ., 1998. 210 p. (In Russ.).
19. Fedorov R.Yu. Kul'turnyy landschaft regiona. Opyt istoriko-geograficheskoy rekonstruktsii [Cultural Landscape region. Experience the historical and geographical reconstruction]. *Elektronnaya biblioteka "Put' v Sibir'" [Digital Library "Way to Siberia"]*. Available at: <http://library.ikz.ru/georg-steller/aus-sibirien-2013-2006/> Fedorov-R.YU.-KULTURNYI-LANDSHAFT-REGIONA. -OPYT. (In Russ.).
20. Shishkina A.A. Kul'turnyy landschaft: osnovnye kontseptsii [Cultural Landscape: basic concepts]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky]*. "Social Science" series, 2011, no. 1(21), pp. 151-157. (In Russ.).

УДК 008.009:3

КУЛЬТУРА КАК ПОЛИТИКА. КРИТИКА СПОСОБНОСТИ СУЖДЕНИЯ

Гертнер Светлана Леонидовна, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и международного культурного сотрудничества, Московский государственный институт культуры (г. Москва, РФ). E-mail: gertnerlana@gmail.com

Китов Юрий Викторович, доктор философских наук, профессор, ассистент-исследователь Университета Висконсин-Милуоки (Милуоки, США). E-mail: ykitov@gmail.com

Предметом исследования данной статьи выступают современные попытки политизации культуры от случаев, когда политика облекается в культурные формы, до замены сущностных элементов культуры элементами политики. В критические моменты межгосударственной напряженности политизация культуры усиливается как со стороны лиц, принимающих решения в области культуры, так и в виде дозированного предоставления информации. Изучение проблемы осуществляется на основе принципа единства логического и исторического, абстрактного и конкретного. Новизна исследования состоит в выявлении специфики современного взаимодействия политики и культуры, когда традиционное влия-

ние одной области деятельности на другую трансформируется в попытки замены системообразующих компонентов друг друга. Такого рода процессы характеризуют российско-американские отношения, установившиеся после украинских событий, поэтому в качестве временного отрезка изучения избирается 2014 год. Суждения политиков по обе стороны океана о культуре видоизменяются от суждений, базирующихся на сущности культуры до суждений, диктуемых политической целесообразностью. Что выражается, например, в потере такими формами взаимодействия субъектов, как диалог и такими способами отношений между субъектами, как толерантность закреплённого за ними изначально культурного содержания. Культурный потенциал диалога и толерантности как форм сближения позиций утрачивается и может быть заменён на противостояние. Политизация мышления деятелей культуры в обеих странах становится тенденциозной и находит выражение в воинственной риторике (Россия) и в создании художественных образов, наполненных сарказмом (США). Другой стороной новизны работы является введение в научный оборот материала, предоставляемого поисковой системой американского исследовательского университета в изучении проблемы культуры как политики через запросы «российско-американские отношения», «антиамериканизм», «руссофобия». Руссофобия и антиамериканизм являются формами суждений, негативный характер которых возникает под воздействием предвзятых культурных установок. Избирательность и тенденциозность предоставления информации, стремление к игнорированию специфики культуры как диалога, толерантности, сужение объема понимания культуры в единстве универсального и релятивного, по мнению авторов, являются платой за суждение о культуре как политике.

Ключевые слова: культура как политика, единство логического и исторического при анализе культуры, современное состояние российско-американских отношений в единстве культурного и политического, антиамериканизм, руссофобия, диалог культур, толерантность.

CULTURE AS POLITICS. THE CRITIQUE OF JUDGEMENT

Gertner Svetlana Leonidovna, Dr of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Culturology and International Cultural Communications at Moscow State University of Culture (Moscow, Russian Federation). E-mail: gertnerlana@gmail.com

Kitov Yuriy Viktorovich, Dr of Philosophical Sciences, Research Assistant at the University of Wisconsin-Milwaukee (Milwaukee, USA). E-mail: ykitov@gmail.com

The subject of the research deals with contemporary attempts at politicization of culture from instances where politics take on a cultural appearance, to the replacement of essential cultural elements with the elements of politics. In critical moments of inter-governmental tensions politicization of culture increases. This can be seen in the change of decision-making processes concerning culture up to the dosing of information intended for public use. In engaging their subject authors are utilizing principles of unity of logical and historical analysis, as well as unity of abstract and concrete knowledge. Novelty of the research consists in exposing specifics of contemporary interrelations between culture and politics that leads to the evisceration of cultural essence from dialog and tolerance that traditionally have been considered as belonging solely to the cultural domain. Such processes started to characterize U.S - Russian relations that settled up as a result of the Ukrainian crisis, which sets 2014 as a point of departure for a historical part of the research. It is noted that since 2014 judgments expressed by politicians on both sides of the Ocean became more tendentious and determined by political expedience. This leads to a loss by dialog and tolerance of a typically mitigating meaning that was traditionally assigned to them by culture. Thus cultural potential of dialog and tolerance is waning. Politicization of thinking by cultural figures represents itself in the militarization of rhetoric (Russia) or production of sarcastic images of the opponent (U.S.). Another realm of the research novelty represent itself through the introduction into scientific circulation of the information associated with U.S. - Russia relations, anti-Americanism and Russophobia that are readily available to the users of library information system at

the American research university. Russophobia as well as anti-Americanism are the forms of judgment, negative character of which stems from prejudicial psychological settings. Selectivity and bias in information dosage, tendency at ignoring cultural essence of dialog and tolerance, narrowing of understanding culture through the unity of universal and relative is the price for judging about culture as politics.

Keywords: culture as politics, the unity of logical and historical in cultural analysis, contemporary U.S. - Russian relations through cultural and political dimensions, anti-Americanism, Russophobia, cultural dialog, tolerance.

Сразу же хотелось бы отметить, что авторы не претендуют на политический взгляд на проблему, полностью предпочитая держаться в рамках культурологического подхода. Если какие-то из аспектов статьи и затрагивают политические вопросы, то только лишь для того, чтобы они были подвергнуты культурологическому истолкованию. Поскольку культурология, несмотря на постоянно ее преследующие организационные изменения, в основном внешнего по отношению к ней происхождения, является все же наиболее удачным на сегодняшний день соединением различных подходов к изучению культуры, среди которых есть место и философскому, то требование изучения явления в единстве логического и исторического вызывает необходимость не только определения объекта анализа, но и его существования во времени.

С нашей точки зрения, 2014 год является тем историческим рубежом, когда взаимоотношения России и Запада существенным образом изменяют логику толерантности и диалога, подчиняя их культурную составляющую политической. Неприятие политики, осуществляемой Россией и Западом, ведет к поиску несоответствий в области культуры, превращая вчерашние различия в сегодняшние антагонизмы. При этом каждая из сторон пытается обосновывать собственную логику эскалации действиями другого. Культура, являясь ранее страховкой от скатывания в противостояние, становится сегодня его обоснованием. Культурный диалог как, казалось бы, непрерываемое открытие единства человечества уступает место монологу и онтологизирует различия. Субъекты, несущие ответственность за политику, испытывают раздражение, когда их решения не находят поддержки у субъектов, отвечающих за культуру. При этом российские министры, которые сегодня могут озвучить касающиеся геополитики тексты друг друга почти без изменений и оказываются едиными во мнении, в 2014 году выводили свои функции не столько из политики,

сколько из отрасли, которую они были призваны курировать и развивать. Так, министр культуры на вопрос о границах отказывался брать на себя ответственность за их определение, выводил содержание своих действий из содержания культуры, подчеркивая, что культура не имеет границ [3]. А министр образования, будучи физиком по профессии, проявил себя как культуролог в вопросе о том, что компетентность не определяется национальностью, и высказывался в поддержку уволенного после информационной программы американца, занимающего проректорский пост в российском университете [2]. Однако последующие события – западные и ответные российские санкции, проблемы с большой восьмеркой, прекращение деятельности Совета Россия-НАТО и другие политические проблемы – свели культурную составляющую межнационального взаимодействия к минимуму. Итак, напряженность и даже противостояние России и Запада возникло в результате качественно изменившихся политических отношений, однако, какие качественные изменения, с 2014 года произошедшие, например, в российской и американской культурах, могли спровоцировать межкультурную напряженность? Действия Америки в области либерализации браков, призыве на военную службу приверженцев однополых отношений и празднование Хэллоуина – никоим образом, до включения Крыма в состав РФ и возникновения ДНР и ЛНР, не влияли на российско-американские отношения. В свою очередь российское православие не выступало в качестве непреодолимой грани в выработке политических решений между Москвой и Вашингтоном. Именно политика стала той «черной дырой», которая с астрономической силой стала втягивать в себя области общественной жизни, до этого ею не детерминированные, культуру в том числе. Трудно определить первые атомы культуры, не выдержавшие гравитации со стороны политики и потому утратившие свою качественную самостоятельность, будучи поглощенными ею. Однако

о происходящих изменениях в системе можно судить по тому, как ведут себя системообразующие элементы, к каковым, безусловно, можно отнести публичных лидеров. При этом, фиксируя культурные сдвиги, не следует поддаваться упрощениям и принимать в качестве таковых околокультурные явления, например, высказывания политиков о культуре, но фиксировать события, когда лидеры культуры вовлекаются в политику. Следует отметить, что российская сторона сегодняшнего культурного противостояния с США довольно долго вовлекалась в это противостояние, то ли по причине извечной российской медлительности, то ли по причине большей устойчивости элементов российской культуры к гравитационным процессам в политике. Когда американские лидеры уже широко обосновывали вовлечение России в украинские события наличием советской воинственной ментальности в российской культуре, российские лидеры прибегали к фигуре умолчания в отношениях со своими партнерами.

Наиболее видимо данная фигура проявилась в интервью российского министра образования Ливанова американской передаче Лари Кинга, транслируемой через канал Russia Today [2]. Российский министр, используя английский как культурный медиум при ответах на множество вопросов, вдруг кричаще замолчал при вопросе о том, что стало причиной ухудшения российско-американских отношений, отказываясь называть присоединение Крыма, образование ДНР и ЛНР и, даже, проект «Новороссия», предпочитая оставаться внутри культуры своей профессии, не давая себе быть вовлеченным в политику. Причину молчания сложно обосновать индивидуальными чертами характера министра, например, тактичностью. Оговорки по Фрейду, появившиеся на полосах российских газет, тому свидетельство [5]. Министерское молчание скорее имеет отношение к российскому образованию как части российской культуры, где, несмотря на его постоянную критику, профессиональность преобладает над политической. Вот где действительно содержится советское влияние, которое следовало бы серьезно изучать тем, кто склонен закреплять за советским прошлым российского образования только негативные значения. Можно ли утверждать, что во время Советского Союза образование не было подвержено воздействию со стороны политики? Или, например, что политическое влияние на рос-

сийское образование периода СССР было меньшим нежели то, с которым ему приходится сталкиваться со времени российской независимости? Вопросы оказываются риторическими, однако очевидность ответа на них предполагает и другую очевидность. Ту, что, несмотря на доминирование коммунистической идеологии и политического влияния КПСС, российское образование развивалось по своим внутренним законам как культурная реальность. И эту реальность либо не стремилась, либо не смогла разрушить КПСС. И это даже если абстрагироваться от мнения о том, что благодаря Советскому Союзу и Коммунистической партии российское образование, может быть, и смогло стать одним из самых состоятельных в мире. Деятельность нынешнего Министерства образования, безусловно, несвободна от критики по ряду обстоятельств. Например, по обстоятельству того, как Минобр оценивает советский этап в развитии образования и считает ли сокращение сети вузов – реформой. Или склонность Минобра использовать зарубежный опыт проявляется не столько в наполнении содержания образования, где это оказывается необходимым, сколько в возведении его в абсолют как оценочного критерия. Вместе с тем, с уверенностью можно отметить, что одно из советских качеств, которое до сих пор присутствует в российском образовании, – это ориентация на профессионализм. И эту ориентацию смог усвоить и продемонстрировать министр, хотя, возможно, и на бессознательном уровне. Профессиональная культура в сознании министра взяла верх над политической тенденциозностью, выразившись в том, что министр охарактеризовал профессиональные контакты с американскими университетами как витальные и то, что прием на работу в российские вузы лучших американских ученых и преподавателей не только не подрывает российское образование, но и способствует его развитию [2]. Примечательно, что после этого Лари Кинг не смог удержаться и заявил, что он любит Россию. Интересно высказался ли бы также известный американский журналист, если бы Ливанов провозгласил бы что-то в духе того, что только русские могут работать в российских вузах. Ведь говорят же политики: «Россия для русских», «Украина для украинцев», «Грузия для грузин». И если проект «Россия для русских» так и не был осуществлен, то «Грузия для грузин» времен Гамсахурдия – получил реали-

зацию в виде абхазской и осетинской кампаний и никак не смог оправдать заложенную в нем программу именно по причине того, что ее этнический характер не достигал до национально-культурного. Возвращаясь к Ливанову, можно сказать, что в качестве министра он, по-видимому, и не лучший, но в то же время обладающий культурой своей профессии.

Другим и откровенно неожиданным примером того, как уже экономическая культура неохотно втягивалась в лоно политики после 2014 года, явилась публикация на довольно известном и откровенно прозападном англоязычном аналитически-информационном сайте *Kyiv Post* экс-президента американской торгово-экономической палаты на Украине Бернарда Кейси. В марте 2015 года, уже не будучи президентом палаты, американец делился своим удивлением в отношении того, как сложившаяся культура экономики откровенно игнорировалась и политизировалась новой украинской властью: «Мои предостережения не замечались и украинские экономические и торговые отношения со своим наибольшим инвестором и торговым партнером Россией ухудшались; субсидии на газ и дешевые кредиты обменивались на рыночную цену и обещания кредитов МВФ с социально разрушительными последствиями; деиндустриализация проявлялась в существенном снижении валового внутреннего продукта, корпоративной прибыли и налогов, собираемых государством; преобразование в сырьевой придаток Запада не компенсировало экономические потери от деиндустриализации; рушился даже такой оплот экономического сектора, как сельское хозяйство» [15]. Американского президента торгово-промышленной палаты на Украине сложно заподозрить в любви к России и уж тем более к российской политике 2015 года, однако его невозможно упрекнуть и в непрофессионализме, отсутствии экономической культуры. Представлять американские бизнес-интересы на Украине вряд ли бы был направлен дилетант. Его реакция на происходящие изменения на Украине диктовалась интересами профессии, а не политическими интересами. Там, где политика вторгалась в сферу его профессии, деформируя экономическое сознание и поведение, то есть разрушая экономическую культуру и выстраивая границы для реализации экономических интересов, она оказывалась неприемлемой. Интересно, что

в отношении следования культуре своей профессии между американским президентом торгово-промышленной палаты и российским министром культуры нет больших различий. Оба считают, что как для развития экономики, так и для развития культуры установливание границ оказывается неприемлемым. Единственная граница для обоих – культурная граница профессии, защита которой является безусловным требованием, спасающим дело, которым они занимаются, от разрушения.

Конечно, культура и политика взаимосвязаны и как области деятельности, и как сферы общественного сознания. Однако когда одна из них пытается заменить собой другую, подменяя системообразующие элементы своими, результат оказывается не только противоречивым, но и противоположным. Культура всегда шире политики, в особенности, если под культурой понимается не только отрасль, охватывающая учреждения и организации культуры, но и качество, характеризующее целостность и высшие уровни развития сознания и деятельности. Именно в этом смысле следует говорить, например, о культуре политики, то есть о политике в ее высшем структурно-функциональном качестве. Ведь драка как борьба за власть, например, в условиях тюремной камеры – тоже может характеризоваться в терминах политики, однако распространение такой политики на всю страну может превратить ее в тюремную камеру. К сожалению, после 2014 политический мейнстрим США как раз и пытается представить своим гражданам Россию в виде такой камеры, подменяя развитие, основанные на реальности элементы культуры политики, на флюидные, основанные на конструируемой реальности, а если проще – на выдумке. Вместе с тем заложником такой системы становятся те, кто ее сам и создает: сегодня претендентом от консервативной партии на президентский пост в Америке является человек, который смог построить избирательную кампанию без политической программы – просто на выдумке. Политическая программа Дональда Трампа не имеет качеств, которые обычно предъявляются к политическим программам со стороны цели, задач, предполагаемых ресурсов, способов и сроков достижения результатов, поэтому и не может быть охарактеризована в терминах культуры. Ни в каких других терминах, кроме вы-

думки, не представляется возможным охарактеризовать слова Трампа о том, что все мексиканцы являются сексуальными насильниками или что он реализует свои обещания не пустить в Америку ни одного мусульманина. Даже его обещание выслать всех нелегальных иммигрантов из страны, судя по требуемым для этого затратам, американскими экономистами характеризуются не иначе как фантазия. Уже введение в расчеты элементов экономической культуры позволяет утверждать, что урон внутреннему валовому продукту Америки, в случае реализации обещания Трампа, составит 1,6 триллионов долларов, снизит развитие экономики на 5,7 %. И это самые консервативные расчеты. Так, аналитик Рассел Берман, ссылаясь на исследователей, явно обладающих экономической культурой Лауру Коллинз и Бэна Гитиса, говорит о том, что эти расчеты «не включают в себя, например, стоимость строительства новых зданий для судов, тюрем и других зданий, которые, возможно, понадобятся для того, чтобы рассматривать дела и содержать миллионы иммигрантов» [11, с. 2].

Вместе с тем выдумка возникает и тогда, когда картина политической реальности создается в результате замены реальных элементов политики идеальными элементами культуры или, если по-другому, в результате культурного идеализма. И если оказывается, например, привычным, что идеализацией американской политики занимается госдеп (так принято именовать в России Department of State), то когда это делают российские ученые – становится интересным, особенно со стороны того, какого рода научная аргументация при этом привлекается. Примечательной в этой связи является книга Вероники Крашенинниковой «Америка-Россия: холодная война культур» [1], к достоинствам которой следует отнести то обстоятельство, что российский ученый, в отличие от коллег из СМИ, не набрасывается на своих оппонентов, как это принято в условиях современной политической тенденциозности, а утверждает, что «культурно-политические ценности устанавливают и описывают генотип нации – наследственную конституцию ее организма» [1, с. 11]. Однако последующие аргументы, привлекаемые для объяснения различия России от Америки, оказываются, на наш взгляд, недостаточными ни в логическом, ни в историческом

плане. В частности, после сообщения о том, что американское общество обязано своей стержневой идеей Джону Локку о равенстве всех перед Богом, автор утверждает: «...если Америка, заложив в фундамент государства духовную идею, тем самым подключилась к неисчерпаемому источнику человеческой энергии, мотивации и легитимности, Россия, несмотря на свою давнюю духовную традицию, в 1917 году отвергла этот источник и заменила его коммунизмом, в который требовалось верить вполне религиозным образом» [1, с. 11]. Если идеей Локка Крашенинникова пытается обосновать культурно-политические ценности Америки, то ей придется объясняться уже не только с антиамериканским сегментом российских СМИ, но и, по крайней мере, с двумя-тремя этническими группами северо-американских индейцев, история которых не смогла достаточным образом ощутить величие локковской идеи. Логический анализ современной политики Америки с точки зрения представленности в ней «духовной идеи», позволяющей США подключаться «к неисчерпаемому источнику человеческой энергии», если, конечно, последнюю не понимать буквально как энергоресурсы (нефть, газ и т. д.), также не выдерживает критики. Здесь за разъяснением можно обратиться не только к России, но и к странам Ближнего Востока, с которыми у Америки сегодня более позитивные отношения. И здесь не вина автора книги, а беда избранного ею подхода, который не выдерживает верификацию реальностью. Ведь если перевести то, что говорит Крашенинникова о важности духовной идеи для политики на более простой язык, а такую возможность автор предлагает сама, когда говорит о том, что «устойчивость идеалов, убеждений и привычек описана как научными, так и *народными выражениями*» (курсив наш. – Ю.К. и С.Г.) [1, с. 11], то получается очень близко к народному тексту о хороших намерениях, которыми выслана дорога в сторону, противоположную от рая. Поэтому не только Крашенинникову, но и любого другого исследователя ожидают непреодолимые трудности, когда будет попытка заменять системообразующие элементы политики на системообразующие элементы культуры. Несмотря на связь между культурой и политикой – все-таки это две самостоятельные области деятельности. И к ним должны быть применены критерии

практики, или, в деятельностной терминологии, результата деятельности, который только и позволяет судить о ценностях реализованных, а не постулируемых, выдуманных.

Книга Крашенинниковой издана в 2007 году и, безусловно, ученый смогла найти богатый материал не только для подтверждения, но и критики собственной позиции после 2014 года. Вместе с тем один из тезисов Крашенинниковой, высказанный ею в 2007 году о том, что если «российским умом понять Россию сложно, то американским это сделать еще сложнее» [1, с.1], и ее характеристика «американского ума» как состоящего из «существенно отличающегося от российского набора ценностей, наполненных, к тому же, уникальным содержанием» [1, с. 1], на наш взгляд, не теряет свой актуальности и после 2014 года. В рамках этого тезиса постараемся взглянуть на то, что произошло с американским умом в 2015 и 2016 году по отношению к представлению в нем о России. Однако в качестве областей проявления этого ума мы определим те, которые, в рамках и американского, и российского ума относятся к области культуры. При этом будем придерживаться понимания культуры и как отрасли, и как качества деятельности, то есть деятельности, которая имеет сложившуюся, устойчивую структуру, а также цели и средства которой могут быть изучены в терминах культурологии. Данное выше понимание культуры задает логику вычленения предмета, которая включает необходимое и достаточное основание. Достаточным основанием выступает то, чтобы изучаемый предмет принадлежал не российскому, а американскому уму; необходимым – чтобы его качественные, культурные, характеристики были бы не случайными. Иными словами, анализируя явления культуры, позволяющие современному американцу формировать представление о России, мы должны быть уверены, что ни явление, ни американец – не случайные элементы американской культуры, а устойчивые и необходимые. Соответственно не каждый американец и не каждое явление культуры будут интересовать нас в качестве соединения в предмете, а только образованный и взаимодействующий с явлениями, безусловно относящимися к культуре.

Несложно увидеть, что сфера образования отвечает вышеназванным критериям. Образование выступает необходимым условием критерия предмета не только потому, что оно входит

в сферу культуры, но и потому, что необразованный американец 2015, а тем более 2016 года не является критически мыслящим, когда вопрос касается России. Так, даже на часть образованных американцев, поддерживающих на праймериз республиканца Дональда Трампа, его противоречивые высказывания о России не оказали критического влияния, о чем свидетельствует то обстоятельство, что число его электората никак не изменилось после его высказываний. Иными словами, никто не перестал поддерживать Трампа после его поочередного провозглашения дружбы и вражды с Россией. Мы имеем в виду интервью Дональда Трампа с Биллом Орайли, где кандидат в президенты Америки, отвечая на вопрос связанный с Россией, хорошо характеризует Путина и заверяет, что установит со страной и ее лидером хорошие отношения [45]. И заявление Трампа о том, что американские моряки должны сбивать российские самолеты, сопровождающие корабли США, если Кремль не ответит самолеты обратно [42].

Образование как часть американской культуры для нас выступило важным еще и потому, что оно, в отличие от Интернета (где можно, при желании, найти информацию, прямо противоположную по одному и тому же вопросу), дает систематическое представление о предмете, согласно действующим в стране культурным ценностям. В качестве источника получения информации о России мы выбрали полнотекстовую базу данных университета Висконсин-Милуоки – одного из исследовательских университетов США, что по определению отбрасывает сомнения в некачественности или несистематичности информации. Университет является не частным, а публичным учебным заведением. Следовательно, любой житель штата имеет право воспользоваться библиотекой университета для составления, в нашем случае, представления о России. Мы решили, что для составления представления о наполнении «американского ума» информацией о России важным окажется шкала от нейтральной до критической. При этом мы сочли необходимым введение критерия актуальности информации, то есть активно употребляющейся в печати двух стран терминологии для характеристики современного состояния российско-американских отношений. В итоге мы пришли к выводу о том, что информационные запросы «U. S.-Russia rela-

tions» (американо-российские отношения) «anti-Americanism and Russia» (антиамериканизм и Россия), «Russophobia» (русофобия) будут адекватно отвечать и предмету, и выдвинутым нами критериям.

Следует отметить, что нас интересовали только полнотекстовые базы данных с 2015 по 2016 год, для того чтобы получаемая информация была не усеченной и актуальной одновременно.

Возврат по запросу об американо-российских отношениях составил 1,860 источников. Среди них оказались доступными 11 книг, 11 диссертаций и 137 статей. Несмотря на энтропию, сопровождающую любую, казалось бы, максимально точный запрос, ряд источников имел весьма отдаленное отношение к теме. Среди релевантных источников основными темами в российско-американских отношениях выступили: конфликт на Украине; конфликт в Сирии; Россия, Америка и исламский мир; баллистические ракеты и противоракетная оборона; энергетический диалог и энергетическая безопасность, санкции и холодная война. Как видим, темы вполне отражают специфику российско-американских отношений и изменения, произошедшие в них после 2014 года, что позволяет предположить, что интересующиеся проблемой американцы имеют хорошие возможности для реализации своего интереса. Специфическим явлением, на наш взгляд, явилось то, что по сравнению с периодом до 2014 года термин «холодная война» стал употребляться не только в историческом плане, но и для характеристики современных отношений. Вместе с тем словосочетание «холодная война» не содержалось ни в одном из названий книг, а среди диссертаций «холодная война» была представлена двумя работами: Иса Абу «Трагедия МН 17: компаративный анализ медиавысказываний авиационных бедствий периода холодной войны и послевоенного периода» [28] и Ван-Джелгерхуса «Возрождение имиджей холодной войны в западной популярной культуре» [44]. Среди статей две были на китайском, две на русском, две на польском и одна на болгарском языках. То, что статьи на русском языке оказываются доступными американским пользователям университетской библиотеки, — явление, несомненно, положительное, однако то обстоятельство, что их количество является равным количеству статей на китайском и польском языках, — вызывает озабоченность,

поскольку речь идет о российско-американских, а не американо-китайских или американо-польских отношениях. Тематическая концентрация статей оказалась сходной с книгами и диссертациями, однако имела свою специфику. Например, термин «холодная война» встречался значительно чаще в названиях статей, а сами названия тяготели к броскости и привлечению интереса посредством алармизма, задействованию специфических для американской культуры фразеологических оборотов, использованию нейтральных русских аббревиатур, наделяемых в английском негативным смыслом. Примером алармизма были названия «Россия продолжает побеждать» (Russia Keeps Winning») [18], «Не забывайте Украину» (Don't Forget About Ukraine) [34], «Не отворачивайтесь от НАТО» (Don't Pivot Away From NATO) [21], «Крушение европейской мечты о порядке: как Путин подрывает Атлантический Альянс» (Europe's Shattered Dream of Order: How Putin Is Disrupting the Atlantic Alliance) [30], «Холодная война, но не твоего отца» (Not Your Father's Cold War) [27]. Привлечение внимания путем английской фразеологии было в названиях: «Что-то, но недостаточно» (Something, But Not Enough) [49], «Море проблем» (See of Troubles) [12], «Эми, уходи домой» (Ami Go Home) [6], «От Восточного политика до "замерзшего" политика?» (From Ostpolitik to 'frostpolitik'?) [23]. Среди приведенных выше названий, по нашему мнению, для российского читателя может вызвать затруднение в понимании только Something, But Not Enough. Дело в том, что оно является перефразированием английского фразеологического оборота Something better than nothing (Лучше что-то, чем ничего). Отсюда автор статьи, которая касается перспектив возможного американского сотрудничества с Россией, посредством задействования смысла фразеологического оборота говорит читателю, что даже то, что предпринимается Америкой (в данном случае секретарем Керри) оказывается явно недостаточным для улучшения отношений.

Статьи, в названиях которых используются русские аббревиатуры, — в основном критического по отношению к России содержания. Так, автор статьи «Некоторые БРИКС в Арктике» (Some BRICS in the Arctic) [48], посвященной современному усилению российского влияния в Арктике, показывает свою тенденциозность путем фонетической ассоциации названия организации

БРИКС с английским словом bricks – “кирпичи”. Естественно выражение «Некоторые кирпичи в Арктике» вызывает у англоязычного читателя негативный оттенок.

Из всех названий статей только одно содержит коннотацию с непосредственным элементом англо-американской культуры – литературным произведением Джона Ла Каррэ «Шпион, который вернулся из холода» (*The Spy Who Came in from the Cold*). Роман, по которому Мартином Рифом сделан одноименный фильм, получивший Оскара, посвящен периоду холодной войны. Действие романа происходит в Восточной Германии, где английская разведка пытается защитить одного из своих информантов путем сложной комбинации действий не подозревающих о своей роли участников событий. Достигнутый успех английской разведки имеет неожиданный второй план – смерть агента и его подруги, которые в своих действиях руководствуются критериями общечеловеческой нравственности. Отсюда культурно-нравственный пафос романа – осуждение холодной войны как безнравственного начала и барьера в нравственных человеческих отношениях. Берлинская стена выступает не стеной между Западом и Востоком, а символом безнравственности, содержащейся по обе стороны. Герои романа гибнут, ставя проблему прекращения холодной войны. Поэтому, когда автор одной из статей о современном состоянии российско-американских отношений, Хокинг Бри прибегает к названию «Шпион, который вернул холодную войну» (*The Spy Who Brought Back the Cold War*) [26], негативной ассоциации с романом невозможно не заметить. Автор статьи сообщает о возобновлении в Англии уголовного дела, связанного со смертью Литвиненко, обращая внимание на то, что дело в свое время было остановлено, так как, по мнению министра Внутренних дел Великобритании Терезы Мэй, могло оказать негативное влияние на международные отношения. Автор статьи приходит к выводу, что отношения между Россией и Западом настолько испорчены, что возобновление дела – просто логическое продолжение противостояния, а, значит, и возвращения холодной войны. В ходе повествования Хокинг прямо пишет: «История расследования оказывается достоянием романа Джона Ла Каррэ» [26].

Если культурная составляющая в российско-американских отношениях после 2014 года пред-

стает как историческое возобновление цивилизационного противостояния России и Америки со скатыванием в ситуацию холодной войны, то «антиамериканизм» и «русофобия» выступают как крайние полюса данного противостояния, проецированные в сферу культуры. Несмотря на то, что и антиамериканизм, и русофобия в состоянии оказывать влияние на человеческое поведение и деятельность, применение к ним культуры в виде качественной характеристики деятельности, на наш взгляд, было бы неверным. Культура, как характеристика деятельности, охватывает ее высшие уровни, то есть присутствует в любом из видов деятельности, который достигает целостности, устойчивости, универсальности. Поскольку деятельностью обладают только люди, то высшие ее уровни, к какой бы сфере жизни человека они не принадлежали, в виде конечного продукта должны предусматривать человека и служить ему. Другими словами, должны включать в себя человеческое измерение своего результата. Это качество деятельности даже абсолютизировалось некоторыми учеными, которые с ним связывали культурную деятельность как таковую (Л. Коган). Некоторые характеризовали высшие уровни деятельности в терминах творчества и отличали культуру от некультуры в связи с тем, что культурой называли творческую деятельность (А. Арнольдов). Несмотря на логическую стройность данных пониманий их историческая сторона не всегда выдерживает критики. Так, хорошо известный факт обращения Эйнштейна к немецким физикам, приблизившимся во время Второй мировой войны к открытию деления атома, не укладывается в вышеприведенную логику понимания деятельности. С точки зрения достижения результата – физики, расщепив атом, казалось бы, двигались в сторону целостности и устойчивости деятельности. Однако ее результаты попали бы в руки к нацистам, что означало бы игнорирование универсальной ценности деятельности. Поэтому даже профессионально совершенный результат деятельности не всегда в состоянии обеспечить ей универсальный нравственный характер, а, значит, такая деятельность не может характеризоваться в терминах культуры. Совершенно очевидно, что ни русофобия, ни антиамериканизм в качестве характеристики результата деятельности, то есть достижения цели, ради которой деятельность осуществляется, не могут рассматриваться в тер-

минах культуры. Иными словами, деятельность, целью которой является достижение русофобии или антиамериканизма, не является культурной деятельностью, так как не отвечает критерию универсальности, то есть важности для всех людей. Уже совершенно понятно, что ни русским русофобия, ни американцам антиамериканизм понравиться не могут. Вполне возможно, что есть и другие нации, которые также могут отнестись к данным явлениям с чувством неприятия. В таком своем значении и русофобия, и антиамериканизм будут равны атомному оружию в руках нацистов (которые, как известно, тоже были «анти» – анти-семитами), так как предполагают неприятие друг друга двумя народами, обладающими ядерным оружием. Однако абстрактно-логическое обоснование культурной бессмысленности русофобии и антиамериканизма, к сожалению, не отменяет их конкретного существования. Это обстоятельство и побудило нас рассматривать данные явления в качестве критических точек расхождения российско-американских отношений и через информационный запрос увидеть, какое представление о них оказывается доступным «американскому уму» в информационно-поисковой системе библиотеки исследовательского университета.

Следует отметить, что библиотека является пусть и важным, но все же депозитарием информации и каналом доступа к ней. Перевод же информации в знание – процесс более сложный, в котором университетская библиотека выступает в ряду других, не менее важных субъектов, например, наряду с профессором. Однако, поскольку профессор в преподавании опирается, в первую очередь, на свою библиотеку, она оказывается важнейшим медиумом на пути движения к знанию.

Запрос «anti-Americanism vs. Russophobia» предложил всего два источника, и оба они не относились к обозначенным нами временным критериям. Поэтому мы были вынуждены рассматривать эти явления поочередно, вне связи друг с другом в одном запросе. Тем, кто захочет ознакомиться с литературой по данной проблеме в UWM в период с 2015 по 2016 года, имеется возможность получить следующие данные: антиамериканизм – 52 источника, русофобия – 16.

Антиамериканизм представлен как региональное явления (антиамериканские сантименты в различных странах мира) [8; 22; 32; 35; 46],

внутриамериканская проблема [43] и, как это мы предполагали *a priori*, **качество, которым американцы наделяют российское общественное сознание** [7; 10; 24; 38; 39; 40; 47].

В целом соглашаясь с причинами, в связи с которыми Америка заслуживает критики, следует отметить, что антиамериканизм – явление в культурном отношении отрицательное, так как оно выступает в качестве предрассудка, то есть неприятие американских ценностей не как результат, а как условие мышления. В этом смысле антиамериканизм не отличается от других предрассудков и фобий.

Региональный антиамериканизм как культурное явление выступает как результат неприятия американского влияния в регионе. Несмотря на природу этого влияния (политическое, военное, экономическое или их комбинация) и специфику региона его осуществления, антиамериканизм как культурное явление выступает как неприятие американских ценностей и образа жизни. Так, южнокорейский антиамериканизм видит в американских ценностях причину препятствия объединения с Северной Кореей, японский – причину атомной бомбардировки. Особенно часто встречающимся явлением выступает ближневосточный антиамериканизм, который к политическим, военным, экономическим различиям добавляет религиозные.

К традиционным причинам антиамериканизма, которые были доступны «американскому уму» до 2014 года, таким как советское прошлое, борьба систем, НАТО, в 2015/16, как и следовало ожидать, выступили украинские события [10; 37]. Общим знаменателем по российскому антиамериканизму является тот, что, несмотря на новые публикации и расширение тематики, желающий ознакомиться с публикациями по проблеме не найдет существенных отличий от тех, которыми проамериканские аналитики наделяли российский антиамериканизм ранее.

Интересным явлением, на наш взгляд, является внимание американцев к американскому антиамериканизму. Всякая попытка разобраться в причинах, по которым граждане страны испытывают негативные чувства по отношению к ней, – заслуживает внимания и одобрения, не говоря уже о том, что в состоянии не только поставить, но и снять проблему. Среди нескольких причин ненависти к стране нас заинтересовали

не те, которые могли бы пересекаться, например, с действующими за пределами Америки – в других регионах. К ним относится, например, религиозный радикально-исламский антиамериканизм, который, к сожалению, приводит к гибели невинных граждан, особенно со времени включения США в борьбу против Исламского государства. Наше внимание привлекла постановка проблемы белого расизма как антиамериканизма [43]. Однако, несмотря на, казалось бы, многообразную рефлексию по проблеме, сама она не получает нового обоснования и, тем более, предложения ее возможного устранения. В такой своей форме – исключительно постановочной и дескриптивной – книга проигрывает работам Макса Вебера, где, на наш взгляд, получает более выраженное культурно-философское осмысление, по сравнению с пусть и эмоционально-зараженным, но индивидуально-личностным описанием.

Ситуация с пониманием «американским умом» русофобии оказывается более сложной, так как термин не имеет аналога в электронном словаре вашего компьютера, который подчеркивает его как ошибку. Та же проблема будет преследовать желающего разобраться в ней и при формировании информационного запроса. Поэтому мы предполагаем, что обращающийся с запросом о русофобии к поисковой системе университета читатель имеет достаточно серьезный интеллектуальный уровень, поскольку он в состоянии настоять на своем запросе. Из 16 источников, по которым предлагается составить представление о русофобии, – одна книга, две научные статьи, 11 газетных статей и два текстовых ресурса. Если элиминировать итальянский язык, на котором написана одна из двух научных статей, то представление о русофобии придется составлять по работе «Румынский зерновой рынок в контексте Британской русофобии (1829–1853)» [20]. Несмотря на интерес, который, несомненно, кто-то может испытывать к румынскому рынку зерна XIX века, и то, как в нем отражается проблема, составить адекватное представление о специфике русофобии в 2015–2016 году он вряд ли сумеет. Поэтому остается обратиться к единственной книге Волтера Лакьюера «Путинизм: Россия и ее будущее с Западом» [31]. Книга представляет собой исследование современной истории России от перестройки до сегодняшнего дня. Включает в себя даже информацию об аннексии Крыма

и гибели самолета малайзийских авиалиний над Украиной. Отдельная глава посвящена русофобии, которая рассматривается в контексте с западнофобией. Из самого названия главы «Источники будущих конфликтов. Идея новой империи – русофобия и западнофобия (боязнь Запада)» – Sources of Future Conflicts. The Idea of a New Empire – Russophobia and Zapadnophobia (fear of the West – можно составить представление об авторской тенденциозности в подходе к проблеме, которая достаточно хорошо выражена во введении к книге: «...Путин может быть более близок к выражению желаний своих людей, чем мы думаем... Россия является и будет являться вызовом для Запада, поэтому в наших интересах понять, с кем мы точно имеем дело и что они хотят, пока не поздно» [31, с. 1]. Безусловно, интересная работа, к сожалению, не дает развернутого представления о русофобии, на которое можно было бы надеяться, так как приносит информативность в жертву тенденциозности.

На примере информационных запросов мы рассмотрели, какого рода «культурный возврат» следует ожидать от изучения российско-американских отношений, антиамериканизма и русофобии, выяснив, что полюбить Россию пользователю американской университетской библиотеки, опираясь только на запросы, будет довольно сложно. Конечно, библиотека предлагает книги тех, кого принято считать американскими русофилами, например, профессора Стивена Коэна, который подверг Америку критике за негативную роль, которую его страна сыграла в разрушении Советского Союза, рассматриваемую профессором как «великую человеческую трагедию» [16, с. 1]. При этом профессора Коэна не смущает то обстоятельство, что нынешний российский президент подвергся ошеломляющей критике в Западной прессе за то, что выразил такое же мнение о гибели Советского Союза – настоящий ученый должен быть выше тенденциозных газетных публикаций. Или Ричард Саква, стремящийся к объективности в оценке украинских событий [41]. Однако те, кто следит за работами Коэна и Саква, – неординарные американцы, уровень знаний которых о России, безусловно, выше среднестатистического даже среди образованной части страны. А сам факт того, что Коэн имел возможность выражать свои взгляды, преподавая в Нью-Йоркском и Принстонском универси-

тетах, является свидетельством того, что уровень критического мышления в американском высшем образовании необыкновенно высок. Конечно, хотелось бы, чтобы университетская библиотека имела ссылку на статью Коэна в журнале «Нация» (Nation), где профессор говорит о нанесении вреда американской культуре, когда сама возможность войны с Россией ястребами Америки рассматривается без публичного обсуждения, то есть выяснения мнения всего народа [17]. Вместе с тем мейнстрим современной американской культуры в целом неблагоприятно настроен по отношению к России, что особенно ощущается за пределами университетов.

Остановимся на некоторых примерах, иллюстрирующих это отношение. Среди программ, дающих возможность просмотра художественных фильмов в Америке, ценится «Нетфликс» (Netflix). Его ценность связана с тем, что небольшая ежемесячная плата предлагает не только огромный выбор американских и зарубежных фильмов, но и позволяет смотреть их без прерывающей просмотр рекламы. Среди американского сегмента фильмов особенно привлекательными являются сериалы, отражающие культурные проблемы современной Америки. В одном из пользующихся популярностью сериалов на Netflix «Фрэнки и Грейс» ставится проблема американских семейных ценностей. Американская реальность отражается через повседневную жизнь двух подруг, которые развелись с мужьями. Одна из актрис, Джейн Фонда, известна россиянам как жена основателя CNN Тэда Тернера, которая в ельцинское время несколько раз посещала Россию и даже организовывала забеги здоровья в Москве. Другая актриса, Лили Томлин, менее известна россиянам, но является кумиром американской интеллигенции. В одном из сюжетов Лили Томлин бережно носит в руках русский самовар, в котором, как выясняется позже, находится прах ее подруги. При этом самовар используется так, чтобы вызвать у зрителей веселый смех. Однако даже если предположить, что Фрэнки (Лили Томлин) не имеет представления, какую функцию самовар выполняет в российской культуре, в этом нельзя заподозрить Грейс (Джейн Фонду), которая под закадровый смех, пытается проверить, не сыпется ли прах через кран на самоваре, который она периодически открывает. Конечно, фильм нельзя сравнить с тем, как в отношении других

культур поступает, например, Шарли Эбдо, да и самовар – не религиозный символ. Однако, несмотря на интеллектуальный кризис российского кино, пока что (и это очень хорошо) никакому из российских режиссеров не пришло в голову выпустить фильм, где прах, например, был бы помещен в американский саксофон, в который один из героев периодически пытался бы дунуть, чтобы увидеть, как прах будет вести себя в этом случае.

Другим, способным озадачить россиянина примером, является факт демонстрации во время телевизионной трансляции увертюры П. И. Чайковского «1812 год» американской статуи свободы. Статуя появляется на экране как символ, когда исполняется та часть увертюры, где звучат выстрелы пушек, и предлагается американским любителям музыки на фоне красочного салюта. Нет ничего плохого в том, что американцы любят эту увертюру, так же как и «Щелкунчика», и во время Рождества и Нового года постоянно показывают их по телевидению. Однако до последнего времени увертюру рассматривали в качестве торжества российского духа в войне с Наполеоном. Теперь же Чайковский лишается права отражения русского национального характера, если он желает оставаться на американском телевидении. Не хотелось бы, чтобы кому-то из российских кинопромоутеров в голову пришла мысль исполнить произведение «Тебе, моя страна» (адаптированного варианта британского гимна «Боже, храни королеву», пользующегося популярностью у американцев), показывая «Рабочего и колхозницу» Мухиной, а то и «Девушку с веслом» Ивана Шадра.

Как нам представляется, культура является областью, позволяющей себе независимое от политики самостоятельное существование, и уважение к культуре во время политического противостояния дорого ценится оппонентом и всегда по-доброму вспоминается, когда противостояние закончено. Ведь только историческая близорукость позволяет рассматривать современное противостояние России и Америки как конец истории. Тем, кто действительно так считает, следует перечитать Ф. Фукуяму или вспомнить Джорджа Буша, сидящего на стуле на Красной площади и аплодирующего словам Путина, произнесенным на военном параде в Москве 9 мая 2005 года, в День Победы, когда российский президент высоко характеризовал примирение России и Германии.

Однако поразительно, насколько уязвимой выступает культура, когда политические отношения между странами оказываются напряженными. Все, казалось бы, выстраданные историей качества культуры, такие как диалог, толерантность, диалектика релятивности и универсальности, вдруг превращаются из безусловного требования в простой инструментарий, который может быть заменен монологом, интолерантностью и релятивизмом. Сразу же откуда-то возникают весы истории, на которых, несмотря на предупреждения культурологов [13, с. 365], **оказывается возможным «взвешивать» культуры друг друга.** Еще более абсурдным является то обстоятельство, что под влиянием политики оказывается возможным не то, что не вникать в суть диалога, а элементарно отказывать оппоненту в праве иметь собственную логику. Как будто изучаемый в университетах по обе стороны океана Михаил Бахтин не предупреждал, что диалог культур – это диалогика, то есть диалог логик. Российский министр, который еще два года назад отказывался определять границы для культуры, стал, заимствуя у Владимира Ленина, привлекать военные метафоры: «Кто не кормит свою культуру, будет кормить чужую армию» [3, с. 1]. Не оспаривая содержание довольно приличной статьи, тем не менее, сложно принять ее логику как единственно возможную. Почему нельзя «кормить культуру» просто из того обстоятельства, что она культура, то есть выводить необходимость культуры из ее собственной сущности, а не из сущности войны? При этом мы прекрасно понимаем, например, тех деятелей культуры, в том числе министра, которые, выражая свою гражданскую позицию, поддержали президента в его действиях по присоединению Крыма. У них есть своя гражданская логика. И, скорее всего, не соглашаясь с ними, западные деятели культуры с уважением отнеслись к их гражданскому выбору. Однако если бы они вдруг заявили, что Гершвин не музыкант или что на английском русском говорить больше нельзя, они вряд ли бы добавили уважения к России в глазах западных деятелей культуры. Политика обязательно должна прокладывать путь к явлениям культуры в виде гражданской позиции по тому или иному вопросу, однако она не должна заменять собой культуру. Деятели культуры, образования России и Запада, особенно сейчас, должны не только не отказываться, а усилить культурный обмен и обмен знаниями, они должны усилить диалог. В целом

культурологический взгляд на политику может оказаться весьма полезным, даже для политики. Ведь значительно лучше звучит известное выражение, при переводе его на язык культуры: «Когда говорят музы, замолкают пушки».

Таким образом, суждение о культуре как политике, несмотря на его современную актуализацию, имеет как сильные, так и слабые стороны. Поскольку современной тенденцией в риторике лиц, принимающих решения в области культуры, являются заимствования крылатых выражений, очевидно, для большей актуализации рассматриваемой проблемы, как, например, использование принадлежащего Наполеону выражения о народе, который, если не будет бдительным – будет кормить чужую армию, то и мы как лица, которые призваны выполнять решения, решили не отклоняться от примера. Поэтому, опираясь на ленинское выражение «коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знаниями всех богатств, которые выработало человечество», можем с уверенностью констатировать, что, обучаясь в американском исследовательском университете, коммунистом стать не получится. Однако не потому, что марксистско-ленинское наследие не занимает ведущую роль в американском высшем образовании, но по объему и уровню информации, предоставляемой университетской библиотекой по запросам о российско-американских отношениях и русофобии.

Информация об антиамериканизме более развернутая, что, вследствие разнообразия его регионального бытования и политических последствий, может представлять интерес для изучения его культурной составляющей, например, при подготовке политологов, участников миротворческих программ, дипломатов, профессию которых можно получить, обучаясь в университете.

Современный американский культурный мейнстрим реагирует на ухудшение отношений между Россией и Америкой, поступаясь аутентичностью заимствованных у России культурных артефактов, принося аутентичность в жертву политической целесообразности.

После украинских событий и санкционного противостояния риторика российских субъектов, принимающих решения в области культуры, политизируется и в обоснованиях, которые избираются для демонстрации значения культуры, доминируют характеристики, имеющие внешнее по отношению к ней происхождение.

Литература

1. Крашенинникова В. Америка-Россия: холодная война культур. – М.: Европа, 2007. – 360 с.
2. Ливанов Д. В. США и Россия должны продолжать работать вместе [Электронный ресурс] // Russia Today. – 2015. – 2 марта. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=941bYSfa9go>.
3. Мединский В. П. Кто не кормит свою культуру, будет кормить чужую армию [Электронный ресурс] // Известия. – 2015. – 17 Июня. – URL: <http://izvestia.ru/news/587771>.
4. Мединский В. П. Санкции не оказывают большого влияния на культурный обмен между РФ и Западом // ТАСС. – 2014. – 28 сент. – С. 1.
5. Тросникова Д. Дмитрий Ливанов: «На меня смотри!» [Электронный ресурс] // Коммерсант. – 2013. – 30 марта. – URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2159624>.
6. Anonymous. Ami Go Home; Germany and America // The Economist. – 2015. – № 414 (8924). – P. 51.
7. Anonymous. A strategy of spectacle; Russia's wars // The Economist. – 2016. – № 418(8981). – P. 16–23.
8. Anti-Americanism and Anti-Interventionism in Arabic Twitter Discourses. Perspectives on Politics. – 2015. – Vol. 13 (1). – P. 55–73.
9. Azpuru De Cuestas Dinorah, Boniface Dexter S. Individual-Level Determinants of Anti-Americanism in Contemporary Latin America // Latin American Research Review. – 2015. – Vol. 50 (3). – P. 111–134.
10. Baev P. News analysis: Dubious outcomes of Kerry's meeting with Putin in Sochi // Ukrainian Weekly. – 2015. – May 24. – P. 3, 9.
11. Berman Russell. The Conservative Case Against Enforcing Immigration Law // The Atlantic. – 2015. – March 6. – P. 1–5.
12. Bremmer I. Sea of Troubles // Time. – 2015. – № 185(1). – P. 18.
13. Brown Michael. Cultural Relativism 2.0 // Current Anthropology. – 2008. – № 49 (3). – P. 363–383.
14. Campbell E. South Korea's New Nationalism: The End of "One Korea?". – Boulder, CO: Lynne Rienner, 2016. – 228 p.
15. Casey Bernard. Last Chance for peace in Ukraine // Kyiv Post. – 2015. – March 22. – P. 1.
16. Cohen S. Failed crusade: America and the tragedy of post-Communist Russia. – First ed., 2000. – 337 p.
17. Cohen S. War With Russia Without Public Debate? // The Nation. – 2016. – June 9. – P. 1–5.
18. Colucc L. Russia Keeps Winning // U.S. News & World Report. – 2015. – August 19. – P. 1.
19. Corstange Daniel. Anti-American Behavior in the Middle East: Evidence from a Field Experiment in Lebanon // The Journal of Politics. – 2016. – Vol. 78 (1). – P. 311–325.
20. Cristian Constantin. Romanian grain market in the British Russophobia context 1829-1853) // Hiperboreea. – 2015. – 01 June. – P. 95–107.
21. Crowley M. Don't Pivot Away From NATO // U.S. News & World Report. – 2015. – June 5. – P. 1.
22. Dale H. Iran's new wave of Anti-Americanism // The Epoch Times. – 2015. – November 13. – P. A 9.
23. Forsberg T. From Ostpolitik to 'frostopolitik'? Merkel, Putin and German foreign policy towards Russia // International Affairs. – 2016. – № 92(1). – P. 21–42.
24. Gerber Theodore P., Zavisca Jane. What 18 focus groups in the former USSR taught us about America's image problems // The Wilson Quarterly. – 2015. – Summer. – Vol. 39 (3). – P. 1–27.
25. Gries T., Meierrieks D., & Redlin M. Oppressive governments, dependence on the USA, and anti-American terrorism // Oxford Economic Papers. – 2015. – Vol. 67(1). – Feb. 2. – P. 83–103.
26. Hocking B. The Spy Who Brought Back the Cold War. U.S. News & World Report, 2015. – Feb. 2. – P. 1.
27. Hryckowian D. Not Your Father's Cold War // U.S. News & World Report. – 2015. – August 26. – P. 1.
28. Isa A., Urbanski Steve, Hossain Mahmood, Martinelli Diana, Smith David, & Stewart Tom. MH17 Tragedy: A Comparative Analysis of Cold War and Post-Cold War Media Framing of Aviation Disasters // Pro Quest Dissertations and Theses, 2015. – 41 p.
29. Jamal Amaney A., Keohane Robert O., Romney David, Tingley Dustin. Anti-Americanism in Arabic Twitter discourses is driven by perceptions of U.S. impingement in the region // USApp: American Politics and Policy Blog. – 2015. – 19 March. – Blog Entry.
30. Krastev I., & Leonard M. Europe's Shattered Dream of Order: How Putin Is Disrupting the Atlantic Alliance // Foreign Affairs. – 2015. – № 94(3). – P. 48–58.
31. Laqueur W. Putinism: Russia and its future with the West. – First ed., 2015. – 271 p.
32. Lawson Colin W, Hudson John. Who is Anti-American in the European Union? // SAGE Journals. – 2015. – Vol. 5(2). – P. 1–15.

33. McDermott R. Russia's National Security Strategy denotes U.S. and NATO as threats // *Ukrainian Weekly*. – 2016. – January 24. – P. 2, 22.
34. Painter S. Don't Forget About Ukraine // *U.S. News & World Report*. – 2015. – December. – P. 1.
35. Rezaie Yazdi Mohammad, Lucas W. Scott. Khomeinism, the Islamic Revolution and anti-Americanism // *ProQuest Dissertations and Theses*, 2016.
36. Royce E. Countering Putin's Information Weapons of War // *Wall Street Journal*. – 2015. – April 1. – P. A. 13.
37. Russia politics: Rise of the right and the anti-Maidan movement // *EIU Views Wire*. – 2015. – Feb. 4. – P. 1.
38. Russia: Russian Pollster: Kremlin Nurtures Rising Anti-Americanism // *Asia News Monitor*. – 2015. – Oct. 19. – P. 1.
39. Russian commentator argues against anti-American "phobia" // *BBC Monitoring Former Soviet Union*. – 2015. – Feb. 3.
40. Russian state TV talk show criticizes US policies // *BBC Monitoring Former Soviet Union*. – 2015. – Oct. 17.
41. Sakwa R. & Ebooks Corporation // *Frontline Ukraine: Crisis in the borderlands*. – 2015. – 19 Feb.
42. Shakrov Damien. Trump says U.S. should shoot Russian planes if diplomacy fails // *Newsweek*. – 2016. – May 3. – P. 2.
43. Steele S. Shame: How America's past sins have polarized our country. – Boulder: Basic Books, 2015. – 207 p.
44. Van Jelgerhuis D., Wakamiya Lisa, Romanchuk Robert, & Edwards Leigh. The Resurgence of Cold War Imagery in Western Popular Culture // *Pro Quest Dissertations and Theses*, 2015.
45. Vogt Jay. Would a Donald Trump Presidency Be Good for Russia? // *Russia Insider*. – 2015. – July 10.
46. Watanabe Y., & McConnell David L. Soft Power Superpowers: Cultural and National Assets of Japan and the United States. – Armonk: Taylor and Francis, 2015. – 328 p.
47. Weir F. Anti-Americanism provides big boost to Russia's small IT businesses // *The Christian Science Monitor*. – 2015. – June 30.
48. Xie K. Some BRICS in the Arctic: Developing Powers Look North // *Harvard International Review*. – 2015. – № 36(3). – P. 60–63.
49. Zuckerman M. Something, But Not Enough // *U.S. News & World Report*. – 2015. – April. – P. 1.

References

1. Krashenninnikova V. *Amerika-Rossiia. Kholodnaya voyna kul'tur* [Cold war on culture]. Moscow, Europa Publ., 2007. 360 p. (In Russ.).
2. Livanov D.V. SShA i Rossiia dolzhny prodolzhat' rabotat' vmeste [U.S., Russia must continue working together]. *Russia Today*, 2015, March 2. (In Russ.). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=941bYSfa9go> (accessed 24.06.2016).
3. Medinskiy V.R. Kto ne kormit svoyu kul'turu, bydet kormit' chuzhuyu armiyu [Who does not feed its own culture, will feed a foreign army]. *Izvestiya*, 2015, June 17. (In Russ.). Available at: <http://izvestia.ru/news/587771>.
4. Medinskiy V.R. Sanktsii ne okazyvayut bol'shogo vliyaniya na kul'turnyy obmen mezhdru RF i Zapadom [Sanctions will not have much impact on the cultural exchange between Russia and the West]. *TACC [TASS]*, 2014, September 28, p. 1. (In Russ.).
5. Trosnikova D. Dmitriy Livanov: "Na menya smotri!" [Dmitri Livanov: "Look At Me!"]. *Kommersant [Merchant]*, 2013, March 30. (In Russ.). Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2159624>.
6. Anonymous. Ami Go Home; Germany and America. *The Economist*, 2015, no. 414 (8924), p. 51. (In Engl.).
7. Anonymous. A strategy of spectacle; Russia's wars. *The Economist*, 2016, no. 418 (8981), pp.16-23. (In Engl.).
8. Anti-Americanism and Anti-Interventionism in Arabic Twitter Discourses. *Perspectives on Politics*, 2015, vol. 13 (1), pp. 55-73. (In Engl.).
9. Azpuru De Cuestas Dinorah, Boniface Dexter S. Individual-Level Determinants of Anti-Americanism in Contemporary Latin America. *Latin American Research Review*, 2015, vol. 50 (3), pp. 111-134. (In Engl.).
10. Baev P. News analysis: Dubious outcomes of Kerry's meeting with Putin in Sochi. *Ukrainian Weekly*, 2015, May 24, pp. 3, 9. (In Engl.).
11. Berman Russell. The Conservative Case Against Enforcing Immigration Law. *The Atlantic*, 2015, March 6, pp. 1-5. (In Engl.).
12. Bremmer I. Sea of Troubles. *Time*, 2015, no. 185(1), p. 18. (In Engl.).
13. Brown Michael. Cultural Relativism 2.0. *Current Anthropology*, 2008, no. 49, (3), pp. 363-383. (In Engl.).
14. Campbell E. *South Korea's New Nationalism: The End of "One Korea?"*. Boulder, CO, Lynne Rienne Publ., 2016. 228 p. (In Engl.).
15. Casey Bernard. Last Chance for peace in Ukraine. *Kyiv Post*, 2015, March 22, p. 1. (In Engl.).

16. Cohen S. *Failed crusade: America and the tragedy of post-Communist Russia*. First ed., 2000. 337 p. (In Engl.).
17. Cohen S. War With Russia Without Public Debate? *The Nation*, 2016, June 9, pp. 1-5. (In Engl.).
18. Colucci L. Russia Keeps Winning. *U.S. News & World Report*, 2015, August 19, p. 1. (In Engl.).
19. Corstange Daniel. Anti-American Behavior in the Middle East: Evidence from a Field Experiment in Lebanon. *The Journal of Politics*, 2016, vol. 78 (1), pp. 311-325. (In Engl.).
20. Cristian Constantin. Romanian grain market in the British Russophobia context 1829-1853). *Hiperboreea*, 2015, 01 June, pp. 95-107. (In Engl.).
21. Crowley M. Don't Pivot Away From NATO. *U.S. News & World Report*, 2015, June, p. 1. (In Engl.).
22. Dale H. Iran's new wave of Anti-Americanism. *The Epoch Times*, 2015, November 13, p. A 9. (In Engl.).
23. Forsberg T. From Ostpolitik to 'frostpolitik'? Merkel, Putin and German foreign policy towards Russia. *International Affairs*, 2016, no. 92(1), pp. 21-42. (In Engl.).
24. Gerber Theodore P., Zavisca Jane. What 18 focus groups in the former USSR taught us about America's image problems. *The Wilson Quarterly*, 2015, Summer, vol. 39 (3), pp. 1-27. (In Engl.).
25. Gries T., Meierrieks D., & Redlin M. Oppressive governments, dependence on the USA, and anti-American terrorism. *Oxford Economic Papers*, 2015, vol. 67(1), pp. 83-103. (In Engl.).
26. Hocking B. The Spy Who Brought Back the Cold War. *U.S. News & World Report*, 2015, Feb. 2, p. 1. (In Engl.).
27. Hryckowian, D. Not Your Father's Cold War. *U.S. News & World Report*, 2015, August 26, p. 1. (In Engl.).
28. Isa A., Urbanski Steve, Hossain Mahmood, Martinelli Diana, Smith David, & Stewart Tom. MH17 Tragedy: A Comparative Analysis of Cold War and Post-Cold War Media Framing of Aviation Disasters, *Pro Quest Dissertations and Theses*, 2015. (In Engl.).
29. Jamal Amaney A., Keohane Robert O., Romney David; Tingley Dustin. Anti-Americanism in Arabic Twitter discourses is driven by perceptions of U.S. impingement in the region. *USApp: American Politics and Policy Blog*, 2015, 19 March, Blog Entry. (In Engl.).
30. Krastev I., & Leonard M. Europe's Shattered Dream of Order: How Putin Is Disrupting the Atlantic Alliance. *Foreign Affairs*, 2015, no. 94(3), pp. 48-58. (In Engl.).
31. Laqueur W. *Putinism: Russia and its future with the West*. First ed., 2015. (In Engl.).
32. Lawson Colin W., Hudson John. Who is Anti-American in the European Union?. *Sage journals*, 2015, vol. 5(2). (In Engl.).
33. McDermott R. Russia's National Security Strategy denotes U.S. and NATO as threats. *Ukrainian Weekly*, 2016, January 24, pp. 2, 22. (In Engl.).
34. Painter S. Don't Forget About Ukraine. *U.S. News & World Report*, 2015, December, p. 1. (In Engl.).
35. Rezaie Yazdi Mohammad, Lucas W. Scott 2016. Khomeinism, the Islamic Revolution and anti-Americanism. *Pro Quest Dissertations and Theses*, 2016. (In Engl.).
36. Royce E. Countering Putin's Information Weapons of War. *Wall Street Journal*, 2015, April 15, p. A. 13. (In Engl.).
37. Russia politics: Rise of the right and the anti-Maidan movement. *EIU Views Wire*, 2015, Feb. 4, p. 1. (In Engl.).
38. Russia: Russian Pollster: Kremlin Nurtures Rising Anti-Americanism. *Asia News Monitor*, 2015, Oct. 19, p. 1. (In Engl.).
39. Russian commentator argues against anti-American "phobia". *BBC Monitoring Former Soviet Union*, 2015, Feb. 3. (In Engl.).
40. Russian state TV talk show criticizes US policies. *BBC Monitoring Former Soviet Union*, 2015, Oct. 17, (In Engl.).
41. Sakwa R., & Ebooks Corporation. *Frontline Ukraine: Crisis in the borderlands*, 2015, 19 Feb. (In Engl.).
42. Shakrov Damien. Trump says U.S. should shoot Russian planes if diplomacy fails. *Newsweek*, 2016, May 3, p. 2. (In Engl.).
43. Steele S. *Shame: How America's past sins have polarized our country*. Boulder, Basic Books Publ., 2015.
44. Van Jelgerhuis D., Wakamiya Lisa, Romanchuk Robert, & Edwards Leigh. The Resurgence of Cold War Imagery in Western Popular Culture. *Pro Quest Dissertations and Theses*, 2015. (In Engl.).
45. Vogt Jay. Would a Donald Trump Presidency Be Good for Russia?. *Russia Insider*, 2015, July 10. (In Engl.).
46. Watanabe Y., & McConnell David L. *Soft Power Superpowers: Cultural and National Assets of Japan and the United States*. Armonk, Taylor and Francis Publ., 2015. 328 p. (In Engl.).
47. Weir F. Anti-Americanism provides big boost to Russia's small IT businesses. *The Christian Science Monitor*, 2015, June 30. (In Engl.).
48. Xie K. Some BRICS in the Arctic: Developing Powers Look North. *Harvard International Review*, 2015, no. 36(3), pp. 60-63. (In Engl.).
49. Zuckerman M. Something, But Not Enough. *U.S. News & World Report*, 2015, April, p. 1. (In Engl.).

УДК 130.2

ДУША ЧЕЛОВЕКА XIX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ИСКУССТВА)

Казаков Евгений Фёдорович, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры философии, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: kemcitykazakov@mail.ru

В статье, на основании исследования образов европейского искусства XIX века, анализируются проявления душевной жизни человека. Важнейшей её характеристикой выступает нарастание тенденции овнешнивания. Внешний мир непосредственно включен во временной поток; поэтому художники XIX века, практически все без исключения, запечатлевали современность. Одним из проявлений усиления овнешнивания душевной жизни выступает нарастание чувства неустойчивости, изменчивости, неопределенности, ненадежности. Импрессионисты выражают в своих картинах значительное убыстрение динамики жизни. Особенность мироощущения, выраженного импрессионистами – ощущение всепроникающего жизненного потока, перетекания всего во все, всеобщего единства и взаимосвязи; равнозначность всех изображаемых предметов. За единичным теряется всеобщее, за мгновением исчезло вечное, за материальным – духовное. Потеря связи с вечным и тотальное погружение во временное, конечное нашло выражение в искусстве в широком развёртывании темы близкой смерти. Распространенными становятся настроения тревоги, незащищённости человека, ненадёжности, хрупкости его бытия. Происходит дальнейшее развёртывание тенденции расщепления, атомизации бытия. Классицизм доводит античную традицию восприятия человека через его «тело» до своего логического завершения: «телесное» полностью исчезает за торжествующей организмичностью. В искусство входит множество образов «организмических людей», «людей-от-земли»; находящихся лишь в организмической связи с миром. Одним из адекватных выражений бытия организмического в искусстве является пейзаж, XIX век – век пейзажа. Появляется ощущение, что природа отторгает человека, настроена по отношению к нему враждебно (тема одиночества, незащитности, неуверенности, страха). Искусство представляет как продолжение природы и как сама натура, вставленная в рамку.

Ключевые слова: душа, европейский человек, история XIX века, природное, телесное, душевное, обмирщение, внешнее, образ человека, изобразительное искусство, импрессионизм, классицизм, живопись, одиночество, неуверенность, страх, смерть, временное, изменчивое.

THE SOUL OF MAN XIX CENTURY (ON THE MATERIAL OF EUROPEAN ART)

Kazakov Evgeniy Fedorovich, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Philosophy, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: kemcitykazakov@mail.ru

The article, based on research of images of European art of the XIX century, analyzes the manifestations of the spiritual life of man. An essential characteristic is the increasing trend of outdoor. The external world is directly included in the time flow, therefore, the artists of the XIX century, almost without exception, embodied modernity. One of the manifestations of the strengthening the outdoor spiritual life is growing sense of instability, variability, uncertainty, insecurity. The Impressionists express in paintings the significant faster dynamics of life. Feature world perception expressed by the Impressionists is the feeling of all-pervading life-stream, flowing all in all, universal unity and relations, equivalence of all the objects depicted. For an individual, the universal is lost, for a moment disappeared eternal, the material over the spiritual. The loss of connection with the eternal and total immersion in the interim, the end found expression in art in the broad deployment of the theme of imminent death. Be common mood of anxiety, human insecurity, unreliability, fragility of his existence. There is a further deployment trends of splitting, the atomization of existence. Classicism brings the

ancient tradition of human perception through its “body” to logical conclusion: “body” disappears completely for a triumphant organization. The art includes many images of “nature people,” “people from earth” which is only the nature interacting with the world. One of the adequate expression of the nature in art is landscape, the 19th century is the century of landscape. There is a feeling that nature is hostile to man, which is configured in regard to enmity (the theme of loneliness, helplessness, insecurity, fear). The art appears as a continuation of nature and how nature itself is inserted into the frame.

Keywords: soul of European man, history of the 19th century, nature, nude, peace, secularism, outdoor, human form, fine art, impressionism, classicism, painting, loneliness, uncertainty, fear, death, temporary, mutable.

В XIX веке, по мнению О. Шпенглера, «культура превращается в цивилизацию, а душа в интеллект»; «рассудок побеждает душу», «механизирующий интеллект» торжествует. Художники, в значительной степени уже «не созерцают» мир, а лишь «смотрят» на него; «не переживают», а изучают; постигая мир не «сердцем и верой», а «головой и знанием» [14, с. 208, 228, 268, 379].

В XIX веке происходит развёртывание тех особенностей жизни души, которые актуализировались в XVII–XVIII веках (см. [6, с. 34–40]). Важнейшей характеристикой развития душевной жизни в XIX веке является *нарастание тенденции её овнешнивания*. В искусстве это находит выражение в безусловном доминировании образа внешнего человека. В романтизме образ человека исчерпывается экспрессией движения, жестов и мимики (ярчайший представитель этого направления – Э. Делакруа). В соответствии с традициями классицизма Ж.-Д. Энгр скрупулезно описывал внешний облик человека, по его портретам человека легко было узнать, но трудно понять (см. Энгр «Портрет Паганини»). Стиль модерн тяготел к поверхностному декоративизму (извилистые узоры металлических переплетов, перил, балконов). Впервые в XIX веке художники начинают писать пейзажи (в законченном виде) непосредственно с натуры (раньше всех на пленэр стали выезжать барбизонцы, потом к ним присоединились импрессионисты). Так можно было запечатлеть только самую поверхность мгновенно изменяющегося внешнего облика природы; внешнее внешнего, сиюминутность временного. В переменчивой внешности природы внешний человек нашел наиболее адекватный себе аналог. *Внешний мир непосредственно включен во временной поток; поэтому художники XIX века, практически все без исключения, запечатлевали современность.*

Импрессионистам уже важно было не что изображать, а как; форма здесь начинает, безусловно, довлеть над содержанием. Если главным действующим лицом в религиозных, вообще одухотворенных произведениях искусства является свет, то здесь всецело господствует цвет. Импрессионисты экспериментируют с цветом, исследуя его с кропотливостью ученых, создавая не встречавшиеся никогда ранее цветовые сочетания, располагая мазки на некотором расстоянии друг от друга, так, чтобы пятна и линии соединялись лишь при рассматривании картины со значительного расстояния. При таком подходе человек оказывается «равным среди равных» (относительно как природного мира, так и вещей), не отличаясь принципиально от всех других цветоформ. Иными словами, человек перестает быть человеком, расчеловечивается, оказываясь существующей одно мгновение оптической иллюзией; мир в целом приобретает характер миража, который может в любой момент растаять. Окружающее образ человека живописное пространство становится важнее человека, «перекрывая» его собой (это особенно показательно для работ К. Моне и больших полотен О. Ренуара). Чем более внешнюю сторону действительности воспринимал человек, тем далее оказывался от себя внутреннего.

Одним из проявлений усиления овнешнивания душевной жизни выступает *нарастание чувства неустойчивости, изменчивости, неопределенности, ненадежности*. Импрессионисты открывают ряд приемов для передачи движения как непрерывного изменения (другая сторона движения – покой – в их восприятии вообще отсутствует; движение у них предстает как абсолютное изменение). Так К. Моне начинает создавать серии картин, раскрывающих разновременные состояния одного и того же образа (серия «Вокзал Сен-Лазар», серия «Руанский собор»). На выстав-

ке эти картины развешивались в определенной последовательности, чтобы зрители рассматривали их одну за другой. Если натурализм прошлых веков вплотную подошел к фотографии, то серийность в творчестве импрессионистов была уже предчувствием смены кадров в кинофильме. Импрессионисты выражают в своих картинах значительное убыстрение динамики жизни (так, если серия автопортретов писалась Рембрандтом в течение всей жизни, то серии картин К. Моне отображают состояние объекта, трансформируемые в течение одного дня и даже – нескольких часов).

В серии «Руанский собор» К. Моне запечатлевает знаменитую готическую постройку в утреннем, полуденном и вечернем освещении. Ничего религиозного, тем более сакрального, от храма не осталось. Временное внешнее полностью заслоняет здесь внутреннее, вечное, религиозное, культовое. Тотальная изменчивость мира отображается импрессионистами и через запечатление переходных состояний, в которых отсутствует определенность настроения и действия, устойчивость чувств, возможность предсказуемого развития событий (см., например, О. Ренуар «После завтрака»). Нарастание динамики жизни почувствовали и барбизонцы, и представители романтизма (см. об этом более подробно [5, с. 168–169]).

Особенность мироощущения, выраженного импрессионистами, – ощущение всепроникающего жизненного потока, перетекания всего во все, всеобщего единства и взаимосвязи; равнозначность всех изображаемых предметов, равноценность любого участка холста (как, например, у О. Ренуара в «Купании на Сене»). Человек здесь ничем принципиально не отличается от дерева, лодки или реки; человек как таковой потерян; это уже не человек, а лишь его цветная тень, видение превратилось в видение. Так же, как *за единичным потерялось всеобщее, за мгновением исчезло вечное, за материальным – духовное* («материальным бытием» С. Франк называл «ту сторону бытия, которой оно целиком вмещается в единичные миги времени, как и в единичные точки пространства, и потому необходимо разобщено и внеположено» [13, с. 629]). Мгновенный взгляд на мир не может не нести в себе большую или меньшую долю случайности. Случайное здесь устремлено к самодостаточности, вовсе не представляя прояв-

лением необходимого (см. «случайные» композиции К. Моне, картину О. Ренуара «Бал в Ле Мулен де ла Галлет»).

Потеря связи с вечным и тотальное погружение во временное, конечное нашло выражение в искусстве в широком развёртывании темы близкой, надвигающейся смерти. Исключая импрессионистов, эту тему не обошел ни один крупный художник (см., например: Ф. Гойя «Правда умерла. Она воскреснет?»; «Сатурн, пожирающий детей»; «Юдифь и Олоферн»; «Тавромахия»; «Расстрел повстанцев»; «Бедствия войны»; Т. Жерико «Старый нищий, умирающий у дверей булочной»; Э. Делакруа «Резня на Хиосе», Г. Курбе «Похороны в Орнане»; П. Гоген «Дух мёртвых бодрствует», «Белая лошадь»). Распространенными в рассматриваемое время являются *настроения тревоги, незащищённости человека, ненадёжности, хрупкости его бытия* (данные настроения выражает, в частности, романтизм; см. также, например, картину Ван Гога «Заклочённые», продолжающую тему «Слепцов» Брейгеля), рождающие ужас безысходности (см. Э. Мунк «Крик»).

Происходит дальнейшее развёртывание *тенденции расщепления, атомизации бытия* (отдаления от присущей первозданной душевной жизни целостности, отчуждения человека от человека – например: Э. Дега «Абсент», «Гладилицца белая»; В. Гог «Ночное кафе в Арле», «Прогулка заключённых»). Персонажи полотен П. Гогена существуют отдельно друг от друга (если даже изображены «плечом к плечу», их взгляды никогда (!) не встречаются, будто они и не надеются быть понятыми) (см., например: «Что нового?»; «Когда ты выходишь замуж?»; «Куда ты идешь?»). Сама техника живописания, получившая широкое распространение в это время, свидетельствует о чувствовании нарастания центробежных сил, об интенсификации спонтанного движения цветовых точек-атомов и вихрей-мазков (цветовыми точками пишут картины пуантилисты Ж. Сёра и П. Синьяк; на контрастные цветовые зоны делится пространство картин П. Гогена; извивающимися длинными импульсивными мазками пишет Ван Гог). Эйфелева башня знаменует собой также дальнейшее развёртывание тенденции перехода от доминанты целого над частью к их равновеликости; к дифференциации целого на части, каждая

из которых стремится стать самодостаточным целым. Каждая из частей и башня в целом различаются лишь количественно.

Классицизм XIX века доводит античную традицию восприятия человека через его «тело» до своего логического завершения: «телесное» (будучи квазибытием) полностью исчезает за торжествующей организмичностью. В картине «Турецкая баня» Ж.-Д. Энгр запечатлевает коллективный портрет организмического. Индивидуальное в образах обнажённых купальщиц полностью отсутствует (это будто один, изображённый в разных ракурсах, персонаж). Картина имеет явно выраженный гедонистический характер: кроме физического убажания купальщицам ничего не нужно. Группа «тел» – «больше» одного «тела» за счёт полной невыраженности внутренней душевной жизни. В таитянских полотнах П. Гогена яркое выражение находит единство организмического и грезящего. Картины художника напоминают сочную мякоть плодов манго, выглядят экзотическим кулинарным блюдом (см., например, «Грудь с красными цветами»). Если это и «рай», то рай растительно-животный, неодухотворённый; а значит – иллюзорный (не случайно «жители рая» обычно грустны и не глядят друг на друга, всё наполнено «пластилиновой» сонливостью).

Доминирующий характер развёртывания организмического с особой силой выражен через раскрытие образа женщины. В искусстве XIX века появляется особенно много женских образов, запечатлённых «со спины» (см.: Ж. Сера «Сидящая натурщица со спины»; Ж. Энгр «Большая одалиска», «Купальщица Вальпинсона»; П. Гоген «Всадники на пляже», «Потеря невинности, или Пробуждение весны»; «Таитянки на пляже»; О. Ренуар «Обнажённая»; Дега «Женщины за туалетом»; Г. Курбе «Купальщица» и т. д.). В отличие от «палеолитических Венер», изображённые здесь женщины – не матери (««две родины» младенца» – лоно и грудь – в поле зрения художников здесь почти не попадают). Вообще же тема материнства в искусстве XIX века практически не раскрыта (кроме нескольких полотен П. Гогена – «Поклонение» и «Материнство»). Таким образом, женское «тело» (а значит, и человеческое «тело» вообще) не имеет перед собой репродуктивной цели, ограничиваясь целью собственной репре-

зентации. «Спина» более пустынная, статичная, однообразная, неиндивидуальная, «неживая», чем лицо; в ней, в гораздо меньшей степени, выражено собственно человеческое; внутренняя душевная жизнь «загораживается» спиной практически совсем (выражая её отсутствие).

В искусство XIX века входит множество образов «организмических людей», «людей-от-земли», находящихся, в преимущественной степени, лишь в организмической связи с миром («живущих, чтобы есть; и едящих, чтобы жить»). Создаётся образ единой природно-человеческой организмичности (и не поймешь, что в данном случае продолжением чего выступает), единственной устремленностью которой является (вовсе не репродуктивная функция) собственное воспроизводство. Организмический человек «сворачивается» в человека-чрево (данная тенденция находит своё выражение, например, в произведениях Ф. Милле – «Сеятель», «Сборщицы колосьев», «Человек с мотыгой»; Г. Курбе «Женщины, просеивающие зерно» – и особенно в картине Ван Гога «Едоки картофеля», где создан наиболее яркий портрет «священнодействующего» чрева). Человеческая организмичность в данном случае органично трансформируется в животную. В искусстве это находит выражение в «ренессансе» темы зверя и зверчеловека (см. образы людей-мартышек, людей-ослов и т. п. в «Капричос» Ф. Гойи; ряд изображений борьбы человека и зверя – вплоть до «срачивания» их «тел» – у Э. Делакруа (например, «Охота на львов»); именно в это время возникает новый самостоятельный жанр в скульптуре – анимализм (лидером его становится А. Бари).

Одним из адекватных выражений бытия организмического в искусстве является пейзаж. Если XVIII столетие – «век портрета», то XIX век – век пейзажа. Человек начинает окончательно «терять» лицо (которое уже и в предшествующем периоде не было выражением его внутренней душевной жизни). «Потеря» лица – одно из проявлений потери собственно человеческого облика. Организмическая энтелехия душевной жизни человека всё более объективируется, приобретая природный характер. Взгляд художника отдаляется от человека (его фигурка в пейзажах становится все меньше); в поле зрения все более попадает окружающий мир, то есть внешнее

внешнего человека (человек при этом не превращается во внутреннее внешнего мира, представляя одной (не главной) из его сторон). Относительно более живого, «богатого», первозданного мира природы человек выступает как внешнее. Процесс овнешнивания переходит на следующую стадию, человек оказывается на поверхности природных ландшафтов; всё чаще исчезая из них совсем (см., например: Д. Констебл «Телега для сена»; К. Коро «Пейзаж с коровами»; Ж. Добиньи «Берег реки»; К. Моне «Дама в саду»; А. Сислей «Деревья на берегу Сены»). Однако знаменательно само проявившееся стремление не выделиться из мира, не отринуть его (что преобладало часто ранее), а, ощутив отделенность, слиться с ним (связь с природой – одно из немногих сохранившихся проявлений открытости человека миру). Человек не «больше» природы; а природа, если и «больше» человека, то лишь количественно. Человек и природа – по существу, тождественны. Природа не воспринимается как творение Бога (вечного, одухотворенного в пейзажах нет); однако человек предстаёт менее одушевленным, чем природа.

Актуализация организмического находит выражение в искусстве в нарастании плотности, объемности, тяжеловесности, фактурности изображаемых предметов. Утверждением материальности мира отличаются итальянские пейзажи представителя романтизма К. Коро (см., например, «Утро Венеции»). Все большее предпочтение он отдает городским ландшафтам, которые отличаются от природных более выраженной вещественностью, косностью, громоздкостью. «Барбизонцев», во главе с Т. Руссо, привлекает в природе все устойчивое, могучее, подчеркнуто осязаемое (как, например, великаны-дубы с необъятными стволами в полотнах Т. Руссо «Дубы», «Вечер в Кюре»). Постимпрессионисты восстанавливают утраченное импрессионистами ощущение пластической плотности, тяжести, скульптурности предметного мира (см., например, П. Сезанн «Персики и груши»).

Природа несёт в себе большую степень первозданности, чем человек, однако этой первозданности не свойственна одухотворённость. Поэтому если человек и достигает единения с ней (см., например, языческие мотивы в творчестве Ф. Гойи «Колосс» и П. Гогена «Варварские сказания»), то

не на уровне внутренней душевной жизни. Этим объясняется то, что близость человека к природе чаще не приносит успокоения, утешения его душе. В конечном итоге, чем больше внешняя сторона душевной жизни отдаляется от внутренней, тем дальше человек оказывается от свойственной природе первозданности. *Появляется ощущение того, что природа отторгает человека, что она настроена по отношению к нему враждебно* (развитие темы одиночества, беззащитности, неуверенности, страха, охватывающих человека и на лоне природы, см., например: К. Фридрих «Гибель “Надежды” во льдах»; Д. Тернер «Снежная буря. Переход Ганнибала через Альпы»; П. Сезанн «Гора Сен-Виктуар»; Ж. Дюпре «В дубовом лесу»). И в самом деле, от незначительности, безликости, непервозданности человека природа лишь «беднеет» (будучи «индивидуальнее», одушевленное, самоценнее, чем он).

В искусстве прошлого века проявились себя две на первый взгляд противоположные, тенденции: к «овнешниванию» (объективации) и «овнутриванию» (субъективации) душевной жизни. Первая из них нашла выражение в творчестве Курбе (рисовавшем фигуры для пущего сходства в натуральную величину), Домье, Дега (изображавшем подчеркнуто непринужденные, естественные позы балерин), Сезанна (отстаивающего позицию безэмоционального исследования действительности – см., например, «Берега Марны»), Ренуара (которому впервые удалось запечатлеть толпу людей как бы изнутри, взглядом одного из его участников – см. «Купание на Сене»); барбизонцев и импрессионистов, впервые выехавших на пленэры, чтобы как можно точнее скопировать природу. Расстояние здесь между человеком и предметом его созерцания сокращается, а в ряде случаев и преодолевается совсем. *Искусство предстает как продолжение натуры и как сама натура, вставленная в рамку.* Внешняя реальность в данном случае выступает субъектной стороной, душевная жизнь – объектной стороной.

Сама возможность эволюции «реализма» – натурализма в фотографию говорит о потере искусством (в лице данного ключевого в XIX веке направления) своего предмета. Тождественность образа натуры обусловила то, что искусство стало тотально визуальным; за видимым ничего невидимого не осталось. (Адекватность формы и

содержания была и у греков, но высокая степень обобщения, идеализации образов делала их гораздо более глубокими, значительными. В натурализме же единство формы и содержания существует на самом поверхностном, «фактурном» уровне.)

Вторая тенденция (начавшая реализовывать себя, как и первая, в предшествующие века) ускоро развивается именно в XIX веке во многом благодаря реакции на объективацию душевной жизни. Так, картины Ф. Гойи носили явный отпечаток его переживаний, темперамента. Показательно, в связи с этим, как Гоген, Ренуар и Э. Мане писали портрет одного человека – поэта Маларме. У каждого из них образ получился свой, преломлённый через собственное чувство творчества и личности поэта. Однако вторая тенденция в рассматриваемом случае есть выражение «овнутривания» душевной жизни лишь относительно первой тенденции. Но так как приближения к первоначальному плану душевной жизни здесь нет, то и вторая тенденция остаётся (относительно указанного плана) внешней. При развёртывании обеих тенденций художник остаётся в рамках освоения (пусть и отличающимися способами) внешней реальности; в обоих случаях на полотне присутствует всё, что художник хотел сказать (так как обе тенденции реализуются в рамках натурализма), за визуальным образом ничего более не скрыто.

Таким образом, важнейшей характеристикой душевной жизни человека XIX века выступает нарастание тенденции овнешнивания; внешний мир непосредственно включен во временной поток, поэтому художники чаще запечатлевали современность. Одним из проявлений усиления овнешнивания выступает нарастание чувства неустойчивости, изменчивости, неопределенности, ненадежности, что нашло выражение, например, в творчестве импрессионистов. Актуализируется ощущение всепроникающего жизненного потока, перетекания всего во все, всеобщего единства и взаимосвязи; равнозначности всех изображаемых предметов. За единичным теряется всеобщее, за мгновением исчезает вечное, за материальным – духовное. Потеря связи с вечным и тотальное погружение во временное, конечное нашло выражение в широком развёртывании темы близкой смерти, в настроениях тревоги, незащищённости, ненадёжности, хрупкости бытия. Происходит дальнейшее развёртывание тенденции расщепления, атомизации бытия. «Телесное» полностью исчезает за торжествующей организмичностью. В искусство входит множество образов «организмических людей», «людей-от-земли. Появляется ощущение, что природа отторгает человека, настроена по отношению к нему враждебно (тема одиночества, беззащитности, неуверенности, страха).

Литература

1. Андроникова М. Портрет. От наскальных рисунков до звукового фильма. – М.: Искусство, 2000. – 424 с.
2. Бенуа А. История живописи всех времен и народов. – СПб., 1912. – Ч. 1, Вып. 13. – 112 с.
3. Западноевропейский рисунок (XV–XX века). – Л.: Аврора, 2011. – 375 с.
4. Иоффе И. И. Синтетическая история искусств. Введение в историю художественного мышления. – Л.: ОГИЗ Ленизгиз, 1933. – 568 с.
5. Казаков Е. Ф. Душа европейского человека. – Кемерово, 2012. – 463 с.
6. Казаков Е. Ф. Душа человека XVII–XVIII веков (на материале европейского искусства) // Вестн. КемГУКИ. – 2016. – № 35. – С. 34–43.
7. Кантор А. М. Изобразительное искусство XX века. – М.: Искусство, 2013. – 230 с.
8. Кормин Н. А. Онтология эстетического. – М.: Наука, 1992. – 117 с.
9. Любимов Л. Искусство Западной Европы. – М.: Просвещение, 2002. – 320 с.
10. 500 шедевров. – М.: Слово, 1995. – 511 с.
11. Трофимов П. С. Основные закономерности исторического развития искусства (историко-социологические очерки). – М.: Искусство, 2000. – 239 с.
12. Тэн И. Философия искусства. – М.: Республика, 2006. – 351 с.
13. Франк С. Л. Предмет знания. Душа человека. – СПб.: Наука, 1995. – 655 с.
14. Шпенглер О. Закат Европы. – Новосибирск: Наука, Сибирская издат. фирма, 1993. – 592 с.

References

1. Andronikova M. Portret. Ot naskal'nykh risunkov do zvukovogo fil'ma [Portrait. From cave paintings to the sound film]. Moscow, Iskuststvo Publ., 2000. 424 p. (In Russ.).

2. Benua A. *Istoriya zhivopisi vseh vremen i narodov* [Istoriya zhivopisi vseh vremen i narodov]. St. Petersburg, 1912, part 1, vol. 13. 112 p. (In Russ.).
3. *Zapadnoevropeyskiy risunok (XV-XX vekov.)* [Western European drawing (XV-XX centuries)]. Leningrad, Aurora Publ., 2011. 375 p. (In Russ.).
4. Ioffe I.I. *Sinteticheskaya istoriya iskusstv. Vvedenie v istoriyu khudozhestvennogo myshleniya* [Synthetic history of arts. Introduction to the history of artistic thinking]. Leningrad, OGIz, Lenizogiz Publ., 1933. 568 p. (In Russ.).
5. Kazakov E.F. *Dusha evropeyskogo cheloveka* [The soul of the European man]. Kemerovo, 2012. 463 p. (In Russ.).
6. Kazakov E. F. *Dusha cheloveka XVII-XVIII vekov (na materiale evropeyskogo iskusstva)* [The soul of man XVII-XVIII century (on the material of European art)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2016, no. 35, pp. 34-43. (In Russ.).
7. Kantor A.M. *Izobrazitel'noe iskusstvo XX veka* [Art of the 20th century]. Moscow, Art Publ., 2013. 230 p. (In Russ.).
8. Kormin N.A. *Ontologiya esteticheskogo* [The ontology of the aesthetic]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 117 p. (In Russ.).
9. Lyubimov L. *Iskusstvo Zapadnoy Evropy* [The Art Of Western Europe]. Moscow, Education Publ., 2002. 320 p. (In Russ.).
10. *500 shedevrov* [500 masterpieces]. Moscow, Slovo Publ., 1995. 511 p. (In Russ.).
11. Trofimov P.S. *Osnovnye zakonomernosti istoricheskogo razvitiya iskusstva (istoriko-sotsiologicheskie ocherki)* [The main regularities of the historical development of art (historical and sociological essays)]. Moscow, Iskusstvo Publ., 2000. 239 p. (In Russ.).
12. Ten I. *Filosofiya iskusstva* [The philosophy of art]. Moscow, Republic Publ., 2006. 351 p. (In Russ.).
13. Frank S.L. *Predmet znaniya. Dusha cheloveka* [The subject of knowledge. The soul of man]. St. Petersburg, Science Publ., 1995. 655 p. (In Russ.).
14. Shpengler O. *Zakat Evropy* [The Decline Of Europe]. Novosibirsk, Nauka Publ., Siberian publishing firm, 1993. 592 p. (In Russ.).

УДК 398.22(44):821.133.1

ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА И ВЫРАЖЕНИЕ МЕНТАЛЬНОСТИ В СТАРОФРАНЦУЗСКОМ ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЕРОИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ «ПЕСНЬ О РОЛАНДЕ»)

Норкина Елена Алексеевна, аспирант, кафедра теории речи и перевода, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (г. Саранск, РФ). E-mail: norkina.elena@bk.ru

В эпоху глобализации проявления культурного многообразия народов возрастают, что связано с целью сохранения ими своей самобытности. Для изучения данной проблемы все больше трудов ученых затрагивает такое понятие, как этническая картина мира, которая хорошо прослеживается в художественной культуре и литературных памятниках народа. По мнению большинства ученых, эпос отражает значительные явления и события в жизни людей, рисует гигантскую картину народных деяний, разворачивает действие на огромном пространстве земли. Вместе с тем в эпосе даны детальные подробности о жизни людей, быте, культуре, истории, нравах, традициях, обычаях и обрядах. Эпос не допускает нарушения равновесия в жизнеописании, сосредоточения внимания на каком-либо частном явлении. Изображение целостности бытия является одной из ведущих функций эпоса. В древних литературных памятниках можно отыскать следы зарождения той или иной культуры, проследить становление менталитета определенной нации, понять их мировоззрение. Таким образом, этническая картина мира нации все чаще находит свое отражение в эпическом творчестве народа, где в образах главных героев показан национальный характер и особенности менталитета всего народа, что представляет собой огромное поле для исследования.

Ключевые слова: этническая картина мира, менталитет, этнос, культура, эпос, этноцентризм, ре-этнизация, самобытность.

ETHNIC PICTURE OF THE WORLD AND EXPRESSION OF MENTALITY IN ANCIENT FRENCH HEROIC EPIC (ON THE BASIS OF HEROIC POEM "THE SONG OF ROLAND")

Norkina Elena Alekseevna, Postgraduate, Department of Theory of Speech and Translation, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation). E-mail: norkina.elena@bk.ru

During a globalization the cultural diversity of the people increases, that is connected with the purpose to keep the originality. The originality is an ability to think or express oneself in an independent and individual manner or it is a creative ability. For studying this problem more and more, works of scientists affect such a concept as an ethnic picture of the world which is well traced in art culture and literary monuments of the nation. According to most scientists, the epos reflects the considerable facts and events of people's life, presents a huge picture of national history. At the same time, the epos is about life of people in details, their culture, historical customs, traditions and ceremonies. In the epos, there is a balance in the biography focusing on any private phenomenon. The image of integrity of life is one of the leading functions of the epos. In ancient literary monuments, it is possible to find traces of origin of culture, to retrace a formation of mentality of a certain nation, to understand their outlook. Thus, the ethnic picture of the world of the nation even more often reflects in epic art of the people where the main character is an ideal of national character and an example of mentality of all people; what is shown that this problem has a huge field for research. The scientists explore the ancient novels for having the information about period when this art of literature was written, then they analyse the structure of text and the insides of characters and make a conclusion about national identity. This problem is so big for research.

Keywords: ethnic picture of the world, mentality, ethnos, culture, epos, ethnocentrism, reethnisation, cultural identity.

В настоящее время среди ученых возникает повышенный интерес к изучению этнической картины мира как средству выражения особенностей культуры определенного этноса. Ведь несмотря на то, что в эпоху глобализации человечество становится более целостным и единообразным сообществом, проявление культурного разнообразия возрастает. Культурное многообразие составляют различные этнические сообщества, уже исторически сложившиеся и адаптированные к окружающей среде. Этническая общность является носителем уникальной этнической картины мира, без которой невозможно формирование личности и сохранение самобытности культуры. Поэтому так важен процесс реэтнизации, резкое усиление влияния этнического фактора в современной политике и культуре [1, с. 68].

Первоначально термин «картина мира» в своих трудах начали использовать такие ученые, как Г. Герц и М. Планк, подразумевая под этим понятием системную организацию и синтез существующего знания как совокупность норм, цен-

ностей, расположенных в определенной иерархии и характерных для определенной культуры. О. Шпенглер предполагал, что понятие «картина мира» несет более объемный смысл и имеет более размытые трактовки, чем понятия «культура» и «общество» [10, с. 138].

С точки зрения культурологического аспекта, термин «картина мира» появляется тогда, когда необходимо воссоздать представления человека о мире во всей полноте и целостности, историческую реконструкцию мировосприятия, возникшего в определенный исторический период и в определенной этнической среде. В основе человеческой культуры лежит символ, который является нам в результате восприятия картины мира эпохи, воплощаемой в произведении искусства посредством этнической картины мира [6, с. 71]. Тезис о том, что культура и этническая картина мира тесно связаны между собой, находит свое подтверждение в трудах таких ученых, как Д. Кэмпбелл, М. Сегал. Такой подход к изучению картины мира позволяет рассматривать ее в рам-

ках какой-либо культурной эпохи и проследить типы мировоззрения того исторического периода [2, с. 226].

Проявление этнической картины мира или ментальности той или иной нации раскрывается преимущественно на материале истории или художественной культуры, древнеисторического эпоса. Наряду с лингвистическим анализом текста в этом случае необходим расширенный философский взгляд на текст, позволяющий рассматривать текст как метафору космического масштаба, отражающую частицу жизни человечества [6, с. 23]. Попытки изложить свою самобытность с помощью эпического слова есть показатель высшего уровня рефлексивной способности качественно нового этапа развития культуры этноса. Эпос – это своего рода попытка свести множество мифов в цельное повествование, объединенное общими идеями и общей стратегией развития событий. И хотя этот процесс занял в своем развитии не одно тысячелетие, невозможно переоценить его фундаментальное значение в возникновении феномена цивилизации. Национальный образ мира, склад мышления народа, его идеалы, нравы и традиции закреплены в художественной словесности народа. Эпическое творчество французского народа, в котором идея этноцентризма выражается всегда ярко, отражает разновременные исторические этапы и становления их этнического сознания («Песнь о Роланде»). Эта особенность единого сознания обусловила их особую активную деятельность в создании собственного государства, в стремлении военно-политического доминирования, в защите и расширении границ своей страны, в поисках возможностей для равноправного диалога с маврами и сарацинами. Сознание этноса включает две взаимосвязанные составляющие: теоретический уровень и уровень обыденного сознания. В теоретический уровень входит идеология, то есть обобщенные взгляды этноса на жизнь и общество. Обыденное же сознание выступает как общественная психология: реакция людей на воздействия окружающей их среды. К тому же здесь стоит учесть и подсознание (инстинкт, интуиция), ментальность, самосознание, которые также находят свое специфическое отражение в эпических формах [5, с. 172]. Произведения, отражающие процесс эволюции этнического сознания французской нации, не только составляют бесцен-

ный фонд устного и письменного творчества, но и отражают теоретический уровень их сознания. Среди таковых, прежде всего, следует указать на те памятники, которые, несмотря на их временное и жанровое различие, являются близкими по своему идейному содержанию, по своей генетической связи с «эпическими настроениями». Они являются своеобразным романтический тип идентичности, состоящий в выделении некоторой особой исторической эпохи французского народа [3, с. 211].

Дух этнического общества ищет выхода в прекрасных образах героической жизни. Гегель указывал на готовность и желание смертельного риска как на самую основную человеческую черту «первого человека». Воинский эпос – чувство врожденного превосходства, основанное на готовности к смертельному риску – оставался ядром культуры аристократического общества по всему миру. Образы героического эпоса в свою очередь начинают существенно влиять на культуру в целом и личную позицию каждого члена этнического общества, закаляя мужество и воспитывая чувство долга. Через произведения эпического характера в сознании этноса закрепляются этнические установки, представляющие собой готовность индивидов воспринимать явления национальной жизни и межнациональных отношений в качестве эталона и действовать в конкретной ситуации соответственно этому восприятию [4, с. 247].

Персонажи героических эпопей – это «живые люди, правда, могучие, сильные, необыкновенные, но все-таки люди, со всеми их слабостями, несмотря на все свои огромные достоинства и содействие сверхъестественных сил». Национальный характер как комбинация природного и социального компонентов демонстрирует меру согласованности и конфликтности двух этих начал в характер французов. Не сотрудничество, а конфликт заставляет людей объединяться в общества, а потом полнее развивать потенциал этого общества. Здесь присутствует мифология и своя символика, которая имеет коммуникативное значение внутри этнической системы [7, с. 312].

Характерной чертой этнического самосознания французов явился вектор национальной идеи, ориентированный на историческое прошлое этноса, с актуализацией позитивов героического

прошлого, которое воспринималось в обществе как образ «идеального будущего». Если для отдельного индивида основой изменения этнического сознания может послужить смена обстановки, новое культурное окружение, то для этноса важным фактором предстает постепенная смена ценностных ориентаций или появление иных внешних и внутренних культурно-политических и социальных условий существования, ведущих к изменению этнической картины мира. При этом процесс замещения ценностных доминант может иметь вид акцентуации на те или иные фрагменты общепринятого порядка, присущие традиционному эпическому выражению этнического сознания [8, с. 183].

Героический эпос французов представлен множеством великих произведений, отражающих ментальность, культурную, историческую и этническую картину мира. Основным историческим памятником французской культуры является «Песнь о Роланде». В мире существует всего 9 списков данной песни, но самым известным считается Оксфордский вариант, найденный в библиотеке Оксфорда. До наших дней дошло около 300 неточных строф на старофранцузском языке. Песнь описывает исторические факты, происходившие в то время на территории франкского государства. Названия племен (сарацины, мавры, франки), их количество и быт того времени точно переданы. Прослеживается и менталитет народа через героев данного произведения:

- Карл Великий: мужественный император, поистине великий, завоеватель, защитник церкви и государства, отважный и храбрый, мудрый стратег. (В этом ряду стоят и другие выдающиеся личности Франции – Наполеон, Шарль де Голь);

- Роланд: отчаянный, отважный и преданный воин, борющийся за свою родину до последнего, беззаветно любящий свое государство. (Именно в образе этого героя показана ментальность французского народа, такого же дерзкого, отчаянного, не дающего в обиду свою страну, нацию, культуру и т. д. Даже символ Франции, галльский петух, говорит о характере данной нации. В качестве примера здесь можно упомянуть национальную героиню Жанну д'Арк).

- Гунелон: коварный, заносчивый, мстительный. (Эти качества также можно обнаружить в характере французов, рассматривая примеры из истории).

С другой стороны, Гунелон – это образ предателя, который руководствуется собственными интересами, типичный пример феодальной непокорности.

- Оливьер: преданный и верный друг-попутчик Роланда. Вдумчивый, осторожный воин, с чувством ответственности за своих бойцов и за исход боя. Его мудрые слова очень четко его характеризуют:

*Храбрость с умом – не блажь,
а безрассудство*

*Дороже нам умеренность, чем глупость,
Франки падут за ваше неразумье,
Карл не узрит вовек от нас услуги.*

Здесь ждет вас смерть, а Францию отсюда.

(Образ Оливьера сильно перекликается с образами-символами Франции – мушкетерами).

Анализируя данную поэму в контексте культурной и этнической картины мира, четко выделяются основные черты и особенности мировоззрения французского народа. Французы очень любят себя и гордятся тем, что они принадлежат, как они считают, к самой лучшей нации в мире. Поэтому, может создаться впечатление, что чувство собственного достоинства они впитывают с молоком матери. Для них характерен стереотип, что они достойны только самого лучшего лишь потому, что они французы. Французы являются истинными патриотами своего языка.

Еще один фактор, повлиявший на становление французского менталитета – это религия. Исследования, проводимые в данной области, показывают, что христианство для французов в качестве веры практически не имеет значимости. Это связано с тем, что христианство во Франции имело свои специфические черты, над ним смеялись знаменитые философы и мыслители (Дидро, Вольтер, Рабле), шла борьба между церковью и государством. Все это привело к тому, что влияние церкви было ослаблено, духовенство проявляло неприглядную сторону своего бытия – пьянство, разврат, алчность, лицемерие [9, с. 213].

Мы считаем, что мировоззрение французского народа является достаточно закрытой от внешних воздействий системой в силу ее содержательной наполненности. Доминантным социокультурным смыслом, из которого питалась и

до сих пор питается французская ментальность, на наш взгляд, была и остается Античностью, с ее представлениями о праве, общественной пользе, красоте телесной и духовной, с ее приверженностью гармонии. Некоторые черты французского характера были заложены в эпоху формирования французской нации. Французы обязаны своим индивидуализмом кельтам, любовью к праву и порядку – римлянам, предприимчивым и острым умом – франкам [8, с. 273].

Этническая картина мира – это особый мир, который конструируется каждым индивидом в процессе жизнедеятельности и имеет intersubъективный характер. Она представляет собой конструкт, существующий а priori для каждого представителя этноса и для этноса в целом. Раз-

ные народы и культуры по-разному чувствуют и воспринимают пространство, у каждого формируется свое представление о действительности. Можно сказать, этническая картина мира придает особую окраску общей картине мира, являясь дискурсом взаимоотношений человека и социальной реальности. Приобщение к этнической картине мира дает возможность субъектам понимать друг друга, поэтому intersubъективный характер определяет ее сущность [9, с. 129].

Таким образом, этническая картина мира французской нации сложилась из исторических и литературных памятников, события истории внесли огромный вклад в формирование менталитета французов как нации великой, чувственной и гордой.

Литература

1. Бахтин М. М. Эпос и роман. – СПб.: Азбука, 2000. – 304 с.
2. Борко Т. И. Образ культурного героя в шаманской мифологии народов Сибири // Религиоведение. – 2005. – № 1. – С. 5–14.
3. Вундт В. Проблемы психологии народов [Электронный ресурс]. – URL: www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/.../PsNar_Index.php.
4. Дерига Е. С. Сущность и структура этнической картины мира в контексте конструирования социальной реальности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Томск: НГТУ, 2008. – 28 с.
5. Зверев О. В. Этническая картина мира как выражение менталитета этноса // Вестн. МГУ культуры и искусств. – 2011. – № 4. – С. 105–108.
6. Ивлева А. Ю. Интерпретация текстов «Потока сознания»: аксиологический и лингвистический аспекты // Вестн. Сибир. ин-та бизнеса и информ. технологий. – 2013. – № 3 (7). – С. 64–67.
7. Леонтьев А. А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). – М.: Смысл, 2001. – 392 с.
8. Мельникова Г. Поговорим о французах. – М.: Чистые пруды, 2007. – 31 с.
9. Холмурадова Л. Э. Этническая история французского народа и его образа жизни: лингвокультурологический аспект // Вестн. Челябин. гос. ун-та. – 2013. – № 20 (311). – С. 114–116.
10. Шпенглер О. Закат Европы. – М.: Эксмо, 1993. – Т. 1. – 800 с.

References

1. Bakhtin M.M. *Epos i roman [An epos and a novel]*. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000. 304 p. (In Russ.).
2. Borko T.I. *Obraz kul'turnogo geroya v shamanskoy mifologii narodov Sibiri [The image of the cultural hero in shaman mythology of the people of Siberia]*. *Religiovedenie [Religion Studies]*, 2005, no. 1, pp. 5-14. (In Russ.).
3. Vundt V. *Problemy psikhologii narodov [The problems of psychology of the people]*. (In Russ.). Available at: www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/.../PsNar_Index.php.
4. Deriga E.S. *Sushchnost' i struktura etnicheskoy kartiny mira v kontekste konstruirovaniya sotsial'noy real'nosti: avtoref. dis. kand. filos. nauk [The essence and the structure of an ethnic picture of the world in the context of designing of social reality. Author' abstract of diss. PhD in philosophical sciences]*. Tomsk, NGTU Publ., 2008. 28 p. (In Russ.).
5. Zverev O.V. *Etnicheskaya kartina mira kak vyrazhenie mentaliteta etnosa [The ethnic picture of the world is as expression of mentality of ethnos]*. *Vestnik MGU kul'tury i iskusstv [Journal of MSU of culture and arts]*, 2011, no. 4, pp. 105-108. (In Russ.).
6. Ivleva A.Yu. *Interpretatsiya tekстов "Potoka soznaniya": aksiologicheskiy i lingvisticheskiy aspekty [The interpretation of texts of "Consciousness stream": axiological and linguistic aspects]*. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologiy [Journal of Siberian Institute of business and informational technologies]*, 2013, no. 3 (7), pp. 64-67. (In Russ.).

7. Leont'ev A.A. *Deyatel'nyy um (Deyatel'nost', Znak, Lichnost')* [Active mind (Activity, Sign, Personality)]. Moscow, Smysl Publ., 2001. 392 p. (In Russ.).
8. Mel'nikova G. *Pogovorim o frantsuzakh* [Let's talk about French]. Moscow, Chistye prudy Publ., 2007. 31 p. (In Russ.).
9. Kholmuradova L.E. Etnicheskaya istoriya frantsuzskogo naroda i ego obraza zhizni: lingvokul'turologicheskiy aspekt [Ethnic history of the French people and its modes of life: linguoculturological aspect]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Journal of State University of Chelyabinsk], 2013, no. 20 (311), pp. 114-116. (In Russ.).
10. Shpengler O. *Zakat Evropy* [The Decline of the West]. Moscow, Eksmo Publ., 1993, vol. 1. 800 p. (In Russ.).

УДК 304.2

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ПРАВОСЛАВИЯ И ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ

Тресвятский Лев Алексеевич, доктор культурологии, доцент, доцент кафедры пенитенциарной психологии и пенитенциарной педагогики, Кузбасский институт ФСИН России (г. Новокузнецк, РФ). E-mail: lev-35@mail.ru

К наиболее важным чертам православной культуры в России следует отнести: византизм, восточно-христианский мистицизм и традиционализм. Общеизвестно, что православие играло ведущую роль в процессе формирования единой русской культуры.

Мистическая направленность православной культуры, особая интенсивность духовной жизни объясняется тремя причинами. Во-первых, напряженная религиозная жизнь была свойственна прежде всего Востоку. Достаточно отметить, что ни одна из мировых религий не появилась на Западе. Во-вторых, государственная власть на Востоке препятствовала активизации социально-политической деятельности. В-третьих, основные христианские центры были сосредоточены именно на Востоке.

Вполне корректно говорить о развитии русского национального характера, когда на смену языческим представлениям постепенно пришло христианско-православное восприятие мира. Религиозный опыт Византии оказался крайне востребованным на русской почве. Духовно-нравственная жизнь в Русской православной церкви развивалась благодаря связи с Константинопольским патриархатом, но в значительной степени её силы были направлены на вхождение в число ведущих православных Церквей. Православие как религиозная доктрина наднациональна, но каждый народ вносит в православную культуру свою специфику, свойственное и доступное только ему понимание Христовых истин. Православное воспитание, образование, искусство, отношение к существующей власти, сохраняя традиционность, проявляли свою особую специфику на местной почве.

В средневековой Руси православие действительно становится господствующей религией и всё русское население формально становится православным. Церковь и общество как часть русского православного мира, начинают действовать в рамках единой системы.

Ключевые слова: религия, православие, православная культура.

MAIN LINES OF ORTHODOXY AND ORTHODOX CULTURE IN RUSSIA

Tresvyatskiy Lev Alekseevich, Dr of Culturology, Associate Professor, Associate Professor of Department of Penitentiary Psychology and Penitentiary Pedagogics, Kuzbass Institute of Federal Service of Execution of the Punishment of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: lev-35@mail.ru

Very important lines of orthodox culture in Russia are: Bizantizm, eastern Christian mysticism and traditionalism. It is conventional that Orthodoxy played the leading role in a process of uniform Russian culture formation.

The mystical orientation of orthodox culture, special intensity of spiritual life is explained by three reasons. First, intense religious life was peculiar first of all to the East. It is enough to note that any of world religions haven't appeared in the West. Secondly, the government in the east interfered with activation of socio-political activity. Thirdly, the main Christian centers have been concentrated exactly in the East.

It is quite correct to speak about development of Russian national character when pagan representations were gradually succeeded by Christian and Orthodox perception of the world. Religious experience of Byzantium was extremely demanded on the Russian soil. Spiritual and moral life in Russian Orthodox Church developed for communication with Constantinople patriarchy, but substantially its forces have been directed to entry into number of the leading orthodox churches. It is important to understand that Orthodoxy is the religious supranational doctrine, but each people bring the specifics in orthodox culture, peculiar and available only to them understanding Christ of truth. Orthodox education, education, art, relation to the existing power, keeping the traditional character showed the specifics on the Russian soil.

Orthodoxy becomes the dominating religion in medieval Russia and all Russian population formally becomes the Orthodox Christian. The church and society as a part of the Russian orthodox world, begin to work within the uniform system.

Keywords: religion, orthodoxy, orthodox culture.

Православное христианство пришло на Русь из Византийской империи. Именно Византийская модель внутрицерковной жизни и отношений между государством и Церковью становится определяющей в социально-политической и культурной жизни страны. Православие устраивало светскую власть, так как оно не претендовало на ведущую политическую роль в обществе. Православная церковь вытесняла языческие верования из народной среды при помощи силы государства. Положение государственной религии позволило православию упрочить свои позиции в стране. Церковь всегда была благодарна государственной власти за православную «ориентацию», и со своей стороны оказывала идеологическую поддержку правящей элите. Такие отношения в православной традиции именуются «симфонией», когда светская и духовная власть друг друга поддерживают при политическом господстве государства и культурно-идеологической мощи Церкви.

Общепризнанно, что православие играло ведущую роль в процессе формирования единой русской культуры, и нет особой надобности останавливаться на этом вопросе. Православная церковь способствовала объединению северорусских земель вокруг Москвы, падению золотоордынского ига, успешному противостоянию российского государства внешнеполитическим противникам. В высшей форме единение светской и духовной власти произошло при первом царе из рода Романовых – Михаиле, когда патриархом был его родной отец. Материальное и идеологическое

значение Церкви было заметно подорвано в ходе преобразований Петра I и дальнейшей политики секуляризации его приемников [3].

К особенности православия на российской почве относится её восточно-мистическая направленность, которая до определённой степени была унаследована от Византии. Это весьма заметно на фоне эволюции католической церкви, которая считала себя господствующей и по отношению к светской власти. По этому поводу А. Г. Ерманов отмечает: «Православие иначе ориентировано, нежели католичество. Оно более направлено к духовным ценностям, к глубинному постижению существа веры, но не к прагматическим интересам, как католичество» [2, с. 21].

Мистическая направленность православной культуры, особая интенсивность духовной жизни объясняется тремя причинами. Во-первых, напряжённая религиозная жизнь была свойственна, прежде всего, Востоку. Достаточно отметить, что ни одна из мировых религий не появилась на Западе. Во-вторых, государственная власть на Востоке препятствовала активизации социально-политической деятельности. В-третьих, основные христианские центры были сосредоточены именно на Востоке.

К другой особенности российского православия относится притязание на особую мессианскую роль в православном мире. Н. А. Бердяев в работе «Душа России» приходит к выводу, что русскому народу были свойственны мессианские черты. Он отмечает: «Все своеобразие славянской

и русской мистики – в искании града Божьего, града грядущего, в ожидании сошествия на землю Небесного Иерусалима, в жажде всеобщего спасения и всеобщего блага, в апокалиптической настроенности» [1, с. 22]. Вначале русское православие боролось со своей «периферийностью». Христианство в византийском варианте пришло на русскую землю чуть ли не тысячелетие после его появления. К официальной дате «Крещения Руси» в 988–989 годах основные духовные и административные центры христианства были уже давно сформированы. Руси было достаточно лишь перенять тот административно-идеологический и культурный опыт, который был накоплен Византией. По этой причине оказалось востребованным полумифическое сказание о проповеди апостола Андрея у восточных славян и основании Креста в том месте, где будет впоследствии основан Киев. Для Русской православной церкви это сказание имеет важное значение, так как оно позволяет обосновать особую её роль в православном мире. Более того, русские православные не стремились подвергнуть это мифологическое предположение критике, а, наоборот, всячески его поддерживали. Не случайно в «Очерках по истории русской церкви» такой известный церковный историк, как А. В. Карташёв не подверг особому сомнению факт пребывания апостола Андрея на реке Днепр.

Хотя духовно-нравственная жизнь в Русской православной церкви развивалась благодаря связи с Константинопольским патриархатом, но в значительной степени её силы были направлены на вхождение в число ведущих православных Церквей. Религиозный опыт Византии оказался крайне востребованным на русской почве. С развитием православной культуры, русские стремились, с одной стороны, быть ортодоксальными последователями «греческой веры», с другой стороны, культурно-организационная зависимость от константинопольского патриархата всегда тяготила Русскую православную церковь, которая стремилась и добилась абсолютной самостоятельности и независимости. Этот процесс практически завершился с появлением у РПЦ своего патриарха в 1589 году.

В результате диалога и противостояния соседним восточным и западным народам, тяги к самостоятельности и определённой изолированно-

сти вследствие географических и политических причин происходит формирование основ русской православной культуры. Вполне корректно говорить о развитии русского национального характера, когда на смену языческим представлениям постепенно пришло христианско-православное восприятие мира. Православие как религиозная доктрина наднациональна, но каждый народ вносит в православную культуру свою специфику, свойственное и доступное только ему понимание Христовых истин. Православное воспитание, образование, искусство, отношение к существующей власти, сохраняя традиционность, проявляли свою особую специфику на русской почве. Поэтому следует различать православие и православную культуру. Православие есть религиозное вероучение, основанное на опыте Церкви и выраженное в догматах. Православная культура есть всегда форма адаптации вероучения к жизни того или иного народа в определённую эпоху со своими особенностями.

Духовная культура православия в России диалектично развивалась на двух противоположных принципах: ритуально-обрядовом и внутренне религиозном. Первое начало часто называют «обрядоверию», но это определение, на наш взгляд, недостаточно корректно. Термин «обрядоверие» фиксирует такое положение, что в ходе эволюции православия в России обряд становится господствующей формой веры, в ходе чего строгое и бездумное соблюдение обряда почти убило «живой дух» истинной веры. Например, православный неистово молился, бил поклоны, раздавал милостыню, после чего он мог творить беззакония и греховные дела. Наиболее ярким примером «обрядовера» является Иван Грозный, который повелел молиться за убиенных по его приказу людей, просил за свои деяния у Бога прощения, но не прекращал убийств. В конце жизни Иван IV даже попытался при помощи обряда «перехитрить» Бога, приняв за несколько минут до смерти монашеский постриг. По традиции считалось, что грехи человеку полностью прощаются при крещении и при поступлении в число монахов [5].

Особая роль обряда в Русской православной церкви известна, но это со статической точки зрения. Только диалектический подход позволяет полнее понять причину господства обряда

на определённом этапе развития Русской православной церкви и российского общества. Нормы в православной культуре имеют важное, но не первостепенное значение. Цикл религиозных правил был направлен на то, чтобы христианин впоследствии более-менее самостоятельно мог «следовать за Христом», не боясь отпасть от истинной, с православной точки зрения, веры, уйти в секту или раскол. В святоотеческой литературе выделяются периоды духовного роста. На первом, достаточно продолжительном этапе христианин является своего рода учеником и должен следовать определённым правилам. Он поступает так скорее всего из чувства страха за последующее наказание после смерти. Но на втором этапе, когда христианин уже не младенец в духовном понимании, а зрелый муж, то он творит молитвы, поклоны, соблюдает посты и многое другое осознанно с целью избежать бесовских уловок и быть достойным попасть в Царство Небесное. Третий этап, монашеская жизнь, был доступен единицам, монашеский путь считался «царским», узким, но наиболее верным способом угодить Богу. В период «крещения Руси» вряд ли можно говорить о глубокой христианской вере у подавляющей части населения, но постепенно положение было исправлено. В той или иной форме основы православного вероучения прививались населению доступными для него способами, то есть через литургическую службу, обряды, почитание икон и т. п.

В средневековой Руси православие действительно становится господствующей религией, и всё русское население формально становится православным. Церковь и общество как часть русского православного мира начинают действовать в рамках единой системы. Общество разнородно, поэтому не все, по тем или иным причинам, желают «спасти» в христианском понимании. Восточным славянам было без особой разницы во что верить – в «православного Бога» или языческих божков. В этом смысле значительная часть общества относительно безболезненно и безропотно перешла от язычества в христианство [4]. Самое главное, что вера, как таковая, всё равно была и даже способствовала формированию единой культуры русского народа. Только постепенно,

прежде всего на бытовом уровне, православная вера становится уже способом самоидентификации. В народной ментальности чуть ли не на подсознательном уровне закрепляется деление всех на «нас православных» и врагов – «поганых».

Ещё в IV–VII веках в Византии стало развиваться такое глубоко духовное направление в монашестве, которое получило название исихазма. Из Византии на Русь пришла традиция устраивать монастыри и особо почитать монашествующих. Именно русские монастыри становятся особыми центрами по сохранению и передаче духовной культуры православия в нашей стране. В этой связи среди первых русских монастырей выделяется Киево-Печерская лавра. Не столько от стен монастыря, сколько от монаха-подвижника зависело развитие духовной культуры в нашем Отечестве. Отцами внутренней духовной традиции православия на Руси становятся Антоний (984–1073) и Феодосий Печерские (ок. 1036–1074), которых Церковь именует преподобными. В самом начале особая роль в развитии монашества принадлежала Антонию. Он был русским из Любеча Черниговской земли и принял постриг якобы на Афоне – духовном центре исихазма. По преданию, Антоний с Афона был специально направлен на Русь для развития монашества.

Хотя экстенсивное развитие православной культуры в России становится постепенно доминирующим, но исихастские традиции не оказались полностью забытыми. Сосредоточенное внутреннее развитие православной культуры сохраняется, хотя и в слабой форме. В XVIII – **первой половине XIX века** появляются отдельные приверженцы Иисусовой молитвы, и даже происходит восстановление исихазма через деятельность Оптиной пустыни. Наиболее последовательным и известным исихастом в России позднего периода становится Серафим Саровский.

Таким образом, можно заключить, что на основе принятия православия собственно православная культура на Руси формировалась постепенно и достаточно долго, вбирая в себя национально-характерные черты, которые, в свою очередь, отражали перипетии русской истории, особенности геополитического положения и, безусловно, суровые климатические условия.

Литература

1. Бердяев Н. Душа России. – Л.: Сказ, 1990. – 30 с.
2. Еманов А. Г. Христианство и русская история // Религия и церковь в Сибири: сб. науч. ст. и документ. мат-лов. – Тюмень: Тюмен. гос. ун-т, 2000. – Вып. 13. – С. 16–25.
3. Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: реформы и контрреформы в России XVIII века: Опыт целостного анализа. – М.: РГГУ, 2001. – 575 с.
4. Клибанов А. И. Духовная культура средневековой Руси. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 368 с.
5. Скрынников Р. Г. Иван Грозный. – М.: Изд-во АСТ, 2001. – 480 с.

References

1. Berdyaev N. *Dusha Rossii [Soul of Russia]*. Leningrad, Skaz Publ., 1990. 30 p. (In Russ.).
2. Emanov A.G. *Khristianstvo i russkaya istoriya [Christianity and Russian history]. Religiya i tserkov' v Sibiri. Sbornik nauchnykh statey i documental'nykh materialov [Religion and church in Siberia. Collection of scientific articles and documentary materials]*. Tyumen, Tyumen State University Publ., 2000, iss. 13, pp. 16-25. (In Russ.).
3. Kamenskiy A.B. *Ot Petra I do Pavla I: reformy i kontre reformy v Rossii XVIII veka: Opyt tselostnogo analiza [From Peter I to Paul I: reforms and counter-reforms in Russia XVIII century: Experience holistic analysis]*. Moscow, RGGU Publ., 2001. 575 p. (In Russ.).
4. Klibanov A.I. *Dukhovnaya kul'tura srednevekovoy Rusi [Spiritual culture of medieval Russia]*. Moscow, Aspekt Press Publ., 1996. 368 p. (In Russ.).
5. Skrynnikov R.G. *Ivan Groznyy [Ivan Groznyy]*. Moscow, AST Publ., 2001. 480 p. (In Russ.).

УДК 304.2

ДИАЛЕКТИКА ВНЕШНЕГО И ВНУТРЕННЕГО В ВОСПРИЯТИИ БРАКА И СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА РУСИ В ДОПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ

Жилинина Наталья Александровна, преподаватель, Кузбасская православная духовная семинария (г. Новокузнецк, РФ). E-mail: zhilianina@yandex.ru

В статье рассматриваются актуальные в настоящее время вопросы истории и культуры семейных отношений на Руси в допетровскую эпоху. Сейчас причины многих современных социальных проблем принято искать в реформах, проведенных Петром I в XVII веке. Однако уже в допетровскую эпоху наметилась парадигма культурного развития русского общества, которая в последующее время дополнялась, изменялась и переоценивалась. Рассмотрение указанного периода тем более актуально, что позволяет увидеть первопричины возникновения многих кризисных явлений в жизни современного общества. Семья как ценность в российской культуре сложилась не сразу, для этого потребовалось значительное время. Один из этапов этого развития культуры семьи в русском обществе предлагается к рассмотрению. В указанное время характер социальных отношений на Руси можно определить как «обрядовое благочестие». Явление это в целом противоречивое, поскольку возникает резонанс между внешними формами семейной жизни людей и нравственным содержанием этих форм. Как причины этого резонанса в статье указываются: во-первых, характер христианизации русских людей и, как следствие, сохранявшееся долгое время полужыческое восприятие христианской веры; во-вторых, общий низкий уровень образования и просвещения основной массы населения; в-третьих, недостаточное осознание обществом того времени возможностей развития семейных отношений.

Ключевые слова: культура семейных отношений, православная культура, средневековая семья на Руси, положение женщины, Домострой, обрядовое благочестие.

DIALECTICS OF EXTERNAL AND INTERNAL IN PERCEPTION OF MARRIAGE AND FAMILY RELATIONS IN RUSSIA DURING THE PRE-PETRINE PERIOD

Zhilyanina Natalya Aleksandrovna, Instructor, Kuzbass Orthodox Theological Seminary (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: zhilianina@yandex.ru

In the article, the questions of history and culture of the family relations during a pre-Petrine period in Russia which are actually now considered. Now it is customary to look for the reasons of many modern social problems in the reforms having been carried out by Peter I in the 17th century. However, during pre-Petrine period, the paradigm of cultural development of the Russian society had already been outlined and supplemented, changed and revalued in the subsequent time. It is necessary to study culture of the Russian society during this period. It is so possible to see the prime causes of emergence of many crisis phenomena in life of modern society. The family as a value in the Russian culture had not developed directly, it required considerable time. One of stages of this cultural development of a family in the Russian society is offered to consideration. At the appointed time, the nature of the social relations in Russia can be determined as “ritual piety”. The phenomenon is in general contradictory as there is a resonance between the external forms of people’s family life and the moral content of these forms. The reasons of this resonance mentioned in the article are: first, it is the nature of Christianization of the Russian people and, as a result, the remaining semi-pagan perception of Christian belief for a long time; secondly, it is the total low level of education and enlightenment of most people; thirdly, it is insufficient understanding of opportunities of the development of the family relations by the society at that time.

Keywords: culture of family relations, Orthodox Culture, medieval family in Russia, position of woman, Domostroy, ceremonial piety.

Культура брака и семейных отношений на Руси на протяжении всего своего существования находится под воздействием христианской и языческой парадигм. Христианство, достаточно быстро свергнув идолопоклонство и заняв центральное место в официальной религиозной жизни всего русского народа, не смогло, однако, вытеснить язычество из сферы семейно-бытовых отношений. Этому можно назвать несколько причин. Во-первых, язычество древних славян находилось на слишком низкой ступени своего развития, чтобы серьезно противостоять распространению христианства. Это был период перехода от поклонения силам природы до олицетворения этих сил в личных образах [5, с. 11]. Также общинный менталитет русских людей требовал от них следовать примеру князей и бояр, которые «если бы новая вера была не хороша... не приняли бы ее» [5, с. 6]. По богослужебному развитию славянская языческая религия находилась в переходном состоянии от домашнего культа к общественному. Поэтому уничтожить небольшие капища, свергнув идолов и заменив их православными храмами, было не

самой сложной задачей для христианских миссионеров. Высшие божества славянского пантеона были забыты достаточно быстро. Но ни духовная, ни гражданская власть не имела возможности войти в частные дома и запретить отправления домашнего культа [5, с. 12]. Эти домашние обряды сохранялись очень долгое время. Большинство из них были тесно связаны с семейно-бытовыми отношениями, со значимыми для семьи событиями, такими как свадьба, рождение ребенка, похороны.

После крещения Руси следующим поворотным моментом в истории нашего государства стало свержение монголо-татарского ига. На первый план выходят, конечно же, негативные последствия: разрушенные города, храмы, монастыри, угнанные в плен люди, жестокие поборы и грабежи. Киевская Русь фактически перестала существовать. В результате только начального монгольского погрома были разрушены 49 городов из 74, были уничтожены памятники культуры, количество уведенного в плен населения составляет 10 % [2, с. 22]. Тем не менее влияние трехсотлетнего татарского владычества не сосре-

доточивается только на внешних разрушениях и бедствиях. Русские люди начинают думать иначе, чувствовать иначе и верить иначе. Русские князья понимают необходимость объединения. Там, где кровное родство оказалось бессильным и не могло помешать постоянным междоусобицам, повлияли единство православной веры и сильный внешний враг. Победа над татаро-монголами оказалась возможной благодаря процессам, произошедшим в обоих государствах: и на Руси, и в Золотой Орде. Происходит заметное ослабление Монголии после смерти Чингис-Хана, укрепление и объединение русских княжеств вокруг Москвы. На смену Киевской Руси приходит Русь Московская. Зарождение и развитие в XVI веке идеи «Москва – Третий Рим» является продолжением процессов, начавшихся незадолго до победы на Куликовом поле.

В культурном плане все это означает расцвет русской национальной идеи. Освободившаяся от ига Русь по-новому смотрит на свое предназначение в мире. Вновь построенные храмы и монастыри наполнились верующими людьми. Это уже несколько иной уровень обращения к христианству. Если воспитанные в язычестве поколения напоминали маленьких детей, которым рассказали про Единого Богу-Троицу и которые вроде бы и поверили, но в то же время не хотели расставаться со своими старыми игрушками-идолами, то победившие монголо-татар уже могли вполне осознанно благодарить Бога за эту победу.

Светская культура до Петровских реформ фактически ограничивалась русской национальной идеей и ни в чем не противоречила христианской культуре. Процесс секуляризации начнется позднее, когда в обществе назреет недовольство реальным положением вещей. А в XV–XVI веках все русское общество единодушно стремится к христианскому идеалу жизни. Это проявляется во всех сферах и не может не влиять на культуру семейных отношений.

В общественной идеологии этого времени безоговорочно господствует образ монашеского жития. А. И. Алексеев отмечает, что «впервые влияние монашества на русское общество становится заметным в XV веке, в XVI веке это влияние достигает своего апогея, а в XVII столетии постепенно идет на спад» [1, с. 51]. Путь монашеский, путь «ангельский» всеми признается

за бесспорный эталон земного пути человека. Практически в каждой семье кто-либо из детей уходит в монастырь. Более того, в быт семейных людей входит такое понятие, как «монастырь в миру». Люди стремятся всю свою жизнь подчинить строгим правилам, близким к монастырскому уставу. Когда дети становятся взрослыми, многие благочестивые супруги по договоренности между собой принимают монашеский постриг. Это даже становится своего рода традицией.

Семья как таковая не является культурной ценностью. Плотские отношения между супругами воспринимаются как нечто нечестное, как неизбежное зло ради продолжения рода, на них накладывается множество ограничений. Эти ограничения не имеют никакого обоснования в Евангелии или в ранних творениях святых отцов, однако оказываются очень устойчивыми в русской христианской традиции, и некоторые из них сохраняются даже до настоящего времени.

Существует яркое и неоднозначное свидетельство, характеризующее в полной мере быт и нравы людей этого времени. «Домострой», написанный протопопом Сильвестром Медведевым в XV веке, – произведение в некотором роде уникальное.

«Домострой» регламентирует жизнь с хозяйственной и с духовной стороны. Хозяйственная часть посвящена множеству бытовых вопросов от ремонта саней до засолки грибов. Логическим продолжением «Домостроя» стала известная всем в советское время книга под названием «Домоводство», в которой также можно найти указания и советы относительно семейной жизни.

В «Домострое» глава семьи, отец, ставится на уровень абсолютного господина как над слугами, так и над домочадцами. Он имеет неоспоримое право решать все насущные вопросы, распоряжаться всем имуществом, наказывать провинившихся по своему усмотрению. Супруга и дети юридически приравниваются к собственности главы семьи и не имеют права голоса [6, с. 47].

Необходимо отметить, что протопоп Сильвестр не выдумывал что-либо от себя, его произведение лишь отражает господствовавшие в обществе взгляды на семью и на роль женщины в ней. Как пишет О. А. Огородникова, «брак-договор не допускал свободного выбора будущего брачного партнера по взаимной любви, за исключением

случаев, когда жених был зрелым состоявшимся человеком и самостоятельно вел переговоры о будущей свадьбе» [8, с. 58]. Необходимо признать, что участь женщины в то время была достаточно тяжелой. Молодые девушки еще пользовались относительной свободой, могли участвовать в гуляньях, в хороводах. О том, что происходило за стенами терема и какой была частная жизнь семьи того времени, достоверных сведений сохранилось немного, а выводы, которые следуют из них, бывают достаточно противоречивыми. Так, очень многие исследователи-историки в своих умозаключениях опираются на письма и дневники путешественников-иностранцев, посещавших Россию в указанный период. Сигизмунд Герберштейн, например, пишет, что «положение женщин на Руси в XVI веке было весьма плачевным: мужчины не верят в честь ни одной женщины, если она не живет взаперти дома и не находится под такой охраной, что никуда не выходит; мужчины не признают женщину целомудренной в том случае, если она дает на себя смотреть посторонним или иностранцам. Заключение дома женщины только прядут и сучат нитки» [2, с. 23]. После замужества, совершавшегося исключительно по воле родителей, женщина оказывалась фактически запертой. Жизнь простых женщин, наполненная тяжелой работой и домашними хлопотами, допускала проявление определенной самостоятельности и свободы в поведении и общении. Для представительниц высших сословий самоутверждение в обществе практически исключалась, их существование была эмоционально бедным, монотонным и предсказуемым. Мир знатной женщины был ограничен теремом, который она покидала крайне редко и обязательно с согласия главы семьи [8, с. 59]. Другой иностранец, итальянский дипломат Амброджо Контарини в своем «Рассказе о путешествии в Москву в 1476–1477 годах» особо отмечал тяжесть и монотонность ежедневной работы, которая ложится на женские плечи: независимо от социального положения нравы и культурные традиции, а также уставы Церкви не позволяли женщине пребывать в праздности, разве что в тяжелой болезни. Это касалось практически всех жен и дочерей из высших сословий на протяжении всей допетровской эпохи.

По традиции молодые супруги отправлялись жить в дом родителей мужа, и отношения невест-

ки со свекровью, обладавшей реальной властью в доме, складывались не всегда по-родственному. Лишенная возможности применять и проявлять где-либо свои способности и таланты, кроме ведения хозяйства, женщина могла проводить свое время за рукоделием или чтением священных книг (грамотной была меньшая часть населения). Иногда в доме останавливались странницы, которые рассказывали об иных землях, о чудесах, передавали сплетни и сочиняли сказки.

Если в доме были слуги, которые выполняли всю основную работу, то у хозяйки было всего два пути: строить «монастырь в миру», уходить полностью в молитвенную жизнь либо предаваться обжорству, пьянству и пустословию [5, с. 102]. Поэтому жесткие требования, которые предъявлялись к женщине, с одной стороны, не давали развиваться различным порокам (очень строгое, даже жестокое отношение было к блудницам, неверным женам), а с другой стороны, воздействуя лишь только внешним образом, не снимали внутренних противоречий семейной жизни того времени.

Это наиболее распространенная точка зрения на культуру семейных отношений допетровской эпохи, согласно которой женщина все время своей жизни находилась в крайне угнетенном положении, на правах служанки или рабыни была вынуждена терпеть любые прихоти и требования своего мужа, неся на своих плечах всю тяжесть домашних забот и имея очень мало (не имея совсем) времени и возможностей для отдыха и развлечений. Этот взгляд на положение женщины сложился еще в XIX веке в трудах таких исследователей, как А. В. Терещенко (книга «Быт русского народа»), И. Е. Забелин, Н. И. Костомаров (см. [9, с. 145]). Многие придерживаются такого мнения и в настоящее время. Профессор С. Н. Гавров считает, что «патриархальная семья и патриархальные семейные отношения... воспроизводят авторитарную социокультурную традицию, характеризуемую отсутствием у людей гражданских прав, политическим и экономическим угнетением личности» [3, с. 12].

Если рассмотреть другие документальные свидетельства, то мы увидим, например, что «самостоятельное распоряжение женщин землей было распространенным явлением для XV–XVI веков. Сохранившиеся акты земельных

сделок говорят о прекрасной осведомленности многих грамотных женщин того времени в ценах на землю и постройки на ней. Вопросы, связанные с покупками дорогостоящих товаров или значительных земельных массивов, очень часто оказывались в центре повседневных раздумий умных и рачительных хозяек из среды аристократии. В сохранившихся летописях и актах, описывающих быт и юридическую реальность только в XIV–XV веках, число сведений о распоряжении женщин землею достаточно велико» [2, с. 24] и в совокупности составляет около 20 %.

При этом статус семейной женщины был достаточно высоким, к нему стремились, и «самым большим несчастьем для девушки было остаться незамужней. Даже самая неподходящая партия – партнер, имеющий психические отклонения, пьяница, даже преступник, – предпочиталась одиночеству. К “старым девам” относились настороженно или вовсе издевались и насмехались над ними, используя богатый арсенал оскорблений, среди которых наиболее обидным было прозвище “вековуша”. Бытовало мнение, что одинокой останется женщина, имеющая серьезные физические или моральные проблемы» [8, с. 58]. Средневековое общество оставалось типично патриархальным, главенствующая роль отводилась мужчине. Однако только вместе муж и жена составляли «дом», неженатый мужчина не являлся социально полноправным членом общества и оставался при отцовском доме в подчиненном положении [8, с. 60]. Все эти факты говорят в пользу семьи, которая, по своей культурной ценности не достигнув еще вершины развития, оставалась наиболее предпочтительной альтернативой жизни людей допетровской эпохи (исключая, разумеется, ищущих монашеского подвига).

Не вызывает споров идея о том, что центром и смыслом русской средневековой семьи было рождение как можно большего количества детей. Идеальный образ русской женщины того времени – это прежде всего образ многодетной матери. Это убеждение оставалось долгое время очень устойчивым в сознании людей благодаря тому, что в основе его лежали одновременно и церковные установления, и соображения практической пользы для семьи. В условиях тяжелой работы, возможного голода, войн и других лишений многодетная семья имела больше шансов элементарно выжить.

Расторжение брака при наличии серьезных причин Православной церковью не поощрялось, но допускалось. Самой распространенной причиной была невозможность жены принести потомство. Особенно часто по этой причине расторгались династические браки. Другой нередко встречающейся причиной было прелюбодеяние, или супружеская измена. Общество более лояльно относилось к измене мужа, чем к прелюбодеянию жены. Не всегда обвинение было доказанным, часто хватало простого навета, чтобы женщина вернулась в родительскую семью, навсегда получила наименование «пущенницы» и презрительное отношение к себе со стороны общества и родных. Жениться на такой женщине означало навлечь позор на себя и свой дом. Также допустимыми причинами для расторжения брака признавались пострижение одного из супругов в монахи, неспособность к супружескому сожитию, жестокое обращение, крайняя бедность, государственное преступление, безвестное отсутствие одного из супругов, знание о покушении на жизнь мужа и недонесение ему о том, заторное поведение, заразительная болезнь, увод жены в плен.

За всю историю Руси в допетровскую эпоху не зафиксировано ни одного случая бракоразводного процесса по инициативе жены, хотя мужчины часто использовали такую возможность. Практиковалось насильственное пострижение в монахи. К XVII веку случаи эти настолько участились, что потребовался специальный Указ (1681) патриарха Иоакима, запрещающий постригать в монахи жену при живом муже или мужа при живой жене. Нарушивший этот указ не имел права вступать в повторный брак.

Таким образом, христианская культурная традиция, особым образом преломляясь в сознании русских людей, оказывала колоссальное влияние на культуру семейных отношений, но влияние это нельзя назвать только положительным. Рядом с идеалом монашеской жизни, на второй ступени стоит жизнь семейная, совершенно не оцененная по своей внутренней силе и благодати. Приняв из христианства «букву закона», множество людей того времени замкнулось в пустом обрядоверии, совершенно исключив из своей жизни учение о Божественной любви. Брачные отношения на Руси XV–XVI веков больше похожи на ветхозаветные отношения. Учение о спасении обращено

к отдельному человеку и как бы исключает из себя семью. Патриархальный уклад, в целом здоровый и верный подход, очень часто бывал извращен и перевернут человеческой жестокостью и равнодушием.

Причины этого кроются, конечно же, не в христианской традиции как таковой. Вероятно, главной причиной можно считать общий низкий образовательный и культурный уровень людей того времени, а также особенности принятия христианства. Проблема чисто внешнего, полужыцкого восприятия вероучительных истин никуда не исчезла, она трансформировалась в жесткие застывшие формы церковных обрядов и правил, обязательных для исполнения, но никому до конца не понятных, даже большей части духовенства. По мнению П. В. Знаменского, «истинное религиозное чувство, которое оживляет обряд и преобразует нравственность человека, было мало развито» [5, с. 100].

Следует отметить, что, несмотря на все кажущиеся неразрешимыми проблемы, в любое время и в любой стране всегда встречались истинно гармоничные семейные отношения, основанные на любви и доверии. И Русь XV–XVI веков не была исключением. Но, рассматривая общие тенденции

и последствия тех или иных событий, приходится признать, что в средневековой Руси отдельная семья, хоть и являлась для основной массы населения наиболее приемлемой формой жизни, однако не достигла той стадии развития, чтобы считаться наиболее значимым явлением в жизни социума. Общество выживало и развивалось не столько за счет семьи, сколько за счет общины, которая состояла часто из дальних и близких родственников. Сами по себе отношения мужа и жены находились на периферии общинной структуры, функционировали на достаточно примитивном уровне и могли достигать совершенства лишь в единичных случаях у особо чутких и одаренных людей, но не на уровне общества в целом.

Как писал в своей книге «Брак в православии» протоиерей Иоанн Мейендорф, «величайшая святыня брака, пока она живет в людях, будет жить в мире падшем и болезненном, будет нуждаться в покровительстве юридических законов и формальностей... Эта формальная, каноническая сторона церковной практики не является самоцелью для Церкви; она лишь указывает пути, по которым христианский идеал брака... может наилучшим образом проявить себя в сегодняшнем мире» [7, с. 58].

Литература

1. Алексеев А. И. Русские монастыри и практика общественного дисциплинирования России до начала Петровских реформ // Урал. ист. вестн. – 2011. – № 3 (32). – С. 50–54.
2. Власкина О. Н., Сипягин Н. А. Положение русской женщины эпохи Домостроя // Наука и культура России: мат-лы VIII Междунар. науч.-практич. конф. – Самара, 2011. – С. 22–25.
3. Гавров С. Н. Семья в контексте традиционного Российского общества: экономические и социокультурные аспекты // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2010. – № 11. – С. 12–19.
4. Горохова О. А. Русская семья X–XVII веков как объект историко-культурологического изучения // Аналитика культурологии. – 2004. – № 1. – С. 102–103.
5. Знаменский П. В. История Русской Церкви. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. – 474 с.
6. Медведев Сильвестр, протопоп. Домострой [Электронный ресурс]. – URL: <http://azbyka.ru/otechnik/Silvestr/domostroj> (дата обращения: 25.05.2016).
7. Мейендорф И. Брак в православии. – Клин: Христианская жизнь, 2004. – 95 с.
8. Огородникова О. А. Брак и семья в Средневековой Руси // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – № 3. – С. 58–63.
9. Яговец В. В. Статус женщины в древнерусском обществе (историографический и методологический аспекты) // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 2. История. – 2009. – № 4. – С. 144–151.

References

1. Alekseev A.I. Russkie monastyri i praktika obshchestvennogo distsiplinirovaniya Rossii do nachala Petrovskikh reform [The Russian monasteries and practice of public disciplining of Russia prior to Petrovsky reforms]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik [Ural historical bulletin]*, 2011, no. 3(32), pp. 50-54. (In Russ.).
2. Vlaskina O.N., Sipyagin N.A. Polozhenie russkoy zhenshchiny epokhi Domostroya [The status of the russian woman of the Domostroy age]. *Nauka i kul'tura Rossii. Mat-ly VIII Mezhdunar. nauchno-praktich. konf. [Science and culture of Russia. Materials of the VIII-th International scientific and practical conference]*. Samara, 2011, pp. 22-25. (In Russ.).

3. Gavrov S.N. Sem'ya v kontekste traditsionnogo Rossiyskogo obshchestva: ekonomicheskie i sotsiokul'turnye aspekty [A family in the context of traditional Russian society: economic and sociocultural aspects]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin Kemerovo state university of culture and arts], 2010, no. 11, pp. 12-9. (In Russ.).
4. Gorokhova O.A. Russkaya sem'ya X–XVII vekov kak ob'ekt istoriko-kul'turologicheskogo izucheniya [The russian family of the 10-17th centuries as an object of historical and culturological studying]. *Analitika kul'turologii* [Analytic of the culturology], 2004, no. 1, pp. 102-103. (In Russ.).
5. Znamensky P.V. *Istoriya Russkoy Tserkvi* [The History of the Russian Church]. Moscow, Patriarchal Compound of Krutitsy Publ., 1996. 474 p. (In Russ.).
6. Medvedev Sylvester, archpriest. *Domostroy*. (In Russ.). Available at: <http://azbyka.ru/otechnik/Silvestr/domostroy>
7. Meyendorf I. *Brak v pravoslavii* [Marriage in Orthodoxy]. Clin, Christian life Publ., 2004. 95 p. (In Russ.).
8. Ogorodnikova O.A. Brak i sem'ya v Srednevekovoy Rusi [Marriage and a family in Medieval Russia]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Actual problems of humanitarian and natural sciences], 2011, no. 3, pp. 58-63. (In Russ.).
9. Yagovets V.V. Status zhenshchiny v drevnerusskom obshchestve (istoriograficheskiy i metodologicheskii aspekty) [The status of the woman in the Old Russian society (historiographic and methodological aspects)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of the St. Petersburg University], Series 2: History, 2009, no. 4, pp. 144-151. (In Russ.).

УДК 1.38.2

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ И РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПОТРЕБНОСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Золотухин Владимир Михайлович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии и социальных наук, Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева (г. Кемерово, РФ). E-mail: zvm64@mail.ru

Козырева Марина Васильевна, старший преподаватель кафедры истории, философии и социальных наук, Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева (г. Кемерово, РФ). E-mail: mv_kozyreva@mail.ru

В статье рассматривается соотношение актуализации, реализации и регламентации потребностей в рамках исследования социокультурного аспекта качества жизни. Гражданское общество является значительным субъектом, оказывающим воздействие на вектор социально-экономической и духовной политики государства. Подчеркивается, что система потребностей А. Маслоу позволяет выявить определенные типы лишений (невозможность удовлетворения соответствующих уровней потребностей) и ценность потребности любого уровня в современных условиях. Отмечается, что нормативные правовые акты обеспечивают реализацию физиологических потребностей и потребностей в безопасности как гарантированный минимум в контексте социальной политики государства. Потребности, обеспечивающие социокультурное содержание качества жизни, регламентированы, как правило, в подзаконных актах и нормах Конституции Российской Федерации. Система потребностей А. Маслоу проецируется на все сферы жизнедеятельности человека: жизнеобеспечения, социального взаимодействия, профессиональную и духовную. В связи с чем становится возможным определить оценку качества жизни общества. Удовлетворение физиологических потребностей свидетельствует о низкой оценке качества жизни, потребности в социальных связях – о средней оценке, а последующее удовлетворение потребностей в признании и самореализации обеспечивает высокое качество жизни. Анализ соотношения качества жизни и потребностей позволяет классифицировать ценности общества в зависимости от реализации потребностей индивидом.

Ключевые слова: потребность, ценность, качество жизни, гражданское общество, культура бедности, свобода выбора, права человека.

SOCIOCULTURAL BASES OF REALIZATION AND REGULATION OF NEEDS FOR THE CONTEXT OF RESEARCH OF SOCIOCULTURAL ASPECT OF LIFE QUALITY

Zolotukhin Vladimir Mikhaylovich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Professor of Department of History, Philosophy and Social Sciences, Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: zvm64@mail.ru

Kozyreva Marina Vasilyevna, Sr. Instructor of Department of History, Philosophy and Social Sciences, Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: mv_kozyreva@mail.ru

In the modern world of people is the value of the state. The constitutional state as institute guarantees to citizens basic rights and freedoms. The principle of “freedom” demands from the state of observance of the counter principle – “the principle of the competition” between all subjects including the individuals. Democratic and sociocultural value forms prerequisites for development of cognitive abilities of a personality.

Essential value in conditions of the market economy is formation of civil society. The institutes developing as a result of coordination of requirements and interests by subjects of civil society provide the favorable sociocultural environment for formation of worthy quality of life of the Russian society.

For research, it is necessary to carry out estimates of quality of life, analysis of a ratio of realization and regulation of individual requirements and interests. For this research A. Maslov used “hierarchy” of needs. It fully corresponds to requirements of industrial society and is projected on all spheres of activity. Besides a “pyramid” of needs, A. Maslov promotes identification of certain types of deprivations therefore to an assessment of life quality, and definition of valuable installations of individuals.

From the point of view of security with the law, the basic are physiological requirements and needs for safety. It is corresponded to structure of a consumer basket. In value terms, it is defined proceeding from the size of a living wage. The analysis of a size of a living wage testifies about considerable shares of expenses on satisfaction of needs for food and clothes and on the contrary, an insufficient share of costs of development of an individual cultural component. In this connection, it is offered to enter the minimum quality standard of life providing not only physiological requirements, but also sociocultural requirements.

Requirements of the third level are needs for social communications and accessories. It is partially satisfied with representatives of middle class. The satisfaction of requirements of three levels provides average quality of life. In Russia, the low share of middle class is noted. Because the average level of quality of life partially corresponds to a standard of living of middle class, it is necessary to develop the sociocultural standard of daily activity. It fully has to correspond to constructive needs of the personality and neutralize the compelled types of deprivations.

High quality of life is formed in case of satisfaction of requirements of the “highest” level. It will be conformed to education of the harmonious and spiritual personality. At this stage of satisfaction of requirement not the result of activity but the process of receiving satisfaction from creative activity is important.

Today in Russia, a considerable share of expenses of the budget of households make needs for food, remain not satisfied by requirements of higher level. In this regard, the minimum quality standard of life and sociocultural standard of daily activity are necessary. These standards will allow increasing the quality of life of the Russian society.

Keywords: requirement, value, quality of life, civil society, culture of poverty, freedom of choice, human rights.

В конце XX века в России произошла трансформация форм государственного устройства, обусловившая качественные изменения пове-

денческих установок общества и модификацию мер социальной политики государства. Реформа политической системы сопровождалась одно-

временной трансформацией типа экономической системы, что, в конечном счете, привело к значительной стратификации российского общества.

Прерогатива демократического политического режима в контексте правового государства – приоритет прав и свобод человека и гражданина, нашедшие отражение в Конституции Российской Федерации в виде норм-принципов и норм-максимов. В соответствии со статьей 2 Конституции Российской Федерации, человек, его права и свободы признаются высшей ценностью государства [3]. Данное положение в полной мере предопределяет российское государство как правовое, требующее формирования и развития гражданского общества, сохраняя при этом исторически сложившуюся самобытность и самоидентификацию, «веру в добро и справедливость» [3].

Гражданское общество как субъект социальных отношений является непрерывным участником, оказывающим воздействие на экономическую, социальную, духовную и политическую сферы жизнедеятельности в условиях рыночной экономики. Основываясь на нормативных социокультурных основаниях регулирования общественных отношений, таких как: свобода труда, свобода «литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества» [3, ч. 1, ст. 44] в целях получения дохода, «право на участие в культурной жизни и пользования учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям» [3, ч. 2, ст. 44], адресная поддержка со стороны государства, принцип равноправия и самоопределения народов, в том числе и право республик на установление своих государственных языков, – институты гражданского общества благоприятствуют достойному формированию качества жизни индивида. Социокультурные потребности и интересы индустриального общества требуют от государства развития соответствующих институтов. В настоящее время большинство потребностей и интересов регламентировано в нормативных актах, создавая правовое основание для их реализации. С точки зрения аксиологического подхода, качество жизни – «это свойство уровня жизни, определяющее степень обогащения индивида различными видами благ в зависимости от величины располагаемого дохода и степени готовности к использованию социальных гарантий» [2, с. 155].

В контексте исследования оценки качества жизни необходимо обратиться к анализу соотношения реализации потребностей индивидов и их регламентации в нормативных правовых актах. В связи с этим, по нашему мнению, целесообразно применить «иерархию потребностей» А. Маслоу, так как последняя проецируется на четыре основные сферы жизнедеятельности индивида: жизнеобеспечения, социального взаимодействия, профессиональную и духовную. С одной стороны, единство структурных элементов способствует выявлению определенных деприваций и исследованию оценки качества жизни, а с другой стороны, относительная независимость «высших» потребностей демонстрирует значимость для раскрытия сущности определенного уровня потребности и ее ценность в социальном бытии.

Исследуя индивидуальные потребности, А. Маслоу классифицировал различные виды потребностей на «высшие» и «низшие», обозначив основные принципы их актуализации. Потребности низшего уровня обладают наибольшей ценностью с точки зрения актуализации потребностей последующих, высших уровней, которые формируются после удовлетворения потребностей первого и второго уровня. Для потребностей высшего уровня необходим ряд условий, зависящих не только от социальной, экономической и культурной политик государства, но и когнитивных способностей индивида, и уровня его дохода. Тем не менее А. Маслоу отметил, что «удовлетворение потребности – это “ценность”. Данное положение одинаково справедливо по отношению к любой потребности...» [5, с. 16]. С данной точки зрения, категория «ценность» рассматривается нами как социокультурная компонента удовлетворения и/или неудовлетворения соответствующего уровня потребности.

В работе «Мотивация и личность» А. Маслоу выделил пять уровней потребностей: 1) физиологические потребности («физиологические позывы»; 2) потребности в безопасности; 3) потребности в социальных связях (потребности в принадлежности и любви); 4) потребность в признании; 5) потребность в самореализации и самоактуализации [5, с. 95].

Итак, потребности первого уровня – физиологические (мы преимущественно рассматриваем потребности в еде, отдыхе и т. д.). Данный уро-

вень потребностей выступает в качестве необходимого минимума для реализации всего спектра потребностей. Физиологические потребности – «самые жизненноважные, самые мощные из всех потребностей, <...> они обладают самой большой движущей силой по сравнению со всеми прочими потребностями. На практике это означает, что человек, живущий в крайней нужде, человек, обделенный всеми радостями жизни, будет двигаться прежде всего потребностями физиологического уровня» [5, с. 98]. Индивид, в первую очередь, удовлетворяет физиологические, а не эмоциональные потребности, связанные с формированием социального капитала. Одновременно с этим, автор подчеркивает, что «физиологическую потребность, или позыв, нельзя рассматривать в качестве образца потребности или мотива, она не отражает законы, которым подчиняются потребности, а служит скорее исключением из правила» [5, с. 97].

Потребности в безопасности (в стабильности, защите, законности, правомерном образе жизни, необходимых, индуцированных ограничениях и т. д.) относятся ко второму уровню актуализации потребностей. Данный уровень потребностей формирует поведенческие установки, ориентирующие индивида в системе нормативно-поведенческих характеристик, и прогнозирует его образ жизни. Существенное воздействие на актуализацию данного вида потребностей оказывают процесс воспитания и характерная для индивидуума социокультурная среда.

Социокультурная среда – это «уровень творческого потенциала окружающих субъекта людей, их рефлексии, характеризующая масштаб частной инициативы, сложившимся шагом новизны, мощностью и характером инноваций, содержанием господствующих ценностей, нравственных идеалов» [10, с. 50]. Поэтому, на наш взгляд, регламентация данного уровня потребностей принципиально важна в федеральных законах, определяющих минимальные стандарты качества жизни. В связи с чем, крайне важно увеличить образовательный потенциал молодежи в условиях социально-экономической трансформации общества и социальной напряженности, что позволит увеличить объем и качество социокультурного знания.

По данным исследований, в 2002 году, исходя из расчета на 1000 человек в возрасте 15 лет и старше, в систему общего образования были вовлечены 139 учащихся, в 2010 – 110 учащихся; в систему профессионального образования в 2002 – 403 человека и в 2010 – 368 человек. В те же периоды времени не имели начального общего образования соответственно – 10 и 6 человек [6, с. 10]. В 2013 году в систему начального и общего образования в возрасте от 5 до 14 лет были вовлечены 95,2 % граждан, в возрасте от 15 до 19 лет – 86,9 % [6, с. 13].

А. Маслоу констатировал, что удовлетворение потребности в безопасности выражается в разнообразных формах исходя из социально-экономической принадлежности человека к определенному классу. Автор проецирует удовлетворение данного вида потребностей преимущественно на представителей «социально и экономически обездоленных классов», отмечая, что наиболее остры «массовые проявления этих потребностей в периоды социальных потрясений» [5, с. 111–112]. В социально здоровой среде данные потребности проявляются в более «мягких формах», например, в поиске работы, предоставляющей социальные гарантии, в накоплении денежных средств, в существовании различных систем страхования и т. д. [5, с. 112].

Итак, первые два уровня потребностей в «иерархии потребностей» А. Маслоу, с нашей точки зрения, в полной мере соответствуют структуре потребительской корзины, что предопределяет вектор исследования. Федеральный закон № 227-ФЗ «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации» [8] требует обращения к таким категориям, как «социально значимые продукты» [8; 7] и «величина прожиточного минимума» [9].

Правительство Российской Федерации законодательно определило и установило перечень социально значимых продуктов питания, которые частично формируют нормативный биологический минимум продовольственных товаров, обеспечивающих необходимый профессионально-физиологический стандарт потребления в зависимости от социально-демографических групп населения (трудоспособного населения, граждан пенсионного возраста и детей в возрасте

до 16 лет). Другая часть потребительской корзины – непродовольственные товары и услуги, поддерживающие жизнеобеспечение организма и сохранность здоровья индивида. Стоимость товаров и услуг определяется в зависимости от стоимости продовольственных товаров и составляет половину их стоимости. В рамках нашего исследования, потребности второго уровня – потребности в безопасности – рассматриваются сквозь призму анализа структуры непродовольственных товаров и услуг. То есть минимальный стандарт стоимости непродовольственных товаров и услуг устанавливается в соответствии с потребностями человека в безопасности, такими как: потребность в одежде, обуви, жилье, передвижении, предметах культурно-бытового значения и социально значимых лекарственных препаратах.

Таким образом, ценность физиологических потребностей и потребностей в безопасности находит реальное воплощение в нормативных правовых актах. Например, потребность в образовании – в нормах Конституции Российской Федерации и Федеральном законе № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», потребность человека в труде, отдыхе и безопасности условий труда обеспечивается нормами Конституции Российской Федерации и Трудового кодекса Российской Федерации, потребность в оказании медицинской помощи находит отражение в Конституции Российской Федерации и Федеральном законе № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», потребность в правомерном поведении – в нормах Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и уголовного закона Российской Федерации, выраженных, главным образом, в виде императивных запретов и пассивных юридических обязанностей, потребность в благоприятной окружающей среде регламентируется нормами Конституции Российской Федерации и Федерального закона № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» и т. д.

В свою очередь, расходы домашних хозяйств, связанные с потреблением продовольственных товаров и услуг, отраженные в Федеральных законах № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» и № 227-ФЗ «О потребительской корзине в целом по Российской

Федерации», а также вышеперечисленные нормативные правовые акты образуют, с нашей точки зрения, так называемый *минимальный стандарт качества жизни*. Сегодня, в рамках реализации принципа социального государства, минимальный стандарт качества жизни ориентирован на расходы малоимущих домашних хозяйств, принимая во внимание социально-экономические и социокультурные особенности субъектов Российской Федерации. Поэтому структура потребительской корзины, следовательно, и величина прожиточного минимума существенно различаются в отдельно-взятых субъектах Российской Федерации. Среди социокультурных особенностей существенную значимость имеют следующие компоненты: природно-климатические условия, определенные поясной зональностью; национальные традиции и обычаи, повседневный уклад жизни, характеризующие особенности потребления благ; преимущественный способ передвижения, соответствующий развитию инфраструктуры региона [7, п. 17–19].

Таким образом, минимальный стандарт качества жизни обеспечивает низший уровень потребностей. Анализ потребления благ позволяет:

- 1) сформировать представление об индивидуальном уровне потребления и/или уровне потребления домохозяйств;
- 2) определить долю граждан (домашних хозяйств), проживающих за чертой бедности;
- 3) установить подлинный уровень доходов граждан и/или домашних хозяйств, а также истинность источника дохода (возможность получения «серых» заработных плат).

Уровень дохода индивида или домашних хозяйств также имеет существенное значение для реализации потребности третьего уровня – потребность в социальных связях и принадлежностях. И. И. Корчагина, исследуя бедность в контексте потребления благ и услуг, акцентирует внимание на невозможности удовлетворения потребности в социальных связях не только малоимущими гражданами, но и представителями среднего класса. Данный аспект проявляется в невозможности проведения совместного досуга или дальней поездки в связи с высокой долей затрат семейного бюджета на реализацию потребностей низкого уровня [4, с. 89–90].

Проблема реализации данного уровня потребности среди представителей бедных граждан связана с формированием «культуры бедности». Малоимущие граждане, в первую очередь, стремятся реализовать удовлетворение физиологических потребностей и частично потребности в безопасности, ограничивая свой вклад в социальный капитал общества (отказ от празднования важных событий, встреч с друзьями и другое) [1].

Актуализация потребности третьего уровня свидетельствует о средней оценке качества жизни. Социально-экономические предпосылки, обеспечивающие реализацию потребности в социальных связях, позволяют говорить о недостаточной доли среднего класса в структуре российского общества, что определяет задачи государства по усовершенствованию инструментов социально-экономического воздействия на условия жизни, вызванные хаотичностью рыночной системы. Актуализация потребностей, обеспечивающих среднее качество жизни в современной России, столкнулась с невозможностью их реализации. Следовательно, государству необходимо разработать социокультурный стандарт качества жизни, соответствующий удовлетворению конструктивных потребностей и интересов граждан.

Потребности высшего уровня – потребность в признании, характеризующая достоинство личности, значимость его интересов и способствующая формированию репутации, и потребность в самореализации – направлены на формирование ценностей нематериальных благ, обеспечивающих высокую оценку качества жизни.

С нашей точки зрения, потребность в признании эксплицирует социально-экономический статус личности и уровень социокультурного знания. А. Маслоу в данной потребности выделяет две формы актуализации: потребности, связанные с «достижением», и потребности, аккумулирующие «потребность в репутации или в престиже» [5, с. 121]. Первая форма потребности данного уровня предопределяет «желания и стремления, связанные с понятием “достижение”». Человеку необходимо ощущение собственного могущества, адекватности, компетентности, ему нужно чувство уверенности, независимости и свободы» [5, с. 121]. Потребности второй формы – созда-

ют предпосылки для определения субъективно-объективной характеристики профессиональных и иных действий индивида, выраженной в признании и одобрении социумом [5].

Тем не менее индивид, реализовавший потребность в признании, стремится к гармоничному взаимодействию с окружающей действительностью. Актуализация потребности в самореализации требует от индивида изменения повседневного образа жизни, обращения к чувству прекрасного. Автор мотивационной теории определил самореализацию как «стремление человека к самоосуществлению, к воплощению в действительность потенциально присущих ему возможностей. Это стремление можно назвать стремлением к самотождественности, самобытности» [5, с. 124]. Особенность удовлетворения данной потребности, по мнению А. Маслоу, проявляется в ценности процесса созидательного действия, а не его результата.

А. Маслоу гуманную личность наделяет высокими духовно-нравственными качествами, чувством достоинства и уважения к оппонентам, к их проблемам независимо от индивидуальной принадлежности к условиям жизни, отличных от условий жизни самодостаточного человека [5, с. 475–477]. Данные качества обуславливают формирование «чувства вины» за элитарность среды, в которой высоконравственный человек реализует потенциальные способности [5, с. 439].

Таким образом, потребности, способствующие формированию среднего и высокого качества жизни частично отражены в указах Президента Российской Федерации о реализации запланированных мероприятий в определенном временном периоде, посвященных социально-значимым институтам и явлениям (например, Указы Президента «О проведении в Российской Федерации Года семьи» (2008), «О проведении в Российской Федерации Года культуры» (2014) и др. Кроме того, в Конституции Российской Федерации также содержатся нормы, направленные на инициативу граждан, стремящихся к реализации соответствующего качества жизни: право на участие в культурной жизни, право на получение высшего образования, право на занятие предпринимательской деятельностью; поддержка детства, семьи, материнства и т. д. [3].

В современных условиях реализация качества жизни обеспечивается принципами всеобщности, свободы выбора и конкуренции. А. Маслоу также акцентировал должное внимание на функциональной зависимости удовлетворения основных потребностей от условий, гарантированных правовыми нормами, исходящими от органов государственной власти и местного самоуправления. К таким условиям автор, прежде всего, отнес: «...свободу слова, свободу выбора деятельности, <...> свободу самовыражения, право на исследовательскую активность и получение информации, право на самозащиту, а также социальный уклад, характеризующийся справедливостью, честностью и порядком» [5, с. 125].

В условиях рыночной экономики и демократического политического режима особой ценностью признаются права на свободу выбора и конкуренцию, так как позволяют реализовать накопленный творческий и трудовой потенциал и выразить его как результат созидательной деятельности.

Проанализировав структуру потребностей, на наш взгляд, целесообразно выделить следующие виды ценностей:

1) нормативные – ценности, актуализирующиеся в результате удовлетворения потребностей первого и второго уровней. Такой вид ценностей имеет нормативный характер, находит отражение в структуре законодательства Российской Федерации и основных международных нормативных актах – Всеобщей декларации прав человека и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах;

2) «основополагающие ценности» (А. Маслоу) – ценности, формирующиеся в культурной (социокультурной) среде, воспитывающие честность, справедливость, порядочность, гуманизм,

добро, уважение к личности, право выбора, право на жизнь и иные демократические права, гарантированные государством. Данная группа ценностей формируется при непосредственном участии субъектов гражданского общества, призванных обеспечить социальную справедливость, социальное равенство и нравственное обеспечение общества;

3) эстетические ценности – ценности, приобретаемые в результате удовлетворения потребностей высшего уровня. Для формирования этих ценностей требуется признание предыдущей группы ценностей, а также приобретенные социокультурные навыки и умения.

Итак, соотношение уровней потребностей и оценки качества жизни создает предпосылки для формирования следующих ценностей: нормативных, основополагающих и эстетических. Сегодня, органам государственной власти и местного самоуправления целесообразно создать условия формирования эстетических потребностей и совершенствования основополагающих потребностей. Основополагающие потребности важны для морально-нравственного воспитания личности, обеспечения социокультурного основания воспроизводства самобытности и идентификации российского общества. Среди нормативных ценностей социокультурную значимость следует придать культурному развитию и воспитанию личности. В связи с этим, необходимо разработать стандарты, обеспечивающие качество жизни – минимальный стандарт качества жизни и социокультурный стандарт повседневной жизнедеятельности. В настоящий момент все существующие нормативы преимущественно направлены на обеспечение уровня жизни, что, в конечном итоге, усложняет исследование социокультурного аспекта качества жизни.

Литература

1. Беглова Е. И. Социокультурные особенности феномена бедности в России [Электронный ресурс] // Соврем. исслед. соц. проблем (электрон. научн. журн.). – 2012. – № 9(17). – URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/9/beglova.pdf>. – Загл. с экрана (дата обращения: 25.03.2016).
2. Золотухин В. М., Козлова М. В., Щенников В. П. Социально-философская интерпретация качества жизни // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. – 2012. – Вып. 2 (50). – С. 151–155.
3. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993] (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства РФ. – 04.08.2014. – № 31. – ст. 4398.

4. Корчагина И. И. Немонетарное измерение бедности и социальной уязвимости населения России // Народонаселение. – 2015. – № 2. – С. 82–94.
5. Маслоу А. Мотивация и личность [Электронный ресурс]. – М.: Директ-Медиа, 2008. – 948 с. – URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book_red&id=39200&sr=1. – Загл. с экрана (дата обращения: 05.10.2015).
6. Образование в цифрах: крат. стат. сб. – М.: Нац. исслед. ун-т «Высш. шк. экономики», 2014. – 80 с.
7. Об утверждении методических рекомендаций по определению потребительской корзины для основных социально-демографических групп населения в субъектах Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 28 янв. 2013 года № 54 (в ред. от 19.08.2014). – п. 17–19 // Собр. законодательства РФ. – 04.02.2013. – № 5. – ст. 395.
8. О потребительской корзине в целом по Российской Федерации: федеральный закон от 03.12.2012 № 227-ФЗ // Рос. газ. – 07.12.2012. – № 238.
9. О прожиточном минимуме в Российской Федерации: федеральный закон от 24.10.1997 № 134-ФЗ (ред. от 03.12.2012) // Рос. газ. – 29.10.1997. – № 210.
10. Соловьева Т. С. Социокультурная среда региона как фактор формирования интеллектуального потенциала // Проблемы развития территории. – 2010. – № 4. – С. 49–57.

References

1. Beglova E.I. Sotsiokul'turnye osobennosti fenomena bednosti v Rossii [Social and cultural characteristics of the phenomenon of poverty in Russia [Electronic resource]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Recent studies of social problems], 2012, no. 9(17). (In Russ.). Available at: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/9/beglova.pdf> (accessed 25.03.2016).
2. Zolotukhin V.M., Kozlova M.V., Shchennikov V.P. Sotsial'no-filosofskaya interpretatsiya kachestva zhizni [Socio-philosophical interpretation of the quality of life]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kemerovo State University], 2012, no. 2 (50), pp. 151–155. (In Russ.).
3. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii [prinята всенародным голосованием 12.12.1993] (s uchetom popravok, vneshennykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ) [The Constitution of the Russian Federation [adopted by popular vote 12/12/1993] (taking into account the amendments made to the Law on Amendments to the Constitution of the Russian Federation from 30.12.2008 6-FCL, from 30.12.2008 number 7 FCL from 05.02.2014 number 2- FCL, from 21.07.2014 number 11 FCL)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Meeting of the legislation of the Russian Federation], 04.08.2014, no. 31, st. 4398. (In Russ.).
4. Korchagina I.I. Nemonetarnoe izmerenie bednosti i sotsialnoy uyazvimosti naseleniya Rossii [Non-monetary dimension of poverty and social vulnerability of the population of Russia]. *Narodonaselenie* [Population], 2015, no. 2, pp. 82–94. (In Russ.).
5. Maslou A. *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and Personality]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2008. 948 p. (In Russ.). Available at: [iblioclub.ru/index.php?page=book_red&id=39200&sr=1](http://biblioclub.ru/index.php?page=book_red&id=39200&sr=1) (accessed 27.03.2016).
6. *Obrazovanie v tsifrah: kratkiy statisticheskiy sbornik* [Education at a Glance: a brief statistical compilation]. Moscow, Natsional'nyy issledovatel'skiy universitet "Vysshaya shkola ekonomiki" Publ., 2014. 80 p. (In Russ.).
7. Ob utverzhdenii metodicheskikh rekomendatsiy po opredeleniyu potrebitel'koy korziny dlya osnovnykh sotsial'no-demograficheskikh grupp naseleniya v sub'ektakh Rossiyskoy Federatsii: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 28 yanvarya 2013 goda № 54 (v red. ot 19.08.2014), p. 17–19 [Approval of the guidelines for the definition of the consumer basket for the main socio-demographic groups in the Russian Federation: Resolution of the Russian Government dated 28 January 2013 number 54 (as amended on 19.08.2014.). Sec. 17–19]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Meeting of the legislation of the Russian Federation], 04.02.2013, no 5, art. 395. (In Russ.).
8. O potrebitel'skoy korzine v tselom po Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 03.12.2012 № 227-FZ [On the consumer basket in the whole of the Russian Federation: the Federal Law of 03.12.2012 number 227-FZ]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper], 07.12.2012, no. 238. (In Russ.).
9. O prozhitochnom minimume v Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 24.10.1997 № 134-FZ (red. ot 03.12.2012) [On subsistence minimum in the Russian Federation: the Federal Law of 24.10.1997 number 134-FZ (as amended on 03.12.2012.)]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper], 29.10.1997, no. 210. (In Russ.).
10. Solov'eva T.S. Sotsiokul'turnaya sreda regiona kak faktor formirovaniya intellektualnogo potentsiala [Socio-cultural environment of the region as a factor in the formation of intellectual potential]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of development of the territory], 2010, no. 4, pp. 49–57. (In Russ.).

УДК 008 (045)

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ТРАДИЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ДИЗАЙНЕ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Юркова Марина Викторовна, аспирант, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск, РФ). E-mail: MarinaYurkova23@yandex.ru

Статья посвящена влиянию использования элементов традиционной художественной культуры в промышленном дизайне на формирование региональной идентичности. Данная взаимосвязь рассматривается на примере интернет-проекта, посвященного художественным росписям Русского Севера. Региональная идентичность – это своеобразное отношение человека к своей «малой родине», которое зависит от складывающегося у него образа территории, на которой он проживает. Трудности с формированием позитивного образа существуют во многих российских регионах, поэтому проблема исследования факторов, влияющих на него, достаточно актуальна. Одним из таких факторов являются региональные художественные традиции. Однако знакомство с ними не всегда носит систематический характер, поскольку в образовательном процессе не всех регионов этому уделено достаточно внимания. Одним из способов обращения к художественным традициям региона является их внедрение в промышленный дизайн, поскольку дизайн одновременно и создает предметную среду, и формирует отношение человека к ней. Помимо формирования региональной идентичности, использование традиционной художественной культуры в промышленном дизайне позволит актуализировать культурное наследие и выгодно представить регион на международном и национальном уровнях. Виртуальный проект «Ru.branding project. Русские росписи в современном дизайне» имеет цель сохранить и актуализировать «забытые росписи Руси». Из росписей, распространенных на территории Архангельской области, там представлены северодвинские и мезенская, каждой из которых посвящено несколько проектных идей.

Ключевые слова: региональная идентичность, образ региона, дизайн, резьба и роспись по дереву, художественная культура Русского Севера.

ART TRADITIONS IN A MODERN DESIGN AND ITS INFLUENCE TO FORMATION OF THE REGIONAL IDENTITY

Yurkova Marina Viktorovna, Postgraduated, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation). E-mail: MarinaYurkova23@yandex.ru

The article is devoted to the influence of the use of elements of traditional artistic culture in industrial design to the formation of a regional identity. This relationship is considered by the example of the Internet project which focuses on to the art of painting of the Russian North. Regional identity is a kind of relation of human to his “native land” which depends on the generated image of the territory in which he resides. The difficulties with the formation of a positive image exist in many regions of Russia. Therefore, the problem of factor investigation which influences its formation attracts much attention today. The regional art traditions are one of these factors. However, familiarization with these traditions is not systematic, since insufficient attention is paid to this topic in the educational process. One way to implementation in industrial design is one way of discovering of the artistic traditions of the region, because the design creates a subject environment and forms a human’s relation to it. Using the traditional artistic culture in industrial design not only forms the regional identity, it allows to update the cultural heritage and to present the region at the international and national levels favorable. Virtual project “Ru.branding project. Russian painting in modern design” has a goal to maintain and update the “forgotten paintings of Russia.” The paintings widespread in the territory of modern Arkhangelsk region are paintings of the Northern Dvina and Mezen presented in this project.

Keywords: regional identity, image of region, design, carving and wood painting, artistic culture of the Russian North.

Региональная идентичность тесно связана с образом региона в глазах его жителей. Формирование образа зависит от множества факторов, в том числе и от восприятия регионального историко-культурного наследия, одним из объектов которого является прикладное искусство региона. Целью данной статьи является выявление взаимосвязи между актуализацией традиционной художественной культуры посредством дизайна и формированием региональной идентичности.

По определению М. П. Крылова, региональная идентичность – это «совокупность культурных отношений, определяемых понятием “малая родина”, являющаяся местным проявлением «культуры укорененности» [5, с. 360]. При этом «малая родина» понимается как восприятие множественностью взаимодействующих индивидов своей среды обитания, как особой, некой условной целостности, обладающей внутренней культурной и пространственной логикой [6, с. 188]. Понятие «малая родина» не может иметь строго определенного пространственного эквивалента из-за своего субъективного характера, поскольку «у каждого индивида своя малая родина», и отождествление себя происходит не с внешне продиктованным регионом, а со своим, наполненным личным смыслом пространством [5, с. 361]. Таким образом, можно отметить, что региональная идентичность является своеобразным выражением отношения человека к земле, где он был рожден или проживает в настоящий момент [2, с. 339].

Как отмечает Н. А. Докучаев, «процесс региональной идентификации предполагает конкретизацию пространственно-временных координат» [3, с. 81]. В данном случае территория приобретает особый смысл для самосознания человека, культурный ландшафт формирует региональное сообщество и определяет его особенности. Следовательно, «Процесс “о-свое-ния” пространства – это конструирование “идеальной модели территории”» [3, с. 81].

Образ региона как и образ «малой родины» представляет собой «набор отрывочных, казалось бы, малосвязанных между собой словесных, зрительных, поведенческих текстов. Все эти тексты входят в фонд коллективных репрезентаций, тот общий алфавит или лексикон культуры» [9]. Основой для формирования образа региона являются уникальность природного и культурного

ландшафта, исторические и политические события, известные выходы из региона, региональные ресурсы [13, с. 108].

Соответственно, рассматривать региональную идентичность можно в мифологическом, религиозном, художественном, политическом и философском дискурсах [1, с. 199]. Обратимся к художественному дискурсу.

Е. В. Головнева отмечает, что художественный дискурс региональной идентичности выражается в осознании жителями региона себя последователями определенной художественной традиции, выражающейся как в народном, так и профессиональном художественном творчестве [1, с. 201].

Необходимо отметить, что, несмотря на значимость региональных художественных традиций как для знакомства с культурным наследием малой родины, так и для понимания собственной региональной идентичности, далеко не во всех регионах уделяется должное внимание этому компоненту. Как правило, ознакомиться с ним можно при посещении учреждений культуры, тематических мастер-классов или выставок-ярмарок мастеров. Если обратить внимание на сферу образования, то можно отметить, что данная тематика носит факультативный характер и обращаются к ней, в основном, в тематических кружках и учреждениях дополнительного образования детей, посещение которых является необязательным, а также уже при профессиональной подготовке на некоторых гуманитарных и творческих специальностях. Таким образом, приобщение к региональной художественной культуре в большинстве случаев носит нерегулярный характер.

На наш взгляд, еще одним способом обращения к художественным и ремесленным традициям региона является их использование в дизайне. Дизайн, с одной стороны, формирует предметную среду, а с другой – задает отношение человека к этой среде, используя художественные и материальные формы прошлого. Эта историческая рефлексия способствует проникновению проектного сознания в традиционные слои культуры и ставит дизайн в рамки мифопоэтических, природных, социокультурных и прочих аспектов исторического бытия [12, с. 259]. Кроме того, обращение к художественному наследию позволяет формировать представление о культуре региона, его месте в отечественной истории. Связь тра-

диционной культуры с природой, окружающей средой всегда находила отражение как в жизненном укладе, так и в прикладном творчестве. Поэтому использование в дизайне художественных традиций данной территории тесно связано с локальностью места, природным и культурным ландшафтом [12, с. 263].

Стоит отметить, что подобный дизайн выполнял бы сразу несколько очень важных ролей. Во-первых, он позволял бы изучать и актуализировать художественные традиции региона. Во-вторых, такой подход к дизайну способствовал бы своеобразному «сохранению» исторически сложившихся культурно-значимых объектов, имеющих для региона художественную и/или архитектурную ценность, отображая их в предметной среде или виртуальном пространстве. В третьих, подобные разработки позволили бы представлять регион как на национальном, так и на международном уровне. В-четвертых, это способствует ознакомлению жителей с художественной культурой региона, а значит осознанию связей со своей малой родиной, и поддержке региональной идентичности.

Как правило, обращение к традициям региона возможно не во всех видах дизайна, большие архитектурные формы исключают такую возможность, поэтому обращение к местным художественным особенностям в дизайне происходит либо в малых архитектурных формах, либо при создании костюмов и предметов интерьера [12, с. 262].

Архангельская область представляет собой регион с богатыми традициями художественных промыслов и ремесел. Прикладное искусство Архангельского Севера представлено очень широко: резьба и роспись по дереву, резьба по кости, берестяной промысел, каргопольский гончарный промысел и глиняная игрушка, шитье золотом и жемчугом, ткачество, вышивка, лоскутное шитье [7]. Это многообразие могло бы найти отражение в нескольких дизайнерских проектах.

Стоит отметить тот факт, что обращение к образу Русского Севера и его наследия находит свое отражение в имиджевой стратегии Архангельской области [10, с. 128]. Однако на данный момент в регионе не разработано ни одного проекта, направленного на актуализацию художественных ремесел посредством дизайна. Между тем многие символы региона из самых различ-

ных культурных зон получили распространение в интернет-пространстве. Так, каргопольская игрушка и модели ее раскрашивания фигурируют в качестве популярного товара специализированных интернет-магазинов [4], а мезенская роспись вошла в список используемых народных мотивов для печати на одежде и аксессуарах [8].

С этой точки зрения интересен виртуальный проект «Ru.branding project. Русские росписи в современном дизайне». Концепция проекта заключается в переосмыслении подлинных узоров и паттернов из художественных росписей по дереву XVIII – начала XX века с позиций современного дизайна с целью их внедрения в промышленный дизайн. Тем самым преследуются две цели: преобразование окружающей среды и сохранение «забытых росписей Руси» [15].

Учредителями проекта являются рекламная группа Vitamin и Фонд «Открытая коллекция», который занимается сохранением, восстановлением и продвижением народного искусства и культуры Русского Севера [11].

На сайте проекта представлено множество идей внедрения различных художественных росписей в дизайн, в том числе и распространенных на территории современной Архангельской области.

Основой сразу для нескольких дизайнерских разработок послужили северодвинские росписи. Образы, используемые в них, очень колоритны: сюжеты свадебных гуляний и праздничных посиделок, птица Сирин, львы, кони, цветы, живописные растительные орнаменты [7]. Поэтому паттерны, разработанные на основе северодвинских росписей, вышли яркими и разнообразными. Предложения по их применению тоже были различными: от более стандартных решений (использование в интерьере и одежде) до внедрения в городскую среду: оформление остановок, зданий, общественного транспорта (рис. 1).

Один из таких проектов «Орнамент для декорирования посуды на основе ракульской росписи» разработан Оксаной Тарасовой (рис. 2). Паттерн, созданный на ее основе, получился настолько удачным, что уже используется интернет-магазином «i-decor» [14]. Стоит отметить, что, поскольку ведущая тема всех северодвинских росписей – поэтическое отображение северной природы и народного быта [7], то их внедрение в промышленный дизайн способствовало бы

формированию художественного образа «малой родины» как яркого и самобытного региона и, как следствие, укреплению региональной идентичности.

Несколько проектов были также посвящены мезенской росписи. Использование всего двух цветов, красного и черного, привнесло в разработанные паттерны свои нюансы, но, что характерно, традиционные для мезенской росписи образы коня и оленя остались неиспользованными, авторы идей сосредоточились на геометрических узорах. В качестве разработок были предложены фирменный шрифт и система указателей на основе мезенской росписи, но особого внимания, на наш взгляд, заслуживает проект Игоря Рябова «Фирменный стиль для авиакомпании» (рис. 3). Использование паттерна на основе традиционной росписи, таким образом, не только способствовало бы усилению чувства гордости у жителей региона, но и позволило бы выгодно представить его на национальном и международном уровне.

На примере данного проекта видно, что художественные росписи Русского Севера имеют большой потенциал для реализации в промышленном дизайне. Стоит отметить, что и другие распространенные на территории Архангельской области промыслы (резьба по кости, резьба по

дереву, каргопольская глиняная игрушка, шитье золотом и жемчугом, вышивка, лоскутное шитьё, роспись северных козულ) также могли бы быть использованы с этой целью.

В заключение стоит отметить, что актуализация историко-культурного наследия региона является одним из факторов, влияющих на формирование региональной идентичности. Одной из форм такой актуализации региональной художественной культуры является ее внедрение в промышленный дизайн. Символика, поэтичность образов и связь с бытовым укладом и родной природой, характерные для прикладного искусства, способствуют созданию позитивного образа региона в глазах его жителей, пониманию его уникальности, формированию представлений о своей «малой родине». Все это позволило бы решить некоторые аспекты имиджевой стратегии региона, представить его в выигрышном свете на международной и национальной арене. Поскольку Архангельский Север, с одной стороны, обладает богатым наследием в области прикладного искусства, с другой – имеет ярко выраженные проблемы с созданием позитивного образа в глазах жителей региона и имиджевой стратегией, проект, подобный «Ru.branding project. Русские росписи в современном дизайне», был бы очень актуален для региона.

Рисунок 1. Орнамент на основе северодвинской росписи

Рисунок 2. Орнамент для декорирования посуды на основе ракульской росписи

Рисунок 3. Фирменный стиль авиакомпании на основе мезенской росписи

Литература

1. Головнева Е. В. Многообразие дискурсов региональной идентичности // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2014. – № 1 (123). – С. 198–203.
2. Губогло М. Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. – М.: Наука, 2003. – 764 с.
3. Докучаев Д. С. Региональная идентичность российского человека в современных условиях: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. – Иваново, 2011. – 181 с.
4. Интернет-магазин «Сияние Севера» [Электронный ресурс]. – URL: http://ssevera.ru/index.php?categoryID=718&category_slug=igrushki-v-nalichii (дата обращения: 26.05.2016).
5. Крылов М. П. Региональная идентичность // Гуманитарная география: науч. и культур.-просветит. альм. / сост., отв. ред. Д. Н. Замятин. – М.: Ин-т Наследия, 2005. – Вып. 2. – С. 360–363.
6. Крылов М. П. Российское культурно-историческое пространство. Проблема региональной идентичности // Мир психологии: науч.-метод. журн. – 2005. – № 3. – С. 187–200.
7. Культурное наследие Архангельского Севера. Художественные промыслы и ремесла [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cultnord.ru/Hudozhestvennye_promysly_i_remesla.html (дата обращения: 26.05.2016).
8. Ладный магазин. По тегу «Мезенская» [Электронный ресурс]. – URL: <http://ladomag.ru/catalog/tag/mezenskaya> (дата обращения: 26.05.2016).
9. Сандомирская И. Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик [Электронный ресурс]. – URL: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/sadomirskaya-rodina.htm> (дата обращения: 27.05.2016).
10. Фельдт И. Н. Образ Русского Севера и образ Арктики в современной культурной политике Архангельской области // Человек. Культура. Образование: науч.-образоват. и метод. журн. – 2015. – № 3 (17). – С. 122–135.
11. Фонд «Открытая коллекция». О фонде [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.open-collection.com/about> (дата обращения: 25.05.2016).
12. Хомякова И. В. Стратегии регионального дизайна // Регионология. – 2010. – № 1. – С. 258–266.
13. Юренкова Е. А. Визуальный аспект региональной идентичности // Город невест? Брендинг территорий и региональные идентичности: мат-лы всерос. науч. конф. (Иваново, 12–13 сент. 2013 года) / ред. М. Ю. Тимофеева. – Иваново: Изд-во Иванов. гос. ун-та, 2013. – С. 108–109.
14. i-decor. Изготовление предметов декора с дизайнерскими принтами [Электронный ресурс]. – URL: <http://i-decor.pro/ru/sozdat-kollektsiyu?pattern=8> (дата обращения: 26.05.2016).
15. Ru.branding project. Русские росписи в современном дизайне [Электронный ресурс]. – URL: <http://rubranding.com> (дата обращения: 25.05.2016).

References

1. Golovneva E.V. Mnogoobrazie diskursov regional'noy identichnosti [A variety of regional identity's discourses]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [The news of of the Ural Federal University. Ser. 1, Problems of education, science and culture], 2014, no. 1 (123), pp. 198-203. (In Russ.).
2. Guboglo M.N. *Identifikatsiya identichnosti. Etnosotsiologicheskie ocherki*. [Identification of the identity. Ethnosociological essays]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 764 p. (In Russ.).
3. Dokuchaev D.S. *Regional'naya identichnost' rossiyskogo cheloveka v sovremennykh usloviyakh: sotsial'no-filosofskiy analiz*. Diss. kand. philos. nauk [Regional identity of the Russian human in modern conditions: the socially-philosophical analysis. Diss. PhD in philosophy]. Ivanovo, 2011. 181 p. (In Russ.).
4. *Internet-magazin "Siyanie Severa"* [Internet-shop "Shining of the North"]. (In Russ.). Available at: http://ssevera.ru/index.php?categoryID=718&category_slug=igrushki-v-nalichii (accessed 26.05.2016).
5. Krylov M.P. Regional'naya identichnost' [The regional identity] *Gumanitarnaya geografiya. Nauchnyy i kul'turno-prosvetitel'skiy al'manakh* [Humanitarian geography. Scientific and a cultured way-enlightenment almanac]. Moscow, Institute of heritage Publ., 2005, vol. 2, pp. 360-363. (In Russ.).
6. Krylov M.P. Rossiyskoe kul'turno-istoricheskoe prostranstvo. Problema regionalnoy identichnosti [Russian cultural and historical space. The problem of regional identity]. *Mir psikhologii: nauchno-metodicheskiy zhurnal* [The World of Psychology: scientific and methodical journal], 2005, no. 3, pp. 187-200. (In Russ.).
7. *Kul'turnoe nasledie Arkhangel'skogo Severa. Khudozhestvennye promysly i remesla* [The cultural heritage of the Arkhangelsk North. Arts and crafts]. (In Russ.). Available at: http://www.cultnord.ru/Hudozhestvennye_promysly_i_remesla.html (accessed 26.05.2016).
8. *Ladnyy magazin. Po tegu "Mezenskaya"* [Ladny shop. The tag "Mesen"]. (In Russ.). Available at: <http://ladomag.ru/catalog/tag/mezenskaya> (accessed 26.05.2016).

9. Sandomirskaya I. *Kniga o Rodine. Opyt analiza diskursivnykh praktik [Book about Motherland. Experience in the analysis of discursive practices]*. (In Russ.). Available at: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/sandomirskaya-rodina.htm> (accessed 27.05.2016).
10. Fel'dt I.N. *Obraz Russkogo Severa i obraz Arktiki v sovremennoy kul'turnoy politike Arkhangel'skoy oblasti [The image of the Russian North and the image of the Arctic in the modern cultural policy of the Arkhangelsk region]*. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie: nauchno-obrazovatel'nyy i metodicheskiy zhurnal [Human. Culture. Education: scientific, educational and methodical journal]*, 2015, no. 3 (17), pp. 122-135. (In Russ.).
11. *Fond "Otkrytaya kolleksiya". O fonde [The Fund "Open Collection". About the Fund]*. (In Russ.). Available at: <http://www.open-collection.com/about> (accessed 25.05.2016).
12. Khomyakova I.V. *Strategii regional'nogo dizayna [Strategies of the regional Design]*. *Regionologiya [Regionology]*, 2010, no. 1, pp. 258-266. (In Russ.).
13. Yurenkova E.A. *Vizual'nyy aspekt regional'noy identichnosti [The visual aspect of the regional identity]*. *Gorod nevest? Brending territoriy i regional'nye identichnosti: materialy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Ivanovo, 12–13 sentyabrya 2013 goda) [City of Brides? Branding territories and regional identities: Proceedings of the Scientific Conference (Ivanovo, 12–13 September 2013)]*. Ivanovo, 2013, pp. 108-109. (In Russ.).
14. *i-décor. Izgotovlenie predmetov dekora s dizaynerskimi printami [i-décor. Making objects of decor with design prints]*. (In Russ.). Available at: <http://i-decor.pro/ru/sozdat-kollektsiyu?pattern=8> (accessed 26.05.2016).
15. *Ru.branding project. Russkie rospisi v sovremennom dizayne [Ru.branding project. Russian painting in the modern design]*. (In Russ.). Available at: <http://rubranding.com> (accessed 25.05.2016).

УДК 008

АДЫГСКИЕ ОБРЯДЫ ВЫЗЫВАНИЯ ДОЖДЯ В КУЛЬТЕ ОБОГОТВОРЕНИЯ МЁРТВЫХ

Лакунова Диана Руслановна, аспирант, Северо-Кавказский государственный институт искусств (г. Нальчик, РФ). E-mail: anzva86@gmail.com

Тайсаев Джабраил Мубарикович, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, Северо-Кавказский государственный институт искусств (г. Нальчик, РФ). E-mail: taisauti@yandex.ru

В работе рассматривается взаимосвязь сакральных культов почитания умерших и вызывания дождя у адыгов, а также их влияние на формирование сакрально-духовного фундамента культуры в коллективном бессознательном. В основе всех обрядов и ритуалов, приведенных нами, лежит глубокое суеверие древних людей, согласно которому с помощью магических обрядов или имитации желаемого можно влиять на погоду и природу. Приводится множество фактов универсальности таковых культов у совершенно далёких как по происхождению и географически, так и этнокультурно, народов. В этих обрядах идентичными являются не только форма их исполнения, но и смысловая нагрузка, несмотря на географическую отдаленность разных племен. Такие культовые параллелизмы авторы связывают с общечеловеческой универсальностью архетипов. Адыгские обряды вызывания дождя как неотъемлемая часть традиционной культуры являлись хранителями сакральных кодов народов. Для выявления этих кодов необходима реконструкция некоторых вышедших из обихода обрядов. Несмотря на то, что многие обряды трансформировались из-за конфессиональных предпочтений, трансцендентная основа сохранилась почти в неизменном виде, чему способствовали сами народы, для которых обряды и ритуалы служили коммуникацией, неким хранилищем культурных кодов. С помощью этих обрядов мы можем увидеть особый трансцендентный мир наших предков.

Ключевые слова: адыги, вызывание дождя, культ предков, культ камня, Шибле, ритуальные танцы, поклонение мёртвым, обряды.

CIRCASSIAN RAINMAKING CEREMONIES IN THE CULT OF DEIFICATION OF THE DEAD

Lakunova Diana Ruslanovna, Postgraduate, North Caucasus State Institute of Arts (Nalchik, Russian Federation). E-mail: E-mail: anzva86@gmail.com

Taysaev Dzhabrail Mubarikovich, PhD in Philosophy, Associate Professor, North Caucasus State Institute of Arts (Nalchik, Russian Federation). E-mail: taisauti@yandex.ru

The paper deals with the relationship between veneration of the dead sacral cults and rainmaking in Circassia, as well as with their influence on the formation of sacred and spiritual foundation of culture in the collective unconscious. A profound superstition of ancient people lies at the heart of all the rites and rituals, according to which they could influence to weather and nature by magical rites. It was difficult to understand for ancient people that these events do not depend on rites by laws of nature, but they considered these events as a direct result of the rites. And that's why these ceremonies, transforming over time, survived. Even now, at the age of modern technology, during a prolonged drought some villagers often carry out rainmaking ceremonies. There are a lot of facts of the universality of this cults among very different by origin, geography and culture natives. There are not only form, but also semantic load are the same in this rites, despite to the geographical remoteness of different tribes. These common sacred rituals authors connect with the universality of archetypes worldwide. Adyghe rainmaking ceremonies, as an integral part of traditional culture, were like the guardians of the sacred people code. To identify these codes, it is necessary to reconstruct some of this rites. Despite the fact that many rituals were transformed because of religious preferences, transcendental foundation remained almost unchanged, what was contributed by natives themselves, for whom the rites and rituals were the way of communication, something like a storehouse of cultural codes. With these rituals, we can see a special transcendental world of our ancestors.

Keywords: Circassians, rainmaking, the worship of ancestors, the cult of the stone, Shibli, ritual dances, the cult of the dead, rite.

Божества грома и молнии, которые влияют на судьбы людей, урожай в целом, владеют небесным огнем, посылают на землю дождь и засуху, появились в абхазо-адыгском пантеоне из суеверных представлений, по которым с помощью магических обрядов можно было повлиять на природу. Обожествление человека, убитого молнией и обряды вызывания дождя возле его могилы могут косвенно свидетельствовать об этом. В абхазо-адыгских обрядах, во время которых собирались у могилы убитого молнией и устраивали моления, взывая к богу с просьбой о дожде, изначально видимо прослеживается очень древнее суеверие, согласно которому погибший от молнии либо огня, приняв смерть от ожогов, очень желает выпадения дождя, чтобы охладить тело и успокоить острую боль. Связь культа предков и культа вызывания дождя у адыгов имеет не случайный, а фундаментальный, всеобщий характер.

Общность данного архетипа особенно ярко прослеживается при сравнении этого древнеадыгского культа с аналогичным обрядом австралий-

ского племени Диери, которое во время засухи вызывает к духам своих предков [7, с. 68]. Этот обряд, подробно описанный Дж. Дж. Фрезером, является по своей сути очень архаичным и заключается в имитировании выпадения дождя. В данном случае нас интересует именно факт обращения их к предкам, которые способны помочь им в этом. Надо сказать, что у многих народов мира дождь вызывают при посредничестве покойника. Так, туземцы Новой Каледонии верили, что душа покойника впитывает воду, превращает ее в дождь и низвергает на землю. Для этого они прибегали к разного рода обрядам. В таких же целях племя Тораджи (группа родственных народов в Индонезии) вызывает к состраданию покойников. Во время засухи, они приходят на могилу знаменитого вождя, поливают ее водой и молят его о дожде. При этом подвешивают над могилой наполненный водой ствол бамбука, из которого вытекает вода. Происходит своего рода орошение могилы.

Схожий обряд существовал и у адыгов. В Кабардино-Балкарии, в селении Ерокко, находится

могила убитой молнией девушки. Возле могилы стоит каменная глыба, возле которой в засушливое время собирались люди, обмывали его молоком или водой, затем устраивали хороводные танцы и купания в одежде. По завершении обряда, откалывали молотком кусочек от камня и бросали его в реку [6]. Л. А. Гугова приводит такой обряд со слов информантов, где в течение семи дней женщины поливали молоком то место, куда ударила молния. После того, как женщины полили молоком землю, они становились в круг друг за другом, обходили политую молоком часть земли три раза, пели песни, пританцовывали, держа правую руку за пояс, а левой рукой били друг другу в ладоши. По их верованиям после этого должен был пойти дождь [3, с. 82]. В приведенных обрядах мы прослеживаем явное смешивание религиозных и магических обрядов, а именно обращение с молитвой к покойнику носит сакральный характер, который дополняется магической имитацией дождя у его могилы [7, с. 74].

В обрядах вызывания дождя у абхазо-адыгов одним из главных атрибутов является камень. В настоящее время трудно проследить и найти истоки использования камней в этих ритуалах. С одной стороны, в основном использовали осколки могильных каменных плит и собранные камешки вокруг убитых молнией, что может свидетельствовать не о сакрализации самих камней, а о симпатической контактиозной магии, описанной Фрезером. Где магические приемы, основываются именно на соприкосновении, контакте с могилой покойника, моление которому может вызвать дождь. Мы можем предположить, что в этом заложена подсознательная вера во внетелесность и экспансивность души как человеческой энтелехии.

Существует также мнение, что люди сами наделяли камни свойствами, которые способны вызывать дождь, при условии, что их бросают или обрызгивают водой. Как, например жители Самоя, которые во время засухи выносят хранящийся в доме камень определенной формы и погружают его в воду. Так же Апачи, жители засушливых пустынь Аризоны в Нью-Мексико, приносили из определенного источника воду и выливали на скалу с тем, чтобы вызвать дождь. Подобные обряды существовали в Африке, в Азии, в Австралии и в Европе [7, с. 78–79]. Обряды, в которых ключевым моментом являлось именно соприкос-

новение камня и воды, существовали и в среде абхазо-адыгов. По мнению Фрезера, в основе этих обрядов лежит симпатическая магия, в которой он объединяет и контактиозную магию, и гомеопатическую, то есть имитативную. С последней можно также связать обряд, исполняемый во время грозы, когда молодые люди ударяли деревянной лопатой по амбарам, складам и по стенам хлева, тем самым «выпрашивая» у Шибле дождь и хороший урожай. Здесь прослеживается инициация звуков дождя, повторяя которые можно вызвать дождь [2]. В этом культе буквально в каждом человеке прослеживается сакрально-духовная связь с вечным божественным началом, которая посредством контактиозной магии распространяться и на неодушевленные предметы, не только от мертвых, но и от живых.

Особенно сильной, по мнению абхазо-адыгов, такая связь была у убитых молнией. Известный этнограф Л. И. Лавров упоминает о ритуальных танцах, исполняемых адыгами в обряде Шыблэ удж. Их можно разделить на женские и мужские. Мужчины, собираясь у могилы убитого молнией, устраивали моления: «Эу ялэ ялэрэ, яле. Эу ялэ уэ ялэр ялэ ял». Затем брали камень с могилы и относили его к реке, клали в воду. Считалось, что после того, как камень коснулся «святого», он приобретал магическую силу, а попав в воду, мог вызвать дождь [5].

Аналогичный ритуал описан у шапсугов, как пишет Б. Ан, «участники мужского хороводного пения танцевали вокруг могилы по направлению часовой стрелки. Далее старик – родственник покойного с яствами в руках обращался к Шибле и покойнику с просьбой о ниспослании дождя. Все присутствующие держали ладони перед глазами и восклицали после пауз старца “Аминь”. Затем с могилы уносили камень» [1].

Ритуал, который исполняли адыги, для вызывания дождя – Хьэнцигуацэ, детально схож с ритуалами многих других народов, основанными на том же логическом фундаменте. Во время засухи фессалийские и македонские греки отправляют ко всем колодцам и водоемам детей. При этом во главе детской процессии всегда шла украшенная цветами девочка.

В адыгских ритуалах процессию возглавляет человек, несущий наряженную деревянную лопату, символизирующую опять-таки девочку [4]. Аналогично сербы, для вызывания дождя,

исполняют ритуал, в котором раздевают маленькую девочку, одевают ее травой и зеленью и в сопровождении девушек она идет по деревне [7, с. 72]. Как и в адыгских ритуалах, они останавливаются перед каждым домом, танцуют, поют песни, а хозяева, в свою очередь выливают на них ведро воды. Песня, исполняемая при этом, по смыслу очень схожа с песнями адыгов:

*Мы по деревне идем,
А по небу бегут облака,
Мы идем побыстрее,
И быстрее пошли облака,
Они обогнали нас
И оросили
Свежестью хлеб и лозу [7, с. 73].*
Адыгский вариант звучит так:
*Ханцигуашу мы водим!
О Аллах, дождь обильный пошли!
Ханцигуашу мы водим!
О Аллах, дождь обильный пошли!*

С изменением мифорелигиозных воззрений менялся и образ, к которому были обращены мольбы о дожде: то это образ речной богини, то речного божества, то бога грозы и молнии. А после принятия ислама языческих богов окончательно вытеснил бог мусульман.

Иногда в адыгских селениях деревянную лопату – девушку – заменяли на лягушек, которых также наряжали и ходили с ними по домам. И вообще всячески остерегались их убивать. Это суеверие, которое заключалось в том, что лягушки, тесно связанные с водой, могут влиять на погоду, а именно вызвать дождь, было распространено повсеместно, по мнению Фрезера. В частности, он пишет, что племена индейцев бассейна реки Ориноко считали жабу «богиней-влачицей» вод, остерегались ее убивать. Они сажали лягушек в горшок, били по нему прутом, верили, что после этого пойдет дождь. А индейцы бассейна реки Томпсон и отдельные европейские народы, наоборот, полагают, что убийство лягушки вызывает дождь [7, с. 75–76]. С адыгским ритуалом, где главным действующим лицом является лягушка [3, с. 84], можно сравнить ритуал жителей провинции Мадрас. В период засухи женщины ловят лягушку и живьем привязывают ее к новой бамбуковой веялке и ходят с ней от дома к дому.

Во время такого шествия хозяйка дома поливает лягушку водой и дает ей подавание [7, с. 76].

В основе всех обрядов и ритуалов, приведенных нами, лежит древнее суеверие, согласно которому с помощью магических обрядов или имитации желаемого можно влиять на погоду. Довольно часто, после совершения какого-либо обряда вызывания дождя, желаемое событие действительно наступало. Древнему человеку было трудно понять, что этому содействовали не обряды, а законы природы, которые не зависят от человеческого воздействия, но они, видимо, рассматривали эти события, как прямой результат обрядов [7, с. 63]. И именно поэтому данные обряды, трансформируясь с течением времени, сохранились до наших дней. Даже сейчас, в век современных технологий, во время длительной засухи, нередко жители селений говорят: «Что-то давно не было дождя! Надо бы провести обряд Хьэнцигуаш!».

В этих обрядах, несмотря на географическую отдаленность народов, идентичными являются не только форма их исполнения, но и сакральные основания, что свидетельствует об универсальном единстве многих архетипов древних людей. Поэтому, как и во многих подобных случаях культовых конвергенций, невозможно дать универсальный ответ по вопросу об источниках таковой общности. Среди возможных причин схожести описанных здесь культов можно назвать следующие:

- они могут быть связаны с их общим происхождением, то есть унаследованы от каких-то совсем далёких общих предков;
- они были диффузионистски заимствованы;
- это все как-то связано с универсалиями человеческой духовной природы.

Первая причина нам кажется в данном случае маловероятной, уж слишком древними тогда получаются эти культы, трудно себе представить, как они могли сохраниться, не трансформировавшись до неузнаваемости за десятки тысяч лет. Вторая причина тоже нам не кажется подходящей для данного конкретно случая, поскольку все эти культы схожи по сути и по духу, но совершенно различны в частности. Кроме того, многие описанные здесь народы не контактировали со времён исхода из Африки. Остаётся последняя причина, и это лишний раз показывает нам, насколько все мы едины, при всём нашем многообразии.

Литература

1. Ан Б. О пережитках родовой религии шапсугов // Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов. – М., 1940. – 296 с.
2. Аутлев П. А. Новые материалы по религии адыгов // Уч. зап. АНИИ. – Краснодар, 1965. – Т. IV. – 198 с.
3. Гутова Л. А. Обряд вызывания дождя в фольклоре и этнографии адыгов. // Вестн. Ин-та гуманитар. исслед. Кабардино-Балкар. науч. центра РАН. – Нальчик: Издат. отд. КБИГИ РАН, 2013. – Вып. 1 (20). – С. 79–87.
4. Кантария М. В. Полеводство в Кабарде (по этногр. мат-лам): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Тбилиси, 1965. – 28 с.
5. Лавров Л. И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Тр. ин-та этнографии. Новая сер. – М., 1959. – Т. 51. – 217 с.
6. Мафедзев С. Х. Полевые записи. Архив КБИГИ. – Нальчик. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 32. – Л. 208, 209; 1972.
7. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. – М.: Политиздат, 1984. – 528 с.

References

1. An B. O perezhitkakh rodovoy religii shapsugov [About remnants of ancestral religion Shapsugs]. *Religioznye perezhitki u cherkessov-shapsugov [Religious vestiges of the Circassians-Shapsugs]*. Moscow, 1940, pp. 23-37. 296 p. (In Russ.).
2. Autlev P.A. Novye materialy po religii adygov [New materials on religion Circassians]. *Uchenye zapiski ANII [Scientists AANII note]*. Krasnodar, 1965, vol. IV. 198 p. (In Russ.).
3. Gutova L.A. Obryad vyzyvaniya dozhdya v fol'klоре i etnografii adygov. [Rainmaking rite in folklore and ethnography of the Circassians]. *Vestnik Instituta gumanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN [Bulletin of the Institute of Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkar Scientific Centre of Russian Academy of Sciences]*. Nal'chik, KBIGI RAN Publ., 2013, iss. 1 (20), pp. 79-87. (In Russ.).
4. Kantariya M.V. Polevodstvo v Kabarde (po etnograficheskim materialam). Avtoref. diss. kand. ist. nauk [Field cultivation in Kabarda (ethnographic materials). Author's abstract of PhD in history]. Tbilisi, 1965. 28 p. (In Russ.).
5. Lavrov L.I. Doislamskie verovaniya adygeytssev i kabardintsev [Pre-Islamic beliefs Adygeys and Kabardians]. *Trudy instituta etnografii. Novaya seriya [Proceedings of the Institute of Ethnography. New episode]*. Moscow, 1959, vol. 51. 217 p. (In Russ.).
6. Mafedzev S.Kh. Polevye zapisi. Arkhiv KBIGI [Field recordings. Archive of the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Studies]. Nalchik, F. 12, Op. 1, D. 32, L. 208, 209; 1972. (In Russ.).
7. Frezer Dzh. Zolotaya vetv' [The Golden Bough]. Moscow, Politizdat Publ., 1984. 528 p. (In Russ.).

УДК 72.03 (571.5)

СЭРГЭ КАК ПАМЯТНИК АРХИТЕКТУРЫ И ИСКУССТВА НАРОДА САХА

Дьяконова Саргылана Антоновна, старший преподаватель кафедры архитектуры и городского строительства, Северо-восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (г. Якутск, РФ).
E-mail: sargylant@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности такого элемента культуры, архитектурного комплекса, как сэргэ (коновязный столб), возникновение которого восходит к временам переселения народа Саха на территорию Восточной Сибири. Актуальность данной статьи заключается в том, что системной классификации анализа сэргэ во времени ранее не делилось. Опираясь на национальные традиции народа Саха, после натурных исследований автора статьи были выявлены два типа сэргэ (хозяйственные и сакральные), подразделенные на две группы по функциональным и визуальным характеристикам.

В первой группе представлены типы хозяйственных сэргэ, являющихся надворными сооружениями внутри локального деревянного комплекса якутов. Внешне хозяйственные сэргэ были весьма лаконичны, имели брутальные формы и не оформлялись орнаментальными мотивами.

Во второй группе рассмотрены типы сакральных сэргэ, которые в отличие от первого типа, украшались орнаментальными мотивами с магико-охранным значением. Сакральные сэргэ размещали в священных местах, где проходило празднование ежегодного национального события «Ысыах».

В декоративно-прикладном искусстве народа Саха сэргэ занимает большое место, создавая сэргэ, якутские мастера основывались на глубоких национальных традициях, народном искусстве. В настоящее время сэргэ является неким символом национального искусства, применяемым как в области декоративно-прикладного искусства, так и в архитектуре.

Ключевые слова: якуты, хозяйственные и сакральные виды коновязи сэргэ, архитектурный памятник, орнамент, декоративно-прикладное искусство.

SERGE – THE HITCHING POST – AS A MONUMENT OF ARCHITECTURE AND ART OF THE SAKHA ETHNOS

Dyakonova Sargylana Antonovna, Sr. Instructor of Department of Architecture and Urban Development, M.K. Amosov North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: sargyland@yandex.ru

The article is devoted to specifics of ethnic elements of culture as the architectural complex as serge (a pillar to tying a horse), the emergence and development, which dates back to the days of the resettlement of the Sakha people in East Siberia. The relevance of this article lies in the fact that the system of classification analysis serge in time, had not previously been considered. It is based on the national traditions of the Sakha people, field investigations of the article's author have identified the two types of the serge (household and sacred), divided into two groups of functional and visual characteristics.

The first group shows the types of household serge being out of building structures within the local Yakut wooden complex where its location was in front of the Yakut traditional housing. Outwardly opposite serges were very laconic, brutal form and had been made without ornamental motifs. When creating serge, the master in the priority set ergonomics, simpler maintenance serge look.

In the second group, which considered the types of sacred serge, contrary to the first type, decorated with ornamental motifs with magic security value. Most often, the sacred serge at the top had totems general Yakut or totems with hidden sacred values. For example, an eagle is a symbol of sorts Kangalastsev, quadriceps horse meant the four cardinal points. Sacred serge is placed on sacred places or the national celebration of the annual event "Isyakh".

In the decorative applied art of the Sakha people, a serge column takes up more space inside which the Yakut masters invested archaic ethnic traditions, ornamental art, which is enriched over the centuries, etc. Currently serge is a symbol of national art, applicable throughout the field of decorative applied art (in jewelry, in the design of tableware, wooden souvenirs, etc.) and the architecture (in the design of interiors, facades of buildings, to create monumental monuments, etc.).

Keywords: Yakuts, economic and sacred types of hitching post serge, architectural monument, ornamental, decorative applied art.

В культурном процессе, жизнедеятельности, мировоззрении народа Саха большую роль играет сэргэ – коновязь, происхождение которой установлено по результатам исследования якутских учёных: Г. В. Ксенофонтова [3], А. И. Гоголева [1], В. В. Ушницкого [9] и других – и восходит к тем временам, когда якуты вели кочевой образ жизни и обитали на территории Юго-Восточной и Центральной Азии. В связи с неблагоприятными природно-климатическими условиями они переселились в Восточную Сибирь.

Согласно исследованиям историка В. В. Ушницкого [9], якуты начали осваивать территорию Восточной Сибири в XIII веке, по наиболее бла-

гоприятным местам, вдоль высоких берегов рек: Лены, Алдана, Вилюя, Амги и их притокам, где природно-климатические условия были мягче, нежели в северной части Восточной Сибири. Так как якуты ранее являлись скотоводческим народом, свои традиции хозяйствования они продолжили и здесь.

Позже, после освоения Восточной Сибири, племена и роды якутов стали вести полукочевой образ жизни, что напрямую было связано с суровыми климатическими условиями, в которых якуты создали локальные очаги обитания – алаасы. Места обитания якутов дифференцировались на зимние и летние усадьбы, где они строили ха-

ракетные жилища для зимнего обитания (юрты-балаган) и летнего (урасу) [8]. Юрта-балаган, по гипотезе автора статьи, была воспринята у местных кочевых народов (тунгусов, юкагиров, долганов), в юрте-балагане отразились как южно-азиатские традиции, так и воспринятые от местных аборигенов.

Объединяющим элементом внутри локальных сезонных комплексов был коновязный столб – сэргэ, который являлся неким спутником традиционных жилищ (юрты-балагана и урасы). Во время натурных исследований автора было выявлено, что в каждой якутской усадьбе возводили сэргэ (рис. 1) как символ гостеприимства и знатности хозяев (рис. 2), в их оформлении использовались элементы декоративно-прикладного искусства (рис. 3).

Сведения о якутских сэргэ появились в XVIII столетии, когда первые исследователи Я. И. Линденау [4], Р. К. Маак [5], В. Л. Серошевский [7], описывая традиционное празднество Ысыах, отметили, что сэргэ является основным памятником в сакральном комплексе. Эти исследователи заметили, с какой заботой были изготовлены все коновязи, которые встречались на территории их обзора. Все коновязи заслуживали внимания как с художественной, так и с архитектурной точки зрения.

В своей монографии «Сэргэ (коновязь)» исследователь якутской культуры конца XX века В. Ф. Яковлев рассмотрел несколько версий происхождения коновязных столбов – сэргэ:

- **первая версия** была связана с прообразом мифологического мирового древа – Аар – Кудук – Чэрчи – Мас, символизирующего небесную благодать;

- **вторая версия** связывает сэргэ с прообразом человека [10, с. 8].

По гипотезе автора данной статьи, происхождение сэргэ связано с видом деятельности якутов (скотоводством). А именно с тем, что культ обожествления коня способствовал возникновению коновязных столбов – сэргэ, функционирующих как хозяйственные, так и ритуальные сооружения в культуре многих кочевых народов (монголов, казахов, алтайцев).

В местах обитания якутов на территории Восточной Сибири при строительстве летнего и зимнего жилищ обязательно возводились сэргэ, так как якуты были скотоводческим народом.

С древних пор сэргэ являлась неотъемлемой деталью архитектурно-художественных комплексов, где существовали два первоначальных типа сэргэ – хозяйственного и сакрального характера.

Хозяйственную коновязь якуты возводили напротив жилища, она играла роль надворного сооружения, куда всадники привязывали своих лошадей.

Сакральная коновязь или целый комплекс сакральных коновязей располагался отдельно от основных построек локального жилого комплекса. Местом возведения сакральных сэргэ выбирали открытые долины – алаасы, представляющие собой ровный рельеф с невысокими холмами, где обязательно присутствовал водный источник – озеро или речка. В этих алаасах якуты организовывали ежегодный праздник летнего солнцестояния – Ысыах. Так, сэргэ сакрального характера, по словам старожилов, помогал связаться с верхним миром, где живут божества, поэтому, они были богато украшены орнаментальными мотивами, символизировавшими благословение богов.

Таким образом, сэргэ были дифференцированы по функциональным и визуальным характеристикам (рис. 4).

Первая группа – хозяйственные сэргэ, которые представлены тремя видами.

Первый вид сэргэ, предположительно, являлся одним из древнейших видов, имел brutальные черты, представлял собой прямой деревянный столб высотой до 2 м и диаметром от 23–50 см. Визуально он был лаконичен, без орнаментального оформления, с выемкой в виде шеи – моонньу (шейная часть), которая располагалась в верхней части сэргэ, разделяя общий вид столба на две основные части [2, с. 73]. Шейная часть первого вида сэргэ представляла собой цилиндрическую форму, которая являлась наипростейшей формой, выработанной якутскими мастерами.

Второй вид сэргэ был самым распространенным. Он, как и первый вид, был таких же габаритов, лаконичен, не имел орнаментального оформления. Между этими видами отличие выражалось в «шейной» части, которая была вырезана по линии изогнутой внутрь дуги, напоминающей шею человека. Визуально этот вид сэргэ был эстетичнее предыдущего варианта, здесь присутствует отпечаток национальных традиций. Таким образом, сэргэ стал более изящным и распростра-

нился по родовым поместьям как один из первых вариантов среди хозяйственных коновязей.

Третий вид сэргэ был характерен тем, что имел шарообразную шею, которая сегментно располагалась в верхней части коновязи. Это была единственная отличительная черта третьего вида. Габариты сэргэ оставались без изменений, общий вид в пространственной среде не уступал второму варианту.

Рассмотренные основные три вида хозяйственных сэргэ в процессе развития трансформировались в шейной части, где применялись различные комбинации для получения секторальных усложненных композиций. При этом сохранялись применения брутальных форм и лаконичный силуэт.

Кроме того, на территории расположения сэргэ делалось ограждение из жердей, которое устраивалось через определенный интервал, куда привязывали животных. Это сооружение является результатом объединения двух хозяйственных построек – сэргэ и ограждения, – появившихся в процессе развития хозяйственных надворных сооружений. Оно представляло собой два или три меньших по высоте сэргэобразных столба, объединённых тремя горизонтальными рядами жердей, напоминающий барьер. У этого сооружения присутствуют общие черты с коновязью. Таким образом, сэргэобразное ограждение из жердей можно отнести к типу хозяйственных сэргэ.

Вторая группа – сакральные виды сэргэ, представляющие собой деревянные столбы высотой от 2 м и более, диаметром от 30 до 50 см, выполнявшие сакральные функции, связанные с религиозными обрядами народа Саха. Сакральные сэргэ были эстетически более привлекательны благодаря оформлению декоративными элементами в виде 4–5 ярусов орнаментальных колец. В верхней части сэргэ располагался тотемный символ, представляющий собой языческое божество в виде животного. Шейная часть имела более усложненную композицию, по сравнению с простейшими типами сэргэ первой группы. Нижняя часть (стволовая) чаще оставалась неоформленной, так как основная композиция была сосредоточена в верхней части.

Орнаментальные яруса и декоративные элементы сакральных сэргэ представляли собой:

- в первом ярусе, в верхней части сэргэ, размещали символы рода, своеобразные тотемы.

Это были животные (орел, конь, конские уши, рога коровы), сакральная кумысная утварь (чороны на трех ножках либо на одной) (рис. 5, типы завершения сэргэ).

- второй ярус оформлялся резными геометрическими орнаментами (двойная линия – ограждение, вертикальные линии – род, зигзаг – ураса) [6, с. 22]. Эти элементы вырезались по поверхности сэргэ. Каждый перечисленный орнаментальный ряд находился внутри резного кольца в виде двух параллельных линий, что символизировало, по вере якутов, грань между индивидом и природой (рис. 5, типы орнаментики сэргэ).

- третий ярус являлся шейной частью сэргэ, которая как канон исходила из бытовой предназначенности хозяйственных сэргэ – привязывания коня. Традиционно шея разделяла сэргэ на две части, она представляла собой усложненный вариант шеи хозяйственной коновязи, состоявшей из секторально вырезанных фигур с различным добавлением композиционно схожих элементов. В результате этого визуально получалась двойная шея, плавный переход к шее в виде нейтральных плоскостей, при помощи которых шейный отдел красиво выделялся (рис. 5, типы шеи сэргэ).

- четвёртый ряд, как и второй ряд, был оформлен геометрическим орнаментом, вырезанным на поверхности сэргэ в виде резного кольца, внутри которого изображались геометрические формы: зигзаг, ромб, вертикальные повторяющиеся линии и т. д.

Орнаментальные мотивы давали представления о роде, семье, содержали больше сакральных, нежели эстетических элементов, они символизировали пожелания – «алгыс». Вертикальные линии вокруг поверхности сэргэ означали благословение на продолжительность рода, дуги символизировали богов, зигзаг означал родовой кров (жилище – ураса) [6, с. 14].

Нужно отметить, что сэргэ как отдельное сооружение, имеющее хозяйственное и сакральное значение, применялось еще в качестве надмогильного памятника и становилось также элементом интерьера зимних и летних жилищ.

Таким образом, благодаря историческому происхождению, коновязь стала частью культурного достояния – памятником архитектурно-художественной культуры народа Саха, символом олицетворения его мировоззрения. Сэргэ как па-

мятник существует во всех архитектурных комплексах и сооружениях эстетического и сакрального характера (рис. 6).

В настоящее время при создании национальных комплексов берут во внимание размещение функциональных зон, где, с учетом национальных традиций декоративно-прикладного искусства,

возводят коновязи – сэргэ. В системе украшений сэргэ используют наработанные веками навыки создания деревянных комплексов, опираясь на традиционный опыт мастеров в художественном наитии в зависимости от типа создаваемого сэргэ – праздничного, ритуального или хозяйственного.

*Рисунок 1. Надворная коновязь – сэргэ.
Территория национального комплекса «Ус Хатын», г. Якутск*

*Рисунок 2. Комплекс сэргэ, символизирующий гостеприимство и знатность семьи.
Усадьба семьи Атласовых, г. Якутск*

Рисунок 3. Орнаментальные мотивы шейной части сэргэ. Якутия, Горный район, с. Бэрдигестях

КЛАССИФИКАЦИЯ ТИПОВ СЭРГЭ			
I ТИП ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СЭРГЭ			
	I ВИД	II ВИД	III ВИД
II ТИП САКРАЛЬНЫЕ СЭРГЭ			

Рисунок 4. Классификация типов сэргэ

Рисунок 5. Типы завершения и орнаментики сэргэ

Рисунок 6. Национальный архитектурный комплекс «Ус-Ханын», г. Якутск

Литература

1. Гоголев А. И. Якуты (проблемы этногенеза и формирования культуры). – Якутск: Якут. гос. ун-т, 1993. – 200 с.
2. Зыков Ф. М. Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов (XIX – начало XX века): ист.-этногр. исслед. – Новосибирск: Наука, 1986. – 101 с.
3. Ксенофонов Г. В. Ураангхай – сахалар: очерки по древней истории якутов. – Якутск: Нац. изд-во Респ. Саха (Якутия), 1992. – Т. 1. – 416 с.

4. Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): ист.-этногр. мат-лы о народах Сибири и Северо-Востока. – Магадан: Кн. изд-во, 1983. – 176 с.
5. Маак Р. К. Вилюйский округ. – М.: Яна, 1994. – 592 с.
6. Неустроев Б. Ф. Саха ойуута – бичигэ = Узоры и орнаменты Саха. – Якутск: Бичик, 2010. – 144 с.
7. Серошевский В. Л. Якуты: опыт этногр. исслед. – М.: 1993. – 736 с.
8. Старостина А. А. Генезис и формирование народного зодчества Саха (якутов) в XV – начале XX века: дис. ... канд. архитектуры. – Новосибирск, 2002. – 137 с.
9. Ушницкий В. В. Вопросы изучения ранней этнической истории и родового состава народов Якутии. – Якутск: ИГиПМНС СО РАН, 2014. – 170 с.
10. Яковлев В. Ф. Сэргэ (коновязь). – Якутск, 1992. – Ч. I. – 61 с.

References

1. Gogolev A.I. *Yakuty (Problema etnogeneza i formirovaniya kul'tury) [The Yakuts (The problem of ethnogenesis and culture formation)]*. Yakutsk, YAGU Publ., 1993. 200 p. (In Russ.).
2. Zikov F.M. *Poseleniya, zhilishcha i khozyaystvennye postroyki yakutov (XIX - nachala XX veka). Istoriko-etnograficheskoe issledovanie [Settlements, dwellings and economic constructions of Yakut people (XIX - the beginning of the 20th centuries). Historical and ethnographic research]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1986. 101 p. (In Russ.).
3. Ksenafontov G.V. *Uraangkhai – sakhalar. Ocherki po drevney istorii yakutov [The Yakuts – Urangkhai – sakhalar. Feature article (essays) on Yakut ancient history]*. Yakutsk, National House of Republic Sakha (Yakutia) Publ., 1992, vol. 1. 416 p. (In Russ.).
4. Lindenau Y.I. *Opisanie narodov Sibiri (pervaya polovina XVIII veka). Istoriko-etnograficheskie materialy o narodakh Sibiri i Severo-Vostoka [Description of the people of Siberia (first half of the 18th century). Historical and ethnographic materials about the people of Siberia and the Northern east]*. Magadan, Book's House Publ., 1983. 176 p. (In Russ.).
5. Maak R.K. *Vilyuyskiy okrug [Vilyuysk's district]*. Moscow, Yana Publ., 1994. 592 p. (In Russ.).
6. Neustroev B.F. *Sakha oyuuuta-bichige = Uzory i ornamenty Sakha [The ornament of Yakuts]*. Yakutsk, Bichik Publ., 2010. 144 p. (In Russ.).
7. Seroshevskiy V.L. *Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya [The Yakuts. Experience of ethnographic research]*. Moscow, 1993. 736 p. (In Russ.).
8. Starostina A.A. *Genezis i formirovanie narodnogo zodchestva Sakha (yakutov) v XV - nachale XX veka. Diss. kand. arkhitektury [Genesis and formation of national architecture Sakha (Yakuts) in XV - the head of the 20th century. PhD. architecture diss.]*. Novosibirsk, 2002. 137 p. (In Russ.)
9. Ushnitskiy V.V. *Voprosy izucheniya ranney etnicheskoy istorii i rodovogo sostava narodov Yakutii [Questions of studying of early ethnic history and patrimonial structure of the people of Yakutia]*. Yakutsk, IGI PMNS SO RAN Publ., 2014. 170 p. (In Russ.).
10. Yakovlev V.F. *Serge (konoviaz') [Column for attachment of a horse – serge]*. Yakutsk, 1992, Part 1. 61 p. (In Russ.).

УДК 902/904

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА НА СЫРДАРЬИНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ

Баштанник Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории археологии, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Кемерово, РФ). E-mail: abai@yandex.ru

В статье излагаются результаты археологических исследований средневековых городищ, расположенных на сырдарьинском участке Великого шелкового пути, показано его влияние на процессы урбанизации в регионе, современные интеграционные процессы в Центральной Азии.

Великий шелковый путь представляет собой систему караванных дорог, которые связывали в древности и Средневековье цивилизации Востока и Запада от Японии и Китая до Ирана, Арабского хали-

фата и Византии. Вдоль этих путей осуществлялись торговые и культурные связи между народами и государствами, вовлеченными в их орбиту. Изучение феномена Шелкового пути началось во второй половине XIX века. Термин «Великий шелковый путь» введен в 1877 году немецким ученым Фердинандом фон Рихтгофеном. Только за последние два десятилетия проведено несколько международных конференций по этой проблеме, в некоторых странах организованы специальные исследовательские институты. Реализуются трансграничные инфраструктурные проекты, среди которых особое значение имеет строительство железных и автодорог, связывающих Китай через государства Центральной Азии с Европой.

Начало евразийских культурных и торговых контактов восходит к III–II тыс. до н. э., когда фиксируется распространение в широтном направлении бадахшанского лазурита, прибайкальского нефрита и агальматолита. Ко II веку до н. э. Шелковый путь уже являлся устойчивой системой дорог, которыми пользовались торговцы и дипломаты. В VI–XII веках активно функционировал путь вдоль р. Сырдарья, который связывал Фергану и Шаш с Приаральем, южным Приуральем и Северным Прикаспием. Здесь существовала устойчивая политическая власть, представленная тюркскими каганатами, правители которых покровительствовали торговле, а элита обеспечивала стабильный спрос на престижные иноземные товары, прежде всего шелк. В это же время фиксируется всплеск урбанизационных процессов, седентеризации кочевников, рост числа городов, крупнейшими из которых были Арсубаникет, Кедер, Оtrar, Жанкала.

Ключевые слова: культурные влияния, Великий шелковый путь, археология, земледелие, городская культура, урбанизация, Сыр-Дарья.

MEDIEVAL URBAN CULTURE IN THE SEMIRECHYE DISTANCE OF THE GREAT SILK ROAD

Bashtannik Sergey Vasilyevich, PhD in History, Researcher, Laboratory of Archaeology, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: abai@yandex.ru

Silk Road is a system of caravan roads, which in ancient times and the Middle Ages crossed Eurasia from the Mediterranean to China and served as the sources of the emergence and development of trade and cultural relations of the peoples of the region, are in the area this way. The study of the Silk Road in the historical, geographical and cultural aspects yet started in the second half of the XIX century. Over the past 25 years have been devoted to Silk Road several international conferences. In some countries of the East (India, China, Sri Lanka) set up special research institutes to study the Great Silk Road. In addition to the scientific and cultural programs are transport and economic revival of the Great Silk Road. Transcontinental railroad at rank-connect Europe with the countries of the Far East. In 2009, construction of the highway Western China – Western Europe via Kazakhstan and the Russian Federation have begun. The cross-border project as a whole follows the a-main directions of the Great Silk Road.

Start of Eurasian exchange and trade relations date back to the III-II thousand BC. In the middle of II century BC Great Silk Road began to function as united diplomatic and commercial artery. In the VI-XII centuries has been actively working the way along the river Syr-Darya, which connected Fergana and Shash with the Aral Sea region, South Ural and the Northern Caspian. At this time there has been a surge of urbanization, growing number of cities, caravanserais and castles. The largest cities are Zhuan-tobe (medieval Arsubaniket), Kuyruk-tobe, Otrar, also known as Farab – the capital of oasis in middle reaches of the Syr-Daria river – and Zhan-kala in the Syr-Daria delta. They were centers of adjacent agricultural area.

Keywords: cultural influences, Great Silk Road, archeology, agriculture, urban culture, urbanization, Syr-Daria.

Ранее автором уже рассматривались вопросы влияния Великого шелкового пути на развития средневековой городской культуры Семиречья – от Приджунгарья на востоке до гор Таласского Алатау и на западе [7, с. 134–141].

Начало евразийских обменных и торговых контактов восходит к III–II тыс. до н. э. Они были налажены благодаря разработке месторождений лазурита в горах Бадахшана. Лазурит, добываемый в Бадахшане, вывозили в Иран, Месопотамию, Анатолию, Египет и Сирию. В середине I тыс. до н. э. **бадахшанский лазурит** появился в Китае [10, с. 3–9]. Наряду с «Лазуритовым путем», существовал еще «Нефритовый путь», который связывал Восточный Туркестан с Китаем [9, с. 352–353] и «Агальматолитовый путь», соединявший Южную Сибирь с Восточным Туркестаном и Китаем [8, с. 104–113].

Сырдарьинский участок Великого шелкового пути (рис. 1) отмечен хорошо сохранившимися в условиях степного, пустынного и полупустынного климата остатками культурных ландшафтов, оазисов и городов, привязанных к крупным водным артериям – рекам Сырдарья, Арысь, Бугунь. Наиболее крупными городами были Отрар (Фараб) и города Отрарского оазиса, Яссы (Туркестан), Шавгар, Сауран, Сыгнак, города Джетыасарского оазиса, Дженд, Джанкент, Хувара. Из Джанкента дорога шла на северо-восток, выходила на берега речки Белеуты и приводила в район меднорудных месторождений Коунрада и Карасакпая. В течение столетий попеременно наибольшую значимость приобретали то одни, то другие участки и ответвления Шелкового пути, некоторые вообще отмирали, а города и торговые станции на них приходили в упадок.

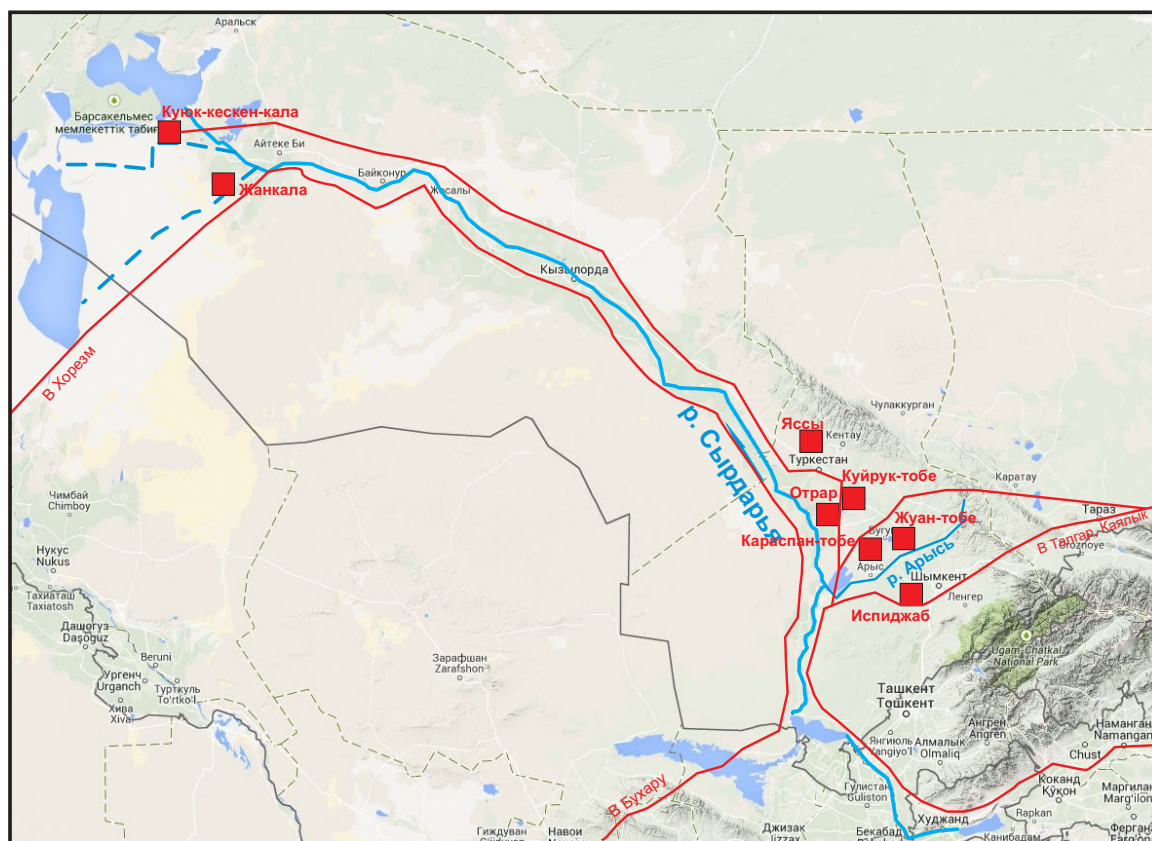

Рисунок 1. Сырдарьинское направление Великого шёлкового пути.

Условные обозначения:

— Трассы Великого шёлкового пути ■ Жанкала и другие крупнейшие городища

Городище Жуантобе датируется I–IX веками. Расположено на правом берегу р. Арысь. Археологические исследования на нем начались в 1953 году Южно-Казахстанской археологической экспедицией во главе с А. Н. Бернштамом и Е. И. Агеевой. В 1988–1991 годах здесь работала экспедиция Южно-Казахстанского областного краеведческого музея во главе с А. Н. Грищенко. С 2004 года на городище работает Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция.

Городище имеет двухчастную структуру: центральная часть в виде конусообразного холма – «тобе» высотой 17 м, размерами по основанию 85х75 м и по верху – 65х55 м. На расстоянии 20–60 м от центрального холма фиксируются всхолмления (рабад), опоясывающие его кольцом. На трех углах, кроме северного, прослеживаются остатки башен. Вокруг внешней стороны рабада имеется ров шириной до 40 м и глубиной 1,5–2 м, а за рвом застройка в виде кольцевого вала шириной в среднем до 60 м и высотой 6–7 м. В восточном углу имеется разрыв шириной до 50 м. Общая площадь городища составляет около 14 га (380х380 м).

Этот город, развалины которого сейчас известны как городище Жуан-тобе, в раннем Средневековье упоминался под другими названиями: Субаникет, Усбаникет или Арсубаникет. О нем арабский географ X века Ибн Хаукаль сообщает: «Между Фарабом, Кенджидай и Шашем (Ташкентом) хорошие пастбища... там около тысячи семей тюрок, которые уже приняли ислам... Субаникет главный город Кенджида». Истахри (X век) пишет, что «от Испиджаба до Усбаникета два дня пути, от Усбаникета до Кедера, главного города Фараба два легких дневных перехода».

Анонимный автор географического сочинения «Худуд ал-Алем» (X век) сообщает: «Субаникет приятный процветающий богатый город». Согласно Якуту (XII век), «Усбаникет город в Мавераннахре, один из городов Испиджаба, между ними большой день пути». Аль-Макдиси (X век) пишет: «Арсубаникет – большой, чистый, укрепленный; соборная мечеть в нем, а постройки в рабаде». На основании указания расстояний между Испиджабом и Усбаникетом, Усбаникетом и Кедром В. В. Бартольд локализовал округ Кенджиде на Средней Арыси [4].

В ходе работ на кольцевом рабаде вскрыты остатки двух помещений, участок внешнего фаса оборонительной стены и культурных напластований за ней, а в центральной части – девять помещений жилого комплекса. Датируется комплекс IV–VIII веками н. э.

На плоской вершине тобе вскрыты застройки трех строительных периодов, датируемых в диапазоне IV–VIII веков. Дома, группирующиеся вокруг внутриквартальных улочек, характеризуются наличием суф вдоль двух или трех стен, входами с тамбурными стенками и напольными очагами прямоугольной формы с бортами.

Интересна постройка – «Согдийский дом» VII–VIII веков в южной части тобе, давшая комплекс «согдийской керамики» VII – начала VIII века. При раскопках собрана керамика IV–VI веков, относящаяся к каунчинской культуре и комплекс кангарской керамики VII–VIII веков [11, с. 108–109].

Городище Караспан датируется I–XVIII веками. Расположено в 8 км к западу от городища Жуан-тобе. Отождествляется с городом Караспаном, известном в источниках XIV–XVIII веков. Городище было обследовано Южно-Казахстанской археологической экспедицией (1948–1951), раскопки возобновлены в 2004 году Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедицией.

Центральная часть городища – высокое подпрямоугольное в плане тобе размерами в основании 220–260 м и высотой 22 м. Вокруг него застройка шахристана, ограниченная валом. Размеры его территории – 850х600 м. За пределами шахристана прослеживаются остатки рабада, установить размеры которого невозможно, он распахан и застроен.

Раскопки на центральной части выявили строительные конструкции XVI–XVII веков. Вскрыты дома с жилыми и хозяйственными постройками. В жилых помещениях обмазанная суфа занимает 3/4 всей площади, тандыр с дымоходом, проложенным в суфе, и площадка ташнау (санитарно-гигиеническое устройство) перед ним. В помещениях найдены глиняные сосуды – хумы, кувшины, кружки. Интересно, что обязательными находками в жилом помещении являются жернова ручных мельниц и глазурованный тазик-тагора.

Тагора в каждом доме оригинальны по своему орнаментальному оформлению. На одной из них имеются изображения рыб.

При раскопках на центральной части собрана коллекция монет **XVI–XVII веков, которые уточняют датировку верхних слоев городища.**

Проводились раскопки и на территории шахристана, где был заложен шурф, прорезавший толщу культурных напластований на глубину 3,5 м и давший материал I–XII веков н. э. [1, с. 107–108].

Два этих городища были центрами обширной земледельческой округи. В отобранных пробах археоботанический анализ выявил плоды и семена растений, относящихся к 13 ботаническим видам. В основном это полевые и плодовые культурные растения.

Интересны находки риса. Их малочисленность не позволяет говорить о самостоятельной роли этой культуры в земледелии. Возможно, что рис ввозился извне. Подтвердить местное происхождение этих зерновок и возделывание риса на Средней Арыси могли бы находки типичных засорителей этой культуры, но таких данных пока нет. Рис также ранее был обнаружен в слоях VII века на городище Коныр-тобе в Отрарском оазисе, и тоже в очень малых количествах.

Наиболее вероятно, что земледелие основывалось на возделывании двух злаков – проса и ячменя. Зерновок проса по всем слоям больше, чем зерновок ячменя. Но это объясняется тем, что они очень мелкие, в среднем 2 мм в диаметре, и метелка проса содержит их в себе гораздо больше по количеству, чем зерновок ячменя в колосе ячменя.

Горох. Присутствует во всех изученных слоях на обоих памятниках. К IX–X векам его культивирование приобрело большее значение, чем ранее. В материалах IX–X веков по Джуван-тобе, полученных в 2004 году, имеются данные и о других культурных бобовых – в частности о маше.

Обращает на себя внимание большое количество семян (косточек) винограда. Морфологически они делятся на две группы: более мелкие, округлые (винные сорта) и более крупные и вытянутые – столовые сорта. Косточки сохранились в карбонизированном состоянии. По мнению известного ботаника П. М. Жуковского, регион Каратау входит в ареал распространения дикого винограда и в зону введения в культуру этого вида.

Дикие и сорные виды могут использоваться для реконструкции палеоландшафтов и оценки степени антропогенного влияния на природу.

В слоях Караспан-тобе встречен водный перец и другие виды семейства Гречишных, которые предпочитают влажные местообитания и произрастают на берегах водоемов. Их наличие указывает на достаточную увлажненность в округе городища. В слоях Джуван-тобе плодов этих растений пока не обнаружено. Это объясняется либо особенностями формирования культурных слоев на памятнике, либо отдалением источников воды (отход р. Арысь к северу) и усыханием ландшафтов.

Воробейник полевой – растение, характерное для пастбищных лугов, его присутствие указывает на выпас скота в округе городищ.

Верблюжья колючка и дикие бобовые. Верблюжья колючка является дикорастущим видом засушливых районов, предпочитает песчаные почвы.

Гадючий лук – растение сухих местообитаний, рудеральное, то есть произрастает на засоренных или заброшенных местах, подвергшихся антропогенному воздействию.

Бузина черная относится к рудеральным растениям, произрастающим на заброшенных местах, подвергнутых антропогенному воздействию.

Марь белая – сорное растение-космополит, произрастает на засоренных или заброшенных местах, подвергшихся антропогенному воздействию – на свалках, перекопанной почве, руинах [5, с. 51–53; 6, с. 85–92].

Борижарский могильник расположен на левобережье р. Арысь, напротив городища Жуан-тобе. Памятник датируется II веком до н. э. – VII веком н. э. и является наиболее крупным некрополем Южного Казахстана. Земляные курганы протянулись по левому берегу р. Арысь более чем на 13 км от пос. Караултобе до устья р. Бадам, которая впадает в р. Арысь напротив аула Караспан (Обручевка). Ширина могильного поля местами достигает 1–2 км. Сотни курганов расположены бессистемно. Огромное могильное поле состоит из разновременных комплексов курганов, отдельных могильников, которые со временем слились в один огромный массив.

Исследование могильника было начато в 1893 году. Затем Южно-Казахстанской ар-

хеологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР в 1949 году было исследовано 2 кургана; в 1951 году – еще 4 кургана. В 1967 году. Семиреченской археологической экспедицией этого же института под руководством Б. Н. Нурмуханбетова археологические изыскания были продолжены. С 1989 года раскопки здесь проводила археологическая экспедиция Чимкентского областного историко-краеведческого музея под руководством А. Н. Грищенко. В 2004 году в рамках программы «Культурное наследие» Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедицией Института археологии Министерства образования и науки Республики Казахстан во главе с К. М. Байпаковым исследованы 8 наземных склепов, в 2005 году – еще 7, в 2006 – 5 катакомб и 3 склепа, в 2007 – 3 катакомбы и 2 алтаря, в 2008–2009 годах – 4 склепа.

К 2016 году на территории могильника раскопано около 100 курганов. Основной тип погребального сооружения – наус – погребальный склеп из сырцового кирпича, сверху закрытый курганный насыпью. Слово восходит к трудам арабских средневековых историков и географов, которые называли наусами любые немусульманские погребальные сооружения, особенно в Средней и Передней Азии. В них были найдены железные мечи, украшения и поясные наборы гунно-аварского типа. Керамика из захоронений в основном представлена кувшинами с носиками, кружками, характерными для каунчинской культуры. Кроме того, есть посуда «согдийского облика». Разнообразие материала послужило причиной противоречий в датировках могильника. Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич датировали его **VIII–X веками, затем VI–VIII веками. Второй датировки придерживается Л. М. Левина. В. И. Распопова относит могильник к VI–VII векам. По мнению К. М. Байпакова, могильник следует датировать второй половиной VII–VIII веком** [2, с. 54–220].

Городище Куйрук-тобе расположено в 15 км к югу от с. Шаульдер и является одним из наиболее крупных памятников Отрарского оазиса, расположенного в среднем течении Сырдарьи, в районе впадения в Сырдарью р. Арыси. Это трапециевидный в плане бугор, размеры сторон которого равны: северо-западная – 250 м,

западная – 250 м, юго-западная – 225 и юго-восточная – 180 м. Высота бугра над окружающей местностью – 7,5 м. В юго-западном углу городища находилась цитадель в виде округлого холма диаметром около 30 м и высотой 15 м. На углах стены вокруг цитадели заметны остатки башен. Вся остальная часть бугра является развалинами шахристана, который так же, как и цитадель, окружен стенами с башнями по периметру. Вокруг шахристана видны следы застройки. Это остатки торгово-ремесленного предместья – рабада.

Городище отождествляется со средневековым городом Кедером, бывшим в X–XI веках столицей округа Фараб. Об этом сообщает анонимный автор персоязычного географического сочинения «Худут-ал-Алам», географы Ибн-Хаукаль и ал-Макдиси. Согласно сведениям Худут-ал-Алам, в X веке «Фараб – богатый округ, главный его город называется Кедер, жители его воинственны и храбры, – это место стечения купцов». Ал-Макдиси, труд которого также написан в X веке, сообщает: «Кедер был новым городом, устройство в нем минбара (соборной мечети) вызвало междоусобные войны» [4, с. 233–244].

Начиная с 1980 года раскопки на городище ведутся археологами Института археологии им. А. Х. Маргулана Министерства образования и науки Казахстана. Раскоп на цитадели выявил строительные конструкции трех периодов. Самые верхние постройки, датированные второй половиной XI–XII веком, входили в состав «квартала гончаров», постройки второго сверху датируются второй половиной IX–XI веком, составляя компактный «городской квартал». Конструкции нижнего, первоначального, горизонта принадлежали цитадели. Сама постройка сохранилась плохо из-за того, что ее наружные края полностью смыты, а все внутренние стенки были срублены при позднейших перестройках. Нетронутыми остались лишь капитальные стены, сложенные из длинномерного сырцового кирпича. Сохранились несколько помещений. Центральное место занимает парадный зал. При его расчистке по уровню пола и при раскопках помещений по уровню нижнего строительного горизонта был собран комплекс керамики. В нем присутствует посуда, бытовавшая в Отрарском оазисе в VI – первой половине VII века: кувшины с рифлением по горлу, горшководные сосуды, хумы с прямоу-

гольными венчиками. Другую группу составляет керамика, где есть кувшины грушевидной формы с массивным треугольным сливом, «пузатые» кружки с наклепными ручками, кружки и чаши с волнистым краем. Третью группу комплекса составляет керамика, представленная кувшинами, кружками с одной или двумя зубчатыми ручками, покрытыми темно-красным, вишневым и черным ангобом и украшенные геометрическим орнаментом в виде сетки, треугольников, гирлянд из полуovalов. Такая керамика бытовала в Отрарском оазисе во второй половине VII–IX века.

Монеты, найденные при раскопках замка на полах, в обмахке стен, датируются VII–VIII веками, а время существования первоначальной постройки на цитадели определяется второй половиной VII – первой половиной IX века.

Верхняя дата куйрукского комплекса, связываемая с пожаром цитадели и ее разрушением, приходится на первую половину IX–X век. Возможно, гибель цитадели связана либо с походом в пределы Отрарского оазиса в начале IX века арабского отряда Фадла ибн Сахля, который «убил начальника пограничной местности и взял в плен сыновей карлукского джабгу», либо с походом саманида Насра I ибн Ахмада на Шавгар в начале второй половины IX века. Хронологические рамки первого периода жизни цитадели, таким образом, охватывают вторую половину VII – первую половину IX века.

Вокруг шахристана располагался торговоремесленный рабад, жизнь в постройках которого, судя по находкам поливной керамики, продолжалась и в XIII–XIV веках.

В исторических источниках I тыс. н. э. население присырдарьинских районов называлось «люди Канга» – кенгересы, кангары, что сопоставляется с одним из древних названий Сырдарьи – Канг. Кенгересы расселились на средней Сырдарье, где в VI–VII веках сформировалось территориальное и политическое образование Кангу-Тарбан со столицей в Тарбан – Отраре под властью печенежских племен.

Городище Отрар. Средневековому Отрару соответствует городище Отрар-тобе, находящееся в 10 км западнее железнодорожной станции Тимур. Памятник датирован I–XVIII веками н. э.

Отрар-тобе представляет собой пятиугольный в плане бугор, ориентированный углами по

сторонам света с незначительным отклонением. Его южная сторона равна 380 м, юго-западная – 145 м, западная – 400 м, северо-восточная – 380 м и восточная – 350 м. Наибольшая высота бугра от подошвы – 18 м в юго-западной части, ближе к углу. В среднем его высота колеблется от 10 до 15 м.

Городище окружено стеной, лучше всего сохранившейся с северо-восточной и восточной сторон. Стена укреплена башнями. От них остались выступающие наружу оплывшие осыпи. Вокруг основного бугра прослеживаются остатки в виде лощины с покрытыми краями. В город вели три въезда. Два устроены напротив друг друга: один – в южной, второй – в северо-восточной стене и третий – в середине западной стороны.

К центральному бугру городища примыкает территория, окруженная стеной, которая отчетливо видна на аэрофотоснимках, тогда как на местности заметны лишь отдельные участки. Стена сохранилась достаточно хорошо и представляет собой оплывший вал шириной 20–25 м и высотой 3–5 м. Снаружи ров на некоторых участках заболочен.

Отрар, другое его название Фараб, в Средние века был столицей одноименного оазиса. Отрар упоминается во многих сочинениях средневековых арабских, персидских и тюркских авторов: ат-Табари, Макдиси, Ибн Хаукаля, Хафиз-и Таниша.

Отрар, находясь в месте впадения Арыси в Сырдарью, являлся центром большого земледельческого района, а располагаясь вблизи предгорий Каратау – был одной из опорных крепостей кочевников. От Отрара по Арыси шли дороги к Таразу, Баласагуну и далее, в Восточный Туркестан; по Сырдарье вверх издревле проторенный путь вел в Шаш, Согд и потом – к Мерву и Нишапуру, Кабулу, Герату и в Индию; вниз дорога направлялась в Приаралье и на Урал; на Запад через Кызылкум шел путь в Хорезм, а оттуда в Поволжье, на Северный Кавказ, Причерноморье и в Византию.

Ни на одном другом памятнике Казахстана не сохранилась в столь хорошем состоянии ирригация I–XVIII веков н. э. – магистральные каналы, оросители, дамбы, шлюзы, остатки полей, садов, бахчей. Каждый холм (тобе) в Отрарском оазисе, образовавшийся на месте древних

поселений, имеет современное название: Кок-Мардан, Алтынтобе, Джалпактобе, Куюк-Мардан, Пшакшы-тобе, Куйрыктобе, Бозук. Когда-то они имели другие имена, которые теперь забыты, и лишь названия трех городов, известных из письменных источников, можно сопоставить с современными развалинами. На месте Куйрыктобе находился город Кеде, городищу Оксыз соответствует город Весидж, а Бозуку – Шелек.

В 1971 году была организована Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция, и с той поры Отрар и памятники Отрарского оазиса стали объектами исследований археологов.

Раскопки выявили своеобразную цивилизацию первой половины I тыс. Многочисленные поселения, окруженные стенами, располагались на берегах рек, в поймах Арысь, Келес, Сырдарьи, объединялись в группы, центрами которых были наиболее крупные из них, те, которые постепенно перерастали в феодальные города.

В Средние века в Отраре и городах оазиса строились дворцы с парадными залами, украшенными росписью и резьбой по дереву. По Великому шелковому пути распространялись украшения, драгоценности, шелка. С X века в среде городского населения, а затем и кочевников стал распространяться ислам, в городах и степи появлялись проповедники-миссионеры, строились мечети, в медресе изучался арабский язык. На глазурованной керамике появляются изречения из Корана и благопожелания. Так, в одном из домов X–XI веков найден глиняный черепок с надписью тушью первой суры Корана. В то же время продолжали существовать культы огня, барана, пережитки зороастризма, особенно среди осевших кочевников, число которых в городах и селениях особенно выросло в X–XII веках.

После монгольского нашествия (в 1219 году Отрар был захвачен Чингисханом и сожжен), город вновь отстраивается. Подъему городской жизни здесь способствовало, в частности, перемещение международных торговых путей на Запад через Приаралье, по рекам Сыр-Дарья и Аму-Дарья через Отрар и Хорезм. В городе появляются многочисленные ремесленные мастерские, строятся бани и другие общественные постройки, работает монетный двор. Отрар стал в это время

одним из крупнейших экономических и торговых центров. В эпоху Тимура в Отраре возводится соборная мечеть.

В XVI–XVII веках город входил в состав Казахского ханства. Из 20 га, которые занимал Отрар в это время, раскопана почти треть. Открыты городские кварталы, улицы и тупики, базарчики и площади. Представление о типичном городском жилище дает одно из них, при пожаре сохранившее остатки интерьера и весь инвентарь, который был законсервирован рухнувшей камышовой кровлей.

Столетиями, несмотря на политические изменения и этнические перемещения в Центральной Азии Отрар сохранял местный пласт истории населения с устоявшимися традициями материальной и духовной культуры [11, с. 141–150].

Городище Жанкала расположено в 6 км к востоку от русла Жана-Дарьи – одной из дельтовых протоков Сыр-Дарьи. Оно, как и большинство средневековых городов, имеет цитадель, шахристан и рабад. Цитадель представлена несколькими элементами – это дворец, окружающая его внешняя стена и угловая северо-восточная башня. Размер внешней стены цитадели 75x75 м. Центральное сооружение, условно называемое дворец, имеет размеры 37x28 м. И, наконец, восьмиугольная башня, диаметром 8 м, устроена в северо-восточном внешнем углу цитадели. Внешняя стена окружена рвом, ширина которого варьируется от 20 м в западной части, где вкопан своеобразный резервуар, до 4 м, хорошо фиксирующийся с северной стороны.

Шахристан городища окружен стеной, ширина которого достигает 5 м. Она разрушена. Высота ее колеблется от 0,2 до 3 м. Шахристан занимает площадь 23 га. Направления стен шахристана повторяют направления стен цитадели. С южной, западной и восточной сторон стены шахристана прямые и форма в целом напоминает прямоугольник. На территории шахристана расположено несколько крупных объектов. Среди них два могут быть интерпретированы как караван-сарай. Размеры первого караван-сарая 19x19 м, и второго 17x17 м.

В его южной части выявлено две крупных постройки, сложенных из жженого кирпича. В этой же части городища была возведена крупная подквадратной формы постройка 38x38 м из

жженого кирпича. Она связана с южной частью внешней стены шахристана и устроена в ее центре. Возможно, постройка связана с фортификацией города.

Рабад городища обширен. По линии запад-восток его территория вытянута на 1800 м, по линии север-юг – на 1500 м. Застройка рабада нерегулярная. Здесь встречаются и значительные по площади поля, и каналы с многочисленными ответвлениями, культовые постройки, жилые усадьбы, сооружения общественного назначения, мелкие дома. Многие постройки фиксируются на поверхности лишь по небольшим возвышениям и скоплениям.

Из значительных по размерам и довольно хорошо сохранившихся построек на рабаде городища можно выделить караван-сарай, центральная постройка которого имеет размеры 30х25 м.

В юго-западной части городища расположена, видимо, загородная резиденция правителя. Функциональное назначение определено по наличию центрального, внушительного по размерам сооружения – 37х26 м, сложенного из сырцового и жженого кирпича. Вся территория загородной резиденции была обнесена стеной шириной 1 м, в восточной части устроен въезд в портал пештака.

Аналогичная садово-парковая зона, обнесенная, но без внутренних построек, площадью 45000 кв. м., была устроена в северной части рабада.

С восточной стороны городища в непосредственной близости от внешней стены шахристана зафиксированы руины мечети, размерами 9,7х9,7 м, с сохранившейся михрабной стеной и нишей. Стены мечети сложены из сырцового кирпича. Мечеть, вероятнее всего, является поминальной.

С южной стороны городища, также на территории рабада, зафиксированы развалины еще одной мечети, сложенной из жженого кирпича. Размеры мечети 12,3х7,3 м. Мечеть имеет два зала. Внешний – гурхана и внутренний собственно мечеть.

Застройка рабада городища не была плотной. Она перемежалась открытыми пространствами, полями и каналами [3, с. 26–33; 12, с. 55–102].

Великий шелковый путь, проходивший через степи, моря и пустыни, предоставлял уникальную возможность для установления контактов и диалога, способствовал культурному обмену и взаимообогащению цивилизаций эпохи Средневековья.

Литература

1. Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР. – Алма-Ата, 1958. – С. 107–108.
2. Байпаков К. М., Смагулов Е. А., Ергигитова А. А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. – Алматы: Баур, 2005. – 236 с.
3. Байпаков К. М., Воякин Д. А. Города Приаралья: Джэнд, Асанас, Барчкент. // Вестн. Междунар. Центральноазиат. исслед. (МИЦАИ). – Самарканд, 2009. – Вып. 10. – С. 26 – 33.
4. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. Соч. – М; Л., 1963. – Т. I. – 761 с.
5. Баштанник С. В. Земледельческая культура Южного Казахстана эпохи Средневековья. – Кемерово: КемГУКИ, 2007. – 126 с.
6. Баштанник С. В. Археоботанические исследования на средневековых памятниках долины реки Арысь // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 1. – С. 85–92.
7. Баштанник С. В. Семиреченский отрезок Великого Шелкового пути // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2016. – № 34 – С. 134–141.
8. Ковтун И. В., Баштанник С. В., Жаронкин В. Н., Фрибус А. В. Самуськое время Устья Кожуха-1, юго-восточный фактор и «гранито-агальмталитовый» путь // Историко-культурное наследие Кузбасса: актуальные проблемы изучения и охраны памятников археологии. – Кемерово, 2011. – С. 104–113.
9. Лубо-Лесниченко Е. И. Великий Шелковый путь // Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье. – М., 1988. – С. 352–356.
10. Сарианиди В. И. О великом лазуритовом пути на Древнем Востоке // Крат. сообщения о докладах и полевых исслед. Ин-та археологии АН СССР. – М., 1968. – Вып. 114. – С. 3–9.
11. Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Южно-Казахстанская область. – Алматы, 1994. – 368 с.
12. Толстов С. П. Города гузов // Совет. этнография. – 1947. – № 3. – С. 55–102.

References

1. Ageeva E.I., Patsevich G.I. Iz istorii osedlykh poseleniy i gorodov Yuzhnogo Kazakhstana [From the history of settled settlements and cities of Southern Kazakhstan]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN Kaz. SSR [Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of Kaz. SSR]*. Alma-Ata, 1958, pp. 107-108. (In Russ.).
2. Baypakov K.M., Smagulov E.A., Erzhigitova A.A. *Rannesrednevekove nekrepoli Yuzhnogo Kazakhstana [Early medieval necropolis of South Kazakhstan]*. Almaty, Baur Publ., 2005, 236 p. (In Russ.).
3. Baypakov K.M., Voyakin D.A. Goroda Priaral'ya: Dzhend, Asanas, Barchkent [Cities of Priaralye: Dzhend, Asanas, Barchkent]. *Vestnik Mezhdunarodnykh Tsentral'noaziatskikh issledovaniy [International Journal of Central Asian Studies (MICAS)]*. Samarkand, 2009, vol. 10, pp. 26-33. (In Russ.).
4. Bartol'd V.V. Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya [Turkestan in the epoch of the Mongol invasion]. *Sochineniya [Compositions]*. Moscow, Leningrad, 1963, vol. I. 761 p. (In Russ.).
5. Bashtannik S.V. *Zemledel'cheskaya kul'tura Iuzhnogo Kazakhstana epokhi srednevekov'ya [Medieval agriculture of South Kazakhstan]*. Kemerovo, KemGUKI Publ., 2007, 126 p. (In Russ.).
6. Bashtannik S.V. Arkheobotanicheskie issledovaniya na srednevekovykh pamyatnikakh doliny reki Arys' [Archaeobotanical studies at medieval sites in the Arys river valley]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia]*, 2008, no. 1, pp. 85-92. (In Russ.).
7. Bashtannik S.V. Semirechenskiy otrezok Velikogo Shelkovogo puti [Semirechye shortcut of the Great Silk Road]. *Vestnik Kemerovskogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo state university of culture and arts]*, 2016, no. 34, pp. 134-141. (In Russ.).
8. Kovtun I.V., Bashtannik S.V., Zharonkin V.N., Fribus A.V. Samus'koe vremya Ust'ya Kozhukha-1, yugo-vostochnyy faktor i "granito-agal'mtalitovyy" put' [Samus' time of Ust'ye Kozhuha-1, the southeast and the factor of "granite-agalmatolit" way]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie Kuzbassa: aktual'nye problemy izucheniya i ohrany pam'yatnikov arkheologii [Historical and cultural heritage of Kuzbass: actual problems of study and preservation of archaeological monuments]*. Kemerovo, 2011, pp. 104-113. (In Russ.).
9. Lubo-Lesnichenko E.I. Velikiy Shelkovyy put' [Great Silk Road]. *Vostochnyy Turkestan v drevnosti i rannem Srednevekov'e. [East Turkestan in antiquity and the early Middle Ages]*. Moscow, 1988, pp. 352-356. (In Russ.).
10. Sarianidi V.I. O velikom lazuritovom puti na Drevnem Vostoke [About lazurite great way in the Ancient East]. *Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta arkheologii AN SSSR. [Summary of the reports and field studies of the Institute of Archaeology of the USSR]*. Moscow, 1968, vol. 114, pp. 3-9. (In Russ.).
11. *Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Respubliki Kazakhstan. Yuzhno-Kazakhstanskaya oblast' [Corpus of historical and cultural monuments of the Republic of Kazakhstan. South-Kazakhstan region]*. Almaty, 1994. 368 p. (In Russ.).
12. Tolstov S.P. Goroda guzov [Cities of Guzes]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography]*, 1947, no. 3, pp. 55-102. (In Russ.).

УДК 304.5

**«КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА» И «КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО»:
ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОНЯТИЙ
В ИССЛЕДОВАНИИ ТЕАТРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ**

Сабелев Михаил Михайлович, аспирант, кафедра культурологии, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ) E-mail: hhhbrz@gmail.com

В статье рассматривается целесообразность использования понятий «культурная среда» и «культурное пространство» в исследовании театральной культуры российской провинции. Выделяются основные составляющие понятий, прослеживаются общие и отличительные черты, анализируются определения. Упомянуты и перечисляются основные научные работы и исследователи проблем, связанных с терминами «культурная среда» и «культурное пространство». Приводится история воз-

никновения, использования, толкования и научной трансформации данных понятий. Рассматриваются подходы к проблеме определения понятий «культурная среда» и «культурное пространство» у ведущих исследователей в области культурологии. Театральное искусство анализируется как коммуникативная система, при которой происходит взаимодействие «художественный акт – зритель». Автор упоминает влияние театрального и музыкального искусства на ассоциативный ряд зрителя, замечая, что смысл, заложенный автором произведения, может преломляться и восприниматься в индивидуализированном виде. Приводятся доказательства воздействия театра как социально-культурного института в процессах формирования культурной среды российской провинции. В статье выделяются основные формы взаимодействия театра на публику. В выводе приводится аргументация целесообразности использования термина «культурная среда» при описании и анализе процессов, происходящих в российской провинции.

Ключевые слова: культурная среда, культурное пространство, театральная культура, регионы.

“CULTURAL ENVIRONMENT” AND “CULTURAL SPACE”: FEASIBILITY OF USING THE TERMINOLOGY IN THE STUDY OF RUSSIAN PROVINCIAL THEATER CULTURE

Sabelev Mikhail Mikhaylovich, Postgraduate, Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation) E-mail: hhhbrz@gmail.com

The article examines the feasibility of using the concepts of “cultural environment” and “cultural space” in the study of theater culture of the Russian province. It singles out the main components of the concepts, definitions are analyzed. The author explores the similarities and differences in the definitions referred to in the article. Reference is made and transferred to the main scientific work of the researchers and the problems associated with the terms “cultural environment” and “cultural space”. The article is about the history of the origin, use, interpretation and scientific transformation of these concepts. It approaches to the problem of the definition of the concepts of “cultural environment” and “cultural space” among the leading researchers in the field of cultural studies. One of the main theses of the article is the proof of the involvement of theater art in the process of forming the cultural environment of the Russian province. Dramatic art is analyzed as a communicative system in which the interaction occurs “artistic act – viewer”. Proved impact on the socio-cultural layer components such as the value-hierarchic system of social concepts, space and social rituals of social mimesis. The author mentions the influence of theatrical and musical art in the associative array audience, noting that sense, founded by the author of a work can be refracted and perceived individualized form and gives evidence of the theater as a social and cultural institution in the formation of the cultural environment of the Russian province. The article highlights the main forms of cooperation of the theater with the public. The conclusion follows from the argument whether to use the term “cultural environment” in the description and analysis of the processes occurring in the Russian province.

Keywords: cultural environment, cultural space, theatrical culture, regions.

Понятие «культурная среда» не часто встречается в исследованиях в области культурологии, социологии и антропологии, однако определенное количество работ, в которых используется данный термин, существует. В качестве примера можно привести исследования О. Б. Ершовой «Социально-культурная среда как фактор формирования ценностных ориентаций подростков и молодежи» по специальности «Теория, методика

и организация социально культурной деятельности», Ю. В. Величко «Феномен культурной среды малых городов западной Сибири» специальности «Теория и история культуры» и ряд других. Термин «культурное пространство» более распространен в культурологической исследовательской среде. В качестве примера можно привести такие работы, как «Культурное пространство и механизмы формообразования региональной куль-

туры» А. Г. Лазарева по специальности «Теория и история культуры», «Глобальное культурное пространство: философский анализ» П. А. Гончарова и т. д. В контексте данной статьи попробуем проследить целесообразность использования одного и другого термина при исследовании культуры российской провинции.

Цель данной статьи – аргументация целесообразности использования понятий «культурная среда» и «культурное пространство» в исследовании театральной культуры российской провинции.

Задачи статьи можно сформулировать следующим образом:

1. Выявление позиций в понятии «культурная среда» и «культурное пространство».
2. Разграничение понятий «культурная среда» и «культурное пространство».
3. Отбор определений «культурной среды», наиболее целесообразных контексту исследования театральной культуры российской провинции.
4. Экспликация рабочего определения «культурной среды», соответствующего задачам исследования театральной культуры российской провинции.

Изначально понятие «среда» применялось исключительно по отношению к географическому положению. Например, в работах французского философа Ж. Бодена, первым сделавшего попытку рассмотреть вопрос о географической среде в формировании общественных и политических отношений (см. [11]). Впоследствии термин используется философом И. Тэнном в сфере философии и социологии (см. [3, с. 350]), и, наконец, его применение распространяется на смежные науки, такие как культурология, искусствоведение, антропология и другие. При этом в самом термине «культурная среда» присутствует неоднозначность. Исследователи, например, П. Н. Савицкий соотносят понятие «культурная среда» и «культура», подчёркивая способность культуры к динамическому обновлению и синтезу (см. [3, с. 350]). Однако в контексте данного исследования следует разграничить эти понятия, воспользовавшись определением, предложенным А. Я. Флиером в работе «Культурная среда и ее социальные черты»: «Культурная среда – это не просто территория разных культурных взаимодействий, а

особое пространство социальных ритуалов, социального мимесиса, ценностно-иерархизированной системы социальных понятий» [10]. Также А. Я. Флиер обращает внимание на то, что «познавательные возможности по исследованию динамических процессов изменчивости культурной среды и перспективы ее модернизации следуют искать где-то в пределах этого проблемного поля» [10]. Приведенная цитата задает направление размышлениям, дает отправную точку для научной рефлексии на тему компонентов понятия «культурная среда» и ее функции, позволяет в дальнейших рассуждениях осуществлять трактовку термина «культурная среда» с позиции пространства социально-культурных взаимодействий.

При этом было бы неправильно ограничиваться лишь терминологией А. Я. Флиера и игнорировать мнение других исследователей. Например, Э. А. Орлова рассматривает понятие «социокультурная среда». Она трактует этот термин как «как результат коммуникативных актов, в котором «Я» обращается к «Другому», постигая его как личность, которая обращена к нему самому, причем оба понимают это» [6, с. 21]. Это ценное дополнение, поскольку процессы взаимодействия на социально-культурном уровне являются неотъемлемой частью формирования культурной среды. В культурологическом словаре А. И. Кравченко дается следующее определение «Культурная среда – совокупность социально культурных объектов, связанных с созданием и распространением культурных ценностей, а также стиль и характер культурных взаимоотношений людей, культурно-бытовые условия и духовно-нравственная атмосфера в обществе» [4, с. 278]. Далее Кравченко делает акцент на количественных характеристиках, присущих культурной среде. Имеется в виду число культурных объектов на одного жителя страны или на один квадратный километр. Недостаток определения – ограничение содержания понятия культурная среда материальной составляющей культуры, поскольку остается обойденным социальный аспект этого определения. Целесообразность видится в соединении социально-культурного и материально-ценностного аспектов. Следует уточнить, что под материально-ценностным аспектом понимается совокупность

физических объектов культуры, выполняющих определенную функцию и представляющих известную ценность, разделяемую большинством общества. Предпочтение одного из рассмотренных выше определений, а также оперирование каждым из них по отдельности не представляется целесообразным при изучении театральной культуры российской провинции. В связи с тем, что театральное искусство объединяет в себе и материально-ценностную и социально-культурную функции есть основания опираться на оба определения. Кроме того, стоит учитывать, что театр сочетает в себе и материально-ценностные (идеологическую, эстетическую и аксиологическую), и социально-культурные (гносеологическую, коммуникативную, стратифицирующую и игровую) функции. В связи с этим, помимо указанного выше, в понятие «культурной среды» следует включить семиотическую составляющую, поскольку культурная среда в данном исследовании рассматривается как составляющая театральной культуры и несет в себе семиотическую функцию [1, с. 93]. Названные аргументы подводят к необходимости отталкиваться от трех обозначенных выше составляющих культурной среды, опираться на социально-культурный аспект, предложенный А. Я. Флиером, и при этом, не упускать из внимания ту часть определения А. И. Кравченко, где акцентированно внимание на материальных составляющих. Таким образом, в дальнейших рассуждениях с термином «культурная среда» будем соотносить материально-ценностный, социально-культурный и семантический аспекты культуры определенного общества.

Для выяснения целесообразности использования понятий «культурная среда» и «культурное пространство» в исследовании театральной культуры российской провинции есть смысл проанализировать несколько типов определений «культурной среды». Существует множество типологий в определении «культуры» и «культурной среды», однако мы остановимся на двух, характеризующих основные подходы к пониманию данного термина. Первый тип связан с институциональным (территориальным) пониманием культурной среды как ареала ее зарождения, формирования и развития. В институциональном понимании культурная среда формируется под влиянием заимствований, благодаря организации новых инсти-

тутов, распространению их в социокультурном пространстве. Этот подход свойственен работам таких исследователей, как Л. Н. Коган и Б. С. Ерасов. Относительно театральной культуры российской провинции будет рассматриваться процесс зарождения театра как социально-культурного института в той или иной географической области, анализироваться качество и количество заимствований, а также влияние на общекультурный фон.

Второй тип определений связан с пониманием культурной среды как способа формирования ценностных ориентаций. Человек здесь выступает создателем ценностей. В процессе культурной деятельности происходит их опредмечивание, закрепление в форме социальных норм, создавая, таким образом, возможность накопления и передачи ценностей культуры последующим поколениям. Ценностное понимание фиксирует важный подход, близкий к определению А. И. Кравченко, подразумевающий материально-ценностный аспект. Театральное искусство тоже может выступать в роли ценностно-формирующего механизма в обществе, транслируя и опредмечивая смысловую, моральную и этическую информацию в творческой форме посредством сценического воплощения какого-либо произведения. Также театр выполняет функцию накопления и передачи ценности последующим поколениям. Это еще один аргумент для рассмотрения театральной культуры в контексте понятия «культурная среда».

Однако для перехода к области исследования, театральной культуры регионов, следует проанализировать термин «культурное пространство» и сравнить его с описанными выше характеристиками культурной среды. В статье Е. В. Орловой «Культурное пространство: определение, специфика, структура» дается достаточно полный разбор исторического происхождения термина, его отличительных признаков, приводится несколько определений предложенных различными исследователями. Е. В. Орлова не предлагает собственного определения термина, сосредоточив внимание на анализе определений других авторов. Рассмотрим определения «культурного пространства», встречающиеся в статье Е. В. Орловой, охватывающие различные аспекты этого термина. **Задачей анализа будет целесообразность использования данного понятия**

для исследования театральной культуры регионов. Первое – определение А. Н. Быстровой из работы «Культурное пространство как предмет философской рефлексии»: «Культурное пространство – это пространство реализации человеческой виртуальности, осуществления социальных программ, целей и интересов, распространения идей и взглядов, языка и традиций, верований и норм, и т. д.» (см. [5, с. 43]). Анализируя данное определение, можно сделать вывод о более широких возможностях употребления термина «культурное пространство», не ограничиваясь географическими рамками. При употреблении термина «культурное пространство» в контексте театральной культуры скорее речь бы шла о Театре как о культурном явлении европейской цивилизации. Следующее определение «культурного пространства» принадлежит А. С. Кармину, представлено в работе «Основы культурологии. Историография культуры»: «Культурное пространство – это все многообразие моделей и идеалов человеческой деятельности и все отношения культуры» (см. [5, с. 44]). В данном определении акцент направлен на внутренние культурные процессы и его использование в контексте изучения театральной культуры является нецелесообразным. Следующее определение сформулировано Н. А. Бердяевым в «Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России»: «Культурное пространство – это реальная протяженность территориального сообщества, которое состоит из определенного количества дистрибутивно сопрягающихся в параметрах времени “текстов” культуры» (см. [5, с. 44]). Н. А. Бердяев делает акцент на географических характеристиках пространства, проводя параллель с его культурной составляющей. Данный подход мог бы быть использован при анализе сходств и различий разных театральных культур, например, запада и востока. И последнее из рассматриваемых определений «культурного пространства» принадлежит А. С. Кармину: «Культурное пространство – пространство, образованное множеством феноменов культуры, переплетающихся и взаимодействующих между собой» (см. [5, с. 45]). Содержание вышепредставленного определения открывает возможность рассуждения о театраль-

ной культуре как об одной из многих составляющих культурного пространства, но в этом случае следует рассматривать театр в комплексе других явлений культуры российской провинции.

Исходя из приведенных выше определений можно говорить о «культурном пространстве» как о совокупности всех проявлений культуры, свойственных определенной группе людей, объединенных несколькими общими признаками – например, такими как территориальная, национальная и языковая идентичность. Понятие «культурная среда» в свою очередь является более конкретным термином, характеризует определенный культурный слой и может быть применимо к какой-либо области человеческой деятельности или к определенной социальной группе исходя из институционального или территориального принципа группировки. Однако не стоит исключать из внимания тот факт, что большинство культурных процессов на практике, пересекаются между собой и зачастую не имеют столь точного разграничения. И, тем не менее, в целях аргументации правомерности использования термина «культурная среда» в исследовании театрального искусства осуществим данное разграничение.

Искусство в своих разных видах является способом коммуникации, при котором осуществляется трансляция определенных смыслов, представленных в конкретной или художественно выраженной форме. В статье А. Я. Флиера «Культура как среда: опыт аналитического структурирования» авторитетный исследователь отмечает: «Символическая деятельность и ее продукция в ее основных проявлениях (искусство, религия, этнографические ритуалы, социальный этикет) нужны обществу, в первую очередь, для обучения людей правилам нормативного социального поведения и стимулирования их добровольного исполнения этих правил, демонстрации эталонных примеров одобряемого и осуждаемого поведения, иерархии предпочитаемых ценностных построений и т. п.» [9, с. 106]. Применяя размышления А. Я. Флиера к исследованию театральной культуры российской провинции, можно отметить следующее. Театр в своей символической деятельности выполняет социокультурную миссию не только транслирования социального поведения, но и формирует систему ценностей общества. Кроме того, опреде-

ление «культурной среды» А. Я. Флиера позволяет рассуждать о театре как о социальном институте, транслирующем определенные смыслы через выразительные средства искусства: актерскую игру, музыку, слово. Функции театра как социального института подробно рассматриваются в статье Т. О. Адриановой «Социальные функции театра». Автор этой работы выделяет такую функцию, как формирование общественного сознания, обращая внимание на то, что «особого подъема театральное искусство достигает тогда, когда отстаивает гуманистические идеи, глубоко и правдиво раскрывает духовные проблемы современного общества, помогает найти ответы на трудные жизненные вопросы» [1, с. 92]. Также Т. О. Адрианова обращает внимание на то, что «театр имеет большое влияние на формирование эстетического вкуса, нравственности и политической зрелости народа» [1, с. 92], тем самым являясь одним из элементов формирующих культурную среду социума путем вербальной коммуникации. Здесь следует внести небольшое уточнение: применительно к данному исследованию музыкальное искусство следует относить к невербальным средствам коммуникации, воспринимая конкретное музыкальное произведение как «художественный текст», несущий в себе определенные смыслы.

Процессы коммуникации в пределах поля взаимодействия «художественный акт – зритель» можно описать, ссылаясь на работу Ю. М. Лотмана «Семиосфера». Лотман рассматривает коммуникацию как процесс пересечения смысловых кругов говорящего и слушающего, в котором ценность заключается в передаче информации, находящейся за пределами поля пересечения. Искусство передает информацию аналогичным способом, используя и комбинируя ранее знакомые зрителю образы для трансляции заложенного автором смысла. Театральное и музыкальное искусство аналогично взаимодействует со зрителем на ассоциативном уровне. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о социальной роли искусства, состоящей в передаче определенных культурных универсалий в контексте культуры. Аналогичный вывод встречается в работах отечественных и зарубежных исследователей, таких как: О. И. Андреева, М. С. Каган, А. Я. Флиер, Г. Блумер, Г. Е. Дебор и других, одна-

ко в данной статье он является необходимым для понимания взаимосвязи театрального искусства и «культурной среды» общества.

В контексте региональной культуры формирование культурной среды можно охарактеризовать как процесс преемственности социально-культурных и ценностных норм или социально-культурный мимесис. И по сей день в большинстве провинциальных театральных трупп главные режиссеры приезжают из европейской части России, из Москвы или Санкт-Петербурга. Отчасти это связано с наличием в вышеперечисленных городах профильных высших учебных заведений, подготовкой в них достаточного редких режиссерских специальностей. Приезжие режиссеры в процессе создания спектакля привносят свою эстетику в театральную культуру провинции и тем самым формируют культурную среду. Правда, на рубеже XX–XXI веков опыты такого рода не всегда оказывались удачными, и далеко не каждый режиссер-фрилансер способствовал эффективному развитию провинциального театра [8, с. 209], однако подробный искусствоведческий анализ художественной ценности театральных постановок этого периода остается за рамками данной статьи.

Исходя из приведенной выше аргументации, можно сделать вывод о целесообразности использования термина «культурная среда» в вопросе изучения определенных аспектов культуры, в данном случае театральной. Обращение к понятию «культурной среды» допустимо в случаях концентрации исследовательского внимания на специфических, узконаправленных темах, например, на изучении проблем формирования театрального искусства российской провинции. Термин «культурная среда» может быть применен к исследованиям, связанным с формированием театральной культуры регионов, поскольку театральное искусство выступает в роли ценностно-формирующего механизма, оказывая влияние на социум. В процессе формирования и развития культурной среды образуется особое, присущее только ей семиотическое поле, одной из составляющих которого может являться театральная культура. Термин «культурное пространство» имеет широкий охват и применим в случаях исследования более крупного социально-культурного слоя, объединенного общими признаками, например, региона или страны в целом.

Литература

1. Адрианова Т. О. Социальные функции театра // Вестн. Челябин. гос. ун-та. – Челябинск: ЧелГУ, 2012. – Вып. 28. – С. 91–94.
2. Вильсон Г. Психология артистической деятельности: таланты и поклонники. – М.: Когито-Центр, 2001. – 384 с.
3. Кострица Е. И. История возникновения термина «культурная среда» на примере статьи П. Н. Савицкого «Евразийство» // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. – 2009. – № 97. – С. 349–356.
4. Кравченко А. И. Культурология: слов. – М.: Академ. Проект, 2000. – 671 с.
5. Орлова Е. В. Культурное пространство: определение, специфика, структура // Аналитика культурологии. – 2010. – № 18. – С. 42–53.
6. Орлова Э. А. Культурная (социальная) антропология: учеб. пособие для вузов. – М.: Академ. Проект, 2004. – 480 с.
7. Палеева О. Л. Обмен культурными ценностями: сущность и механизмы: автореф. дис. ... канд. культурологии. – М., 2011. – 23 с.
8. Прокопова Н. Л. Фрилансеры в театральной режиссуре: попытка осмысления проблемы (на мат-ле театров Кузбасса 2000–2010 годов) // Искусство и искусствознание: теория и опыт: Искусство в культурно-историческом контексте: сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Л. Прокопова; пер. Т. А. Григорьянц. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств. – 2013. – Вып. 11. – С. 207–252.
9. Флиер А. Я. Культура как среда: опыт аналитического структурирования // Культура культуры. – 2014. – № 1 (1). – С. 104–115.
10. Флиер А. Я. Культурная среда и ее социальные черты [Электронный ресурс] // Информ. гуманитар. портал «Знание. Понимание. Умение». – 2013. – № 2 (март – апр.). – URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/2/Flier_Cultural-Milieu.
11. Энциклопедия культурологии. Теория среды. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/685/ТЕОРИЯ.

References

1. Adrianova T.O. Sotsial'nye funktsii teatra [The social function of the theater]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Chelyabinsk State University]*. Chelyabinsk, ChelGU Publ., 2012, vol. 28, pp. 91-94. (In Russ.).
2. Vil'son G. *Psikhologiya artisticheskoy deyatel'nosti: talanty i poklonniki [Psychology for performing artists butterflies and bouquets]*. Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2001. 384 p. (In Russ.).
3. Kostritsa E.I. Istoriya vozniknoveniya termina "kul'turnaya sreda" na primere stat'i P.N. Savitskogo "Evraziystvo" [The history of the term "cultural environment" for example, the article by P.N. Savitsky "Eurasianism"]. *Izvestiya RGPU imeni A.I. Gertsena [News RGPU named after A.I. Herzen]*. St. Petersburg, 2009, no. 97, pp. 349-356. (In Russ.).
4. Kravchenko A.I. *Kul'turologiya: slovar' [Cultural: Dictionary]*. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2000. 671 p. (In Russ.).
5. Orlova E.V. Kul'turnoe prostranstvo: opredelenie, spetsifika, struktura [The cultural space: definition, specificity, structure]. *Analitika kul'turologii [Analysis of Cultural Studies]*, 2010, no. 18, pp. 42-53. (In Russ.).
6. Orlova E.A. *Kul'turnaya (sotsial'naya) antropologiya: uchebnoe posobie dlya vuzov [Cultural (social) anthropology: textbook for high schools]*. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2004. 480 p. (In Russ.).
7. Paleeva O.L. *Obmen kul'turnymi tsennostyami: sushchnost' i mekhanizmy. Avtoref. dis. kand. kul'turologii [The exchange of cultural values: the nature and mechanisms. Author's abstract of diss. PhD of culturology]*. Moscow, 2011. 23 p. (In Russ.).
8. Prokopova N.L. *Frilansery v teatral'noy rezhissure: popytka osmysleniya problemy (na materiale teatrov Kuzbassa 2000-2010 godov) [Freelancers in theater directing: attempt to comprehend the problem (based on the theater Kuzbass 2000-2010)]*. *Iskusstvo i iskusstvovedenie: teoriya i opyt: Iskustvo v kul'turno-istoricheskom kontekste: sb. nauch. tr. [Art and art history: Theory and Experience: Art in the cultural and historical context: a collection of scientific papers]*. Ed. N.L. Prokopova; transl. T.A. Grigor'yants. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture and Arts Publ., 2013, iss. 11, pp. 207-252. (In Russ.).
9. Flier A.Ya. *Kul'tura kak sreda: opyt analiticheskogo strukturirovaniya [Culture as a medium: the analytic experience structuring]*. *Kul'tura kul'tury [Culture of culture]*, 2014, no. 1 (1), pp. 104-115. (In Russ.).
10. Flier A.Ya. *Kul'turnaya sreda i ee sotsial'nye cherty [The cultural environment and its social features (electronic resource)]*. *Informatsionnyy gumanitarnyy portal "Znanie. Ponimanie. Umenie" [Information Humanitarian Portal "Knowledge. Understanding. Skill"]*, 2013, no. 2 (March - April). (In Russ.). Available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/2/Flier_Cultural-Milieu.
11. *Entsiklopediya kul'turologii. Teoriya sredy [Encyclopedia of Cultural Studies. The theory of the environment]*. (In Russ.). Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/685/ТЕОРИЯ.

УДК 008:392.16

«ВЕК РЕБЕНКА» В ВЕК РЕБЕНКА: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Э. КЕЙ

Суворкина Елена Николаевна, кандидат культурологии, заведующая сектором систематизации, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина (г. Рязань, РФ). E-mail: suvorkina@list.ru

Эллен Кей, шведская писательница, XX век обозначила как «век ребенка», считая, что в это столетие права ребенка получают юридическое закрепление. Действительно, в 1989 году была принята Конвенция о правах ребенка.

Исследовательница считала, что самым первым правом ребенка является возможность выбора родителей, которое можно интерпретировать как обязанность мужчин и женщин, имеющих отклонения в физическом, психическом состояниях, а также совершивших противозаконные (уголовно наказуемые) действия, не вступать в половые отношения с целью деторождения.

Такой рациональный подход обусловлен и пересмотром ценностей. Э. Кей ставила под сомнение нравственность брака, заключенного не по любви, из чувства долга, по договоренности родителей.

Она верила, что настанет время, когда всякий рожденный ребенок будет считаться священным. К сожалению, сегодня этот момент еще не наступил. Незаконнорожденные дети в настоящее время – уже не настолько аморальное и асоциальное явление, как это было прежде. Но все большее развитие получает суррогатное материнство. В обществе нет однозначного мнения относительно последнего вопроса, а такой социальный институт как Церковь высказывается резко отрицательно.

Для Э. Кей рождение – это священное таинство, которое осуществляется в условиях взаимной любви и уважения. Она писала, что женщина имеет обязанности перед неродившимся ребенком, в частности, сохранять здоровье в период занятости на какой-либо работе. Она отрицательно относилась к движению женщин за равноправие с мужчинами, в том числе, в отношении продолжительности рабочего дня.

Э. Кей призывала родителей научиться видеть особый мир ребенка, о котором, как о субкультуре детства, заговорили лишь со второй половины XX века.

Исследовательница видела в ребенке душу, воспринимала его как личность. Она считала, что установление доверительных отношений возможно в процессе совместной игры, что находит подтверждение и сегодня.

Ключевые слова: ребенок, дети, детство, Кей Э., воспитание, школа, женский труд, суррогатное материнство, брак, деторождение.

“CENTURY OF THE CHILD” IN THE AGE OF THE CHILD: CULTURAL CONCEPT OF E. KEY

Suvorkina Elena Nikolaevna, PhD in Culturology, Head of Sector of Systematization, Ryazan State University named for S. Esenin (Ryazan, Russian Federation). E-mail: suvorkina@list.ru

Ellen Key, a Swedish writer, marked the 20th century as “the Century of the Child,” believing that in this century the rights of the child will have a legal binding. Indeed, the Convention on the Rights of the Child was adopted in 1989.

The researcher believed that the very first right of the child is a choice of the parents, which can be interpreted as an obligation to the men and women who have abnormalities in the physical, mental states, as well as committing illegal (punishable) action, not to engage in sexual relations for the purpose of procreation.

By such a rational approach and due to the revision of values, E. Key questioned the morality of the marriage, not out of love, out of a sense of duty, but as agreement between the parents.

She believed that the time will come when every born child is considered sacred. Unfortunately, today, this moment has not yet arrived. Illegitimate children are presented, already not so immoral and anti-social phenomenon as it was before. But the development of more and more gets surrogacy. In society, there is no single opinion on the latter, and such a social institution as the Church speaks very negatively.

For E. Key, birth is a sacrament, which is carried out under conditions of mutual love and respect. She wrote that she has duties to the unborn child, in particular, to preserve the health of the period of employment in any job. It is a negative attitude towards the movement for women's equality with men, including in respect of working hours.

E. Key encourages parents to learn to see the special world of the child, which, as a subculture of childhood, spoke only in the second half of the 20th century.

The researcher saw the child's soul, perceived him as a person. She believed that the establishment of trust relationship is possible in the process of playing together, which is confirmed today.

Keywords: child, children, childhood, Key E., education, school, women's work, surrogacy, marriage, procreation.

Эллен Кей (Ellen Key) (1849–1926) – шведская писательница, выступала в поддержку материнства и детства. Заглавие для своей книги «Век ребенка» она заимствовала из текста драмы Гаральда Готе (псевдоним женщины) «Отпрыск льва», в которой один из героев таким образом обозначил век будущий (XX) в противовес столетию настоящему (XIX) – веку женщины. Э. Кей импонировала ее мысль о том, что именно в XX веке ребенок получит права, что в действительности и произошло (см. [1; 5; 6]). В 1989 году была принята Конвенция о правах ребенка [4].

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы проанализировать планы, проекты, мечты представительницы конца XIX – начала XX века и сопоставить их с реальным положением дел касательно вопроса политики детства в век ребенка, век XX – начало XXI века.

Первое право ребенка. Исследовательница считала, что самым первым правом ребенка является возможность выбора родителей [2, с. 32].

Думается, что это положение не совсем корректно сформулировано. Выбор, каким мы его понимаем, представляет собой сознательное предпочтение одного варианта другому. Говорить об этом относительно внутриутробного зародыша не приходится. Кроме того, в более старшем возрасте он также не может самовольно бросить одних родителей по причине их социального, физического неблагополучия и перейти к другим. Такое осуществляется посредством вмешательства в жизнь семьи специальных социальных институтов в исключительных случаях, когда жизнь ребенка под угрозой.

Э. Кей вкладывала в это право выбора совсем иной смысл, вследствие чего можно его обозначить как обязанность (не право!) мужчин и женщин, имеющих отклонения в физическом, психическом состояниях, а также совершивших противозаконные (уголовно наказуемые) действия, не вступать в половые отношения с целью деторождения.

Исследовательница, объективно анализируя реальное положение дел, писала, что в действительности «родители должны просить прощения у своих детей за то, что навязали им жизнь» [2, с. 33], опровергая устоявшееся мнение, что дети должны быть благодарны родителям за жизнь. Такая концепция благодарения имеет много сторонников, в частности, в лице Церкви.

Э. Кей считала, что в отношении этого права должен выработаться инстинкт выбора достойного партнера – «непреодолимо-властный инстинкт – не делать отцом своих детей физически или психически больного или вырождающегося мужчину» [2, с. 35]. Нельзя сказать, что спустя столетие он выработался у женщины, но Э. Кей понимала невозможность его быстрого формирования.

Такой рациональный подход обусловлен и пересмотром ценностей. Так, Э. Кей ставила под сомнение нравственность брака, заключенного не по любви, из чувства долга, по договоренности родителей. Рожденный в таком браке ребенок не может быть социально благополучным. Она считала, что только новая нравственность способна создать и нового человека.

«Суррогатные» дети. Иное понимание она дала и такому феномену как «незаконнорожденные дети». Она привела слова из романа Елены Белау «Право материнства», которые выражают уверенность в том, что настанет время, когда «всякий ребенок будет считаться священным, даже если его родители приблизились к таинству жизни без должного благоговения» [2, с. 30].

Однако и сегодня этот момент не наступил. Незаконнорожденные дети в настоящее время – уже не настолько аморальное и асоциальное явление, как это было прежде. Но развитие все большее получает суррогатное материнство. В обществе нет однозначного мнения относительно ребенка, рожденного за определенное денежное вознаграждение чужой женщиной для бездетной семьи или не имеющего ребенка одинокого мужчины/женщины. Такой социальный институт как Церковь высказывается отрицательно по данному вопросу, известны случаи отказа в крещении подобных детей (см. [7; 8]).

Следует отметить, что такой вид детей (суррогатных) не подходит под концепцию Э. Кей. Они рождены с учетом наследственности, генофонда, от здоровых родителей, как и рекомендовала исследовательница. Но в союзе этих людей не было любви, только денежные отношения в обмен на зачатие и вынашивание ребенка. Даже незаконнорожденные дети в своем большинстве рождены по любви, но нежеланны. Суррогатные же – не по любви, но желанны. Проблемы «покупки» детей в конце XIX – начале XX века в эпоху их «переизбытка» (до XX века), естественно, не было. Э. Кей была готова понять психологическое основание убийств людьми, рожденными в многодетных семьях или имевших какие-то проблемы в детстве – ранняя работа, побои, нищенское существование. Но поняла ли она человека в идентичной ситуации, который был «куплен» и имел абсолютно противоположные условия, если учитывать, что и благополучные дети также совершают противозаконные действия?

Для Э. Кей рождение – это священное таинство, которое осуществляется в условиях взаимной любви и уважения. Тогда суррогатное материнство, хотя и удовлетворяет одному из ее главных требований к процессу деторождения,

вместе с тем является искусственным и не имеющим отношения к священнодействию.

Женский труд и деторождение. Еще одна обязанность, о которой говорила Э. Кей, также связана с неродившимся ребенком.

Э. Кей писала, что женщина имеет обязанности перед неродившимся ребенком, а уклонение от них – есть выражение эгоизма [2, с. 50]. Такая категоричность суждения была обусловлена спецификой одной из тем книги – женское движение, феминизм, борьба за права женщин. Сама исследовательница к данному вопросу относилась отрицательно. Она считала, что те представительницы слабого пола, которые стремились во всем равных прав с мужчинами, отказались от деторождения, – лишали себя счастья материнства. Ни одно другое женское право не может сравниться по значимости с этим.

Занятость же на работе женщин, с ее точки зрения, также отрицательно влияет на здоровье детей. Особенно это опасно, когда мать включена во вредное производство (например, обработка свинцовых белил в конце XIX века) и выходит сразу же после родов. Ее позиция по этому вопросу сводится к следующему: «Но та женщина, которая материнство признает для себя возможностью или даже определенной надеждой, – такая женщина не имеет права подвергать риску жизнеспособность и работоспособность своего неродившегося ребенка...» [2, с. 53].

Э. Кей прекрасно понимала, что это равноправие не станет для женщины залогом счастья. Добившись максимальной продолжительности рабочего времени (наравне с мужчинами), женщина не избавилась от своих прямых обязанностей. В дополнение к ним – ведение домашнего хозяйства, воспитание детей – она должна была работать, быть социально активной. Она также видела, что детские сады, ясли не смогут заменить мать, декретный отпуск которой составлял 3–8 недель.

Мир ребенка, семья и школа. Э. Кей призывала родителей научиться видеть особый мир ребенка, который, как субкультуру детства, стали изучать лишь со второй половины XX века. И. С. Кон писал, что «необходимо рассмотреть мир детства не только как продукт социализации и научения со стороны взрослых, но и как автономную со-

циокультурную реальность, своеобразную субкультуру, обладающую своим собственным языком, структурой, функциями, даже традициями» [3, с. 63]. Э. Кей говорила за несколько десятилетий до него об этом же.

Она констатировала: «У ребенка есть свой собственный бесконечный мир, который ему надо одолеть, осмыслить, сроднить со своей фантазией» [2, с. 78]. И он охраняет его от посягательств со стороны взрослого, вырабатывается инстинкт самосохранения. Действительно, об этом говорят и современные исследователи феномена детства – педагоги, психологи, культурологи, социологи и пр. Ребенок редкому взрослому откроет свой мир, для него это глубоко личное, интимное, поэтому изучение его специфики осложнено.

В соответствии с этим цель будущего воспитания Э. Кей определила следующую: «...создать внешне и внутренне прекрасный мир, в котором ребенок мог бы свободно расти, предоставленный самому себе – вплоть до той нерушимой границы, где начинаются права другого» [2, с. 77].

Здесь прослеживается идея И. С. Кона о детстве как автономном социокультурном пространстве. К сожалению, до сих пор многие взрослые отказываются принимать указанную позицию, находя в ней зачатки контркультуры, деструктивизма, что не соответствует действительности.

Э. Кей видела в ребенке душу, воспринимала его как личность. Она считала, что установление доверительных отношений возможно в процессе совместной игры, что имеет подтверждение и сегодня. Но исследовательница указывала, что такие игры не должны содержать воспитательный компонент, с чем следует не согласиться. Думается, что игра может и обязана включать образовательный и/или воспитательный элемент, который тем лучше усваивается, когда деятельность ребенка и взрослого – совместная.

При этом Э. Кей справедливо подмечала, что «домашняя жизнь все более и более исчезает» [2, с. 150] в силу того, что родители заняты работой, общественной жизнью, а дети выполнением домашних уроков, заданных в школе.

Другая проблема заключается в обратном – гиперопека. Родители стремятся предугадать любое желание ребенка, выполнить его, создать тепличные условия. Э. Кей писала: «...немногие добросовестные отцы и матери “живут только для детей”». Они приносят в жертву свою личную жизнь, отчего дети и получают о себе представление, как о центре всего окружающего» [2, с. 150].

Но каков же идеал отношений «ребенок – взрослый», «дитя – родитель»? Э. Кей писала следующее: «Умея быть детьми среди детей, молодыми среди молодых, родители являются для юного поколения желанной опорой в его нравственном росте, потому что в детях они постоянно видят людей» [2, с. 152].

Школа отрицательно влияет на развитие ребенка, с точки зрения Э. Кей. В процессе обучения исчезает наблюдательность, стремление к знанию.

Э. Кей также изложила свое представление относительно вопроса о будущем школы. Она мечтала о том, чтобы домашнее обучение заменило детские сады и начальные школы. Как показала практика, эта идея практическую реализацию не получила. Она считала, что детские сады обезличивают детей. Э. Кей сделала интересное замечание: «Вечный грех школы перед детьми заключается в том, что она говорит о дитяти» [2, с. 192].

Заключение. Как можно видеть, Э. Кей более века назад спрогнозировала, что XX век станет веком ребенка, столетием, когда будут приняты принципиально важные законы. Она видела в нем личность, признавала право на существование его особого мира, «автономной социокультурной реальности» детства (И. С. Кон).

Литература

1. Белами К. Образование для всех: сделать право реальностью // Народное образование. – 1999. – № 1–2. – С. 14–22.
2. Кей Э. Век ребенка. – М.: Издание Д. П. Ефимова, 1905. – 296 с.
3. Кон И. С. Ребенок и общество. – М.: Академия, 2003. – 336 с.
4. Конвенция о правах ребенка [Электронный ресурс]: принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеей от 20 нояб. 1989 года // Организация Объединенных Наций. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 26.06.2016).
5. Лебедев О., Майоров А., Золотухина В. Права детей // Народное образование. – 2000. – № 8. – С. 32–42.

6. Лебедев О., Майоров А., Золотухина В. Права детей. Личные права детей в системе образования // Народное образование. – 2001. – № 2. – С. 26–38.
7. О крещении младенцев, родившихся при помощи «суррогатной матери»: док. подгот. Синод. Библией.- богослов. комис.: одобрен на заседании Священного синода Русской православной церкви 25–26 дек. 2013 года (журнал № 158) // Журн. Москов. патриархии. – 2014. – № 2. – С. 63–64.
8. Суррогатное материнство. Пастырский подход: комментарии к документу протоиерея Максима Обухова // Журн. Москов. патриархии. – 2014. – № 2. – С. 65–67.

References

1. Belami K. Obrazovanie dlya vseh: sdelat' pravo real'nost'yu [Education for all: the right to make a reality]. *Narodnoe obrazovanie [Public education]*, 1999, no. 1-2, pp. 14-22. (In Russ.).
2. Key E. *Vek rebenka [The Age of the child]*. Moscow, D.P. Efimov Publ., 1905. 296 p. (In Russ.).
3. Kon I.S. *Rebenok i obshchestvo [Child and society]*. Moscow, Academy Publ., 2003. 336 p. (In Russ.).
4. *Konventsiiia o pravakh rebenka [The Convention on the rights of the child]*. (In Russ.). Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (accessed 26.06.2016).
5. Lebedev O., Mayorov A., Zolotukhina V. Prava detey [Children's rights education]. *Narodnoe obrazovanie [Public education]*, 2000, no. 8, pp. 32-42. (In Russ.).
6. Lebedev O., Mayorov A., Zolotukhina V. Prava detei. Lichnye prava detey v sisteme obrazovaniya [The rights of children. Personal rights of children in the education system]. *Narodnoe obrazovanie [Public education]*, 2001, no. 2, pp. 26-38. (In Russ.).
7. O kreshchenii mladentsev, rodivshikhsya pri pomoshchi «surrogatnoy materi»: dokument podgotovlen Sinodal'noy Bibleysko-bogoslovskoy Komissiey: odobren na zasedanii Sviashchennogo Sinoda Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi 25–26 dekabrya 2013 goda (zhurnal №158) [The baptism of babies born with the help of “surrogate mother”: the document prepared by the Synodal biblical-theological Commission: approved at the session of the Holy Synod of the Russian Orthodox Church on December 25–26, 2013 (journal no. 158)]. *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii [Journal of the Moscow Patriarchate]*, 2014, no. 2, pp. 63-64. (In Russ.).
8. Surrogatnoe materinstvo. Pastyrskiy podkhod: kommentariy k dokumentu protoiereya Maksima Obukhova [Surrogacy. Pastoral approach: the comments to the document Archpriest Maxim Obukhov]. *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii [Journal of the Moscow Patriarchate]*, 2014, no. 2, pp. 65-67. (In Russ.).

УДК 379.8

ГАЗЕТЫ О СОСТОЯНИИ ДОСУГА В МАРИИНСКОМ, ЩЕГЛОВСКОМ И КУЗНЕЦКОМ УЕЗДАХ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1919)

Звягин Сергей Павлович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры музейного дела, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: whitesiberia@narod.ru

Макаrchук Сергей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: makarchuk-sv@mail.ru

Длительное время в отечественной историографии бытовало мнение о том, что в годы Гражданской войны (1918–1919) культурная жизнь в интересующем нас регионе была нарушена. Так считал и профессор В. В. Туев (Кемерово). В центре нашего исследования находятся Мариинский, Щегловский и Кузнецкий уезды Томской губернии, территории которых 26 января 1943 года составили Кемеровскую область.

Мы проанализировали годовые комплекты пяти газет почти за два года различного политического направления, выходивших в Сибири. Особенно много информации удалось выявить в следующих изданиях: «Сибирская жизнь» (Томск) и «Звено» (Мариинск). Содержание разного рода газетных публи-

каций дает возможность убедиться в том, что здесь существовали как неорганизованные, так и организованные формы досуга. Лидером являлся Мариинск, что объясняется несколькими обстоятельствами. Это был самый большой на три уезда город по численности населения. В нем имелась женская гимназия, Народный дом, несколько библиотек и кинематограф, значительное количество общественных организаций. Расположение Мариинска на Транссибирской железнодорожной магистрали способствовало организации гастрольной деятельности. Среди гостей города были даже артисты и творческие коллективы из Петрограда.

Самой многочисленной группой населения региона были крестьяне. Они самостоятельно занимали свое свободное время чтением газет и книг. Во-первых, можно назвать несколько организованных форм досуга. Это проведение концертов гастролеров. Большую зрительскую аудиторию собирали показы спектаклей, поставленных своими силами. Это была популярная в те годы форма творческой самореализации населения.

Во-вторых, проводились мероприятия оздоровительного характера, в том числе катание на коньках, санках. В Мариинске прошел шахматный турнир. Были предприняты шаги по организации свободного времени детей и подростков. Некоторые досуговые мероприятия сопровождались сбором средств на нужды Сибирской армии адмирала А. В. Колчака.

Дополнительную привлекательность статье придает то обстоятельство, что в ней содержится большое количество имен и фамилий наших земляков. Это имеет определенное краеведческое и генеалогическое значение.

До сих пор не удалось выявить информацию о пребывании в Томске и губернии «отца российского футуризма» Д. Д. Бурлюка. Попасть в губернский центр он мог только через станцию Тайга.

Таким образом, даже в трудных условиях Гражданской войны в нескольких населенных пунктах трех названных уездов Томской губернии проводились мероприятия по организации досуга.

Ключевые слова: Сибирь, Томская губерния, Мариинск, Гражданская война, организация досуга, гимназия, Народный дом, кинематограф, газеты, книги, концерт, спектакль, гастроль, спорт, крестьяне, дети.

NEWSPAPERS ABOUT THE STATE LEISURE TIME IN MARIINSK, SHCHEGLOVSK AND KUZNETSK DISTRICTS OF TOMSK PROVINCE IN THE CIVIL WAR (1918–1919)

Zvyagin Sergey Pavlovich, Dr of Historical Sciences, Professor, Professor of Department of Museology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: whitesiberia@narod.ru

Makarchuk Sergey Vladimirovich, Dr of Historical Sciences, Professor, Professor of Russian History Department, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: makarchuk-sv@mail.ru

For a long time in the national historiography, it was thought that during the Civil war (1918–1919) cultural life in the region was disrupted. So I thought and Professor V. V. TUEV (Kemerovo). The focus of our research is Mariinsk, Scheglovsk and Kuznetsk districts of Tomsk Province, which on January 26, 1943 amounted to Kemerovo oblast.

We analyzed five annual sets of Newspapers of different political trends that appeared in Siberia. Especially a lot of information was identified in the following publications: “Siberian life” (Tomsk) and “Link” (Mariinsk). The content of all kinds of newspaper articles gives you the opportunity to ensure that there existed unorganized and organized forms of leisure. The leader was Mariinsk due to several factors. It was the largest three-County city in terms of population. It had a women’s gymnasium, the people’s house, several libraries, a cinema, and a significant number of public organizations. The location of Moscow on the TRANS-Siberian railway contributed to the organization of tour activities. Among the guests, there were even artists and creative teams from Petrograd.

The largest group of the region's population were peasants. They independently took their free time reading newspapers and books. First, you can name a few of the organized forms of leisure. It's the concerts of guest artists. A large audience gathered impressions of the performances staged on their own. It was popular in those years form of creative self-realization of the population.

Second, there were activities health nature, including skating, sledding. Mariinsk hosted a chess tournament. Steps were taken for the organization of free time of children and adolescents. Some leisure activities were accompanied by the collection of funds for the Siberian army of Admiral A. V. Kolchak.

Additional attractiveness of the article were attached to the fact that it contained a large number of names of our fellow countrymen. It has a local history and genealogical value.

We are still unable to identify information about the visit in Tomsk and the province of "father of Russian futurism" David D. Burliuk. To get to the provincial center, he could only through the Taiga station.

Thus, even in the difficult conditions of the Civil War, several localities of the three districts of Tomsk Province carried out leisure activities.

Keywords: Siberia, Tomsk Province, Mariinsk, Civil War, organization of leisure, gymnasium, National house, cinema, newspapers, books, concert, performance, touring, sport, farmers, children.

Истории Томской губернии в годы Гражданской войны посвящено немало научных работ. Однако досуг жителей этого региона до сих пор недостаточно изучен. В полной мере это касается населенных пунктов, располагавшихся на территории современной Кемеровской области. Речь идет о Мариинском, Щегловском и Кузнецком уездах. Это касается и Кузнецка – самого старого города этой части Томской губернии [22].

На декабрь 1918 года население Мариинского уезда составляло 279 015, а Кузнецкого – 106 018 человек [5]. По подсчетам историка В. А. Дробченко, к февралю 1917 года в Томской губернии было зарегистрировано 262 общественных организации, в том числе в Томске – 170. Культурно-просветительных организаций в губернии насчитывалось 124, в том числе в Томске – 69, в Кузнецке – 8, Мариинске – 9 и Тайге – 1 [4, с. 103].

Исследователь В. В. Туев считал, что Гражданская война нанесла огромный ущерб культуре и культурно-воспитательной работе в Кузбассе. Многие клубы, по его словам, закрывались, их работники физически уничтожались, имущество «разграблялось» [21, с. 326]. Современный историк сибирской повседневности В. Г. Кокоулин, к сожалению, обошел вниманием города Кузбасса [9].

Проведя анализ публикаций газет того времени, нам представляется возможным выделить две формы проведения свободного времени нашими

земляками. *Во-первых*, это можно было делать индивидуально. Чтение было традиционным видом полезного и приятного заполнения досуга.

Почти единственную возможность почитать предоставляли библиотеки. Хотя 23 октября 1918 года в газете «Звено» А. Дудин сетовал на отсутствие в Мариинске хорошей публичной библиотеки, кое-что в этом отношении делалось [6, 23 окт.]. Вскоре в городе по соглашению Совета и правления городского общества потребителей с правлением Союза кооперативов библиотека последнего стала общей. Она располагалась в помещении бывшего магазина. Библиотекарями последовательно были Я. Голубчик и Полуденцева [6, 16 окт.].

Крестьян тоже пытались приучить к чтению книг, хотя это было не просто. Автор заметки в одной из томских газет с горечью констатировал в сентябре 1918 года то, что в селе Бороковском Мариинского уезда книг никто не читает [14, 18 сент.].

Свою заинтересованность в организации культурного досуга селян проявили кооперативные организации. 22 октября 1918 года Мариинский союз кооперативов выделил 31,5 тыс. руб. на содержание не только вечерней школы, но и библиотек в 30 населенных пунктах Мариинского уезда [14, 22 окт.]. В начале 1919 года Томское губернское объединение трудовых крестьян планировало открыть 12 библиотек в Верхотомской и Телеутской волостях [3, 24 апр.].

В редких случаях сами крестьяне заботились о своем досуге. 27 октября 1918 года в селе Ново-Подзорновском Мариинского уезда открыли библиотеку. Для этого из кооператива взяли прилавки. Скамейки селяне сделали сами. Теперь грамотные читали книги вслух, а неграмотные слушали. Беда состояла в том, что книг было мало и взять их негде [6, 30 окт.].

Что касается покупки книг населением, то нам удалось выявить лишь одно книготорговое предприятие. Речь идет о книжном киоске на станции Тайга. Однако корреспондент «Сибирской жизни» был раздосадован его ассортиментом. По его словам, на прилавке располагалась «последняя дрянь» Суворина [18, 19 янв.] (А. С. Суворин – русский журналист, издатель, писатель, театальный критик, драматург). Можно предположить, что подобный киоск мог быть и на такой крупной станции, как Мариинск.

Для пополнения фондов библиотек мог быть использован оригинальный источник. В начале октября 1918 года в багажном отделении станции Мариинск хранилось несколько тюков старых газет. Большой частью их использовали для упаковки покупок. Редакция газеты «Звено» предложила передать их в читальню, как это делалось в Москве [6, 13 окт.].

Следует отметить, что культурно-просветительная работа могла носить и политизированный характер. В начале мая 1919 года в Мариинске была создана комиссия по распространению агитационной «противобольшевистской» литературы.

Творчеством заполнял свободное время художник В. Д. Вучичевич-Сибирский. К этому времени он переехал из Томска в Крапивинскую волость и построил на берегу Томи заимку. Здесь он продолжил писать сибирские пейзажи. К сожалению, это продолжалось недолго. Осенью 1919 года он был убит. Долгое время это происшествие было предметом догадок. Учитель географии и краевед Л. И. Соловьев назвал погибшего знаменитым сибирским художником-революционером, которого вместе с семьей замучили белогвардейцы [19, с. 342].

Однако из рапорта начальника милиции 5-го участка Щегловского уезда В. А. Осмольского от 11 сентября 1919 года можно узнать, что

зверское преступление двумя днями ранее совершила банда грабителей, среди которых художник опознал гражданина поселка Большая Туточиха Александра Сажина. Сам Владимир Дмитриевич был смертельно ранен сабельными ударами, его сожительница Генриетта Германовна Гульдман, а также ее дочери Людмила, Наталья и Татьяна изрублены саблями насмерть. Имущество, все что поценнее, и деньги «ограблены». Трупы были преданы земле. В. Д. Вучичевича-Сибирского милиционеры увезти с собой не смогли, так как он категорически заявил, чтобы его оставили в покое [11, с. 192–194]. Казалось, что все ясно. Перед нами обычное преступление.

Совсем недавно вновь была затронута тема загадочной и трагической гибели в сентябре 1919 года В. Д. Вучичевича-Сибирского [8, с. 347]. Кемеровский писатель В. М. Мазаев нашел два архивных документа, из коих явствовало, что В. Д. Вучичевич-Сибирский убит большевиками. Сохранилась записка врача, который пользовал художника во время пребывания его в местной больнице, адресованная священнику: «Отец Александр! Умер у нас художник Вучичевич – последствие ранений большевиков. Просим отпеть». Второй документ – запись в метрической книге. В графе «Отчего умер» сказано: «После нанесенных ран большевиками» [12]. На наш взгляд, в определении политической принадлежности убийц художника нет противоречия. Как еще в 2002 году писал один из авторов данной статьи, в условиях Гражданской войны понятие «большевик» трактовалось очень произвольно [7].

К сожалению, впоследствии около двух десятков картин художника, воспевавших сибирскую природу, были утрачены. Тем не менее, в нескольких сибирских художественных музеях экспонируются его уцелевшие полотна. В том числе в Кемеровском областном краеведческом музее. В 1995 году администрация Кемеровской области учредила премию имени В. Д. Вучичевича-Сибирского. Она предназначена для поощрения лучших кузбасских художников [15]. Однако до сих пор не выполнено намерение властей и общественности установить памятную доску в областном центре в честь художника [13, с. 57–64].

Во-вторых, проводить досуг можно было коллективно. В этом случае следует выделить две

разновидности. Наши предки посещали различные культурные мероприятия. Жители Мариинска имели неоспоримое преимущество в приобщении к культуре. Город располагался на транссибирской железнодорожной магистрали, поэтому гастролеры не могли его миновать. 25 сентября 1918 года в городской газете появился анонс о приезде «Петроградского камерного ансамбля лауреатов и свободных художников» [6, 25 сент.]. Концерт понравился слушателям. Во всяком случае, один из них назвал номера «не липовыми». Салонный зал, в котором проходил концерт, был переполнен [6, 27 сент.]. Иной отзыв заслужил концерт М. И. Шумяцкой. Он состоялся в конце сентября 1918 года в зале Народного дома. В представлении участвовали пианист Петр Орлик и баритон И. П. Дольский. Безымянный автор рецензии отметил, что певица как исполнительница русских песен незаметна. Более того, он даже посчитал, что лучше такие бы гости не приезжали [6, 25 сент.].

Хорошие отзывы вызвали гастроли Петроградского передвижного театра «Зеленое кольцо». 1 декабря 1918 года о них известила городская газета [6, 1 дек.]. В тот же день в Народном театре Мариинска состоялась лекция «Творческий театр». С ней выступил режиссер театра А. Н. Александринский [6, 1 дек.]. Корреспондент «Звена» И. Толмачев положительно отозвался о спектаклях «Зеленого кольца» и сказал большое спасибо за то, что творческий коллектив посетил Мариинск [6, 1 дек.].

Перед мариинцами выступали и отдельные исполнители. 6 и 7 ноября 1918 года Народный дом принимал скрипача. Им был директор Омского музыкального училища В. Графман. Билетом, в виду военного положения, служил пропуск по городу [6, 6 нояб.]. На второй день был представлен дуэт скрипки и пианино. Партнершей В. Графмана была Дина Графман. Корреспондент отметил прекрасное исполнение Н. Паганини, Ф. Крейсlera, П. де Сарасате и Г. Венявского. Про манеру игры пианистки он затруднился что-либо сказать [6, 8 нояб.]. В начале декабря 1918 года в Мариинске с успехом прошел концерт Б. А. Мальского. Аплодисменты в тот день вызвало и выступление скрипача М. А. Фаркача [6, 6 дек.].

В самый разгар Гражданской войны «отец российского футуризма» Д. Д. Бурлюк в сопровождении художника Е. Д. Спасского, его брата – поэта С. Д. Спасского и поэта Б. Д. Четверикова оправился в поездку по востоку России. Они организовывали выставки картин и поэзо-концерты. В апреле 1919 года Д. Д. Бурлюк в Томске встречался с исследователем Сибири, одним из основоположников движения «областничества» Г. Н. Потаниным [20, с. 26, 34]. Однако, по сведениям кандидата исторических наук, заслуженного работника культуры Российской Федерации, заведующей отделом русского и зарубежного искусства Омского областного музея изобразительных искусств имени М. А. Врубеля И. Г. Девятьяровой, нет информации о пребывании Д. Д. Бурлюка в Тайге или Мариинске [15]. Хотя миновать этих железнодорожных станций и городов гастролеры не могли.

Даже в условиях Гражданской войны многие кузбассовцы могли приобщиться к кинематографу. В сентябре 1918 года Манусевич открыл в Мариинске кинотеатр «Фурор». Электростанцию, которая его обслуживала, он разместил в деревянном сарае. Мотор работал на керосине. Поэтому в помещении кинематографа было «очень много дыма и запаха». Окрестные жители были в ужасе и негодовали [6, 4 окт., 13, 17 нояб.].

На заседании Кузнецкой городской думы 13 декабря 1918 года был заслушан вопрос об отводе участка земли Кошкину для постройки «театра-кинематографа». Его предполагалось разместить на углу Крепостной улицы и Продольного переулка, напротив лавки кооператива. Участок имел площадь в 65 кв. сажень. Дума даже предусмотрела плату за эксплуатацию земли в 1 тыс. руб. в год [2, д. 70, л. 1].

Больше всех «повезло» жителям Тайги. Во второй половине августа 1919 года американские солдаты, расквартированные на станции, организовали бесплатный просмотр фильмов о войне. В репертуаре были и «политические» ленты. Плохо было то, сетовал автор губернской газеты, что там, где нет американских солдат, русскому солдату негде разумно и с пользой провести время [18, 31 авг.].

Не меньше интереса вызывали и те мероприятия, в которых кузбассовцам можно было

самим принять участие. Центром культурной жизни крупнейшего города Кузбасса Мариинска был Народный дом. Его деятельность была прервана при большевиках. Только на 17 сентября 1918 года было назначено начало его работы. Сезон начался спектаклем А. М. Рябцева. По его окончании играл приглашенный духовой оркестр. Распорядителями на вечере были И. С. Гвиздон и Козицкий. Любители Мариинского драматического кружка начали подготовку к постановке спектакля по пьесе С. Птибышевского «Ради счастья» [6, 15 сент.]. Возобновление деятельности Народного дома не оставило жителей города равнодушными. Своей радостью по этому поводу на страницах городской газеты поделился автор, подписавшийся «Х» [6, 18 сент.]. Т. Охотников в октябре 1918 года уверял, что идея возобновления работы Народного дома в Мариинске встретит сочувствие его населения [6, 6 окт.].

Сбор от продажи билетов на первый спектакль организаторы направили на ремонт здания, которое обветшало за время простоя. В сентябре 1918 года, желая помочь городу, Мариинский союз кооперативов выделил ссуду в 1 тыс. руб. на ремонт Народного дома [6, 20 сент.].

Расходы на основную деятельность вынудили в начале октября 1918 года Совет Народного дома на непростой шаг. Было решено сдавать помещение общественным организациям и частным лицам. Для первых арендная плата была установлена в 10 %, для вторых – 20 % от полученных средств [6, 6 окт.].

Наиболее любившимися формами проведения вечеров стали подготовка и проведение спектаклей. 27 сентября 1918 года товариществом К. И. Бреславского и К. Г. Табаровского был поставлен первый спектакль М. К. Лисенко-Конюх «В житейском угаре». В представлении были заняты как профессионалы, так и любители [6, 29 сент.].

Постановки имели своего рецензента. Им был автор местной газеты И. Толмачев. 20 сентября 1918 года он критически отозвался о недавнем спектакле. По его мнению, роли оказались не по силам ни Е. С. Райской, ни Т. Тайской, ни Д. Татаркину. Только А. Рябцев смотрелся «более-менее» [6, 20 сент.].

Хорошо исполненным спектаклем назвал И. Толмачев пьесу Е. А. Цветкова из репертуара Литейного театра Петрограда, поставленную на сцене мариинского Народного дома Интимным театром в октябре 1918 года. Однако и в этом случае рецензент остался недоволен выбором пьесы [6, 11 окт.].

Не все были довольны работой Народного дома. В конце сентября 1918 года в Народном доме состоялся бал-маскарад. Очевидец сообщал в газете о том, что костюмов было мало, а вырезок на платьях не в меру – много [6, 27 сент.].

Недовольство пошло дальше, и была образована даже некая инициативная группа. 15 ноября 1918 года местная газета сообщила о том, что «ввиду повышения недовольства Народным домом» инициативная группа соберется в кинотеатре «Фурор» 17 ноября 1918 года [6, 15, 17 нояб.]. Конфликт имел продолжение. В первой половине января 1919 года Мариинское правление Союза кооперативов высказалось за открытие в городе второго Народного театра [3, 18 янв.]. Можно предположить, что основной причиной раздора стала репертуарная политика и неудовлетворенные амбиции режиссеров и актеров.

В начале декабря 1918 года был сформирован Совет Мариинского народного дома. В него вошли Т. Охотников, Н. В. Ковалевский, Копылов, Перетягко, Сенкевич, И. И. Лездин, В. А. Владимирова. Они заявили, что скоро может быть начнет свою работу студия живописи, графики и рисования. Однако для ее успешной деятельности нужна поддержка [6, 8 дек.].

К началу декабря 1918 года при Мариинском народном доме возобновила свою работу драматическая секция. Планировалось открытие драматических курсов, проведение лекции по театральному искусству [6, 6 дек.].

В конкуренцию с Народным домом вступил культурно-просветительный отдел при начальнике гарнизона Мариинска. Он был создан в конце октября 1919 года по инициативе местного журналиста А. К. Соколова. Отдел проводил музыкально-драматические вечера. Дважды состоялись бесплатные вечера для солдат. В плане значилось издание своей газеты, создание постоянного театра [18, 30 окт.].

Осенью 1918 года возможности мариинцев для культурного проведения досуга чуть не сократились. На заседании Мариинской городской думы 24 сентября 1918 года было решено безвозмездно реквизировать здание Мариинского общественного собрания. «За» проголосовало 16, «против» – 2, один воздержался. В дело вмешался Томский губернский комиссар Б. М. Михайловский. В циркуляре от 21 ноября 1918 года он указал Мариинской городской управе, что Временное Сибирское правительство им такое право не давало [2, д. 144, л. 3, 1; 6, 27 сент.].

В конце октября 1919 года в поселке Судженских угольных копей в местном театре организовали любительский спектакль. Здесь отличились милиционеры. Они пришли пьяные и вели себя нагло. Зрителям из числа чехословацких военнослужащих пришлось решительно пресечь разнузданное поведение «блюстителей порядка» [18, 30 окт.]. В октябре 1919 года томская газета писала о предосудительном поведении на любительском спектакле в поселке Анжерских каменноугольных копей помощника милиции и его секретаря. Уже на другой день туда из Томска был командирован полковник Аурениус для расследования конфликта. Дознание подтвердило факты. Результаты расследования были доложены управляющему губернией Б. М. Михайловскому. Он наложил на виновных взыскание в виде ареста на неделю. Было также решено перевести провинившихся чинов милиции на службу в другой участок милиции [18, 8 нояб.].

Меры по организации досуга принимались и в сельских населенных пунктах. В селе Брюхановском (ныне – село Красное) Щегловского уезда был организован кружок по устройству праздника «Свержение большевиков и возрождение автономной Сибири». Он состоялся 19 августа 1918 года вместе со сбором средств для Временного Сибирского правительства. Особенно хорошо он прошел в селах Брюхановском и Шабановском. В Брюхановском праздник закончился спектаклем по пьесе Н. В. Гоголя «Женитьба Подколесина». Билетов было продано на 290 руб., чаепитие дало 90 руб. Всего было собрано 2824 руб. 23 коп. [14, 22 окт.].

24 августа 1918 года в селе Бачат Кузнецкого уезда состоялось народное гуляние и кружечный

сбор. Они прошли так удачно, что сбор достиг 3900 руб. 43 коп. Одна из томских газет назвала это «весьма отрядным явлением», которое указывает на «союзническое отношение жителей села Бачата к настоящему моменту» [14, 11 сент.].

«Народная газета» 10 сентября 1918 года известила читателей о том, что в селе Салаирском Кузнецкого уезда прошел сбор пожертвований на армию и нужды Временного Сибирского правительства. Он проходил в форме театрального представления, кружечного сбора и подписного листа. Спектакль дал 142 руб. 40 коп. чистого сбора, кружечный сбор – 114 руб. 76 коп., подписной лист – 100 руб. 70 коп. Итого было получено 358 руб. В представлении кружка любителей драматического искусства приняли участие П. М. Постовалов, В. А. Коновалов, Н. С. Кремлева [14, 10 сент.].

Работал культурно-просветительский кружок в селе Поломошном. Однако спектакль, назначенный на 23 февраля 1919 года, не состоялся. Его организаторы взяли разрешение на его проведение в местной милиции. Чины железнодорожной милиции возмутились тем, что их обошли. Спектакль был запрещен [3, 23 февр.].

К февралю 1919 года культурно-просветительское общество существовало в Попереченской волости. В Юрге только шли разговоры о создании народного дома [3, 13 февр.; 1, с. 83–99]. К сожалению, жители других населенных пунктов Кузбасса были лишены организованных развлечений.

Общественность Мариинска беспокоил вопрос свободного времени детей. 27 сентября 1918 года в местной газете была опубликована заметка «А. Т.» о том, чем занять досуг детей [6, 27 сент.]. Через два с лишним месяца та же газета пригласила тех, кто готов заняться «разумными развлечениями детей», записаться в комитете профсоюза у Ивана Ивановича Лездина [6, 6 дек.].

Мы можем привести несколько примеров организации детского досуга. В конце сентября 1918 года в редакцию мариинской газеты «Звено» пришли Феня Садовникова, Зина Ломакина, Тоня Расторгуева, Шура Лебедева и Анна Вьюкова. Подростки принесли выручку от постановки

своего спектакля в сумме 13 руб. 10 коп. Деньги предназначались на нужды Народного дома [6, 2 окт.]. В начале октября 1918 года в Мариинске состоялся детский спектакль. Его устроители – Вера и Зоя Кирилловы, Маруся Щурова, Клаша и Нюра Макаровы, Люба Карнецкая – передали собранные 11 руб. 60 коп. на лечение раненых воинов Сибирской армии [6, 6 окт.].

День 17 ноября 1918 года в Мариинске ознаменовался сразу двумя мероприятиями. В Народном доме Мариинска ученики города поставили пьесу А. Н. Островского и Соловьева «Сцены из провинциального захолустья». Зрители положительно оценили юные дарования [6, 20 нояб.]. В Мариинской женской гимназии состоялся благотворительный вечер. Чистый доход – 3074 руб. 62 коп. [6, 22 дек.].

Все любители русской литературы отметили 8-ю годовщину со дня смерти великого русского писателя Л. Н. Толстого. 20 ноября 1918 года этой скорбной дате был посвящен почти весь разворот мариинской городской газеты «Звено». Под статьями стояли подписи авторов Т-ов, Че, Анна Федорова [6, 20 нояб.].

Накануне, 10 ноября 1918 года, один из авторов этой газеты укорил активистов Мариинского народного дома, за то, что не были отмечены 25-летие смерти гениального русского композитора П. И. Чайковского и 100-летие со дня рождения замечательного русского писателя И. С. Тургенева [6, 10 нояб.]. Ответом на это замечание стал вечер памяти Ивана Сергеевича Тургенева, который состоялся 27 декабря 1918 года в Общественном собрании Мариинска. Провели его учащиеся Мариинской женской гимназии [17, 29 дек.].

Даже в условиях Гражданской войны местное самоуправление находило возможности для организации спортивного и оздоровительного досуга. 4 октября 1918 года в Народном доме в Мариинске была объявлена запись на шахматный турнир. Взнос участника составил 5 руб. Местная газета приветствовала это начинание [6, 4 окт.]. Организационное собрание по проведению шахматного турнира состоялось 4 октября 1918 года. Оказалось, что не хватает шахматных досок, и организаторы через газету обратились за помощью к горожанам.

Из 13 записавшихся к началу турнира явилось 8 человек. Они приняли условия состязания. Для награждения были установлены три жетона: золотой, большой и малый серебряные. Членами жюри турнира были названы И. В. Кашичкин, В. И. Комар и NN, кандидатом – М. В. Малютин. 4 октября начались игры: Васильев выиграл у Свирского, который в следующем туре сумел взять реванш. Затем Комор победил Свирского. К сожалению, газета не рассказала о результатах турнира [6, 6 окт.].

С началом зимы стало возможным заниматься исконно русскими развлечениями. 10 ноября 1918 года Тайгинская городская дума ассигновала 800 руб. на устройство катка для школьников [2, д. 145, л. 33]. Несколько дальше пошли в Мариинске. В начале декабря 1918 года совет Мариинского Народного дома запланировал создание спортивной секции, катка и ледяной горки [6, 8 дек.].

В организации спортивного досуга сибирякам было с кого брать пример. В воскресенье 27 июля 1919 года на станции Тайга чешские военнослужащие устроили «Полевой день». В его программе были спортивные и гимнастические упражнения. Среди них: «сокольская» гимнастика, бег в мешках, попарный бег со связанными смежными ногами. Много эмоций вызвало следующее состязание. Один партнер сидел на шее другого и держал руки за спиной. Надо было столкнуть на землю другую такую же пару.

Площадка, на которой все это проходило, была красиво украшена зеленью и национальными флагами. Состязания привлекли много зрителей. Однако автор газетных заметки был недоволен тем, что колпак клоуна имел цвета российского флага. Автор заметки удивлялся: «Почему присутствовавшие чины комендатуры это “проморгали?”» [18, 3 авг.]. В октябре 1919 года культурно-просветительный отдел при Мариинском гарнизоне поручил чешскому офицеру организовать спортивную секцию [18, 30 окт.].

12–13 июля 1919 года в Мариинске состоялось и такое развлечение, как лотерея-аллегри [18, 16 июля].

По мнению общественности, Мариинская городская дума упустила хорошую возможность улучшить внешний вид города и предоставить

горожанам приятное место для отдыха. Речь идет о создании набережной реки Кия. 23 октября 1918 года в «Звене» об этом с горечью писал А. Дудин, отметивший, что благоустройство Мариинска «ниже всякой критики» [6, 23 окт.].

В 1919 года томский архитектор, инженер-строитель Павел Андреевич Парамонов предложил и разработал идею создания в нарождающемся городе Щегловске города-сада [10, с. 15–18].

Тогда это было популярно. К сожалению, идея не было суждено осуществиться.

Таким образом, анализ организации досуга в трех уездах Томской губернии дает нам основания не согласиться с вышеприведенным мнением В. В. Туева. Культурно-просветительные организации Кузбасса, представители общественности даже в те тяжелые годы занимались досугом земляков.

Литература

1. Галкин Н. В. История Юрги. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. – 472 с.
2. Государственный архив Томской области. – Ф. Р. 1362. – Оп. 1.
3. Голос Сибири. – Томск, 1919.
4. Дробченко В. А. Общественно-политическая жизнь Томской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 года). – Томск: Том. ун-т, 2010. – 550 с.
5. Енисейский вестник. – Красноярск, 1919.
6. Звено. – Мариинск. – 1918.
7. Звягин С. П. Правоохранительная политика А. В. Колчака. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. – 352 с.
8. История Кузбасса / рук. авт. колл. Н. П. Шуранов. – Кемерово: Скиф, Кузбасс, 2006. – 359 с.
9. Кокоулин В. Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921 года). – Новосибирск, 2013. – 385 с.
10. Кушникова М., Сергиенко В., Тогулев В. Страницы истории города Кемерово. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1997. – Кн. I. – 600 с.
11. Лопатин А. А. Кто убил художника В. Д. Вучичевича-Сибирского (по архивным материалам) // История белой Сибири: тез. 4-й науч. конф. 6–7 февраля 2001 года / отв. ред. С. П. Звягин. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. – С. 192–194.
12. Мазаев В. М., Мазаев В. М. Отец Александр! Просим отпеть... // Наша газета. – Кемерово, 1999.
13. Мартынов А. И., Леонов Е. Е., Онюшева Е. Е. Мемориальные доски г. Кемерово: классификация, проблемы изучения, особенности исследования // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2015. – № 33/2. – С. 57–64.
14. Народная газета. – Томск. – 1918.
15. Письмо И. Г. Девятяровой С. П. Звягину от 10 июля 2015 года // Личный архив С. П. Звягина (ЛАЗ).
16. Распоряжение Администрации Кемеровской области от 5 октября 1995 года № 569-р «Об именных наградах в области литературы и искусства» (в ред. распоряжения Администрации Кемеровской области от 26.04.1999 № 425-р) [Электронный ресурс]. – URL: <http://lawsrf.ru/region/documents/2271976/> (дата обращения: 16.12.2015).
17. Сибирская жизнь. – Томск. – 1918.
18. Сибирская жизнь. – Томск. – 1919.
19. Соловьев Л. И. Краеведческие игры. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1998. – 407 с.
20. Третья столица. Омск. 1918–1919 годы. Изобразительное искусство. Литература / отв. ред. И. Г. Девятярова. – Омск: Омскбланкиздат, 2011. – 115 с.
21. Туев В. В. Клубы Кузбасса // Историческая энциклопедия Кузбасса / науч. рук. В. П. Машковский, Г. Г. Халиулин. – Познань: Штама. – 1996. – Т. 1: А – К. – 391 с.
22. Усков И. Ю. Становление кузнецкого исторического краеведения // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2015. – № 30. – С. 84–95.

References

1. Galkin N.V. *Istoriya Yurgi [History of Yurga]*. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2001. 472 p. (In Russ.).
2. *Gosudarstvennyy arkhiv Tomskoy oblasti [The State Archives of the Tomsk region]*, F. R. 1362, Op. 1. (In Russ.).
3. *Golos Sibiri [Voice of Siberia]*. Tomsk, 1919. (In Russ.).

4. Drobchenko V.A. *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoy gubernii (mart 1917 – noyabr' 1918 goda)* [Social and political life of the Tomsk province (March 1917 – November 1918)]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2010. 550 p. (In Russ.).
5. *Eniseyskiy vestnik* [Gazette Yenisei]. Krasnoyarsk, 1919. (In Russ.).
6. *Zveno* [Link]. Mariinsk, 1918. (In Russ.).
7. Zvyagin S.P. *Pravookhranitel'naya politika A.V. Kolchaka* [Law Enforcement policy of A.V. Kolchak]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2001. 352 p. (In Russ.).
8. *Istoriya Kuzbassa* [The history of Kuzbass]. Ed. N.P. Shuranov. Kemerovo, Skif, Kuzbass Publ., 2006. 359 p. (In Russ.).
9. Kokoulin V.G. *Povsednevnyaya zhizn' gorozhan Sibiri v voenno-revolutsionnye gody (iyul' 1914 – mart 1921 goda)* [Everyday life of the townspeople of Siberia the military-revolutionary years (July 1914 – March, 1921)]. Novosibirsk, 2013. 385 p. (In Russ.).
10. Kushnikova M., Sergienko V., Togulev V. *Stranitsy istorii goroda Kemerova* [Pages of the history of the city of Kemerovo]. Novokuznetsk, Kuznetskaya krepost' Publ., 1997, book 1. 600 p. (In Russ.).
11. Lopatin A.A. Kto ubil khudozhnika V.D. Vuchichevicha-Sibirskogo (po arkhivnym materialam) [Who killed the artist V.D. Vuchichevich-Sibirskiy (for archival materials)]. *Istoriya beloy Sibiri: tez. 4-y nauch. konf. 6-7 fevralya 2001 goda* [History of white Siberia: Abstracts. 4th Scientific. Conf. 6 – February 7, 2001]. Ed. S.P. Zvyagin. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2001, pp. 192-194. (In Russ.).
12. Mazaev V.M. Otets Aleksandr! Prosim otpet'... [Father Alexander! Please bury you]. *Nasha gazeta* [Our newspaper]. Kemerovo, 1999. (In Russ.).
13. Martynov A.I., Leonov E.E., Onusheva E.E. Memorial'nye doski g. Kemerova: klassifikatsiya, problemy izucheniya, osobennosti issledovaniya [Memorial plaque of the city of Kemerovo: classification, problems of study, especially the study]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2015, no. 33/2, pp. 57-64. (In Russ.).
14. *Narodnaya gazeta* [The People's Newspaper]. Tomsk, 1918. (In Russ.).
15. Pis'mo I.G. Devyat'yarovoy S.P. Zvyaginu ot 10 iyulya 2015 goda [Letter I.G. Devyat'yarovoy S.P. Zvyagin from July 10, 2015]. *Lichnyy arkhiv S.P. Zvyagina (LAZ)* [Personal Archive S.P. Zvyagin (LAZ)]. (In Russ.).
16. *Rasporyazhenie Administratsii Kemerovskoy oblasti ot 5 oktyabrya 1995 goda № 569-r "Ob imennykh nagradakh v oblasti literatury i iskusstva"* (v red. rasporyazheniya Administratsii Kemerovskoy oblasti ot 26.04.1999 № 425-r) [Order of the Administration of the Kemerovo region October 5, 1995 № 569-r "On Nominal awards in the field of literature and art" (in ed. Administration orders the Kemerovo region of 26.04.1999 number 425-p)]. (In Russ.). Available at: <http://lawsrf.ru/region/documents/2271976/> (accessed 16.12.2015).
17. *Sibirskaya zhizn'* [Siberian life]. Tomsk, 1918. (In Russ.).
18. *Sibirskaya zhizn'* [Siberian life]. Tomsk, 1919. (In Russ.).
19. Solov'ev L.I. *Kraevedcheskie igry* [Lore of the game]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 1998. 407 p. (In Russ.).
20. *Tret'ya stolitsa. Omsk. 1918-1919 gody. Izobrazitel'noe iskusstvo. Literatura* [Third Capital. Omsk. years 1919-1918. Art. Literature]. Ed. I.G. Devyat'yarova. Omsk, Omskblankizdat Publ., 2011. 115 p. (In Russ.).
21. Tuv V.V. Kluby Kuzbassa [Clubs in Kuzbass]. *Istoricheskaya entsiklopediya Kuzbassa* [Historical encyclopedia of Kuzbass]. Scientific hands V.P. Mashkovskiy, G.G. Khaliulin. Poznan', Shtama Publ., 1996, vol. 1: A - K. 391 p. (In Russ.).
22. Uskov I.U. Stanovlenie kuznetskogo istoricheskogo kraevedeniya [The formation of the Kuznetsk local history]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2015, no. 30, pp. 84-95. (In Russ.).

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ HISTORY OF ART

УДК 781.7

НАЦИОНАЛЬНОЕ ИСКУССТВО ЧЕРНОГОРИИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА С РОССИЕЙ: ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ

Вуйошевич Сара, аспирантка, Саратовская государственная консерватория им. Л. В. Собинова (г. Подгорица, Черногория). E-mail: vuyoshevich@mail.ru

Карташова Татьяна Викторовна, доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой теории музыки и композиции, Саратовская государственная консерватория им. Л. В. Собинова (г. Саратов, РФ). E-mail: arun-rani@yandex.ru

В статье выявляется специфика культурного диалога Черногории и России, прослеживаются исторические взаимоотношения двух стран, активно развивающиеся с начала XVIII века. Этим подчеркивается актуальность изучения национальных культур на протяжении всего XX и начала XXI века, определяется самобытность черногорской культуры в ее непосредственном контакте с русской национальной традицией. Внимание акцентируется на национальном искусстве Черногории и его самых значительных достижениях в истории прошлого и настоящего. Делаются выводы об особенностях черногорского музыкального фольклора. Подчеркивается значение в традиционной культуре Черногории эпических и героических песен (исполнявшихся в сопровождении основного народного инструмента гусле). Исторически, эти песни имели огромную мотивационную власть над населением, а гуслиры пользовались почти таким же уважением, как лучшие из воинов. Некоторые типичные черты югославянского фольклора были выявлены и осмыслены именно русским исследователем – Б. В. Асафьевым.

Авторы статьи обращаются к крупнейшим писателям и поэтам XIX столетия – Пушкину, Куприну, Аксакову, характеризующим менталитет и самобытную культуру южных славян – черногорцев. Приводятся фрагменты поэтических, прозаических и эпистолярных произведений, в которых наиболее ярко прослеживаются типичные национальные черты, особенности взглядов и убеждений черногорцев, некоторые важнейшие исторические события. Также выявляется значение великого черногорского правителя и поэта Петра Негоша, сыгравшего основополагающую роль не только в становлении государства, национальной литературы, но и в налаживании политических и культурных контактов с Россией. Анализируется подлинный литературный шедевр Черногории – поэма Петра Негоша «Горный венец», созданная в 1847 году. Она является энциклопедией черногорской жизни и буквально пронизана народным духом.

В заключение делается вывод о том, что «доминирующей культурой» для черногорского пространства явилась европейская культура и русская, посредством которой транслируется текст национальной культуры.

Ключевые слова: Черногория, Петр Негош, Пушкин, Куприн, Аксаков, гусле, героический эпос, поэма «Горный венец».

MONTENEGRO NATIONAL ART IN THE CONTEXT OF CULTURAL DIALOGUE WITH RUSSIA: INTRODUCTION TO THE PROBLEM

Vuyoshevich Sara, Postgraduate, Sobinov Saratov State Conservatory (Podgorica, Montenegro). E-mail: vuyoshevich@mail.ru

Kartashova Tatyana Viktorovna, Dr of Art History, Professor, Head of Department of Music Theory and Composition, Sobinov Saratov State Conservatory (Saratov, Russian Federation). E-mail: arun-rani@yandex.ru

The article reveals the specificity of cultural dialogue, Montenegro and Russia, traced the historical relations between the two countries actively developing since the beginning of the XVIII century. This emphasizes the relevance of the study of national cultures throughout the XX and beginning of XXI century, which is defined by the identity of the Montenegrin culture in its direct contact with the Russian national tradition. The focus of the article is focused on the national art of Montenegro and its most significant achievements in the history of the past and present. Conclusions about the features of the Montenegrin folk music. It stresses the importance of traditional culture in Montenegro epic and heroic songs (performed to the accompaniment of the main folk instrument gusle). Historically, these songs had a great motivational power over the population, and psalter players enjoyed almost as much respect as the best of men. Some typical features of Slavic folklore are identified and interpreted by Russian researcher Asafiev.

The author refers to the great writers and poets of the XIX century: Pushkin, Kuprin, Aksakov, who described the mentality and the unique culture of the South Slavs, Montenegrins. The fragments of poetry, prose and epistolary works that most clearly traced typical national features, especially the views and beliefs of Montenegrins, some major historical events. Also reveals the great importance of the Montenegrin ruler and poet Peter Negosh, who played a fundamental role not only in the development of the state, national literature, but also in the establishment of political and cultural ties with Russia. The author analyzes authentic literary masterpiece of Montenegro – Peter Negosh poem “The Mountain Wreath” created in 1847. It is an encyclopedia of Montenegrin life and literally riddled with national spirit.

In conclusion, the conclusion is that the “dominant culture” for Montenegro-Soviet space was Russian and European culture, through which the text of the national culture is transmitted.

Keywords: Montenegro, Peter Negosh, Pushkin, Kuprin, Aksakov, gusle, heroic epic, poem “The Mountain Wreath”

Искусство Черногории обрело широкую известность в XX веке, подарив миру немало значительных культурных открытий. Вступив на европейскую арену в конце XIX – начале XX века, композиторы, поэты, художники Черногории сделали достоянием эпохи богатейшее наследие национального фольклора, внесли свой вклад в общий процесс обновления и развития современного искусства.

Черногорские народные песни и пляски в разных стилизованных вариантах и обработках встречаются не только в произведениях черногорских композиторов (Ивана Бркановича, Ильи Лакешича, Джорджа Радовича, Цветка Ивановича, Бранка Зеновича, Сречка Марковича, Николы Чу-

ичича, Жарка Мирковича и др.). Со времени сербского композитора Стевана Мокраньца до наших дней, особенно в произведениях Николы Херцигони, они являются базой, из которой вышел целый ряд музыкальных произведений и в других национальных культурах.

Несмотря на богатую историю двух стран, взаимоотношения России и Черногории начались только в XVIII веке. Тогда Черногория находилась под формальной юрисдикцией Османской империи и имела уникальную форму государственности – теократию с элементами родового строя.

Напомним некоторые установленные факты. В 1711 году к митрополиту Черногории Данило I Петровичу-Негошу прибыли послы из России,

которые вручили владыке послание от русского царя Петра I с предложением о совместной борьбе против Турции. Как известно, призыв Петра Алексеевича нашёл живейший отклик: для Черногории, буквально зажатой со всех сторон врагами, сам факт наличия великой славянской и единой православной державы имел огромное значение. Черногорцы с воодушевлением приняли предложение и выступили против османских войск. С этого времени начинаются тесные контакты между двумя православными государствами.

Остановимся более подробно на аспектах взаимодействия двух культур, акцентируя внимание именно на национальном искусстве Черногории и его самых значительных достижениях.

Искусство и культура занимают важнейшее место в жизни черногорцев, о чём свидетельствует известная картина Ярослава Чермака «Вынос картин из цетиньского дворца». На ней изображены черногорцы, которые, отступая перед турками, уносят с собой картины. Черногория славится своей духовной культурой: в этой стране находится множество церквей и монастырей самых разных времён¹.

Одним из «прекрасных достояний общечеловеческой лирической культуры» назвал крупнейший русский ученый, академик Борис Владимирович Асафьев, народную песенность южных славян [3, с. 308]. Привлекая внимание исследователей к «музыкальной проблеме Балкан» и полагая, что это «интереснейший и глубочайший по содержанию своему и истокам музыковедческий объект», Асафьев в статьях 1942 года обозначил характерные свойства фольклора югославянских народов в его связи с древнейшими традициями европейской культуры и последующими процессами балканской истории [3, с. 336]. Подчеркивая свой интерес к народному мелосу, «всосавшему в себя и переинтонировавшему заветные лирические думы славянства, связавшему их с восточными влияниями, и с Византией, и, по-видимому, с просочившимся сквозь века ритмоинтонациями древнегреческой культуры» [3, с. 340], Асафьев указывал на свидетельства сохранив-

шихся в народной музыке этого региона «давних общечеловеческих традиций и, что особенно существенно, – закономерностей становления интонационного искусства слова-тона» [3, с. 336]. Это своеобразное искусство певческой декламации в манере «сказывания» определяет стилистику исполнения героического эпоса – одного из старейших и самобытнейших жанров народно-профессионального творчества, получившего наибольшее распространение в Сербии и Черногории. Оно существовало благодаря творчеству гусляров – народных певцов-сказителей, исполнявших героические песни в сопровождении *гусле* – старинного струнного смычкового инструмента. В подобном пении-декламации доминирует текст, так как целью является передача определённого рассказа, донесение поучения или морали, имеющее прежде всего воспитательное, информационное и культурное значение. Но иногда оно выполняло и развлекательную функцию. Данный факт свидетельствует о том, что пение-декламация играет весьма разнообразную роль в жизни людей и ставит *гусле* на очень высокое место в иерархии инструментов. Это место обеспечивается им прежде всего традицией, уходящей в глубокую древность.

До начала XX века основным жанром черногорской музыки оставались народные песни, запечатлевшие в основном многовековую освободительную борьбу против турецких завоевателей².

² Очень важным аспектом традиционной культуры Черногории является этический идеал Чойство и Юнаштво, который примерно переводится как «Человечность и Отвага». Другим результатом черногорской вековой истории является скрытое рыцарское правило, которое гласит: чтобы заслужить истинное уважение своего народа, человек должен показать такие достоинства, как честность, смирение, самопожертвование ради правого дела, уважение к другим и храбрость. В древние времена битв это приводило черногорцев к бравой смерти в бою, так как пленение считалось величайшим позором. Этот кодекс поведения по-прежнему укореняется в умах молодых черногорцев. Черногория никогда не была полностью захвачена, тогда как все другие страны югославянских народов когда-то побывали под игом. Именно данный факт считается результатом национальной приверженности к таким правилам. В них можно проследить большинство примеров поведения черногорцев за всю долгую историю.

¹ Особенно выделяется монастырь Острог. Буквально врезанный в гору, он привлекает не только уникальным расположением и обстановкой, но и своей нравственной силой. Этот монастырь – духовный и исторический центр Черногории.

Петру II Негошу (1813–1851), великому черногорскому владыке, принадлежат слова, выражающие бескомпромиссный национальный характер черногорца:

*Все на службу имени и чести!
Непрестанной пусть борьба пребудет,
Пусть пребудет, чего быть не может,
Пусть нас ад поглотит, дьявол скосит!
На погосте вырастут деревья
Для иных, для дальних поколений.*

Великий русский писатель Александр Иванович Куприн в очерке «Югославия» замечает: «Больше всего меня поражает и умиляет то явление, что южные славяне смогли и сумели пронести невредимым сквозь века тяжкого и кровавого турецкого владычества свои величавые обряды вроде “славы” или торжественной встречи друга» [7, с. 434]. В этом же очерке писатель оставил свои личные впечатления от народного пения: «Хозяева мои спели ещё три песни, такие же широкие, монотонные и мощные. В них слышался такт галерных вёсел, и ритм морских волн, и гудение ветра в корабельных снастях» [7, с. 435].

В описании менталитета и типологии черногорцев-героев и воинов несколько характерных элементов создают национальную идентификацию, а именно: этонациональный костюм, в частности, шапочка на голове, затем ружьё и *гусле*. В многочисленных письмах Ивана Сергеевича Аксакова рассеяно немало метких наблюдений о народной жизни, о народном музицировании Черногории. Приведём несколько выдержек из его писем, где красочно описана Черногория: «Черногорье, Цетинье. 1 июня 1860 года. Четверг-Воскресенье. Что за народ черногорцы! Породы красивее я не видал. Почти каждый из них чуть не в три аршина ростом, все одеты (и князь тоже) в свой черногорский красивый костюм, все носят за поясом два-три пистолета и ятаган... Сознание своей силы, своего значения, своей независимости, своего равенства чувствуется в каждом. Боже сохрани, если бы князь вздумал побрезгать каким-нибудь бедняком!.. Весь народ живёт там непосредственным бытом, которого мы не встречаем и у себя: там песня беспрестанно рождается, всякое событие тотчас же воспевается, около нас так и веет героическим эпосом» [6, с. 349–438].

Музыкальный инструмент *гусле* является признаком узнавания, как и национальная одежда, оружие и внешний вид. «Там, где нет *гусле*, там нет и людей», – гласит народная мудрость. В патриархальном обществе на *гусле* играли только мужчины, которые считались в доме главой семьи. Женщины никогда не играли на *гусле*, как не шли в бой, как не участвовали в серьёзных мужских разговорах. *Гусле* – это исключительно мужской атрибут, символизирующий мужественность и храбрость: «Вероятно, в самом деле, любовь к своему племени, преданность ему обратно пропорциональны величине его территории и численности населения» [7, с. 439].

В лучших «традициях» современного общественного достояния героические песни были написаны и переданы неизвестными гусярами ещё со времён Средних веков. Другие гусяры перенимали их и могли изменить по своему усмотрению, что обычно приводило к появлению нескольких различных версий одной и той же истории. «Контролировали» достоверность сами слушатели, которые могли громко возразить во время исполнения, если некоторые моменты были неточными или сильно приукрашенными. У гусяров было больше «поэтической свободы», когда они интерпретировали события из далёкого прошлого, так как у них не было свидетелей из тех времён. Большинство песен было собрано, оценено и записано на бумаге Вуком Караджичем в XIX веке вместе с сербской эпической поэзией, причём некоторые из них обладали исключительным литературным качеством.

Подобно тому, как в архитектурном облике Черногории можно обнаружить «деление» на сферы влияния византийской и романской культуры, найти следы воздействия мусульманских традиций зодчества или сохранившиеся со времён Античности памятники римского искусства, музыкальный фольклор также представляет своего рода «этнографическую мозаику»³. При известном единстве общих закономерностей песнетворчества, определяемых именно их славянской основой, здесь ярко проявились локальные различия. Не последнюю роль в этом играют как черты сходства с фольклором соседних областей, так и черты чуждых воздействий.

³ Выражение П. Марковаца [10].

В XIX веке общность художественных идеалов объединяла представителей черногорской, сербской, словенской и хорватской культур с деятелями других национальных школ, прежде всего, славянских. Осуществление творческих задач казалось неотделимым от широкой просветительской деятельности. Ведущее положение на этом этапе развития искусства занимали литературно-поэтические и сценические жанры, в которых непосредственно раскрывалась новая тематика содержания: героический пафос истории, специфические мотивы фольклора.

В становлении великого черногорского поэта Петра II Петровича Негоша, создавшего произведение, которые до сих пор учёные люди изучают, а простые – знают наизусть, главную роль, по свидетельству его современников, сыграли ум, талант и необычная судьба. Ему выпала, пожалуй, небывалая для поэта доля быть светским и духовным главой государства и тоже необычного. Крохотная Черногория, пусть и урезанная в своих границах, единственная на Балканах выдержала натиск Оттоманской империи, перед которой не устояла ни одна из стран Юго-Восточной Европы. Даже находясь с 1499 года в вассальных отношениях с Турцией, она не прекращала борьбы со своим, по существу, формальным сувереном и фактически не знала чужеземного правления.

Один из самых мудрых и энергичных черногорских правителей Петр I умирает в 1830 году, оставляя своему преемнику, будущему поэту Негошу, вместе с престолом владыки все трудности Черногории – маленькой горной страны, где жил храбрый и непокорный народ, страдавший от бедности, голода и внутренних неурядиц, фактически независимый от власти Стамбула и по-прежнему представлявший собою островок в океане ислама и католичества, граничащий со своими извечными врагами турками, не признававшими его политической самостоятельности, и официально дружественными австрийцами, посягавшими на его территории и на правах могущественного имперского народа вмешивавшимися в его внутренние дела.

Напомним некоторые исторические факты. В 1833 году Негош предпринимает своё первое путешествие в Россию. Больше месяца он проводит в Петербурге. В присутствии императора Николая в Спасо-Преображенском соборе молодой

черногорский правитель архимандрит Петр был посвящён в сан архиерея [2].

Со времён Петра Великого, как уже было отмечено, Россия особенно интересуется Черногорией. Существование на занятых турками Балканах независимой православной страны отвечало её интересам. Но сложный мир европейской политики не давал возможности правительству николаевской России открыто и бескомпромиссно встать на сторону черногорцев в их конфликте с соседями – Австрией и Турцией, которые претендовали на черногорские земли. Черногорцы, предоставленные сами себе, жили, как и столетия прежде, в состоянии почти непрерывной войны с турками.

Возможно, уже в первый свой приезд в Петербург Негош, обласканный русским двором, почувствовал, что его отношения с Николаем не всегда напоминают отношения двух суверенов. Но в этот момент его больше заботила судьба его родины. Из русской столицы он увозит в Черногорию не только деньги и книги, но и типографию.

Несмотря на тяжёлые обязанности по управлению страной, Негош не оставлял мысли о приобщении своего народа к культуре и просвещению, лишь окрепшей в результате поездки в Россию, так как отчётливо сознавал, «до какой степени храбрость сего народа превосходит его образование» [8, с. 15]. Дома Негош открывает школу и запускает в работу типографию. Он печатает духовную литературу и школьные учебники, выходит история мира Шлецера в переводе с русского. В 1835 году издаётся первый номер литературно-просветительского альманаха «Горлица»; печатаются пословицы, собранные Вуком Караджичем, а также первые сборники стихов «Пустынник цетинский» и «Лекарство от турецкой ярости» Негоша. В своём большинстве – это стихи начинающего поэта. На них сказалось влияние русского классицизма, стилистики торжественной оды XVIII века. Но тематика некоторых сочинений предвещает будущее Негоша. Стихотворение «Черногорец ко Всемогущему Богу» открывает религиозно-философскую тему, а «Черногорец, пленённый вилой» – обращено к истории.

В конце 1836 года Негош вновь собирается посетить Россию [4], где были недовольны его якобы революционно-демократической деятель-

ностью, в частности, поддержкой повстанцев в Боснии и Герцеговине⁴. Полтора месяца провёл черногорский поэт в местах, где всё ещё дышало Пушкиным. «Хотя его пребывание в Пскове, — пишет Н. Мартинович, — было принудительным, оно не было неприятным... Он нашёл там общий язык с почитателями А. С. Пушкина, дух великого поэта вдохновил его на новые сочинения в поэзии и государственной деятельности» [9, с. 24]. Резонно предположение, что импульс к стихотворению «Тени Александра Пушкина» возник на могиле поэта, «счастливого певца великого народа», как называл его Негош. Знаменитое стихотворение великого русского поэта «Бонапарт и черногорцы» демонстрирует особое внимание к черногорскому народу, воспеваает его силу и бесстрашие:

*Черногорцы? что такое? —
Бонапартё спросил, —
Правда ль, это племя злое
Не боится наших сил?*

«Горный венец» (1847) Петра Негоша посвящён «отцу Сербии», как называл А. С. Пушкин Георгия Чёрного (Карагеоргия) — вождя первого сербского антиосманского восстания. Это произведение — любимое детище поэта и, можно сказать, главная книга черногорской классической литературы. Она занимает первое место по числу изданий в странах Балканского полуострова и лидирует по количеству переводов на иностранные языки. Огромная поэтическая и философская ценность творчества Петра II Петровича Негоша вдохновила одарённых литераторов из разных стран мира сделать многочисленные переводы «Горного венца», которых насчитывается тридцать два, на восемнадцать языков мира. Творчество Негоша по праву входит в мировое культурное наследие.

⁴ Сначала российское правительство отказывает ему в приёме, но вскоре Негош получает разрешение прибыть в Санкт-Петербург. По дороге его задерживают в Пскове. Причиной было следствие в Черногории, которое вёл русский вице-консул в Дубровнике Иеремией Гагич. Российское правительство выясняло состояние дел в стране. Недруги владыки оклеветали его, обвинив в том, что он присвоил церковные ценности и что в Черногории нарастает общее недовольство против правителя.

Народная эпическая песня, как исследователи называли поэму «Горный венец», имеет огромное значение для черногорцев. Она служила и продолжает служить не только учебником истории с описаниями событий, именами и хронологией, но и авторитетнейшим пособием по этике и эстетике. Историю страны, племени и братства черногорец знал из песни, равно как и о подвигах, и геройской смерти своих предков. Как себя вести в той или иной ситуации, какова суть красоты, добра и справедливости — всему этому он учился у народных певцов.

К созданию поэмы «Горный венец» Петр Негош шёл всю жизнь, а написал за несколько месяцев. Обращение Негоша к драматической форме, на наш взгляд, не обошлось без усвоения пушкинского опыта в создании драматических произведений и прежде всего «Бориса Годунова», о котором Белинский писал, что это «совсем не драма, а разве драматическая поэма в разговорной форме». Эти слова в полной мере могут быть использованы и по отношению к поэме Петра Негоша.

«Горный венец» поистине можно расценивать как энциклопедию черногорской жизни и в высшей степени народное сочинение. Негош создал произведение, всеми своими корнями уходящее в толщу народной жизни и затрагивающее самые сокровенные струны в душах соотечественников. Появился «Горный венец» в канун революционных событий в Европе (1848–1849) — подъёма национального и классового движения в Хорватии, Славонии, Далмации, Воеводине, и сразу стал «евангелием патриотически настроенных сербов, принимающих близко к сердцу будущее своего народа» [11, с. 35]. Таков был патриотический заряд, пламенная проповедь борьбы за свободу и независимость ради сохранения «чести и имени», ради грядущих поколений, провозглашаемый в новом произведении черногорского владыки.

Многие строки «Горного венца» стали «крылатыми» и разлетелись по всей стране, войдя в язык как пословицы, поговорки, присловья, речения, живущие и по сей день. Сказать, что «Горный венец» — произведение, написанное на тему национально-освободительной борьбы, безусловно, недостаточно. Большинство литературоведов, как уже отмечалось ранее, считают драматическую поэму всеобъемлющей энциклопедией черногорского духа.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что изучение национальных культур на протяжении всего XX и начала XXI века не теряет своей актуальности. Универсальность данной проблематики объясняется её соотносимостью с общегуманитарной, социокультурной, исторической традициями. Изучение любого этнонационального анклава приобретает особое значение в эпоху глобализации и тотальных взаимопроникновений историко-культурных знаков, носителями которых становятся любые национальные сообщества. Неслучайно именно в последнее десятилетие появляются работы, исследующие «текст» инокультуры; обрисовывающие феномен национального; прослеживающие связи, способные сближать национальное и инонациональное. Вадим Робертович Дулат-Алеев пишет: «Всякий феномен культуры становится предметом с помощью знака и существует в форме текста» [5, с. 4]. И далее: «Всеобщая культура

выступила своего рода распорядителем для локальных культур, регулируя не только прочтения старых смыслов, установок и ценностей, но и формирование новых. В этой культурной ситуации и возникает особая категория, именуемая в новоевропейской научной традиции национальной культурой» [5, с. 5].

Важным для осмысления национальной культуры становится также понятие «доминирующей культуры», введённое исследователем В. Р. Дулат-Алеевым, предполагающее существование некоего полюса для иных культур, определяя нравственно-духовные доминанты и приобщая людей к системе ценностей правящих групп и обществ. Для черногорского пространства «доминирующей культурой» явилась европейская культура и русская, посредством которой транслируется текст национальной культуры, что применимо и в отношении к искусству Черногории XX – начала XXI века.

Литература

1. Андрияшевич Ж., Растодер Ш. История Черногории с древнейших времён до 2006 года. – М.: Олма Медиа Групп, 2010. – 319 с.
2. Андрияшевич Ж. Черногорская церковь (1852–1918). – М.: Олма Медиа Групп, 2011. – 206 с.
3. Асафьев Б. Из области югославянского народного музицирования и взаимосвязи русской и славянской музыки // Асафьев Б. Избр. тр. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. IV. – С. 307–309.
4. Асафьев Б. О народном музицировании Югославии (из введения в русское музыкальное славяноведение) // Асафьев Б. Избр. тр. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. IV. – С. 336–356.
5. Дулат-Алеев В. Национальная музыкальная культура как текст: татарская музыка XX века: дис. ... д-ра искусствоведения: 17.00.02. – М., 1999. – 297 с.
6. И. С. Аксаков в его письмах. – М.: Кн. по требованию, 2012 (1892). – Т. III: Письма 1851–1860. – 705 с.
7. Куприн А. Югославия // Куприн А. Собр. соч.: в 9 т. – М.: Художеств. лит., 1973. – Т. VII: Произведения 1915–1929 годов. – 384 с.
8. Лавров П. А. Петр II Петрович Негош. – М., 1887. – 355 с.
9. Мартинович Н. Негош в Пскове // Стваранье. – 1971. – № 6. – С. 59–61.
10. Марковац П. О наших народных песнях // Из прошлого югославской музыки: сб. ст. югослав. музыковедов / сост., общ. ред., вступ. ст. и прим. И. М. Ямпольского. – Изд. 1. – М.: Музыка, 1970. – С. 77–106.
11. Новакович С. История сербской литературы. – Белград, 1867. – 345 с.
12. Петр II Петрович Негош. Горный венец. – Кралево: Слово, 1995. – 229 с.

References

1. Andriyashevich Zh., Rastoder Sh. *Istoriya Chernogorii s drevneyshkh vremen do 2006 goda* [History of Montenegro from the earliest times until 2006]. Moscow, Olma Media Grupp Publ., 2010. 319 p. (In Russ.).
2. Andriyashevich Zh. *Chernogorskaya tserkov' (1852–1918)* [Montenegrin church (1852–1918)]. Moscow, Olma Media Grupp Publ., 2011. 206 p. (In Russ.).
3. Asafyev B. Iz oblasti yugoslav'yanskogo narodnogo muzitsirovaniya i vzaimosvyazi russkoy i slavyanskoy muzyki [From the field of South Slavic folk music-making and the relationship of Russian and Slavic music]. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, Izdatel'stvo akademii nauk SSSR Publ., 1955, vol. IV, pp. 307–309. (In Russ.).
4. Asafyev B. O narodnom muzitsirovanii yugoslavii (iz vvedeniya v russkoe muzykal'noe slavyanovedenie) [About folk music-making of Yugoslavia (from the introduction to the Russian musical Slavonic)]. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, Izdatel'stvo akademii nauk SSSR Publ., 1955, vol. IV, pp. 336–356. (In Russ.).

5. Dulat-Aleev V. *Natsional'naya muzykal'naya kul'tura kak tekst: tatarskaya muzyka XX veka*. Diss. doktora iskusstvovedeniya: 17.00.02 [National musical culture as text: Tatar music of the XX century. Diss. Dr of Art History: 17.00.02]. Moscow, 1999. 297 p. (In Russ.).
6. I.S. Aksakov v ego pis'makh. Tom III. Pis'ma 1851-1860. [I.S. Aksakov in his letters. Vol. III. Letters 1851-1860]. Moscow, Kniga po trebovaniyu Publ., 2012 (1892). 705 p. (In Russ.).
7. Kuprin A. *Yugoslaviya* [Yugoslavia]. *Sobranie sochineniy: V 9 tomakh. Tom VII. Proizvedeniya 1915-1929 godov* [Collected works in 9 volumes. Vol. VII. Works 1915-1929 years]. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 1973, 384 p. (In Russ.).
8. Lavrov P.A. *Petr II Petrovich Negosh* [Peter I Petrovic Njegosh]. Moscow, 1887. 355 p. (In Russ.).
9. Martinovich N. *Negosh v Pskove* [Njegosh in Pskov]. *Stvarane*, 1971, no. 6, pp. 59-61. (In Russ.).
10. Markovats P. O nashikh narodnykh pesnyakh [About our folk songs]. *Iz proshlogo yugoslavskoy muzyki: Sb. st. yugoslavskikh muzykovedov* [From the past Yugoslav music. Collection of papers Yugoslav musicologists]. Ed. I.M. Yampol'skiy. Moscow, Muzyka Publ., 1970, pp. 77-106. (In Russ.).
11. Novakovich S. *Istoriya serbskoy literatury* [History of Serbian literature]. Belgrad, 1867. 345 p. (In Russ.).
12. Petr II Petrovich Negosh. *Gornyy venets* [The Mountain wreath]. Kralevo, Slovo Publ., 1995. 229 p. (In Russ.).

УДК 75.03

АРХЕТИП КАК СПОСОБ ПРОЧТЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОГО СОДЕРЖАНИЯ АБСТРАКТНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Москалюк Марина Валентиновна, доктор искусствоведения, и. о. ректора Красноярского государственного института искусств, профессор кафедры культурологии, Сибирский федеральный университет (г. Красноярск, РФ). E-mail: mawam@ Rambler.ru

Серикова Татьяна Юрьевна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры современных образовательных технологий, Сибирский федеральный университет (г. Красноярск, РФ). E-mail: serikova_72@mail.ru

В статье рассматривается возможность восприятия субъективного содержания абстрактного произведения через визуальное прочтение архетипических образов, входящих в его структуру. В настоящее время исследованию регионального абстрактного искусства не уделяется достаточного внимания, но оно заслуживает специального изучения, поскольку сибирское беспредметное искусство представляет уникальный материал для анализа специфики познания мира, что особо актуально для современного состояния философии. Исследование проводится на материале живописных произведений современных сибирских художников, таким образом, в научный оборот вводится ряд малоизвестных широкой публике живописных произведений, созданных в исследуемый период.

Благодаря синтезу общетеоретических и искусствоведческих методов исследования, авторы статьи рассматривают взаимодействие элементов, составляющих образную структуру абстрактного произведения, а также способы объективизации субъективного содержания абстрактного произведения посредством архетипических образов. Анализ произведений показал, что архетипические образы, входящее в структуру исследуемых композиций являются способом преодоления субъективизма, который в полной мере свойственен абстрактному искусству. Подобные типы образов являются практически единственными элементами выстраивания системы «художник – зритель».

Ключевые слова: абстрактное искусство Сибири, субъективизм, образная структура, объективизм, архетип.

THE ARCHETYPE AS A WAY OF READING THE SUBJECTIVE CONTENTS OF AN ABSTRACT WORK

Moskalyuk Marina Valentinovna, Dr of Art History, Acting Rector of Krasnoyarsk State Institute of Arts, Professor of Culturological Institute for the Humanities, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: mawam@rambler.ru

Serikova Tatyana Yuryevna, PhD in Art History, Associate Professor of Modern Educational Technology Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: serikova_72@mail.ru

The archetype as a way of reading the content of subjective abstract works. The article examines the possibility of perception of the subjective content of the abstract works through the visual interpretation of archetypal images, included in its structure. Currently, research on regional abstract art is not given enough attention, but it deserves special consideration, because the Siberian figurative art represents a unique material for the analysis of the specifics of understanding the world that is especially relevant to the current state of philosophy. The study is carried out on the material of painting works of modern Siberian artists, so in the scientific revolution introduced a number of little-known paintings created during the studied period.

Through the synthesis of theoretical and art historical research methods, the authors consider the interaction between the elements constituting the frame structure of abstract works, as well as ways of objectifying the subjective contents of abstract works through archetypal images. The analysis of the works showed that the archetypal images, included in the structure of the investigated compositions are a way of overcoming the subjectivism, which is fully typical of abstract art. These types of images are almost the only elements of building a system of “artist – viewer.”

Analyzed in the work, the paintings differ in the ratio of underlying archetypes. Paintings based on the collective unconscious. Based on this, the authors conclude that the true work of art read by the viewer, even if the formulation of the problem of subjective expression or demonstration of their ideological principles. In general, the work says that as a means of understanding the world, art is more flexible in comparison with other fields of knowledge. Science, for example, does not accept anything without proof, without evidence facts. Art can take many existing concepts of the world order. It takes the multidimensionality of the universe, its depth, simplicity, integrity and complexity.

Keywords: abstract art of Siberia, subjectivity, shaped structure, objectivism, archetype.

Абстракция – одна из форм проявления свободы творчества, освобождения от общепринятой системы визуального восприятия и устоявшихся принципов воспроизведения окружающей реальности. Многолетнее признание абстракции как одного из направлений, определяющих содержание искусства XX века, не снижает степени её актуальности. К тому же процесс существования абстракции в современном культурном пространстве XXI века отличается динамичностью и разносторонностью.

Актуальность исследования определяется необходимостью научного изучения искусства абстракции в контексте онтологии, что отвечает поиску новых путей познания мира и характеризует процессы, идущие в настоящее время как в культуре в целом, так и в художественном творчестве в частности. Значительное число исследований,

посвященных искусству абстракции, говорит о постоянном интересе к данной теме. Однако изучение и теоретическое обоснование абстрактного искусства как художественного метода, имеющего онтологические основы, целенаправленно не проводилось.

Господствующая установка на восприятие абстракции, утверждающая, что ее сущность заключается преимущественно в схематизации действительности, соответствует истине не в полной мере, поскольку процесс абстрагирования является познавательной деятельностью. Онтология рассматривает данный процесс как формирование понятий об абсолютизации как самих явлений, так и представлений о них, а также о разделении существенных и несущественных сторон выбранного объекта. Собственно сам процесс абстрагирования можно разделить на два этапа: поиск

адекватных вариантов замещения и сам замещающий акт. В результате этого процесса возникают соответствующие абстрактному типу мышления понятия об исследуемом объекте, модели или об отобранном эмпирическом материале.

В данной статье рассматривается одна из особенностей абстрагирования, заключающаяся в крайней субъективизации создаваемых в ходе этого процесса образов. Хотя художественное творчество в целом отличается от научного или технического более ярким индивидуалистическим характером, все же создание беспредметных произведений имеет наибольшую степень субъективизации, чем другие направления искусства, к примеру, реализм. Основой субъективизма в искусстве выступают различные философские направления от идеализма до фрейдизма. Сущность же субъективизма как творческого метода – это абсолютизация личностного начала.

Субъективизм определяет характер таких знаковых течений и направлений искусства, как экспрессионизм, сюрреализм и абстракционизм. Последнему субъективизм свойственен в наибольшей степени, поскольку беспредметное искусство не имеет опоры на фигуративность, обладающую качествами объективности и понятную, хотя бы и отчасти, зрителю.

Цель данной работы заключается в изучении содержания абстрактного художественного произведения, имеющего ярко выраженный субъективистский характер, и архетипа как способа его объективизации и прочтения реципиентом. Предпринята также попытка рассмотреть беспредметное искусство как метод познания мира, ввести его в контекст онтологии. Одним из побудительных мотивов работы было стремление увидеть и проанализировать возможности абстрактного искусства применительно к поиску решения вечной проблемы создания адекватной и соответствующей истине картины мироустройства, что является основной целью человеческого существования.

Исходя из обозначенной выше цели, основной задачей для прочтения и описания архетипических образов, заложенных в содержании произведений живописи, стало выявление образной структуры рассматриваемых композиций, имеющих абстрактный характер. Затем была предпринята попытка установить возможности архетипа как средства прояснения смысла абстрактного произведения, одним из сущностных качеств которого является крайняя степень субъективизма.

Объектом исследования стало абстрактное искусство Сибири второй половины XX – начала XXI века, а предметом – архетипические образы как способ прочтения содержания абстрактного произведения живописи.

Методологическую основу исследования составили научные работы по теории абстрактного искусства, философии и психологии. В качестве основных в данной работе были использованы идеи К. Г. Юнга, наделяющие архетипы качествами универсалий, присутствие которых в любых текстах изобразительного искусства (картине, графике, скульптуре, инсталляции) обязательно. Определяющим предназначением архетипов как элементов образной структуры является их способность к раскрытию содержания абстрактного произведения, имеющего характер крайней субъективности.

При подготовке материала статьи рассматривалась одна из теоретических работ Н. М. Махова, посвящённая зависимости абстракции как метода художественного творчества от ментальности создателей и потребителей этого вида искусства [10, с. 214]. В работе Н. М. Махова наибольшее внимание привлек вопрос поиска адекватного описания мироустройства как одного из основных побудительных моментов творческой практики абстрактного искусства в культуре XX века. Также при рассмотрении живописных произведений использовались основные принципы анализа новейших художественных практик XX века, описанные в работах Е. Ю. Андреевой, М. Ю. Германа, И. Н. Карасик, А. Б. Олива, В. С. Турчина, Т. Е. Шехтер и др. При работе с персоналиями художественного процесса изучалось историографическое описание абстрактного искусства Сибири исследуемого периода: Лариса Леонова (Алтай), В. Назанский (Новосибирск), Татьяна Ломанова (Красноярск), Лариса Данилова (Новокузнецк).

В исследовании применялись общетеоретические и искусствоведческие методы, направленные на изучение абстрактного искусства. Общенаучный метод, включающий в себя анализ и синтез, позволил выявить основные элементы, составляющие образную структуру абстрактного произведения искусства, а также их взаимодействие. Стилистический искусствоведческий анализ употреблялся с целью теоретического обоснования жанровой принадлежности (духовное

или материальное) рассматриваемых работ. Психологический метод, основанный на принципе детерминизма, показал зависимость адекватности восприятия произведений абстрактного искусства от степени наполненности содержания образами коллективного бессознательного (архетипам). Структурно-семантический метод помогал прояснить взаимосвязь композиционной структуры и содержания, раскрыть специфику образной составляющей. Иконографический метод был использован как способ описания и систематизации типологических признаков и схем, использованных для создания абстрактных изображений в искусстве Сибири середины XX – начала XXI века.

Источниками анализа послужили теоретические и практические исследования, соответствующие теме данной работы (В. Кандинского, А. Курбановского, Н. Шмельковой, М. Валяевой, Е. Андреевой, Н. Махова, Н. Пяткова), выставочные буклеты и каталоги, посвященные искусству Сибири **XX–XXI веков, профессиональные периодические издания, содержащие материалы по теме абстракции, а также живописные произведения, находящиеся в собраниях музеев и галерей Восточной Сибири.**

В качестве гипотезы исследования необходимо обозначить следующее: крайне субъективные абстрактные образы необходимо понять с помощью выявления архетипов, имеющих качества объективизма. Также из вышеприведенного утверждения следует, что беспредметное (субъективизм) и бессознательное (объективизм) находятся в неразрывном диалектическом единстве и составляют основу абстрактного произведения живописи.

В качестве материала для анализа были выбраны живописные работы сибирских художников – краснойрца Николая Рыбакова; новосибирских художников Михаила Омбыш-Кузнецова, Тамары Грицюк и Виктора Бухарова; живущего в Новокузнецке Николая Ротко и живописца из Барнаула Альфреда Фризена. Творчество указанных выше художников является наиболее репрезентативным для подтверждения того, что живописное абстрактное произведение, имеющее качество субъективности, становится понятным зрителю посредством визуального прочтения архетипических образов, заложенных в картине или графическом листе.

Выбор вышеперечисленных художников определен тем обстоятельством, что каждый является знаковой фигурой в области абстрактного искусства для своего региона, а творчество некоторых, к примеру, Н. Ротко (академик РАХ), Н. Рыбаков (заслуженный художник РФ, кавалер Почетного золотого знака «Достояние Сибири»), М. Омбыш-Кузнецов (член-корреспондент РАХ, народный художник РФ), признано художественным сообществом страны.

Определим общие положения, свойственные как работам изучаемых нами художников, так и любой живописной композиции. Живописное произведение имеет внешнюю, видимую форму и внутреннее, определяемое образной структурой содержание. Между внешней формой и содержанием произведения существует неразрывная связь, имеющая характер взаимовлияния. Поскольку нам необходимо понять алгоритм прочтения содержания абстрактной композиции, как правило, визуально закрытой для не обладающего специальными искусствоведческими знаниями зрителя, то нам требуется исследовать именно образную структуру произведения. Основой для визуальных образов являются архетипы, принадлежащие коллективному бессознательному. Юнг определял несколько основных архетипов: Анима и Анимус, Самость и Тень, архетип Персона, из которых, как видим, четыре архетипа представляют собой две бинарные пары [19, с. 102].

Анима и Анимус обозначают архетипические образы, соответствующие женскому и мужскому полу. Анимусу присуща категоричность и принципиальность, направленность во внешний мир, а Аниме – подверженность эмоциям, частая смена настроений и обращенность вовнутрь. Самость – архетип, являющийся глубинным центром и выражением психологической целостности отдельного индивида. Он выступает как принцип объединения сознательной и бессознательной частей психики и, одновременно с этим, обеспечивает вычленение индивида из окружающего его мира. Тень – это независимая часть личности, состоящая из личного и коллективного опыта, не принимаемого индивидом в качестве сознательного представления о своей личности. Эти теньевые не осознанные стороны воспринимаются опосредованно и только так становятся частью личности. Персона выполняет социальную роль, в которую вживается человек для включения себя

в социум. Анима и Анимус, находящиеся на рубеже сознательного и бессознательного, содержат все то, что не согласуется с осознанием человеком своего пола.

Безусловно, сегодня теория архетипов Юнга имеет множество трактовок, есть и принципиально иные подходы к определению основных архетипов. Например, в связи с разговором о роли архетипов в изобразительном искусстве интересна идея профессора Н. А. Пяткова, которую он изложил в статье «Архетип изменения: его место и роль в архаическом мифомышлении» (см. [11, с. 101]). И все-таки при анализе произведений будем придерживаться классической схемы: архетип Персона и две пары основных противоположных архетипов Анима и Анимус, Самость (я или эго) и Тень, сочетаясь между собой в различных качественных и количественных пропорциях, создают новые архетипические образы, представляющие различные жизненные ситуации. В психологии существует установка, согласно которой каждой жизненной ситуации соответствует свой архетип. Основной же задачей архетипа в искусстве остается трансляция содержания или информации от создателя произведения к его потребителю или зрителю.

Рассмотрим, как работают архетипические образы в абстрактных произведениях, как с их помощью художник формирует содержание своего произведения, а зритель, в свою очередь, способен его прочесть.

В работе Михаила Сергеевича Омбыш-Кузнецова (1947 г. р.) «Финал церемонии» (рис. 1) господствует ирония по поводу девальвации неких ценностей, бывших ранее помпезными, важными и значимыми. Возможно, художник так выражает свои чувства по поводу краха советской системы и тех приоритетов, которые некогда определяли общественную жизнь в целом и искусство в частности, хотя трактовки, безусловно, могут носить и более широкий характер. Сам Омбыш-Кузнецов в начале своего пути в советское время активно разрабатывал производственные темы, занимавшие в его творчестве одно из главных мест. К примеру, им написаны широко известные в восьмидесятые годы «Нефть Сибири» (1976), «Артерия Нефтехима» (1975), «Хозяйка» (1975), «Бригада» (1981), «Освоение» (1980), «Сибирские нефтяники» (1980). Художнику было свойственно «умение находить этим темам каждый раз новое, нестандарт-

ное, лишенное хрестоматийной традиционности решение» [14, с. 10]. После смены курса развития страны и переоценки социальных приоритетов Омбыш-Кузнецов существенно пересмотрел свой подход к искусству, работая и как абстракционист, и как гиперреалист [15, с. 138–141].

После глубоко личностных изменений ценностных ориентаций в 1990-е годы у живописца начался поиск нового языка. Этому периоду творчества Омбыш-Кузнецова присуще обращение к низким, «черным» жизненным ситуациям, намеренная злободневность и острота тематики. Пробовал себя художник практически во всех направлениях, одно из которых – абстракция. Абстракцию Михаил Сергеевич основывал на усиленной стилизации реалистических мотивов: «Окраина» (1996), «Разговор» (1996), «Солнечный день» (1995), «Кафедральный собор» (1995), «Возвращение в Венецию» (1997), «Финал церемонии» (1993).

Выбранная нами последняя из указанных работ наиболее «абстрактна» по содержанию и визуальным показателям, наиболее близка сути беспредметности, ей свойственна формализация и умозрительность содержания, но при всем этом сюжет все-таки важен художнику. Омбыш-Кузнецов не может совсем «оторваться от земли» – дает своим картинам проясняющие смысл работы названия.

В этой серии схожих между собой работ форма обуславливает смысл, а приемы работы в каждой картине одинаковые, повторяющиеся. Геометрия, имеющая мужское рациональное начало, определяет стилистику произведения «Финал церемонии». Архетип, призванный донести смысл содержания до зрителя, легко определяется как пустота содержания, непрочность и скоропалительность помпезности.

Конструкция в картине напоминает вавилонскую башню, разрушенную за гордость и самонадеянность строителей, которых наказали смешением языков. Несомненно, что высокомерие, желание лидерства свойственны архетипу Персона. Написанная после перестройки работа «Финал церемонии», на наш взгляд, в какой-то степени автобиографична, имеет качества трагической самоиронии.

Архетип Персона представляет социальную роль человека, принимаемую им при выполнении требований общества. Это публичная маска, скры-

вающая суть человеческой личности и представляющая его общественно приемлемым. Персона – это буфер между человеком и внешним миром, если он ненадежен, то трудности ждут носителя этой маски даже в стандартных ситуациях. Юнг писал о персоне так: «Она является лишь маской коллективной души, той маской, что симулирует индивидуальность, заставляя других и самого ее обладателя поверить в то, будто он индивидуален, тогда как он просто играет роль, через которую говорит коллективная душа» [18, с. 97]. Именно с помощью архетипа Персона считывается образное содержание картины «Финал церемонии» М. С. Омбыш-Кузнецова.

Также следует сказать, что по формальным живописным качествам работу отличает виртуозность исполнения. Композиция выстроена смело и грамотно, что свойственно и всем остальным работам художника. Для придания динамизма происходящему на холсте используется диагональная ось, на которую нанизываются круги или нимбы, уменьшающиеся по мере возвышения. Основание конструкции прочно держит её за низ и левый край холста. Благополучное завершение церемонии стало невозможным после внедрения в неё глыбистого квадрата, чуждого кругам. Столь инородный закругленно-теплой конструкции элемент и разрушил её поступательное движение ввысь.

Колорит в достаточной мере разнообразный и, вместе с тем, воспринимается целостно, что ещё раз подтверждает высокое профессиональное мастерство художника. Золоту нимбов в поддержку-противопоставление даны голубоватые небесные вставки, а умбристо-мундирные четыре опоры основания награждены за верную службу красно-погонными вставками. Арктический холод «прямо-упрямоугольных» плоскостей скорее не разрушает, а завершает гармонизацию конструкции, внося в неё элемент противопоставления и придав ей диалектическое совершенство.

Такое технически грамотное исполнение художественного живописного произведения не вызовет никаких возражений у профессионалов, потому как весьма точно соответствует всем живописным и композиционным законам. Архетип Персона как профессия проявляется в работе и таким образом тоже.

Николай Алексеевич Ротко (1944 г. р.) с 1971 по 1974 год проходил обучение в Москве у учени-

ка В. Е. Татлина – Е. А. Розенблюма. До 1989 года занимался только керамикой. Примерно в 70–80-х годах художник стал постепенно обходиться без натуры, но параллельно работал как реалист: писал пейзажи, натюрморты, портреты. В фигуративных работах, созданных в это время, появляется более свободная трактовка цвета и формы с опорой на личностное начало.

Ротко решает тему абстрактного изображения достаточно сложно, закладывает в картину глубокое, многомерное содержание. К примеру, идейное начало работы «Осман. Цикл маленькие местечки большой земли» (2002) имеет активное развитие по композиции и цвету (рис. 2). Картину отличает пространственность, духовная глубина, работа менее открыта во внешнее и сложнее считывается по наполняющему её архетипу, чем у Омбыш-Кузнецова. У Ротко нет явной демонстрации формальных средств живописи, менее понятен сюжет. Тема работы, на наш взгляд, это – единство всего сущего. Малое (поселок в сотню жителей) заключено в большем (Земля как планета), а большое – в малом (без части нет целого). Сам Осман – это маленький поселок в Кемеровской области, имеющий локальное значение как туристский перевалочный пункт.

Архетип Анима как сожаление о прошлом здесь выражен через цветовую и тональную вибрацию благородной теплоты старого промытого дождями и иссушенного солнцем дерева домов Османа, поселка прежде насчитывающего почти 500 жителей, теперь же там нет и пятой части этого количества. Сиенистый колорит картины где-то разгорается до звенящей рыжины или ржавчины в центре, а где-то покрывается сизоватым, остывшим пеплом в правой нижней части, некоей своеобразной калитке при входе в картину.

Автор как живописец восхищен игрой цвета и света на строениях поселка, но как обычный человек печалится по поводу постепенного исчезновения с лица «большой земли» «маленьких местечек». Возможно, сходные двойственные чувства возникают у пейзажистов, пишущих «прощальную красу осени» – печаль и восторг одновременно. Только у Ротко к этому добавляется еще философский мотив уходящего, бывшего прежде, наполненного своим смыслом и значением. В данном случае это дома людей, хранившие их жизни и судьбы, теперь же опустевшие, покинутые и забытые.

Сравним между собой две тематически сходные работы, но противоположные по стилистике: фигуративное и абстрактное решение. Возможно, самому художнику также было интересно провести подобный эксперимент. Работа над реалистическим произведением, подобном пейзажу «Осман, начало лета» (2010), предполагает построение пространства холста с учетом восприятия его как трехмерного, иллюзорного изображения, воспроизводящего видимый, объективно существующий мир (рис. 3). Художнику-реалисту необходимо лишь точно следовать своему мироощущению, воспроизводя реальность, частью которой является и он сам. Это взгляд на мироздание из его самой середины, поскольку каждый человек – это центр Вселенной, образ которой заключен внутри него самого.

При работе с натуры, а пейзаж 2010 года обладает всеми качествами пленэрной живописи (точность воспроизведения, материальность цвета, наполненность воздухом и светом), между художником и изображаемой им природой устанавливается своеобразная энергетическая связь, наполняющая его произведение «духом места». Живописец лишь должен старательно следовать его «указаниям» для достижения духовного слияния создаваемого им пейзажа и части мироздания, воспроизводимого на картине. Все это должно происходить по канонам искусства, созвучным основным законам, действующим во Вселенной – это ритм и единство противоположностей.

В пейзаже 2010 года Ротко исследует мироздание как данность, лишь воспроизводя его внешнюю форму, не разбирая его на части, на «первоэлементы». «Осман» (2002) отличает более высокая степень обобщения, стремление раздвинуть рамки привычного видения, дойти до центра, до самого основного, по истине «неделимого» как греческий атом элемента, а найдя такой, сотворить мир заново. По своей сути абстракция в этом плане является более радикальным методом исследования мироздания, чем реалистическая живопись. Работу 2002 года отличает сложность сюжета и многоуровневое, философское содержание. В ней присутствует взгляд на Землю и на расположенные на ней «места жительства» как на часть Вселенной. В «Османи» (2002) ярко выражен архетип Анима: духовность, глубина, творческий поиск, стремление к широкому обобщению.

Далее рассмотрим творчество Виктора Семеновича Бухарова (1944 г. р.), живописное наследие которого обладает ярко выраженными личностными качествами. Набирающий с годами силу процесс абстрагирования в его творчестве затронул в первую очередь цвет, который поступательно «распредмечивался», переставал быть одним из качеств видимых и осязательных объектов, а являлся выразителем внутреннего мира художника. Вихреобразная динамика энергичных пестрых мазков, главным образом красного цвета, становится с годами неотъемлемым свойством многих композиций. В образной структуре ясно прослеживается архетип Анимус как выразитель внешне ориентированного, празднично-парадного содержания.

Сам художник воспринимает свои работы как страницы дневника. Дневника глубоко личного, создаваемого не для фиксации неких событий личной или общественной жизни, а для материализации приходящих в творческом озарении пластических идей. Как говорилось выше, одним из постоянных мотивов его живописных работ является красный цвет. Красный для художника – это его своеобразный двойник в мире цвета, его второе я, его alter ego. Поэтому каждая работа, где присутствует красный, воспринимается как автопортрет человека с живым кипучим темпераментом, светлым, праздничным восприятием действительности и вовлеченным в водоворот жизни.

Вихреобразное движение – это ещё один постоянный персонаж работ художника. Работы Бухарова, находящиеся вместе в большом количестве, создают впечатление раскадровки кинофильма, где героями выступают стихии, вовлекающие цвета во главе с красным в свое кружение. Подобное жизнелюбие не оставляет никого равнодушным, поскольку оно предельно искреннее и идет из самой глубины души. Все это в совокупности ещё раз указывает на архетип Анимус как на доминантный для творчества новосибирского художника (рис. 4).

Если исходить из определения данного Анимуса Юнгом как проводнику в социум, способствующему познанию и принятию его законов [20, с. 63], то такая подробная фиксация Бухаровым всех посетивших его творческих озарений может восприниматься, как попытка быть понятным окружающими, найти в них, по меньшей

мере, собеседников, а может быть и близких по духу друзей, таких же беспокойных, жаждущих постичь тайну творчества и определяющих свою основную жизненную задачу как поиск её смысла.

Анимус в работах художника проявляется и как стремление управлять временем – останавливать его на звенящем полдне и как желание по-велевать пространством – вовлекать в цветовой круговорот недвижимые, грубо-материальные объекты, разрешать неразрешимое и достигать вершины во всех своих начинаниях. Как дополнительные качества архетипа Анимус, свойственного работам Бухарова, можно отметить трезвый и ясный взгляд на окружающую действительность, уверенность в своей правоте, а также принципиальность творческой позиции и ориентацию на происходящие вовне события.

Творчество Тамары Николаевны Грицюк (1953 г. р.) отличается от работ её коллег по цеху, имеет не схожее ни с кем уникальное лицо. Работам свойственно личностное начало, выразительность и авторское звучание колорита. Характерной чертой абстракций художницы является крайняя степень субъективизма. Занятия живописью для Грицюк являются формой внутренней жизни, созданием новой реальности, отражающей мир её души. В картине «Эксперимент» (2003) работает архетип Анима, превращая материальную субстанцию (холст и краски) в «духовный опыт или эксперимент» (рис. 5). Следует также сказать, что Тамара Грицюк принадлежит к немногочисленному кругу художников, исповедующих традиционные, во многом утраченные базовые ценности искусства – абсолютизацию творчества как основного источника познания мира и подчинение жизненных установок служению избранному делу. Для Тамары Николаевны – это абстрактная живопись.

Картинам свойственно столпотворение красок, сгущение их к центру, разряжаемое вставками белого. Композиционное решение предполагает фронтальное восприятие без углубления в пространство. Одним из главных формальных средств живописи является размеренное ритмичное чередование сжатия и растяжения. Колорит построен на контрасте взаимодополнительных цветов: хлебно-теплого оранжевого, живого и телесного, и сгущенного до морской глубины ультрамарина, который обособлен от земной твер-

ди белыми осколками воздуха и снега. Справа и слева те же герои своеобразного земноводного представления в увеличенных размерах, но более приглушенные, словно ставшие старше по возрасту и уже переживавшие подобный опыт столкновения стихий.

Цветопредставление разыгрывается на фоне лишь отчасти нейтрального серого фона, расчлененного на почти правильные, линейно вычерченные прямоугольники. Фон все же подключен к центральной части посредством тонких цветовых градаций, от зеленовато-серых через ультрамарин к почти синему серому цвету. За счет такой тонкой нюансировки фона картина в целом воспринимается гармонично, несмотря на то, что центр, имея более мелкий модуль членения, четко отделен от происходящего эксперимента по взаимодействию полярных по своей природе стихий цветного и нейтрального, теплого и холодного. Контраст форм, хоть и не явно, но также присутствует: неправильные фигуры и громкоголосость основных цветовых героев противопоставлена прямоугольникам хранящего покой и молчание фона.

Архетип Анима проявляется здесь как стремление к опытам и творчеству, поиску гармонии в сочетании противоположностей. В «Эксперименте» проявляются свойства женской души, способной к примирению непримиримого и гармонизации всех частей мироздания. Женственность Анимы предполагает также желание сотворения нового мира, будь то семья или картина, выпечка хлеба или шитьё одежды, рождение и воспитание потомства.

Живопись Альфреда Петровича Фризена (1929 г. р.) тесно вплетена в исторический процесс развития изобразительного искусства Сибири. Реализовывая свой индивидуальный поиск, художник прошел все наиболее значимые направления русского авангарда от абстракции до кубизма и конструктивизма. Сейчас для творчества Фризена по-прежнему актуальны различные направления современного искусства, в работах присутствуют цитаты из наиболее знаковых произведений прошлого. Картина «Ворота» (2003) может быть расположена стилистически между работами Клее и Мондриана и оптик-артом (рис. 6). Присутствуют архетипы Анима и Анимус. Анимус выражен в «геометрических» цитатах из Пита Мондриана, а Анима в игре с пространством «теплое-близкое и холодное-далекое», свойственной Паулю Клее.

В одном из своих интервью художник признавался в том, что иногда намеренно создает сам себе в работах почти неподъемные проблемы: «придумывает сплетение “враждебных” друг другу контрастов» [18] с тем, чтобы устраняя их, найти оригинальное и единственно верное композиционное решение. В картине «Ворота» закатное красное, по своей природе воспринимаемое пространственно ближе, оно пытается пробиться сквозь перекладыны ворот, которые окрашены в цвета холодного спектра. Теплые цвета намеренно оттеснены на второй план, спрятаны за структурированной из трех оттенков геометрий. Все это противоречит закону цветовосприятия и создает зрительный парадокс: перекрываемые плоскости воспринимаются оптически ближе, чем формы первого плана. Этот достаточно умозрительный, логически выстроенный подход к построению колорита картины является цитатой из творчества немецкого экспрессиониста Пауля Клее. Несмотря на свойственную этому решению разумность, оно по своей сути соответствует архетипу Анима поскольку автором задействуются только средства живописи, природа которой предполагает приоритет чувственного начала над логикой.

Графичность «перекладин ворот» сходна с авангардной пластикой картин Пита Мондриана, стремившегося к выражению формальных идей через ровность линий и вставки красного, желтого и синего цветов на белом, сером или черном фоне. У Фризенга присутствуют перекладыны одного синего цвета, но в трех тональных градациях от слегка голубого до глубокого морского. Такая инженерно выверенная архитектура картины соответствует мужскому типу мышления и отвечает архетипу Анимус.

Благодаря проживанию опыта авангарда, живопись Альфреда Фризенга имеет свойство вторичности. Живописец лишь следует за кем-то, работает, скорее, в ретроспекции как искусствовед, а не как художник-творец, ведущий свой собственный поиск. Недостаточность художественного образования сказывается, но это не решающий фактор. Марк Ротко и Василий Кандинский тоже начинали как непрофессионалы (математика, юриспруденция), но стали первооткрывателями новых направлений в искусстве и практически идеологами абстрагирования. Через подобные подходы к абстракции мы видим скорее логичный опыт познания западноевропейского искус-

ства, чем практику творческого онтологического сооружения нового мира. При этом возможность прочтения композиции «Ворота» через архетипические образы очевидна, и для неподготовленного зрителя она будет, вероятно, единственной. В тоже время для ценителя искусства вторичность авторского языка лишает его субъективной тайны творчества.

Николай Иосифович Рыбаков (1947 г. р.) внес значительный вклад в становление и развитие Сибирского археоарта. Художник помимо активной выставочной деятельности ведет научно-исследовательскую работу, путешествует. Рыбаков придает большое значение видимой, внешней выразительности материала, для его работ характерна сложная фактура, основанная, на виртуозной живописной технике.

Думается, что картина «Пейзаж с водоемом» (2010) наиболее «абстрактная» из всех выше-рассмотренных композиций, поскольку в ней нет ярко и четко выраженных форм, нет ясных цитат и ссылок на произведения других мастеров, формальные средства живописи работают подспудно, не демонстрируя использованных приемов, как скажем у Омбыш-Кузнецова или Фризенга (рис. 7). Рыбаков пытается сделать содержанием картины её живописную фактуру, строит восприятие произведения на ассоциативных связях визуального и духовного опыта зрителя и движения пластических масс как цветовых, так и рельефно-фактурных. Именно в этих ритмических чередованиях всплеск и угасаний цвета, в накатывании фактурных волн на гладкую поверхность кроется содержание произведения, которому автор дал прозаическое название «Пейзаж с водоемом». Ориентация на невербальное, духовное прочтение содержания произведения предполагает наличие в работе архетипа Анима.

Данное произведение из представленных живописных работ наиболее субъективно-закрытое для прочтения его содержания, поскольку не имеет сколько-нибудь привычных ориентиров, свойственных другим рассматриваемым здесь абстракциям. В картине нет четко различимых форм и плоскостей цвета, которые за счет соотношения между собой создали бы некий ассоциативный образ. Единственное относительно фигуративное образование – это раскрытая или разъятая сфера, сходная с земным шаром ли, орехом, содержащим и лес, и озеро, словом, целую вселенную.

Взрывообразное движение пластических масс создает образ открытия, поднятия некоего пола или крышки раковины. Бьющий по глазам зрителя отраженный от воды сильный свет и становится предметом изображения. Художник пытается понять мироустройство, раскрывая самые сокровенные тайны, постигая его законы, отделяя водоем от пейзажа и свет от тьмы.

Рисунок 1. Омбыш-Кузнецов М. С.
Финал церемонии. 1993. Х., м. 80х80

Рисунок 2. Ротко Н. А. Осман. Цикл «Маленькие местечки большой земли». 2002. Х., м. 130х150

Рисунок 3. Ротко Н. А.
Осман, начало лета. 2010. Х., м. 60х80

Рисунок 4. Бухаров В. С.
Кольцо вала. 1994. Х., м. 100х120

Рисунок 5. Грицюк Т. Н.
Эксперимент. 2003. Х., м. 85х85

Рисунок 6. Фризен А. П.
Ворота. 2003. Х., м. 100х110

В картине присутствует ярко выраженный архетип радости открытия и проникновения в тайну сокровенного, скрытого до того от любопытных глаз. Данный архетип по своим характеристикам соответствует Анимусу, он хорошо прочитывается и также отвечает за содержание работы. Если исходить из утверждения, что архетип может проявляться в виде живых существ, в принципе, возможно, его проявление и в виде неодушевленных, к примеру, природных явлений или объектов: рек, озер, лесов или гор. В данном случае радость открытия – это озеро или иной водоем посреди не свойственной ему местности.

В данной работе было предложено изучение и анализ одной из проблем искусства – восприятие и понимание потенциальным зрителем содержания, вложенного автором в абстрактное произведение, имеющее субъективистский характер по определению. Были рассмотрены некоторые аспекты творчества современных сибирских художников, полностью или отчасти работающих в русле абстракционизма, произведения которых изучались с целью поиска способов объективизации их содержания. При проведении анализа особенностей образной структуры были выявлены и структурированы основные составляющие её элементы, в их числе было отмечено присутствие архетипических образов, природа которых по определению К. Г. Юнга – коллективное бессознательное. Отсутствие в абстрактном произведении опоры на знакомые зрителю визуальные образы,

Рисунок 7. Рыбаков Н. И.
Пейзаж с водоемом. 2010. Х., м. 120х130

свойственные объективной реальности, порождает непонимание содержания и, как следствие, происходит отторжение абстракции. Компенсируя эту потерю, независимо от осознанности данного процесса самим художником, начинают активно работать образы архетипические, закладываемые в произведение на уровне подсознания. При помощи архетипов смысл произведения становится в определенных аспектах понятен зрителю, далее должно подключаться уже зрительское творческое начало в познании и построении собственных представлений о мире, собственных вариантов картины мира на основе предложенного художником.

Художники, стремящиеся к внешнему признанию как со стороны профессионального сообщества, так и со стороны властных структур и простых граждан осознанно или нет тяготеют к использованию в своих работах архетипов Персона, Самость и Анимус (М. С. Омбыш-Кузнецов, В. С. Бухаров, А. П. Фризен).

Исходное значение понятия Анима – это душа, сам К. Г. Юнг определял этот архетип как внутреннюю сущность личности, наиболее прочно связанную с её неосознаваемой частью, закрытой для контроля логики, свойственной Анимусу. Такая склонность к «таинственности» и желанию скрыться от внешнего контроля сближает по своей сути архетипы Анима и Тень, которые содержат исповедальные, катарсические моменты для души художника, им свойственна трогательная

мягкость, «тонкокожесть» стремление в глубину, творческий поиск и обобщение (Т. Н. Грицюк, Н. А. Ротко, Н. И. Рыбаков).

Нельзя не сказать о том, что по большому счету архетип имеет языческую природу. Архетип – это универсальное объяснение всего происходящего с человеком, объяснение всем его правильным и неправильным поступкам. Анима и Анимус истолковывают по сути греховность непроизвольных действий человека, скрытых «плохих» мотивов даже хороших поступков. Качества Анимы и Анимуса требуют выхода – искусство и есть такой выход и плохому, и хорошему. У каждого из представленных художников присутствуют в работах не один, а несколько, как правило, противоположных по сути архетипов: Анима – Анимус, Самость – Тень – Персона. Все же определяющим образ произведения становится один из доминирующих, иначе картина потеряет свой духовный

смысл, будет похожа на коллаж. Проанализированные выше живописные произведения, хотя и различаются соотношением наполняющих их архетипов, основываются на коллективном бессознательном. Поэтому истинно художественное произведение прочитывается зрителем, даже если художник не стремился быть понятным, а ставил задачу субъективного самовыражения, выплеска своего «внутреннего содержания».

В случае познания мира искусство более гибко, чем наука, не берущая ничего на веру, не признающая ничего без верификации. Искусство заранее согласно со всеми религиозными, мифологическими и иными концепциями мироустройства, легко преодолевает многоуровневость мироздания, его неоднозначность и глубину, простоту, заключенную в целостности, и сложность в разделении на части: от отрицательной бесконечности до нуля, от нуля к бесконечности и обратно.

Литература

1. Андреева Е. Ю. Все и Ничто. Символические фигуры в искусстве второй половины XX века. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 584 с.
2. Батракова С. П. Искусство и миф. Из истории живописи XX века. – М.: Наука, 2002. – 213 с.
3. Бухаров В. С. Валерий Бухаров. Живопись [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.nro-shr.ru/node/56> (дата обращения: 17.07.2016).
4. Валяева М. В. Морфология русской беспредметности. – М.: Виртуальная галерея, 2003. – 584 с.
5. Воеводина Е. Е. Изменение формально-стилистических особенностей в творчестве А. П. Фризена // Тр. молодых ученых Алт. гос. ун-та. – Барнаул: Алт. гос. ун-т. – 2013. – № 10. – С. 290–291.
6. Герман М. Ю. Об искусстве и искусствознании. – СПб.: Из-во им. Н. И. Новикова, 2014. – 552 с., с ил.
7. Карасик И. Н. Круг Малевича и проблема экспрессионизма // Русский авангард 1910–1920-х годов и проблема экспрессионизма / отв. ред. Г. Ф. Коваленко. – М.: Наука, 2003. – С. 195–205.
8. Курбановский А. А. Незападный мрак: очерки по археологии визуальности. – СПб.: APC, 2007. – 320 с.
9. Купрякова В. С. «Живопись цветового поля» Марка Ротко // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2015. – № 33. – С. 64–70.
10. Махов Н. М. Ментальная мотивация возникновения абстрактного искусства и новая фигуративность // Искусствознание. – 2015. – № 3/4. – С. 212–227.
11. Пятков Н. А. Архетип в его отношении к архаическому мировосприятию и мифомышлению как онтологическая проблема // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3. Общественные науки. – 2008. – Т. 57, № 5. – С. 101–114.
12. Ротко Николай Алексеевич // Искусство Новокузнецка. Живопись 1930–2000-х годов: произведения новокузнец. художников в собр. Новокузнец. художеств. музея. – Новокузнецк, 2011. – С. 109–110: цв. ил.
13. Рыжов А. В. Альфред Фризен. Диалог с авангардом: художественный альбом / сост. и авт. ст. А. В. Рыжов. – Барнаул: Алт. дом печати, 2014. – 240 с.: ил.
14. Соколов М. И. Михаил Омбыш-Кузнецов // Молодые имена. – М.: Совет. художник, 1981. – 108 с.
15. Степанская Т. М. А. П. Фризен // Степанская Т. М. Очерки истории искусства Алтая. – Барнаул, 2009. – 219 с.: ил.
16. Сто художников Сибири: каталог выставки / сост. и авт. ст. О. М. Галыгина. – Новокузнецк, 2007. – 130 с.
17. Турчин В. С. По лабиринтам авангарда. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 248 с.
18. Шехтер Т. Е. Неофициальное искусство Петербурга (Ленинграда) как явление культуры второй половины XX века: текст лекций. – СПб.: СПбГТУ, 1995. – 137 с.
19. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. – М.: Прогресс, 1994. – 304 с.
20. Юнг К. Архетип и символ. – М.: Ренессанс СП ИВО-СиД, 1991. – 336 с.

References

1. Andreeva E.Y. *Vse i Nichto. Simvolicheskie figury v iskusstve vtoroy poloviny XX veka* [Everything and Nothing. Symbolic figures in art of the second half of the XXth century]. St. Petersburg, Publishing house of Ivan Limbach, 2011. 584 p. (In Russ.).
2. Batrakova S.P. *Iskusstvo i mif. Iz istorii zhivopisi XX veka* [Art and myth. From the history of painting the XXth century]. Moscow, Nauka Publ., 2002. 213 p. (In Russ.).
3. Bukharov S.V. *Valeriy Bukharov. Zhivopis'* [Valery Bukharov. Painting]. (In Russ.). Available at: <http://www.nro-shr.ru/node/56> (accessed 17.07.2016).
4. Valyaeva M.V. *Morfologiya russkoy bespredmetnosti* [Morphology of Russian irrelevance]. Moscow, Virtual gallery Publ., 2003. 584 p. (In Russ.).
5. Voevodin E.E. *Izmenenie formal'no-stilisticheskikh osobennostey v tvorchestve A.P. Frizena* [Modification of the formal-stylistic characteristics in the works of A.P. Friesen]. *Trudy molodykh uchenykh Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of young scientists of the Altai state University]. Barnaul, 2013, no. 10, pp. 290-291. (In Russ.).
6. German M.Y. *Ob iskusstve i iskusstvoznanii* [About art and art history]. St. Petersburg, N.I. Novikov Publ., 2014. 552 p. (In Russ.).
7. Karasik I.N. *Krug Malevicha i problema ekspressionizma* [The circle of Malevich and the problem of expressionism]. *Russkiy avangard 1910-1920-kh godov i problema ekspressionizma* [The Russian avant-garde 1910-1920-ies and the problem of expressionism]. Moscow, Science Publ., 2003, pp. 195-205. (In Russ.).
8. Kurbanovskiy A.A. *Nezapnyy mrak: ocherki po arkhologii vizual'nosti* [Resepnya the dark: essays on the archaeology of visuality]. St. Petersburg, ARS Publ., 2007. 320 p. (In Russ.).
9. Kupryakova V.S. "Zhivopis' tsvetovogo polya" Marka Rotko [The "Colour field painting" Mark Rothko]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]. Kemerovo, KemGUKI Publ., 2015, no. 33, pp. 64-70. (In Russ.).
10. Makhov N.M. *Mental'naya motivatsiya vozniknoveniya abstraktnogo iskusstva i novaya figurativnost'* [The mental motivation of the emergence of abstract art and the new figurative]. Moscow, Art History Publ., 2015, no. 3-4, pp. 212-227. (In Russ.).
11. Pyatkov N.A. *Arkhetip v ego otnoshenii k arkhaiskomu mirovospriyatiyu i mifomysleniyu kak ontologicheskaya problema* [The archetype in its relation to archaic worldview and mitomycin as an ontological problem]. *Izvestiya Ural'skogo Federal'nogo Universiteta. Seriya 3. Obshchestvennye nauki* [Bulletin of Ural Federal University. Series 3. Social sciences], 2008, no. 5, pp. 101-114. (In Russ.).
12. Rotko Nikolay Alekseevich. *Iskusstvo Novokuznetska. Zhivopis' 1930-2000 godov: proizvedeniya novokuznetskikh khudozhnikov v sobranii Novokuznetskogo khudozhestvennogo muzeya* [Art Novokuznetsk. Painting 1930-2000: works of Novokuznetsk artists in the collection of Novokuznetsk Museum of art]. Novokuznetsk, 2011, pp. 109-110. (In Russ.).
13. Ryzhov A.V. *Al'fred Frizen. Dialog s avangardom: khudozhestvennyy al'bom* [Alfred Friesen. Dialogue with the avant-garde: art album]. Barnaul, Altay the printing house, 2014. 240 p. (In Russ.).
14. Sokolov M.I. *Mikhail Ombysh-Kuznetsov* [Michael Ombysh-Kuznetsov]. *Molodye imena* [Young names]. Moscow, Soviet artist Publ., 1981. 108 p. (In Russ.).
15. Stepanskaya T.M. *Ocherki istorii iskusstva Altaya. A.P. Frizen* [Essays on the history of art of Altai. A.P. Friesen]. Barnaul, 2009. 219 p. (In Russ.).
16. *Sto khudozhnikov Sibiri: katalog vystavki* [A hundred artists of Siberia: exhibition catalogue]. Ed. O.M. Galygina. Novokuznetsk, 2007. 130 p. (In Russ.).
17. Turchin B.C. *Po labirintam avangarda* [Through the maze of the avant-garde]. Moscow, Moscow State University Publ., 1993. 248 p. (In Russ.).
18. Shekhter I.E. *Neofitsial'noe iskusstvo Peterburga (Leningrada) kak yavlenie kul'tury vtoroy poloviny dvadtsatogo veka* [Informal art of St. Petersburg (Leningrad) as a phenomenon of culture in the second half of the twentieth century]. St. Petersburg, St. Petersburg State Technical University Publ., 1995. 137 p. (In Russ.).
19. Kung C.G. *Problemy dushi nashego vremeni* [The problems of soul of our time]. Moscow, Progress Publ., 1994. 304 p. (In Russ.).
20. Jung C.G. *Arkhetip i simvol* [The archetype and the symbol]. Moscow, Renaissance SP IVO-Led Publ., 1991. 336 p. (In Russ.).

УДК 271.2+784

НЕКАНОНИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЛАСОВЫХ МОДЕЛЕЙ В ТРАДИЦИОННОЙ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ СЛУЖБЕ (НА ПРИМЕРЕ ОБЩИНЫ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ Г. НОВОКУЗНЕЦКА)

Фаттахова Лейла Ринатовна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры инструментального исполнительства и музыкознания, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (г. Омск, РФ). E-mail: fattler@omsu.ru

Пение по мелодической модели – древнейшая каноническая форма бытования древнерусской монодии. В системе знаменного осмогласия существует несколько типов таких моделей: погласица псалмов «Господи, воззвах», погласица стихир, самогласен, подобен. В работе рассматривается процесс исполнения стихир по мелодическому образцу самогласна на примере воскресной службы третьего гласа в белокриницкой общине г. Новокузнецка, зафиксированной автором в ходе экспедиционной деятельности. На основе анализа авторских нотировок стихир и крюковых образцов самогласнов обнаруживается, что ни одна стихира не соответствует третьему гласу службы: все стихиры вечерни (десять на «Господи, воззвах» и на стиховне «Страстию твоею Христе») были распеты на второй глас, а стихиры утрени (шесть на хвалитех и две воскресных) – на восьмой. И хотя прихожане исследуемой общины вполне владеют техникой пения на мелодический образец самогласной стихир, и сами модели – напевы, которыми исполняются стихиры, зафиксированные в общине, – не имеют принципиальных отличий от крюкового образца, можно констатировать неканоническое использование самих гласовых моделей, что свидетельствует о некоторой утрате знаний о гласовом пении.

Ключевые слова: богослужбное пение старообрядцев, осмогласие, мелодическая модель, стихира, самогласен.

NON-CANONIC USAGE OF TONE PATTERNS IN THE TRADITIONAL OLD-BELIEVERS' SERVICE (EXEMPLIFIED BY COMMUNITY OF RUSSIAN ORTHODOX OLD BELIEVERS' CHURCH IN NOVOKUZNETSK)

Fattakhova Leyla Rinatovna, PhD in Art History, Associate Professor of Instrumental Performance and Musicology Department, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: fattler@omsu.ru

Chanting according to melodic model is the oldest canonic form of the old Russian chanting art. In the znamenny eight-mode system, there are several types of such models: poglasitsa of psalms “Lord, I cry into thee!” poglasitsa of stichera, automelon, prosomion. The article considers chanting stichera according to the melodic model of automelon exemplified by the Sunday service of the third mode at Belokrinits Community (Russian Orthodox Old Believers' Church) in Novokuznetsk, recorded by the author during the expeditions. Automela is the first stichera to “Lord, I cry into thee!” of all eight tones. The term “automelon” itself in the old Russian music stands for “chanting with an autonomous original melody which can be used with another text of any length”.

The author attempted to make a musical notation of the stichera sung at the service and of znameny patterns of automela from the old Russian chant manuscripts. Researches of stichera and their znameny versions helped find out that no sticheron corresponds to the third mode of the service: all the stichera of Vespers were sung for the second mode and stichera at Matins - for the eighth mode. Parishioners of the community under study have got a comprehensive command of chanting according to the automelon sticheron pattern. The patterns themselves, melodies stichera are sung with, recorded in the community do not crucially differ from znameny pattern. At the same time one can prove non-canon usage of melodic models which signifies that this community old believers' knowledge of mode chanting is fading away.

Keywords: liturgical chants of Old Believers, Octoechos, melodic model, stichera, automelon.

Пение по мелодической модели – древнейшая, интонационно наиболее простая, каноническая форма бытования древнерусской монодии [5, с. 62]. В системе знаменного осмогласия существует несколько типов таких моделей: погласица псалмов «Господи, возвах», погласица стихир [1], самогласен [2], подобен [3]. Каждая модель используется для распевания конкретных текстов, предусмотренных каноном.

Самогласными названы первые стихиры на «Господи, возвах» всех восьми гласов. Сам термин «самогласен» в древнерусской музыке обозначает «песнопение, имеющее самостоятельный оригинальный напев, которое может быть исполнено с иным текстом любой протяженности» [2, с. 483]. Рассмотрим этот процесс на примере

воскресной службы третьего гласа в белокриницкой общине г. Новокузнецка. Проанализируем крюковой вариант соответствующего самогласна (пример 1).

Как и всем самогласнам, ему присущ строчной принцип строения: на основе нескольких гласовых строк пропеваются тексты многострочных стихир различной продолжительности, при этом соблюдаются определенные правила чередования строк. Заключительная строка никогда не повторяется, выполняя функцию каденционной.

Каждая строка имеет различную мелодикоритмическую организацию, но основывается на общих принципах построения. Как правило, она состоит из трех элементов: инициальный оборот, речитация на одном звуке и каденция. Два основ-

Пример 1

Самогласен, глас 3, «Твоим крестом»

Тво им Кре стом Хри сте Спа се

сме рти де ржа ва ра зру ши ся

и би я во ла леть у прѣ вѣни ся

род же че по ве че ски и ве ро ю спа са ем

песнь Ти все гда - при но сим.

ных акцента строки – в инициальном и каденционном разделах, соответствуют двум ударениям вербального текста и выделяются ритмически – более долгим звуком, либо мелодически – внутрислоговым распевом. Конечному тону строки всегда соответствует более долгая длительность.

Для характеристики самогласна значимость представляют следующие критерии: число используемых строк-моделей (типов моделей), их мелодическая организация и функционирование в форме. Типы моделей выявляются из всего массива строк на основе тождества господ-

ствующего и конечного тонов, а также ладового наклонения и объема звукоряда. В построении музыкальной формы самогласна третьего гласа участвуют три композиционных единицы – три типа модели: А, В и С. Строки А и В повторяются дважды, чередуясь, строка С – каденционная (АВ₁В₁С).

Исследовав аналогичным образом все стихиры, исполняемые на службе (в том числе и сам самогласен «Твоим Крестом»), мы пришли к выводу, что ни одна из них не соответствует крюковому образцу самогласна (пример 2).

Пример 2

Стихира на «Господи, воззвах» «Твоим крестом» (самогласен), глас 3

Тво им кре стом Хри сте спа се

смер ти де ржа ва ра зру ши

и ди я во ле лость у пра здни ся

род же че ло ве че ски и ве ро ю спа са ем

песнь Ти все гда при но сим.

6 сек.

4,6 сек.

4,4 сек.

6 сек.

Несмотря на то, что уставом для данной службы предписано исполнение стихир третьим гласом (и он каждый раз провозглашался), все стихиры вечерни (десять на «Господи, воззвах» и на стиховне «Страстию твоею Христе») были распеты на второй глас, а стихиры утрени (шесть на хвалитех и две воскресных) – на восьмой.

Семистрочная композиция письменной версии самогласна второго гласа (пример 3) опирается на четыре мелодических модели: А, В, С и D.

Модели А и В чередуются дважды, в пятой строке появляется новый тип модели – С, затем повторяется А (с сокращением инициального и речитативного разделов строки), последняя строка (D) – каденционная (АВ₁В₁С₂Д).

Самогласен, глас 2, «Первовечному от Отца рождшуся»

Пе рво ве чно му от О тца рожд шу ся Бо жи ю Сло ву
во площ шу ся от де вы Ма ри и
при и ди те по кло ни мся ра сля ти е бо пре те рпев
и по гре бе ни ю пре да де ся
я ко Сам во схо те
и во скрес и зме ртвых
и спа се мя блу дя ща по че по ве ка.

Используемый на вечерне самогласен «Твоим Крестом» (пример 4) также имеет четыре типа модели: А, В, С и D. В устной версии только пять строк (соответственно тексту), поэтому исчезают повторы в третьей и четвертой строках, в остальном же структура устной и письменной версии самогласна совпадает (ABCA₁D).

Сравним ладомелодические характеристики всех моделей. Модель А в устном варианте отличается незначительной деталью: в инициальном обороте исчезает проходящий звук *d*. Версии мо-

дели В различаются инициальными тонами. Это связано с акцентностью вербального текста. В самогласне второго гласа вторая строка начинается с безударного слога (нота *c*), следующий, акцентный, слог приходится на тон *e*. В устной версии (текст самогласна третьего гласа) соответствующая текстовая строка начинается сразу с ударного слога и нотируется «акцентным» *e*. Расхождения в модели С также связаны с текстом. Соответствующая строка стихир имеет 10 слогов (первый акцент на третьем слоге), а в самогласне второго

гласа – шесть (начинается сразу с ударного слога). Поэтому в письменном варианте мелодической строки инициальный оборот представлен только инициальным тоном (d), раздел речитирования включает три звука, каденционный оборот обозначен лишь конечным тоном, так как на него приходится последний акцент строки. В устном варианте инициальный оборот включает подвод (с-е) на безударных слогах, медиальный раздел составляют пять звуков, подвод к заключительному тону приходится на ударный слог и обозначается внутрислоговым распевом (опевание).

Яркой особенностью каденционной строки (D) в устной версии является мелодическое движение по звукам тетра хорда в каденции (f-e-d-c).

Такой тип каденции не обнаружен ни в одном из крюковых вариантов самогласнов и является репрезентативным для описываемой общины.

Как уже было отмечено выше, все стихиры вечерни были распеты на образец самогласна, то есть первой стихиры «Твоим Крестом». Такая функциональная замена крюковых вариантов, зафиксированных в книгах, пением по модели вполне допускается каноном и позволяет «на ограниченное число мелодико-ритмических формул распевать значительное количество молитвенных текстов» [6, с. 66].

Самогласен восьмого гласа (пример 4) имеет пятистрочную композицию.

Пример 4

Самогласен, глас 8, «Вечернюю песнь»

Ве че рию ю песнь

и сло ве сию ю слу жбу

Те бе Хри сте при но сим

я ко бла го и зво ли е си

по ми ло ва ти нас во скре се ни я ра ди.

Пять строк образца распеваются на четыре мелодические модели: А, В, С и D (ABCA₁D). В первой строке (модель А) в силу краткости вербального текста (пять слогов) отсутствует раздел речитации, он «восстанавливается» в четвертой строке (А₁), состоящей из девяти слогов. Во всех моделях, кроме конечной, последний слог нотируется двугласостепенным знаменем (в первой и третьей строках – голубчик тихий, во второй – крюк с подчасием), при этом конечный тон соединяется с инициальным последующей строки проходящим либо вспомогательным звуком. Последняя строка (модель D) – наиболее протя-

женна по тексту. Основной звук инициального оборота (g) завуалирован распевом (крюк «скамеица») и воспринимается как вспомогательный к господствующему тону. Формула каденционного оборота значительно расширена за счет распевов на промежуточном и заключительном акцентах (крюки «скамеица» и «сложитие с запятой и подверткой»).

Большинство стихир, исполняемых по образцу данного самогласна, имеют более протяженный напев. Для примера рассмотрим первую стихирю на хвалитех «Приидите, вси языцы» (пример 5).

Пример 5

Стихира на хвалитех «Приидите вси языцы», глас 3

Музыкальный пример 5: Стихира на хвалитех «Приидите вси языцы», глас 3. Музыка записана на шести строках в G-кларе, 8/8 такта. Длительности строк: 3,8 сек., 4 сек., 3,2 сек., 4,2 сек., 2,7 сек., 3,7 сек.

При и ди те вси я зы цы

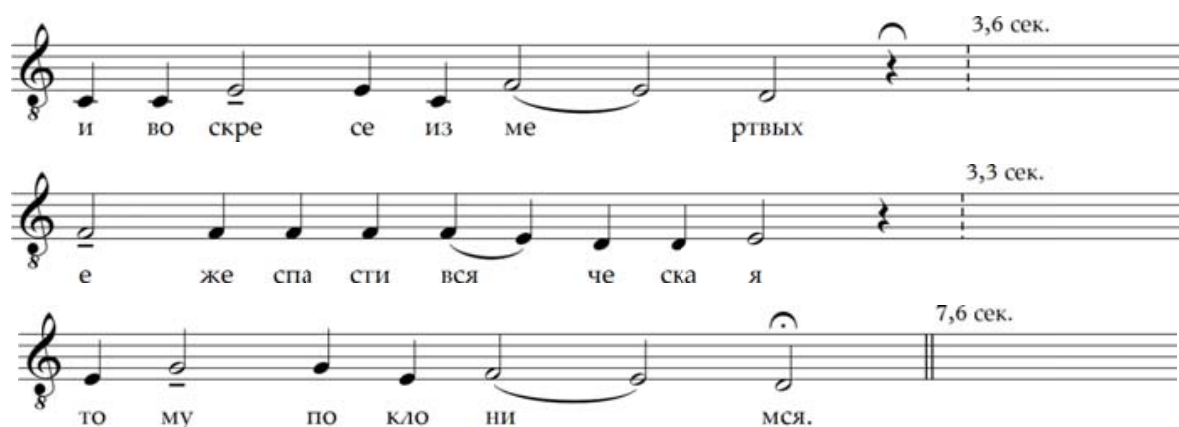
ра зу мей те стра шны я тай ны си лу:

Хри стос бо Спас наш

(и) же (есть пе рво сы и) сло во,

ра спя тся нас ра ди,

и во ле ю по гре бе ся

Девять строк стихирy распеваются на четыре мелодических модели самогласна с соблюдением порядка чередования первых трех и завершением каденционной строкой: А, В, С, А₁, В₁, С₁, А₂, В₂ и D (АВСА₁В₁С₁А₂В₂D).

Кроме традиционного варьирования инициального оборота и протяженности зоны речитации, можно отметить еще ряд различий в моделях письменного и устного вариантов. Во всех строках хвалитной стихирy внутрислоговые распевы используются только на последнем ударном слоге, а начальные акценты отмечены выдержанным звуком. Меньше распевов и в каденциях. Например, во второй и пятой строках (модель В) распевы полностью отсутствуют, исчезли соединительные проходящие и вспомогательные звуки между строками, в заключительной строке каденционный распев значительно упрощен. В модели А (строки 1-я, 4-я, 7-я) появляется яркий предка-

денционный квартовый скачок (с-f). Но в целом эти детали не нарушают канонических принципов распевания стихир на самогласен.

Таким образом, можно констатировать, что прихожане исследуемой общины вполне владеют техникой пения на мелодический образец самогласной стихирy. Сами модели – напевы, которыми исполняются стихирy и припевы, зафиксированные в общине, не имеют принципиальных отличий от крюкового образца. В то же время, отмечается неканоническое использование самих гласовых моделей (аналогичные наблюдения см. в исследовании И. В. Полозовой [4, с. 240–242]). И если распевание стихир утрени на восьмой глас еще могло быть случайностью, ошибкой, то исполнение на вечерни самого самогласна вторым гласом свидетельствует о некоторой утрате знаний о гласовом пении.

Литература

1. Владышевская Т. Ф. Погласица // Музык. энциклопед. слов. – М., 1990. – С. 426–427.
2. Владышевская Т. Ф. Самогласен // Музык. энциклопед. слов. – М., 1990. – С. 483.
3. Казанцева Т. Г. Стихирy-подобны в богослужебной практике староверов-странников сибирского региона // Вестн. Православ. Свято-Тихонов. гуманитар. ун-та. – М., 2009. – Вып. 2(5): Музыкальное искусство христианского мира. – С. 76–124.
4. Полозова И. В. Церковно-певческая культура саратовских старообрядцев: формы бытования в исторической перспективе. – Саратов, 2009. – 336 с.
5. Рябцева В. А. Церковно-певческие традиции староверов как самобытное явление современной музыкальной культуры Сибири // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 4 (25). – С. 57–64.
6. Федоренко Т. Г. Традиции литургического пения старообрядцев семейских // Национальная самобытность искусства на рубеже тысячелетий: мат-лы науч.-практич. конф. – Улан-Уде, 2000. – С. 65–69.

References

1. Vladyshevskaya T.F. Poglasitsa [Poglasitsa]. *Muzykal'nyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary of Music]. Moscow, 1990, pp. 426-427. (In Russ.).
2. Vladyshevskaya T.F. Samoglasen [Samoglasen]. *Muzykal'nyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary of Music]. Moscow, 1990. 483 p. (In Russ.).
3. Kazantseva T.G. Stikhiry-podobny v bogoslužebnoy praktike staroverov-strannikov sibirskogo regiona [Stihira-podoben in the liturgical practice of the Old Believers-wanderers Siberian region]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of Saint Tikhon's Orthodox University]. Moscow, 2009, vol. 2(5): Musical Art of the Christian world, pp. 76-124. (In Russ.).
4. Polozova I.V. *Tserkovno-pevcheskaya kul'tura saratovskikh staroobryadtsev: formy i byitovaniya v istoricheskoy perspektive* [Church-singing culture Saratov Old Believers: forms of existence in a historical perspective]. Saratov, 2009. 336 p. (In Russ.).
5. Ryabtseva V.A. Tserkovno-pevcheskie traditsii staroverov kak samobynoe yavlenie sovremennoy muzykal'noy kul'tury Sibiri [Church-singing traditions of the Old Believers as the original phenomenon of modern musical culture of Siberia]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2013, no. 4 (25), pp. 57-64. (In Russ.).
6. Fedorenko T.G. Traditsii liturgicheskogo peniya staroobryadtsev semeyskikh [The tradition of liturgical singing Believers Semeiskie]. *Natsional'naya samobytnost' iskusstva na rubezhe tysyacheletiy: materialy nauchno-prakticheskoy konf.* [National identity of art at the turn of the millennium: materials of scientifically-practical conf.]. Ulan-Ude, 2000, pp. 65-69. (In Russ.).

УДК 78.072; 398.8

МЕТОДЫ В. М. БЕЛЯЕВА ПО РЕСТАВРАЦИИ ПЕНИЯ ПЕСЕН ИЗ СБОРНИКА «ДРЕВНИЕ РОССИЙСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ, СОБРАННЫЕ КИРШЕЮ ДАНИЛОВЫМ»

Богданова Марина Алексеевна, аспирантка, кафедра музыкального воспитания и образования, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, РФ).
E-mail: dartmarina@mail.ru

Статья посвящена анализу примененных В. М. Беляевым способов реставрации манеры исполнения песен из сборника «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» (далее – Сборник). Ранее методы Беляева и классификация напевов из Сборника никем не рассматривались.

Сборник представляет собой собрание разнообразных напевов русского былинного эпоса. Этот факт рождает вопрос, касающийся их возникновения. Целью написания данной статьи ставится определение методов реставрации напевов, примененных Беляевым, установление их положения по отношению к оригиналу. Задачи статьи: 1) выполнить классификацию типов оригинальных напевов из Сборника, отталкиваясь от их мелодических, стилевых и жанровых особенностей; 2) с помощью предложенных методов анализа формообразования выявить дополнительные группы напевов, ранее никем не установленные.

В статье отмечены родственные черты эпических напевов Сборника и песен северной русской традиции, а именно то, что многие былины исполнялись на общий напев, найден и определен наилучший подход к анализу материала Сборника. Так, в ходе анализа представилось нужным оттолкнуться не только от подобия напевов, но и учесть жанрово-стилевой аспект, применить метод вертикального ранжира.

Опора на методы, использованные В. М. Беляевым, а также новые пути анализа материала Сборника позволили создать наиболее точную классификацию песен, представленную в статье.

Ключевые слова: былины северной русской традиции, Кирша Данилов, сборник «Древние российские стихотворения», реставрация напевов, плясовой напев, эпический напев.

**V.M. BELYAEV'S WAYS AND METHODS OF REVIVING AND REMODELING
THE TRADITIONAL SINGING OF OLD RUSSIAN FOLK SONGS COLLECTED
BY KIRSHA DANILOV 'THE ANCIENT RUSSIAN POEMS' ANTOLOGY**

Bogdanova Marina Alekseevna, Postgraduate, Department of Musical Upbringing and Education, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: dartmarina@mail.ru

The article deals with the analysis of the ways and methods of reviving and remodeling the traditional singing of ancient Russian folk songs collected by Kirsha Danilov in his anthology songbook entitled *The Ancient Russian Poems* (further on – Collection), used by V. Belyaev. Nobody looked through Belyaev's methods and the classification of tunes as well.

Collection is a set of tunes of Russian bylinas' epos. This fact states a question of their genesis. The article aims for a description of Belyaev's methods, stating their position towards the original. The tasks of the article are: 1) to give a new classification of original song melodies compiled in the collection in light of their various genres, styles and melody peculiarities; with the help of special analytical methods applied to structure making, to find supplementary groups of tunes that were never stated before.

In the article there are pointed out familiar peculiarities of the epic tunes of the Collection and the songs of the North Russian tradition, in particular, that many bylinas were executed on the same general tune, best approach to making an analysis of the materials of the Collection is found and defined. For example, it is important not only to touch the familiarity of the tunes, but to take into account their genre and style aspects and to use the method of vertical rating as well.

Ways of the analysis of the materials of the Collection, used by V. Belayev, and the new ways, found with the help of the research, allowed to form the most precise classification of tunes.

Keywords: bylinas of the North Russian tradition, Kirsha Danilov, *Ancient Russian Poems*, reviving traditional singing of old Russian folk songs, dance tune, epic tune.

Как известно, сборник Кириши Данилова «Древние российские стихотворения, собранные Кириею Даниловым и вторично изданные с прибавлением 35 песен и сказок, доселе неизданных, и нот для напева» (далее – Сборник) является бесценным памятником русского былинного эпоса, в котором собраны образцы русской певческой традиции. Тем не менее он содержит в себе достаточно разнохарактерные эпические напевы, что до сих пор вызывает противоречивые мнения относительно их происхождения. Подробный анализ напевов был проведен В. М. Беляевым. Цель исследования заключается в выявлении методов реставрации напевов, примененных Беляевым, установлении их уместности по отношению к оригиналам. Задача статьи состоит в том, чтобы не только рассмотреть методы реставрации напевов, примененные В. М. Беляевым, но и классифицировать оригинальные напевы из Сборника, учитывая, помимо мелодической общности, их стилевые, а также жанровые особенности. Как следствие, возможно установление новых типо-

вых групп былинных напевов, ранее не обнаруженных исследователем.

*Родственные черты эпических напевов Сборника
и песен Северной русской традиции*

Нужно отметить, что определенное количество напевов из Сборника исполняется на один общий былинный напев. На это первым обратил внимание исследователь А. Л. Маслов: «Записывавший должен быть или сам исполнитель песен, которые помещены в Сборник, или, часто слыша их, так хорошо запомнил, что мог положить на ноты, а певец был один – это несомненно, так как на протяжении всего сборника около десяти песен повторяются в одном и том же варианте, чего нельзя получить от разных певцов. Известно, что существующие теперь сказители былин поют их часто на один и тот же напев» [6, стлб. 1031]. Все же Маслов упомянул об этом вскользь.

Затем Добровольский и Коргузалов более плотно подошли к вопросу, касающемуся исполнения былин на один общий напев: «Существование одинаковых и однотипных напевов

у различных певцов, исполнение на один напев разных поэтических текстов и одинаковых текстов на различные напевы делает компоновку музыкальных записей по репертуару исполнителей и сюжетам нецелесообразной. В нашем издании материал расположен в соответствии со структурно-стилистическими особенностями напевов» [2, с. 5]. Отталкиваясь в песенных формах от изменяемых к устойчивым, от простых к сложным, исследователи установили типологию былинных напевов, которая выявляет особенности локальных групп напевов и формирует понятие об общерусском характере песенной эпической традиции. Согласно мнению Добровольского и Коргузалова, многие напевы из Сборника имеют строфические формы, которые преобладают в Онежской традиции.

И последним, кто занимался изучением этого вопроса, стал В. М. Беляев с его работой *«Сборник Кириши Данилова. Опыт реставрации песен»* [1]. Беляев назвал свой анализ *реконструкцией-реставрацией*, однако все же пытаюсь понять, как будет звучать напев вместе с текстом, который был записан отдельно от музыки, он произвел много изменений в музыкальном тексте. Они будут рассмотрены далее.

Хроника публикаций песен из Сборника

Сборник публиковался несколько раз: первая публикация 1804 года была сделана А. Ф. Якубовичем, в ней отсутствовали ноты; в издании 1818 года появились ноты без подтекстовки, сильно отредактированные Д. И. Шпревичем, предисловие написал К. Ф. Калайдович; в новой публикации 1850-х годов М. А. Стахович обрабатывает напевы для голоса и фортепиано по изданию 1818 года. Его транскрипция несколько отличается от записей Д. И. Шпревича, опубликовавшего песни в подлинном виде без правок. Спустя 20 лет Н. А. Римский-Корсаков делает обработки напевов Сборника для голоса и фортепиано, помещая их в своем сборнике русских народных песен. В 1896 году появилась заметка Шеффера о Сборнике, сообщавшая о находке его рукописи. В 1902 году А. Л. Маслов отмечает значительное сходство ряда напевов Сборника с напевами былин и песен Архангельской губернии, то есть указывает на их подобие с фонографическими записями, сделанными в районах Русского Севера.

В 1926 году Финдейзен высказывается о том, что напевы искажены и их ритмика не имеет ничего общего с ритмикой русских народных песен. В 1943–1944 годах В. М. Беляев реставрирует напевы Сборника, допуская изменения в попевках. Далее, в 1960–70-х годах, Коргузалов делает свои реставрации 15 напевов из Сборника с изменениями тактировок, соответственно с подтекстованными словами (подробнее см. в [4, с. 361–405]).

Материалы и методы. Особенности и характер исполнения напевов Сборника

Что представляют собой напевы Кириши Данилова? Рассмотрим классификацию напевов, выполненную Беляевым, и классификацию, предложенную нами. В своем анализе мы оттолкнулись от мелодической общности напевов, а также от жанрово-стилевой составляющей характера напевов и обнаружили новые группы напевов, на которые не указал В. М. Беляев. Есть и общие группы, которые совпали у нас и Беляева, они будут указаны далее в анализе.

Так же как и сказители эпоса, которые поют свои былины на один или на два напева, певец (Кириша Данилов), чьи былины записаны в Сборнике [5], часто пел их на один и тот же напев, используя сквозные мотивы-попевки. И такой способ исполнения нескольких сюжетов текста на один и тот же напев был представлен в этом собрании, занимая очень большое место. Так, на напев № 1 поются 10 текстов (здесь и далее названия напевов будут приводиться так, как записаны в оригинале): «Саловья Будимеровича», «Ивань гостиной сын», «Ивань Гаденович», «Чюрила Пленкович», «Василеи Буслаевъ молитца ездиль», «Агафонушка», «Царь Сауль Леванидович», «Высотали высота поднебесная», «Гардеи Блудович», «Потукъ Михаила Иванович» — это отметил еще Беляев; напев № 2 встречается в 8 песнях: «Василья Буслаева», «Сорокъ каликъ сокаlicoю», «Благословите братцы простарину сказать», «Изманастыря Боголюбова старецъ игримищо», «Охъ вгоре жить некручинну быть», «Садковъ корабль сталь наморе», «Первая поеска Ильи Муромца вкieveъ», «Илья ездиль здобрынею». Остальные тексты имели по два напева и более. Беляев установил напевы, которые так пелись. Но, как оказалось, этот «эпический» принцип исполнения разных текстов песен на один

напев представлен в Сборнике намного шире, поэтому его можно дополнить.

Не все те песни, которые пелись на общий напев, являлись былинами (какие-то из них – исторические песни, баллады и т. д.). Таким образом, можно легко отсечь напевы, которые пелись на эпический сюжет (то есть, не все напевы были связаны с эпосом).

Ранее было установлено, что напевы Кириши принадлежат к *севернорусской былинной традиции*. Таким образом, Сборник является своего рода собранием песен севернорусской былинной традиции, воспринятой и интерпретированной одним исполнителем – скоморохом Киришой Даниловым. Возможно, исполняемые им напевы он услышал от скоморохов и сказителей, ведущих бродячий образ жизни, и, по определенным признакам, становится ясно, что напевы в его исполнении приобрели совершенно четкий авторский стиль. Это указывает на то, что мелодии были записаны от одного автора. Напевы из оригинала Сборника носят инструментальный характер (как считал Калайдович, «нота стихотворений скрипичная») – запечатлены в тональностях, удобных для исполнения на альте, также тексты записаны отдельно от мелодий напевов. Такой способ исполнения напевов был весьма распространен среди сказителей того периода – бродячие музыканты владели несколькими инструментами, предназначенными для сольного исполнения или пения с аккомпанементом.

Анализ напевов, предложенный В. М. Беляевым

Называя свой анализ песен Кириши «реконструкцией», «реставрацией», В. М. Беляев вводит некоторые изменения, а также поправки в воспроизведение мелодий напевов – ритм, длительности, структура, строение – и повторы, все это внедряется в сами напевы [1, с. 23]. Беляев дает такие редакционные «поправки»: повторы в тексте и «лишние» повторы мелодической строки (мелостихов – в случае повтора в тексте), которые выписывает без комментариев и оговорок; дробит долю на более мелкие длительности; добавляет длительности; переставляет тактовые черты. Таким образом, он пытается приспособить мелодию к имеющимся текстам. Можно сделать вывод, что это его индивидуальный способ и видение того,

как должны были выглядеть напевы в сочетании с текстом при цельном исполнении. Но это не означает, что его трактовка верна, поскольку исходник (оригинал), какой бы он ни был, остается неизменным.

В. М. Беляев делит мелодии, исполняемые на один основной напев, на три группы:

I. Группа 1 состоит из десяти песен, объединенных общностью мелодического напева, которую Беляев, в свою очередь, делит на три подгруппы.

- Первая подгруппа: «Саловья Будимеровича» (1), «Ивань гостинои сынъ» (8), «Ивань Гаденовичъ» (16), «Чюрила Пленковичъ» (18), «Василеи Буслаевъ молитца ездилъ» (19), «Агафонушка» (27);

- Вторая подгруппа: «Гардеи Блудовичъ» (17), «Потукъ Михаила Ивановичъ» (23);

- Третья подгруппа: «Царь Саулъ Леванидовичъ» (26), «Высотали высота поднебесная» (58).

II. Группа 2 состоит из восьми песен, имеющих похожие попевок. Напевы объединяет мелодический, ритмический и декламационный склад:

- Первая подгруппа: «Василья Буслаева» (10);

- Вторая подгруппа: «Сорокъ каликъ сока-ликою» (24), «Благословите братцы простарину сказать» (42), «Изманастыря Боголюбова старецъ игримищо» (46), «Охъ вгоре жить некручинну быть» (55);

- Третья подгруппа: «Садковъ корабль сталъ на море» (47);

- Четвертая подгруппа: «Первая поеска Ильи Муромца вкиевъ» (49), «Илья ездилъ здобрынею» (50).

III. Группа 3 состоит из четырех пар песен со схожими напевами: «Гришка Растрига» (12) и «Князь Романъ жену терялъ» (51), «Под Ригию стоялъ царь государь» (34) и «Походъ селенгинскимъ казакамъ» (35), «Подалам красна девица копала коренья лютая» (36) и «Данежал добра молотца битова жал похмелнова» (38), «Искрымъ жизнагаю» (39) и «Возеленомъ садочку» (56).

Мелодии у В. М. Беляева схожи по какому-либо определенному признаку, и это не означает того, что они схожи в общем как таковые, остальные напевы Беляев распределил в «отдельные случаи», по сходным чертам.

*Авторский метод анализа и дифференциации
напевов Сборника*

К классификации напевов можно подойти не только с точки зрения аналогии мелодий, но также и с позиции учёта характера напевов, их жанровой принадлежности. В частности, при сопоставлении классификации Беляева с нашей, мы выяснили, что возникли совпадения напевов, объединённых по группам – группы Беляев 1–8 (эти группы напевов Беляева соответствуют и нашей классификации – Богданова 1–8, нумерация групп Бе-

ляева проставлена нами для удобства; некоторые из этих групп дополнены одним-двумя напевами, которые мы сочли подобными по мелодическим и жанрово-стилистическим особенностям), однако, кроме того, классификация Беляева дополнилась новыми группами напевов – Богданова 9–13.

При разборе оригинальных напевов Кириши Данилова мы использовали *метод вертикального ранжира* – специальную запись строк напева друг над другом по мотивам-попевкам, благодаря которой устанавливается форма того или иного напева (пример 1):

Пример 1

Василей Буслаевъ молитца ездиль (нотная запись наша. – М. Б.)

Этот метод записи напева позволяет наиболее точно определить форму и особенности музыкального текста источника-оригинала [4, с. 273] (см. пример 2).

Поскольку напевы изначально представляют из себя достаточно разнообразные образцы, при проведении их анализа представилось необходимым, помимо обнаружения мелодических сходств и различий, учесть фактор жанрово-стилевого профиля. Этот метод показался наиболее подходящим для разбора разнохарактерных напевов Сборника. Необходимым оказался также *метод сопоставления по контрасту* – для достижения более объективного и целостного анализа напевов.

Установлены методы В. М. Беляева, применённые им при воссоздании напева с подтекстовкой. Это *метод синтеза*, с помощью которого он соединил отдельные элементы в единое целое (приспособил стихи к мелодии напева). При дополнительном применении *метода модификации*, модернизации оригинального напева, сохранить оригинал мелодии Беляеву не удалось, он производил ряд преобразований (трансформаций) оригинального напева, тем самым отдаляясь от подлинника. Также Беляев, помимо *метода инверсии и варьирования*, опирается на *метод сопоставления напевов по подобию* – при компоновке напевов по группам.

ВАСИЛЕИ БУСЛАЕВЪ МОЛИТЦА ЕЗДИЛЬ

Можно выделить несколько крупных групп напевов:

1) *Вариантные напевы* (мелодии на один основной напев с небольшими отличиями):

а) «Ивань Гаденовичъ» (16); «Саловья Будимеровича» (1); «Ивань гостиной сынъ» (8); «Чюрила Пленковичъ» (18) – такое соотношение каденций с периодической структурой относится к XVIII веку – законченная пьеса, имеющая небольшую коду и половинный звук; «Гардеи Блудовичъ» (17) – не столько тирада, сколько инструментальная вариация на тему; «Потукъ Михаила Ивановичъ» (23) – половинный и полный каданс – случайное, единичное явление, здесь простой однострочный стиховой напев, который соответствует одному стиху; «Агафонушка» (27) – построение типа тирады с соотношением кадансов T-D; «Высота ли, высота поднебесная» (58) – можно отнести к группе Беляев 1.

Напевы отличаются четырехдольностью, маршеобразностью, вместе с тем в них заметна и некоторая танцевальность.

б) «Охъ вгоре жить некручинну быть» (55); «Благословите братцы простарину сказать» (42); «Изманастыря Боголюбова старецъ игримищо» (46); «Сорокъ каликъ сокаlikою» (24); «Василья Буслаева» (10); «Садковъ корабль сталъ наморе» (47); чуть менее схожи по мелодии «Илья ездиль здобынею» (50); «Первая поеска Ильи Муромца вкиевъ» (49) – группа Беляев 2.

Напевы объединяет трехдольная пульсация, в основном на 6/8, вальсовость, но для танца они неудобны.

в) «Восибирской Украине вводиурской стороне» (44); «Светель радошень царь Алексеи

Михайловичъ» (32) – напев представляет собой кант; – группа Беляев 3; к ним стоит добавить «Когда было молотцу пора время великая» (33); «Атамана Полскова» (53). Здесь применяется трехдольная пульсация, разворачивается мелодия без скачков, складывается музыка размеренного характера.

г) «Успаса кобедне звонять» (63); «Кто травника неслыхаль» (66); «Теща ты теща моя» (64) – группа Беляев 4. Напевы плясового танцевального характера с четырехдольной пульсацией и простой мелодией.

д) «Князь Романъ жену терялъ» (51); «Гришка растрига» (12, городского характера) – Беляев 5; к этому можно добавить «Данежал добра молотца битова жал похмелнова» (38); «Подаламъ девица копала коренья лютая» (36) – Беляев 7. Напевы танцевального характера с элементами песни.

е) «Под Ригую стоялъ царь государь» (34); «Походь селенгинскимъ казакамъ» (35); «Набузане острове» (13) – по признаку кадансов это Беляев 6 (см. Богданова 13). В основном в этой подгруппе встречается музыка танцевального характера, используется подвижная ритмика.

ж) «Возеленомъ садочку» (56); «Жскрымъ жизнагаю» (39) – Беляев 8. Напевы имеют танцевальный характер.

Группы д), е) и ж) сходны по кадансам.

Кроме того, выделены дополнительные, новые группы напевов:

з) «Дюк Степановичъ» (3); «Мастрюк Темрюковичъ» (5) – Богданова 9. Напевы простые, подвижные, плясового типа.

и) «Михаила Скопинъ» (29) и «Калинь царь» (25) – Богданова 10. «Калинь царь» – строки 2 и 4 – соответствие между количеством слогов стиха – 13 и долей (14), но на последнюю долю нет дробления. Эти напевы выполнены в трехдольной ритмической пульсации.

к) «Стать почитать стать сказывать» (68); «Ставра боярина» (15) – Богданова 11. «Стать почитать» – отдаленно близок к «Ставра боярина». Используются простые напевы плясового характера.

л) «Бориса Шереметева» (41) – отдаленно схож со следующим за ним напевом (разные голоса одного напева), а также «Голубина книга сорока пядень» (60) – Богданова 12; это песни напевного, размеренного характера.

2) Единичные напевы:

А) плясовые с нарушениями (возможно, эпические): «Останишникахъ или разбойникахъ» (69) – может быть, эпическая песня; «Никите Рамановичу дано село Преображенское» (45); «Добрыня чуть покориль» (21) – Богданова 13; «Садко богатои гость» (28), «Охъ горюна охъ горю хмелина» (62) – Богданова 13, напевы схожи отдаленно.

Б) плясовые напевы танцевального характера (включая хороводные и маршевые солдатские напевы), шестидольный размер Камаринской: «Царь Сауль Леванидовичъ» (26), см. № 2 – близко, но не полностью, к группе Беляев 1 – это может быть плясовой напев, который делится на две части; «Перед нашими воротами утоптана трава» (37) – плясовая мелодия; «Добрыня купался змеи унесъ» (48) – маршевая солдатская песня или танец; «Гостя Терентиша» (2) – танцевального характера (ритм Камаринской); «Алеша Поповичъ» (20) – ближе к плясовому напеву; судя по характеру, он заканчивается на «ре», но сам автор сгруппировал иначе; «Чюрилья Игуменья» (57) – близко к плясовым, но больше похож на малороссийский напев; «Три года Добрынюшка стольничель» (9) – тирада классическая, похожая на плясовую; «О женидбе князя Владимира» (11) – плясового характера; «Михаила Казариновъ» (22) – тирада, плясового характера; «Тамъ нагорахъ наехали бухары» (61) – танцевального характера, маршеобразный напев (ненародного характера); «Усы удалы молотцы» (65) – плясовая (близко к

ней); «Волхъ Сеславьевичъ» (6) – 1-й стих эпический, остальные танцевальные, плясовые; «Щелканъ Дудентьевичъ» (4) – хороводная песня.

В) протяжная историческая (близка к лирической песне, балладного типа): «Взятье Казанское царство» (30) – близка к исторической песне, на исторический сюжет; «Покраи моря синяго стояль Азовъ городъ» (40) – историческая протяжная; «Подканатопомъ подгородомъ» (31) – протяжная историческая песня; «Ермакъ взяль Сибирь» (14) – протяжная историческая строфическая песня; «Вохорошемъ высокою тереме под красным косящым окошком» (52) – лирического характера, как баллада; «Налитовскомъ рубиже» (54) – ближе к протяжной исторической песне; «Остеньке Разине» (71) – ближе к протяжной исторической песне; «Оатамане Фроле Минесвиче» (70) – протяжная историческая.

Г) скороговорка (неудобные плясовые, игрового характера): «Сергей хорошъ» (7) – короткий напев неудобного плясового характера; «Свиньи хрю поросята хрю» (67) – игровая песня; «Дурья» (59) – простой напев, очень короткий.

Таким образом, Сборник по типу напевов включает:

1) Вариантные напевы (мелодии на один основной напев с небольшими отличиями).

2) Единичные напевы: лирические протяжные балладного типа на исторический сюжет, плясовые танцевального характера (включая хороводные), плясовые с нарушениями, скороговорки (типа игровых).

Кроме того, есть мелодии, связанные с былинными, они имеют двоякий характер, то есть у них нет широкой распевности (как у песен Северной былинной традиции) и, вместе с тем, они обладают танцевальным характером. Имеются строфы-тирады. В дополнение к классификации Беляева, автором статьи открыты дополнительные группы напевов по сходным мелодиям и признакам напевов (Богданова 9–13).

В результате проведенного исследования выполнена новая классификация песен Сборника.

Существующий в источнике рукописный материал не позволял петь песни, включенные в Сборник, поскольку изначально мелодия была записана отдельно от текста. В некоторых песнях текст вовсе не укладывается в напев. Беляев осуществил подтекстовку нотного материала, «подо-

гнав» ноты под текст, тем самым внося инверсии в мелодический материал. С целью обеспечения удобства исполнения напевов с текстом, Беляев произвел ряд изменений в нотном материале.

Установленные автором статьи по сходным мелодическим и стилистическим признакам разнородные группы указывают на то, что напевы, исполнявшиеся Киршей Даниловым, включают в себя обширный песенный материал, относящийся к севернорусской песенной традиции.

Таким образом, представленная в статье классификация оригинальных напевов из сборника Кирши, опирающаяся на их жанрово-стилевые особенности, раскрывает разнообразные типы песен: вариантные (мелодии на один основной напев с небольшими отличиями) и единичные (лирические протяжные балладного типа на исторический сюжет, плясовые и хороводные танцевального характера, плясовые с нарушениями, игровые скороговорки).

Литература

1. Беляев В. М. Сборник Кирши Данилова. Опыт реставрации песен. – М.: Совет. композитор, 1969. – 227 с.
2. Былины. Русский музыкальный эпос / сост. Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов. – М.: Совет. композитор, 1981. – 616 с.
3. Гиппиус Е. В. Былинные напевы семьи Рябининых // Вопр. этномузыкознания. – М.: РАМ им. Гнесиных, 2013. – № 5. – С. 16–34.
4. Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым. – М.: Наука, 1977. – 488 с.
5. Кирша Данилов. Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым. – М.: Тип. С. Селивановского, 1818. – 425 с.
6. Маслов А. Л. Кирша Данилов и его напевы // Рус. музык. газ. – М., 1902. – № 43. – Стлб. 1031–1044.

References

1. Belyaev V.M. *Sbornik Kirshi Danilova. Opyt restavratsii pesen [The Collection of Kirsha Danilov. Experience in the restoration of songs]*. Moscow, Sovetskiy Kompositor Publ., 1969. 227 p. (In Russ.).
2. Dobrovolskiy B.M., Korguzalov V.V. *Byliny. Russkiy muzykal'nyy epos [Epics. Russian musical epic]*. Moscow, Sovetskiy kompositor Publ., 1981. 616 p. (In Russ.).
3. Gippius E.V. *Bylinnye napevy sem'i Ryabininykh [Epic tunes family Ryabinins]. Voprosy etnomuzykoznaniiya [The issues of ethnomusicology]*, 2013, no. 5, pp. 16–34. (In Russ.).
4. *Drevnie rossiyskie stikhotvoreniya, sobrannye Kirsheyu Danilovym [Ancient Russian poems collected by Kirsha Danilov]*. Moscow, Nauka Publ., 1977. 488 p. (In Russ.).
5. Kirsha Danilov. *Drevnie rossiyskie stikhotvoreniya, sobrannye Kirsheyu Danilovym [Ancient Russian poems collected by Kirsha Danilov]*. Moscow, Selivanovskiy Publ., 1818. 425 p. (In Russ.).
6. Maslov A.L. *Kirsha Danilov i ego napevy [Kirsha Danilov and his tunes]. Russkaya muzykal'naya gazeta [Russian musical newspaper]*, 1902, no. 43, column 1031–1044. (In Russ.).

УДК 786.2

РАННЕЕ ФОРТЕПИАННОЕ ТВОРЧЕСТВО АЛЕМДАРА КАРАМАНОВА

Виноградова Мария Александровна, доцент кафедры симфонической и камерной музыки, Государственная классическая академия им. Маймонида, Московский государственный университет дизайна и технологии (г. Москва, РФ). E-mail: m_bychenkova@mail.ru

Статья посвящена феномену детского творчества Алемдара Караманова. Автор статьи, опираясь на воспоминания и свидетельства о молодых годах жизни композитора, написанные его мамой – Полиной Сергеевной Карамановой, выявляет не только его личностные качества, но и взаимосвязь между натурой творца и его искусством. Особое внимание в статье уделено рассмотрению специфики музыкальных способностей юного автора – музыкальному слуху, памяти, чувству ритма, музыкальности, а также психологических особенностей Караманова-ребенка. В данном тексте определяется влияние психологического склада личности композитора на его творчество. Автор статьи обращается к авторитетным

исследованиям в области психологии детского творчества и на примере изучения ранних сочинений Караманова прослеживает специфику влияния личностных качеств музыканта на создаваемые творения.

Впервые дается краткий анализ нескольких фортепианных сочинений Караманова, созданных в 1943–1944 годах и ранее нигде не опубликованных. Эти произведения стали известны благодаря изучению нотного архива композитора. Караманов писал музыку для фортепиано на протяжении всего творческого пути. Его фортепианные сочинения представлены различными жанрами: от миниатюр до развернутых пьес, масштабных сонат, полифонических циклов и концертов. Ранние миниатюры для фортепиано, собранные молодым автором в циклы, занимают особое место в творчестве Караманова. Они являются отправной точкой его композиторского пути. Несмотря на то, что данные сочинения довольно сложны для исполнения начинающими пианистами, некоторые из них уже прочно вошли в современный фортепианный репертуар. Многие пьесы молодого композитора часто звучат не только в школьной программе, но и на международных, всероссийских конкурсах, фестивалях, многочисленных концертах.

Обращение к ранним фортепианным сочинениям является не просто фактом введения в научный обиход нового музыкального материала, но и возможностью подробно проследить становление стиля композитора, в последующем ставшего крупнейшим симфонистом второй половины XX века.

Ключевые слова: Алемдар Караманов, детское творчество, музыкальные способности, фортепианный цикл.

EARLY PIANO WORKS OF ALEMDAR KARAMANOV

Vinogradova Mariya Aleksandrovna, Associate Professor, Department of Symphonic and Chamber Music, Maimonides State Classical Academy, Moscow State University of Design and Technology (Moscow, Russian Federation). E-mail: m_bychenkova@mail.ru

The article concentrates on the phenomenon of Alemdar Karamanov's creativity in his childhood. Memoirs about the young composer written by his mother Polina Sergeevna Karamanova tell about personal qualities of the composer as well as show connection between his character and his art. A special attention is paid to specifics of young composer's musical skills, a ear for music, memory, timekeeping, musical sense and psychological peculiarities of young A. Karamanov. Psychological patterns and their impact on the art. The author refers to influential researches in psychology of children art and reveals the specifics of influence of the composer's personal qualities and their impact on his art.

For the first time the article provides a brief analysis of several unpublished before works composed in 1943-1944. These works became known due to studying of the composer's musical archives. Karamanov composed music for piano through his entire music career. His piano compositions are represented by different genres: miniatures, plays, large-scale sonatas, polyphonic cycles and concertos. Early miniatures compiled in cycles occupy a special place in Karamanov's oeuvre. They are the starting points of his path as a composer. Despite the fact that these works are hard to perform for young musicians, they have become a part of piano repertoire. Many plays of the young composer are often heard not only at schools, but also at international and Russian competitions and numerous concerts.

Research of the early piano pieces provides both the introduction into the scientific use new musical material and an opportunity to trace in details the formation of the composer's style, who subsequently became the most influential symphonist of the second half of the 20 century.

Keywords: Alemdar Karamanov, early work, musical skills, piano cycle.

Фортепианные сочинения Алемдара Сабитовича Караманова (1934–2007), написанные в детстве, – свидетельство неординарного композиторского мастерства юного автора. Начало своего творческого пути сам композитор определял с об-

учения в Московской консерватории (с 1953 года), а не с раннего доконсерваторского периода, сознательно подчеркивая, что настоящий профессионализм пришел к нему именно тогда. Это отнюдь не означает, что Караманов игнорирует или отка-

зывается от так называемого «детского» периода. Свидетельств тому довольно много. Например, в беседах с Александром Фатеевым (1999) композитор очень эмоционально рассказывает о своих детских сочинениях, о начале своего творческого пути и ясно определяет его как «детский период»¹.

В 2011 году, спустя четыре года после смерти композитора, был открыт его архив в Симферополе, и нам была предоставлена уникальная возможность ознакомиться с сочинениями раннего периода творчества Караманова, которые никогда не были изданы и никогда не исполнялись². Судя по датировке (начальная дата первого цикла пьес – 1942 год), именно эти сочинения были одними из первых, записанных Алемдаром Карамановым в раннем детстве. Помимо детских пьес, датированных уже 1944–1945 годами, а именно: «Ребенок», «Моя тайна», «В лесу», «У моря», «Осенний вечер», «Вечерний закат», Вальс *As-dur*, Вальс *G-dur*, «Песня без слов», «Грезы в пути»³, в список детских сочинений Караманова вошли заверченный в 1943 году «Цикл детских пьес», в 1944 – «Альбом детских пьес», а также отдельные пьесы, не входящие в циклы – «Мамина сказка» и «Марш», созданные в 1946 году.

Вышеперечисленные миниатюры, собранные молодым автором в циклы, занимают особое место в творчестве Караманова. Они являются отправной точкой композиторского пути автора, восхождением на первую его ступень, и, как показала исполнительская жизнь некоторых ранних опусов, детские сочинения Караманова стали востребованными в репертуаре начинающих пианистов⁴.

¹ В этой беседе композитор рассказывает о том, как писал музыку в самом раннем детстве, во время фашистской оккупации (см. об этом в [2, с. 226–243]).

² Благодаря сестре композитора, Севиль Сабитовне Крылатовой, в Москву из Симферополя были привезены оригиналы первых циклов для фортепиано Караманова, ранее не известные и не опубликованные.

³ Караманов А. Произведения для фортепиано // Репертуар. сб.: в 4 тетр. Группа А. – Симферополь: Вперед, 2000.

⁴ Большинство детских сочинений автора постоянно исполняются на Международном конкурсе молодых пианистов Алемдара Караманова, организованном в Симферополе в 1996 году, а также на Всероссийском открытом музыкальном конкурсе памяти Алемдара Караманова в Гурьевске, организованном в 2013 году.

Детское творчество – особая психологическая и эстетическая проблема. Основным условием развития детского творчества, с точки зрения Д. А. Богоявленской, является эмоциональное и интеллектуальное развитие личности ребенка [4, с. 54–56]. У детей с высоким уровнем креативности уже к семи годам практически сформированы важнейшие характеристики личности (положительное отношение к себе и окружающему миру, развитая личностная рефлексия); со средним и низким уровнем креативности – средний и низкий уровень развития личностных качеств [4, с. 227]. Важной особенностью детского творчества, по мнению Л. С. Выготского, является сам процесс создания «образа», а не результат. Ребенок не только получает удовольствие от творческой деятельности, но и ощущает большой эмоциональный подъем от интереса и внимания взрослых к его оригинальному творчеству. Опорными точками детского творчества является то, что он видит и слышит. Он накапливает материал, который в дальнейшем будет обрабатываться его фантазией, воображением.

Известно, что между личностными качествами и творчеством есть определенная связь; между натурой творца и его искусством – тонкая, завуалированная грань. И перейти ее можно, только оценивая личность человека в связи с его характером, психическим складом, жизненными приоритетами⁵. Попробуем охарактеризовать музыкальные способности Караманова-ребенка, проследить развитие его личности и уловить ту самую скрытую связь между индивидуальными качествами и создаваемыми сочинениями юного композитора.

Обратимся к бесценным свидетельствам о детских годах жизни и творчества Алемдара Караманова, которые оставила его мама – Полина Сергеевна. Они неоднократно издавались в различных сборниках, посвященных творчеству композитора (см. [1; 2]), и являются документальным свидетельством его неординарного музыкального становления, раннего проявления музыкальной одаренности, особенностей его характера и индивидуальности.

⁵ Вопросами влияния личностных качеств на творчество занимались З. Фрейд, К.-Г. Юнг, Л. С. Выготский, В. И. Андреев, Д. Б. Богоявленская, Р. М. Грановская, А. З. Зак, Н. В. Кичук, Н. В. Кузьмина, А. Н. Лук, С. О. Сысоева, В. А. Цапков, В. С. Соловьев и др.

Как пишет в своих воспоминаниях Полина Сергеевна, первое соприкосновение с музыкой имело в жизни Алемдара, как ни странно, негативный характер. Ребенок совершенно не выносил звуков музыки; «Я начинала заниматься, а он – плакать» [1, с. 15]. Но однажды Полина Сергеевна открыла рояль и заиграла романс Ф. Шуберта «Песнь моя летит с мольбою...». Алемдар был потрясен этой музыкой и впервые выразил желание научиться играть на фортепиано.

Желание слушать, играть и в последующем творить музыку у Караманова возникло в самом раннем возрасте, будучи совсем маленьким ребенком, еще неосознанно он словно сделал свой выбор. Далее Полина Сергеевна описывает занятия с сыном: «Занимались мы с ним каждый день утром до детского сада. Надо было встать пораньше, чтобы иметь час или более на занятия. Он никогда не ленился и не уставал заниматься. В выходной день мы часто с ним сидели за роялем по три часа, и когда бы я ни спросила: «Ты устал? Давай отдохнем», – он всегда отвечал: «Нет, я не устал» [1, с. 16].

Когда Алемдару исполнилось семь лет, Полина Сергеевна повела его в детскую музыкальную школу при Симферопольском музыкальном училище. На вступительном экзамене у ребенка обнаружили абсолютный слух и безукоризненное чувство ритма. Более того, у Алемдара

была исключительная память. Прочитав однажды два раза прозаический текст в полстраницы, он мог повторить его дословно. Музыкальная память тоже была превосходная. Как-то, уже учась в музыкальной школе, он, прослушав «Аппассионату» Л. ван Бетховена по радио на улице, стал играть сочинение по памяти. Как отмечает Д. К. Кирнарская, «выдающиеся люди, как было давно замечено, очень быстро все усваивают. <...> У выдающихся людей и память в своем деле выдающаяся, и такие же темпы профессионального роста» [5, с. 15].

Алемдар Караманов был добрым и отзывчивым ребенком, умным и сообразительным не по годам. Полина Сергеевна пишет: «Алемдар во всем проявлял творчество. Без этого он не мог» [2, с. 20]. Конечно, это отражалось и в его музыке. С детства Караманов был склонен к экспериментам, был открыт для всего нового и неизведанного. Уже в его детской музыке встречаются необычные гармонии и модуляции, порой сложные для понимания ребенком. Например, в начале пьесы «Песня без слов» А. Караманов использует альтерированные звуки для более интенсивного тяготения к разрешению в основной *с-moll*, модуляция же в параллельную тональность происходит очень неожиданно и довольно резко (см. пример 1).

Пример 1

Караманов А. Песня без слов

Алемдар сочинял не только пьесы для фортепиано, но и музыку к детским спектаклям, которые сам режиссировал и организовывал в своей небольшой квартире. Он занимался сценическим и музыкальным оформлением спектаклей. В основном это были стихийные фортепианные импровизации, рожденные непосредственно во время выступления. В записанных детских произведениях Караманова импровизационность тоже имеет большое значение и выражена в частых переменах метроритма и темпа, фактуры и типа мелодии. Но в основном импровизационный склад сочинений простой, ясный и лаконичный. Это свойство станет определяющим и для «взрослого» творчества Караманова. Оно отразится и в импровизационном складе многих его сочинений, а также в особой любви композитора к спонтанным импровизациям за роялем⁶. Хочется напомнить и о феноменальных способностях Караманова, так восхищавших его сокурсников по Московской консерватории. Альфред Гарриевич Шнитке вспоминал: «...он садился за рояль и импровизировал фуги. Действительно фуги, а не мнимую полифонию» [3, с. 121].

Учась в музыкальной школе, Алемдар делал успехи по фортепиано, хорошо овладел инструментом. Но в это время, как пишет Полина Сергеевна, «он стал реже и реже сочинять сам». Причину этому найти довольно трудно, но скорее всего, юный композитор просто не знал, как записать собственную музыку. Однако попытки зафиксировать ее «звучание» все-таки продолжались: «Было 19 октября, день моего рождения... Алемдар подошел, поздравил и, очень смущаясь, сказал: “Вот, я написал. Посвятил тебе. Сыграй. Мне кажется, это хорошо”. Он подал мне лист нотной бумаги. “Моя тайна” – было заглавие, потом сбоку приписано: “Посвящаю маме”» [2, с. 18]. Именно эта пьеса через много лет станет одной из самых репертуарных, сейчас к ней часто обращаются юные музыканты.

⁶ Сохранились записи импровизаций в разные годы жизни, раскрывающие необыкновенное мастерство игры Алемдара Сабитовича. Импровизации Караманова на закрытии Международного Конкурса молодых пианистов имени А. Караманова (г. Симферополь), а также записи, сделанные Е. В. Клочковой в 1999, 2001, 2003 годах (архив Е. В. Клочковой).

Еще одно сочетание в юном Караманове, из числа наиважнейших: с одной стороны, его любовь к одиночеству, размышлениям, погружение в собственное «Я». С другой стороны, любовь к ближнему, радость общения. Это сочетание интровертности и экстравертности, как характерный момент его личности, отразилось и в его детской музыке.

Впрочем, влияние склада творческой природы на само создаваемое искусство часто выражается не в тех формах, которые диктует жизненная философия. «Его след, – пишет И. В. Степанова, – более ощутим собственно в *процессе рождения художественной материи*, в драматургии, особенностях формообразования, а не в концепции» [7, с. 10]. Психический склад Караманова, в природе которого изначально, с детства – наряду с другими качествами – была заложена свобода, некоторая спонтанность, отрешенность от мира и одновременно глубочайший интерес ко всему, что происходит вокруг и особенно внутри собственной природы (его любимый глагол, выражающий акт творчества – «взошел»), самым непосредственным образом влиял на процессы формообразования в его последующих сочинениях. «Тенденция к свободе структуры» [8, с. 122], как отмечал Ю. Н. Холопов, наблюдается на протяжении всего творческого пути Караманова.

Подчеркнем еще раз: между личностью художника и его творчеством существует определенная зависимость – между спецификой природы, психическим складом создателя и его искусством. Черты личности и творчества существуют в неразрывном единстве, отражающем общие парадигмы в менталитете, мировосприятии, художественных приоритетах. Постигнуть зависимость между чертами характера и музыкой довольно сложно. Можно лишь выразить эмпирическое ощущение – формирование личности Караманова происходило таким образом, что «архитектура» выстроенного им самостоятельно внутреннего мира совпала в дальнейшем с «несущими конструкциями», пружинами, импульсами и алгоритмами его творчества.

Конечно, в юном возрасте ясных представлений о правилах композиции Алемдар не имел. Он просто записывал музыку, звучавшую у него в голове. Возможно, с самых ранних лет

Алемдар обладал невероятным даром слышания музыкального сочинения внутренним слухом. Ведь юный композитор сначала создавал свои произведения «в уме», «в голове» и только потом переносил их на бумагу.

Какой же была музыка, которая звучала в голове Караманова-ребенка? Об этом часто рассказывал и сам композитор⁷, и его мама. Когда она просила пропеть Алемдара музыку, которую он слышал, то будущий композитор терялся: «Как же я могу тебе пропеть? У меня в голове звучит оркестр. Как я могу тебе что-то пропеть!» [2, с. 15].

Алемдар Караманов писал уже в детстве достаточно сложно. Словно он записывал музыку, которую ему диктовали «сверху». Таким образом, с самого начала юный композитор создавал произведения «в голове», не перенося на бумагу, и еще долго помнил свои сочинения «целиком» и в деталях. Эта черта его творческого метода осталась на всю жизнь.

Рассмотрим несколько самых ранних детских сочинений Караманова из «Цикла детских пьес» 1943 года.

Открывает его пьеса «Мой восторг» (см. пример 2). Несмотря на столь оптимистичное название, она написана в тональности *d-moll*. В ней нет и намек на светлый мажор, даже в конце. Можно ли считать это некой ошибкой молодого творца? Скорее всего, нет. Возможно, Караманов уже тогда чувствовал частичку печали в любой радости. Отметим еще раз его довольно замкнутый характер: Алемдар мало общался со сверстниками, любил одиночество и размышления.

Наверняка мама Алемдара играла сыну его произведения и не могла не удивиться такому «восторгу в миноре». Скорее всего, она обратила его внимание на это, но, как мы видим, тональность пьесы не была изменена.

Вальсообразный ритм и непреходящая мелодия создают вполне позитивное настроение. Возрастающая динамика – от *p* до *ff* (на последнем аккорде), акценты на первых долях в последних четырех тактах и «захлебывающиеся» на *cresc.* восходящие с каждым разом все выше и выше аккорды создают ощущение возбуждения и восторга.

Пример 2

Караманов А. Мой восторг

В пьесах лирического характера, посвященных образам природы, автор раскрывает личные переживания. Например, в пьесе «Туманная погода» музыкальный склад как бы проецирует эмоциональное ощущение от созерцания природы (см. пример 3). Впервые в цикле проставлена педаль, соединяющая бас и мелодию в верхнем го-

лосе и имеющая звукоизобразительную функцию (в соответствии с названием пьесы).

Отметим своеобразную ритмическую «игру», несовпадение мотива и метра: первые три такта в размере 2/4 метрически составлены из двух тактов на 3/4. Возможно, маленький композитор в то время еще не знал, как точно записать некоторые свои музыкальные идеи.

В жанровых пьесах юный композитор, напротив, уходит от личной эмоции, постигая реальный мир большой музыки.

«Танец» с авторской ремаркой *Tempo di menuetto* напоминает музыку эпохи барокко и раннего классицизма (см. пример 4). Ее прообразы – менуэты из «Нотной тетради Анны Магдалены Бах»

⁷ Когда композитору было четырнадцать лет, он говорил маме: «Когда я вижу море, горы или лес, или ночное звездное небо, это меня так волнует своей красотой, и тогда инструмент начинает звучать. Звучит музыка, звучит оркестр, оркестр звучит у меня в голове, в сердце, во всем моем существе, но я не могу это записать, мама, я очень малограмотный» [2, с. 26].

Пример 3

Караманов А. Туманная погода

И. С. Баха и знаменитый Менуэт Леопольда Моцарта *d-moll*. Скорее всего, в это время Алемдар

играл на фортепиано именно эти произведения, и они вызвали у него такой творческий отклик.

Пример 4

Караманов А. Танец

Или, например, лирический «Романс» (см. пример 5). Он примечателен тем, что в мелодии нет присущих жанру интонаций. Это словно аккомпанемент к «воображаемому» романсу – без вокальной строчки и на неизвестный нам текст.

Отсюда и своеобразная «текстомузыкальная форма» пьесы со структурой 4+4+4 и тональным планом *g – B – g*. Пьеса вызывает ощущение свободной импровизации.

Пример 5

Караманов А. Романс

В некоторых пьесах Караманова уже появляются приметы его будущего стиля: слышание фортепианного произведения в оркестровом звучании. Например, пьеса «Марш», посвященная Еве

Павловне Сеферовой – первой учительнице Караманова (см. пример 6). Мировая и русская классическая музыка насчитывает немало кукольно-игрушечных маршей (к примеру, марш из балета

«Щелкунчик», «Марш деревянных солдатиков» из «Детского альбома» П. И. Чайковского, «Солдатский марш» Р. Шумана). Алемдар наверняка в то время играл их в музыкальной школе и «присоединился» к этой традиции. И на примере данной

пьесы мы видим, что Караманов с раннего детства трактует фортепиано как инструмент богатых возможностей: в нем сочетаются и классицистская легкость и ясность, и романтическая певучесть, и современная ударность и колючесть.

Пример 6

Караманов А. Марш

Первый в творчестве Караманова фортепианный цикл – это детский дневник, запечатлевший череду различных настроений и душевных состояний: счастья, радости, переживания, печали, грусти. Удивительно, но в первом детском опусе совершенно отсутствует тема игры и игрушек. Примечательна также трактовка юным композитором традиционных жанров, которые в музыкальном плане осмыслены очень точно: танец, романс, песня, марш. Внутренняя жизнь, душевное состояние преобладает над жизнью внешней. Караманов в детские годы демонстрирует особую любовь к классическому, романтическому и импрессионистскому складу изложения, образности и выразительным средствам названных стилей. В своих детских фортепианных сочинениях он отдает предпочтение шопеновской певучести, пластичности изгибов мелодических линий. При этом Караманов входит во «взрослый» музыкальный мир уже со своей интонацией, с самого начала он стремится говорить «своим голосом». Большое количество хроматизмов, опеваний, постоянное присутствие минора в мажоре (впоследствии, по прошествии нескольких десятков лет данный художественный принцип Караманов воплощает в специфическом гармоническом обороте и дает ему название – «поглощение минора» [6, с. 86]).

Но самое главное качество композитора, как в детстве, так и в последующих периодах творчества, – восприятие им фортепиано как инструмента, способного воплотить разнообразные краски

симфонического оркестра. В ранних фортепианных пьесах заметно становление оркестрового типа мышления, столь характерного для зрелого стиля Караманова. Об этом свидетельствует, прежде всего, попытка воспроизведения в своих детских сочинениях для фортепиано тембров различных оркестровых инструментов (духовые в Маршах, струнные – в Вальсах).

Караманов-ребенок уже очень точно фиксирует в написанных сочинениях все свои композиторские намерения и часто подробно указывает исполнительские нюансы: темповые, динамические, характерные особенности. Таким образом, он является, по сути, редактором своих произведений.

Особо стоит отметить, что мышление Караманова уже в раннем детстве было ярким, образным. Он писал музыку эмоциональную, проникнутую любовью к миру, жизни, творчеству, природе, родным людям. Это качество сохранилось в его музыке до конца творческого пути. Композитор с удивлением замечал: «Когда я пытаюсь иногда развернуть свою музыку в пессимистическую сторону, у меня это не получается. Она как бы невольно ускользает из моих варварских рук и снова хочет жить, хочет светить» [2, с. 326].

Важное качество раннего музыкального стиля Караманова – проникновенный лиризм, передача определенных состояний, чувств, переживаний. Каждая из миниатюр не просто посвящена ребенку, его миру, полному открытий и грез, его неумной энергии, нежности и доверчивости.

Этот мир сокровенности и чистоты создан самим ребенком. Именно поэтому детские сочинения Караманова так близки молодым музыкантам. При исполнении они погружаются в родную,

очень знакомую им стихию, ведь «дети любят во всем правду». Именно эта правда и раскрывается в детских произведениях композитора.

Литература

1. Алемдар Караманов. Как живой с живыми говоря / сост. С. С. Крылатовой. – М.: Академика, 2013. – 408 с.
2. Алемдар Караманов. Музыка, жизнь, судьба. Воспоминания, ст., беседы, исслед., радиопередачи. – М.: Классика-XXI, 2005. – 364 с.
3. Беседы с Альфредом Шнитке / сост., предисл. А. В. Ивашкина. – М.: Классика-XXI, 2003. – 320 с.
4. Богоявленская Д. Б. Что выявляют тесты интеллекта и креативности? // Психология. Журн. высш. шк. экономики. – 2004. – Т. 1, № 2. – С. 54–65.
5. Кирнарская Д. К. Психология музыкальных способностей. Музыкальные способности. – М.: Таланты-XXI век, 2004. – 496 с.
6. Ключкова Е. В. Библийские симфонии Алемдара Караманова. – М.: Классика-XXI, 2010. – 228 с.
7. Степанова И. В. К 100-летию Шостаковича. Вступая в век второй: споры продолжаются... – М.: Фортуна ЭЛ, 2007. – 320 с.
8. Холопов Ю. Н. Аутсайдер советской музыки: Алемдар Караманов // Музыка из бывшего СССР: сб. ст. – М., 1994. – Вып. I. – С. 120–138.

References

1. *Alemdar Karamanov. Kak zhivoy s zhivymi govorya [As Alive Speaking with Alive]*. Compiled by S.S. Krylatova. Moscow, Akademika Publ., 2013. 408 p. (In Russ.).
2. *Alemdar Karamanov. Muzyka, zhizn', sud'ba. Vospominaniya, stat'i, besedy, issledovaniya, radioperedachi [Music, Life, Destiny. Memoirs, articles, conversations, research, radio shows]*. Moscow, Klassika-XXI Publ., 2005. 364 p. (In Russ.).
3. *Besedy s Al'fredom Shnitke [Conversations with Alfred Schnittke]*. Compilation, Foreword by A.V. Ivashkin. Moscow, Klassika-XXI Publ., 2003. 320 p. (In Russ.).
4. Bogoyavlenskaya D.B. Chto vyvaylyayut testy intellekta i kreativnosti? [What Do Intelligence and Creativity Tests Reveal?] *Psikhologiya. Zhurnal vysshey shkoly ekonomiki [Psychology. The Journal of Higher School of Economics]*, 2004, vol. 1, no. 2, pp. 54-65. (In Russ.).
5. Kirnarskaya D.K. Psikhologiya muzykal'nykh sposobnostey. *Muzykal'nye sposobnosti [Psychology of Ability for Music. Ability for Music]*. Moscow, Talanty – XXI vek Publ., 2004. 496 p. (In Russ.).
6. Klochкова E.V. *Bibleyskie simfonii Alemdara Karamanova [Biblical Symphonies of Alemdar Karamanov]*. Moscow, Klassika – XXI Publ., 2010. 228 p. (In Russ.).
7. Stepanova I.V. *K 100-letiyu Shostakovicha. Vstupaya v vek vtoroy: spory prodolzhayutsya... [On Centenary of Shostakovich. Entering the Second Century: the arguments are underway...]*. Moscow, Fortuna El Publ., 2007. 320 p. (In Russ.).
8. Kholopov Yu. Outsayder sovetsoy muzyki: Alemdar Karamanov [The outsider of classical music]. *Muzyka iz byvshego SSSR [Music from the former USSR]*. Moscow, 1994, vol. 1, pp. 120-138. (In Russ.).

УДК 781.7

О СПЕЦИФИКЕ СОЛЬНОГО ВОКАЛЬНО-ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО МУЗИЦИРОВАНИЯ В ВОСТОЧНОЙ МОНОДИИ

Ульмасов Фируз Абдушукурович, кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории и теории музыки, Таджикская национальная консерватория им. Т. Сатторовы (г. Душанбе, Республика Таджикистан). E-mail: firuz_ul@mail.ru

Понимание специфики восточной монодии связано с широко распространенным в музыкальных традициях народов Востока феномене вокально-сольного музицирования с инструментальным сопровождением. В основе избранного подхода – особенности формы практической музыкальной деятельно-

сти человека, которую представляет музицирование. Специфика сольного вокально-инструментального музицирования «голос-инструмент» системы восточной монодии заключается в функциональном различии двух взаимодействующих музыкальных партий: голоса – носителя основного смыслового музыкального содержания, всегда выполняющего функцию ведущей партии в этой монодической структуре и инструмента, основная функция которого сопровождать пение солиста в унисонном дублировании его мелодической линии. Используются также элементы архаического многоголосия (бурдон, параллелизмы, гетерофония), которые в этой сольной форме музицирования так и не сформировали отдельное многоголосное направление развития, так как сопровождающая функция инструмента не дает возможность представлять нечто совершенно автономное и самостоятельное от партии певца. В подобном соотношении потенциально содержатся большие возможности индивидуального самовыражения музыканта-солиста. Они реализуются в доминировании его мелодической линии как инобытия центральности его творческого «я», имеющего сквозное действие во всем музыкальном процессе. Существенным свойством данной формы музицирования является неизбежность единоличного управления музыкантом-солистом всем ходом своей музыкальной презентации, умение совмещать и координировать процессуальное развертывание элементов «здесь и сейчас» с предвидением предстоящих планов в развитии композиции. Необходимость творческой реализации музыканта-солиста стимулирует его потребность в овладении соответствующими знаниями и навыками, постоянном расширении использования художественных ресурсов, развитии полифункциональности творческой деятельности музыканта. Все это является одним из значительных факторов естественного развития профессионализма в системе восточной монодии.

Ключевые слова: сольное музицирование, восточная монодия, структура «голос-инструмент», управление монодическим процессом, центральность творческого «я» музыканта.

ABOUT A SPECIFIC SOLO VOCAL AND INSTRUMENTAL MUSIC IN ORIENTAL MONODY

Ulmasov Firuz Abdushukurovich, PhD in Art History, Associate Professor of Department of Art History and Theory Music, Tajik National Conservatory named after T. Sattorov (Dushanbe, Republic of Tajikistan). E-mail: firuz_ul@mail.ru

Understanding the specifics of the Oriental monody associated with widespread in the musical traditions of the Oriental people's phenomenon of vocal and solo playing music with instrumental accompaniment. The basis of the approach chosen, especially practical form of musical activity of man, who is playing music. Specificity of the solo vocal and instrumental music-making "voice-tool" Oriental monody system is functional distinction between two interacting musical parts: voices, a medium primary sense of music content, always performed the functions of the leading party in the monodic structure and tools, the main function of which is to accompany the singing soloist in unison doubling its melodic line. They are also used elements of archaic polyphony (bourdon, parallelisms, heterophony), which in the form of solo music making has never formed a separate polyphonic direction of development as an instrument accompanying the function does not allow to represent something completely autonomous and independent from the party of the singer. This relation contains potentially big opportunities for individual self-expression of a soloist musician. They are implemented in the dominance of its melodic line as the centrality of the otherness of his creative "I," available through the action around the musical process. An essential feature of this form of music-making is inevitable, sole control musician-soloist of the whole course of his musical presentations, the ability to combine and coordinate the deployment of the procedural elements of the "here and now" with foresight of the upcoming plans for the development of the composition. The need for creative implementation of the musician-singer stimulates his need to master the relevant knowledge and skills, a constant increase in the use of artistic

resources, development of multifunctional creative activity of a musician. This is one of the significant factors of the natural development of professionalism in the system of Oriental monody.

Keywords: solo music making, eastern monody, the structure of the “voice-tool,” monodic management process, the centrality of the creative “I” of a musician.

Для большинства жанров системы восточной монодии характерна структура, состоящая из соотношения голоса (вокала) и инструмента (мелодического или ударного). **Распространенной формой практического обнаружения** такой структуры является сольное выступление музыканта, поющего и аккомпанирующего себе на музыкальном инструменте. Используются в основном струнно-щипковые инструменты – *танбур, дутар, рубаб, тар, домбра, комуз* и др. В жанровом отношении такой тип музицирования широко представлен в самых различных видах. Например, в таджикской традиционной музыке – в эпическом творчестве (*Гуругли*), в песенной лирической сфере (*газалхони, рубоихони*), устно-профессиональной классике (*Шашмаком*).

Выделим два аспекта формирования специфики рассматриваемого вида музицирования: 1) доминирование сольного начала в жанрах восточной монодии; 2) особенности функционально-ролевых отношений между голосом и инструментом.

Специфика соотношения «голос-инструмент» состоит в четком разграничении функций: ведущий – голос (вокал) и сопровождающий – инструмент. Последний в структуре анализируемого ансамбля возможен только лишь как сопровождающий. Инструмент не имеет возможности самостоятельно и полностью автономизироваться, не является наравне с голосом носителем индивидуально-личностного начала, основного структурного и смыслового содержания музыки. Роль человеческого голоса – помимо интонационно-музыкальной – особенно велика как носителя словесно-поэтической информации, которая могла быть и религиозной. Основное развитие инструментального сопровождения шло по пути подстраивания под **пение солиста. В партии инструмента** развивались только те качества, которые «не перечили» вокалу, не выходили из рамок подчинения голосу, а также из рамок первичных – архаичных форм многоголосия, органично используемых в структуре «голос-инструмент» (*бурдон, параллелизмы, гетерофония*) [5, с. 12].

Не это ли обстоятельство – подчинение инструмента голосу певца – определило фактическую сохранность и неизменность названных форм многоголосия, так и не образовавших в лоне восточной монодии самостоятельное направление многоголосного развития? Но, вместе с тем, не эта ли специфика музицирования обеспечила поистине безграничные возможности обогащения горизонтально-мелодического начала в монодии? В качестве ответа, подтверждающего сказанное, приведем мысль знаменитого индийского музыканта Р. Шанкара: «...именно мелодия была развита и доведена до очень высокого уровня с бесконечным разнообразием и тонкостью деталей, которые абсолютно не известны в западной музыке» [11, с. 307].

В соотношении компонентов рассматриваемой сольной структуры образуется своеобразное психологическое различие между голосом – рельефом и инструментом – фоном. В этой структуре музицирования имеется возможность максимально свободного творческого самовыражения музыканта, когда его художественное самораскрытие способно обходиться без помощи других, сугубо автономно. Музыкант-солист потенциально способен здесь в каждой точке музыкального становления использовать все имеющиеся у него средства художественной выразительности, чтобы передавать малейшие нюансы «жизни» своей поэтической души.

В контексте изложенного выше обнаруживаются фундаментальные свойства традиционного монодического сольного музицирования – неизбежность единоличного управления музыкантом-солистом всем воспроизводимым им музыкальным процессом, его отдельными элементами и структурами, формой и **содержанием произведения** в целом; сохранение и обеспечение ведущей роли вокально-мелодической линии певца-солиста.

Поскольку реально другая воля не существует в этой форме единоличной реализации музыкально-художественного содержания, неизбежно детерминируется и активизируется мотивация музыканта на развитие у него особых по-

требностей: овладение необходимыми знаниями и наработка практических навыков, чтобы он мог полноценно выполнять сольную музыкальную презентацию. Формирование и использование этих знаний подразумевает также возможность проявления «здесь и сейчас» неожиданных и новых творческих решений. Процесс такого овладения начинается от «простого» повторения какого-либо напева до получения обширных знаний в процессе многолетнего обучения в контексте соответствующих традиционных школ «устод-шогирд» («учитель-ученик») с целью творческой самореализации музыканта в сложных и развитых устно-профессиональных жанрах.

Содержание и полнота получения необходимых знаний, их глубина, а также уровень необходимого мастерства солиста в реализации музыкального процесса определяются конкретным жанром, фольклорным или устно-профессиональным, сложившимися национальными музыкальными традициями, общественными потребностями и историческими особенностями конкретной эпохи. Вершину подобного процесса овладения знаниями и навыками демонстрирует этап развития традиционного музыканта, когда появляется возможность презентирования собственных научных и творческо-исполнительских концепций в соответствующих музыкальных научных трактатах. Примеров подобного решения в истории музыкальной культуры народов Востока предостаточно [9].

Рассматриваемая специфика сольного феномена существенно отличает его от коллективных многоголосных народных традиций, как на Востоке, так и на Западе, где каждый участник не является единоличным «управляющим» всем процессом и носителем всей музыкальной информации, а представляет только ее часть.

В несколько ином плане аналогичное положение наблюдается также и в ансамблевых формах монодического музицирования, например, в таджикской и узбекской традиционной музыке, но в которых, все же, основную функцию смысло-содержания музыкального процесса всегда несет солист.

Неизбежность единоличного управления исполнительским процессом создавала у традиционного музыканта необходимость овладения мастерством совмещать сочинительские и исполнительские аспекты в практической деятельно-

сти, поэтические (а также и религиозные) тексты с музыкой; продуманным выстраиванием всего музыкального процесса, включая осмысление всех его компонентов: мелодических, поэтических, ритмических, композиционных и т. д. Особо отметим существенное свойство управления ходом сольного музицирования, конструированием художественного целого, – сознательное и бессознательное предвидение всего того, что следует делать «здесь и сейчас» и что еще планируется реализовать в музыкальной презентации.

У разных музыкантов, в зависимости от масштаба их дарования и особенностей их жизненного и творческого пути, по-разному определяется уровень получения и использования необходимых знаний и навыков. Совместимость всех слагаемых в единоличном осуществлении управления музыкальным процессом обусловило формирование такого важного качества традиционного музыканта как полифункциональность проявления его творческого «я».

Резюмируя изложенное, можно определить, что управленческая функция творческого «я» музыканта-солиста проявилась в следующих действиях:

- в единоличном управлении всем музыкальным процессом на основе сложившихся норм и канонов музыкального развития, с возможностью осуществления поиска, рождения и реализации новых творческих решений;
- в объединении различных элементов в единое музыкальное структурирование на основе вычленения и подчеркивания определенных центров, выполняющих связующие функции в развертывании композиции, а также посредством выбора и сочетания элементов из потенциально возможного алгоритма принятия творческих решений;
- в многовариантном структурном и функциональном инобытии инварианта творческого «я» музыканта, понимаемого как проявление единства и цельности его индивидуальности в многообразных формах музыкального процесса.

Существенным проявлением специфики сольного музицирования является понимание центральности творческого «я» музыканта, которое, с одной стороны, базируется на общих смысловых определениях данного понятия, в корневой основе которого находится понятие центра.

С другой стороны, базируется на специфическом для музыкального искусства универсальном принципе центрирования, который в свое время обосновал известный исследователь проблем музыкального мышления М. Арановский. Он считал, что в понятии «центрированности» «универсальна сама идея центра, вокруг которого организуется звуковая среда или отдельная структура, поэтому данный принцип практически пронизывает все грамматики (лад, тональность, гармонию, метр), является основой морфологических единиц и синтагматических отношений, а также и музыкальной формы» [2, с. 75].

В предложенном понимании принципа центрированности М. Арановского для нас существенным выступают его качества, являющиеся универсальными и для организации системы восточной монодии: действие центра связано с формированием его периферии, находящейся с ним в субординационных отношениях, способствующих ее структурированию и развитию; множество структур и элементов самоорганизуются на основе единого начала; принцип центрированности порождает бинарно-оппозиционные отношения между центром и периферией, опорой и неопорой, устойчивым и неустойчивым, консонансом и диссонансом и т. п. Иными словами, центр выступает «единым логическим стержнем, на который оказались «нанизаны» все структуры музыкального языка, что сообщало ему гомогенность и замкнутость» [2, с. 74–76].

Центральность творческого «я» солиста понимается как его волевое сквозное действие, пронизывающее и объединяющее в единое структурное целое все элементы, принимающие участие в презентуемом им музыкальном процессе. В ходе реализации такого сквозного действия принимают участие, с одной стороны, идеи ментально-мировоззренческого плана, отражающие жизнебытие музыканта в конкретном времени, культуре, традиции, оказывающие на сознание и творческую волю музыканта определенное воздействие, а с другой – элементы музыкальной структуры.

У каждой стороны центральности творческого «я» сольного феномена своя сфера «ответственности». Очевидно, что ментально-мировоззренческий параметр определяет духовные и идеологические приоритеты музыканта, что,

естественно, отражается на конструировании музыкального процесса, на жанровых, стилевых и структурных предпочтениях. К этому аспекту можно отнести существующие в каждой национальной традиции доминирующие идеи и концепции, в качестве которых выступает религия, культово-обрядовая сфера жизни человека, сложившиеся национальные традиции, в том числе и в отношении конкретного эстетико-художественного направления. В качестве примера можно привести структурное отражение этапов суфийской концепции познания истины в формировании композиции макомных произведений [3; 7; 10].

Что касается сугубо структурно-музыкальной стороны реализации сквозного действия центральности творческого «я» музыканта-солиста, то он связан с формированием определенных элементов и структур, выполняющих функции неких опор, к которым можно отнести все, что связано с проявлениями стабильности, остинатности, повторяемости, обеспечивающих своеобразную устойчивость композиции, развертываемой во времени. В этом контексте отметим сквозное действие творческого «я» музыканта-солиста в ладовом отношении, проявляющееся наиболее ярко в феномене тоникальности, имеющем существенное структурно-содержательное значение в музыке народов Востока. Как известно суть этого явления заключается в том, что в качестве сквозного ладового центра, относительно которого выстраивается вся ладомелодическая структура в развертываемом музыкальном процессе, выступает основной тон – устой. Тоникальность такого центра реализуется в двух формах: явной и скрытой, латентной.

В явной форме тонический центр воспроизводится в качестве бурдона музыкальным инструментом, сопровождающим пение, а также мелодическую линию инструмента. В этой форме проявляется ясная осознанность и структурная вычлененность функции бурдона – носителя основного устоя лада [4; 8].

В скрытой форме сквозное действие основного устоя сохраняется во внутреннем – виртуальном – плане мыслительных и психических процессов, изнутри координирующих структурное развитие мелодической линии. Внешне это проявляется в различных видах мелодического воз-

врата и интонационного подчеркивания основного устоя, подтверждающих его функциональное значение именно как структурного и психологического центра.

Надо отметить, что скрытая форма реализации тоникальности является базовой, так как отражает внутренние многомерные процессы мышления и восприятия, являющиеся основой мелодического развертывания, осуществляемой в контексте системной логической взаимосвязанности всех элементов музыкального процесса.

В рассматриваемом сольном феномене потенциально и активно реализуется личностное начало, способное проявлять себя не только в качестве «исполнителя», «воспроизводителя» определенной «традиции-информации», но и в качестве непосредственного её создателя. Художественная система восточной монодии – «канон-импровизация» – в своих истоках формирования прямо связана именно с сольной монодией. Возможность импровизации в системе музыкальных культур народов Востока, в самом глубоком понимании этого явления, находится в компетенции именно отдельного самостоятельного индивидуума – музыканта, а не коллектива.

Именно через формы сольной монодии, сольных видов музицирования практически реализуются созидательные, жизнеутверждающие функции в системе восточной монодии, обеспечивают ее неограниченными возможностями самосовершенствования и развития, предоставляют музыканту максимальные возможности индивидуально-творческого самовыражения. Сольность – как особый феномен в системе восточной монодии – представляет сферу активного саморазвития и смыслопорождения, где многообразно представлен процесс «переинтонирования» и создания новых идей.

Рассматриваемый феномен как никакой другой многообразен по своим социокультурным функциям, охватывает самые различные уровни системы: от народного музыкального творчества до высокой профессиональной традиции. Сольность как особая форма практического проявления индивидуальности человека в музицировании наиболее гибка и пластична, чутко реагирует на самые различные интонационные сдвиги в восточной монодии, обладает огромными возможностями передачи интимных, глубоко индивидуальных переживаний личности, а также наи-

более «интернациональна» по включенности её в интонационные процессы, поскольку не замкнута только на себе, а впитывает близкие ей по духу и типу интонации музыкальных культур других народов. **Взаимообмен интонациями, музыкальными художественными образами и конкретными структурами** осуществляется преимущественно в сольной форме музыкантами различных стран и народов Востока. **Значение сольности** проявляется также в том, что с ней связано инструментальное музицирование, в своей значительной части повторяющее смысловые приоритеты структуры «голос-инструмент». Иными словами, сольность, реализуемая в форме музицирования «голос-инструмент», обладает огромными потенциальными автономного и яркого практического проявления созидательных, креативных возможностей в системе восточной монодии, где взаимопересекаются и коррелируются основополагающие художественные процессы. В этом контексте сольность можно рассматривать как ее системообразующий фактор.

В сольном музицировании заключено внутреннее противоречие, обеспечивающее возможность саморазвития музыканта и всей системы в целом. Это противоречие между безграничностью творческих устремлений художника и ограниченностью монодийно-сольной формы самовыражения (включая её традиции и каноны). Естественная потребность выхода из этого противоречия является одной из важных первопричин структурного и семантического самосовершенствования восточной монодийной системы, что обусловило поиск в конечных, ограниченных внешних условиях элементов возможностей бесконечного разнообразия, изменения, усложнения. Это касается музыкальной формы, лада, ритма, жанрообразования.

Особо обратим внимание в этом плане на струнно-щипковый инструмент, органичный компонент структуры «голос-инструмент». Гриф инструмента, его пространственно-звуковая сфера отражает «борьбу» бесконечности и конечности художественных средств монодии, регулирует характер и направленность создания множественности интонационных решений, выполняет не только сугубо исполнительские, но и мыслительно-научные и мнемонические функции. Каждый высотный уровень пространства грифа инструмента, в том числе и «парда» (надвязанный

ладок) – высотный уровень – осознается и интонационно осваивается многовариантно, проходит определенные этапы структурирования. Четкое расчленение пространства на различные звуковые уровни и **осознание каждого высотного элемента** как особой самостоятельной структурной единицы содействовали превращению «высотной парда» из простой отметки определенного уровня звукового пространства в сложное интеллектуально развитое явление, систему, послужившую основой образования оригинальных музыкально-циклических произведений и научных теорий. Идея о влиянии конструктивных особенностей инструмента на структуру исполняемой на нем музыки получило активную поддержку и разработку со стороны исследователей [1].

Важной сферой проявления специфики восточно-монодического мышления в свете феномена сольности является многомерное полифункциональное проявление музыканта. Здесь обнаруживается много аспектов. Выделим такой: особую соединенность различного в одном, ее нерасчлененность, внутреннюю противоречивость, амбивалентность, когда в одно и то же время музыкантом выполняются различные функции, когда «я» и «не-я» взаимопересечены и составляют основу целостности. Музыкант может одновременно являться сочинителем, исполнителем, а также ученым, философом, поэтом. При этом музыкант сохраняет целостность своего творческого «я», единство составляющих его сторон. Это качество, то есть объединение полифункциональности проявлений и сохранение целостности, идентичности творческого «я» музыканта, его центральности во всем художественном процессе-становлении, имеет также системообразующий характер. Так, относительно, например, особенностей ладовой организации оно проявляется в особом сочетании ладовой переменности и централизованности.

Констатируем некоторые наиболее важные качества восточной монодии, обусловленные сольностью, рассматриваемой широко, концепту-

ально. Сольность в её базовой структуре вокально-инструментального музицирования «голос-инструмент» как **родовой типологический признак** восточной монодии определяет специфику последней с двух глубоко взаимосвязанных сторон: тип деятельности – когда музыкант один выполняет одновременно несколько различных функций (сочинение музыки, её исполнение и **научное осмысление**) и **тип мышления** – субстанциональность мелодического начала, его самодовлеющее значение и самодостаточность. Первое связано с **формированием многообразного явления полифункциональности, амбивалентности обнаружения одного элемента (высотной, композиционной структуры и т. д.)**. Второе связано с самодовлеющим значением и самодостаточностью творческого «я» музыканта, его мелодической линии, обуславливает характер использования различных элементов и структур, их количество, качество, функции, **ориентированные на сохранение статуса самодовления и самодостаточности мелодической линии творческого «я» художника, его полное, завершенное и многомерное самораскрытие**.

Современное положение традиционных музыкальных культур народов центрально-азиатского региона свидетельствует, что сольное монодическое музицирование, наряду с новыми европейскими формами многоголосной профессиональной музыки, продолжает полноценно функционировать и не предполагает каких-либо принципиальных изменений своей исходной природы в обозримом будущем. В этом контексте приведем суждение известного исследователя проблем многоголосия грузинского ученого И. Жордания: «Даже беглого обзора достаточно, чтобы убедиться в том, что в обозримом историческом прошлом ни одна одноголосная традиционная музыкальная культура не стала многоголосной, то есть ни в одной традиционной культуре мы не наблюдаем перерождения монодической песенной системы в полифоническую» [6, с. 69].

Литература

1. Абдурашидов А. Танбур и его функции в изучении ладовой системы Шашмакома: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – Ташкент, 1991. – 26 с.
2. Арановский М. Музыка. Мышление. Жизнь. Статьи, интервью, воспоминания. – М.: Гос. ин-т искусствознания, 2012. – 440 с.
3. Галицкая С. Еще раз о макамае как явлении мусульманской музыкальной культуры // Сибир. музык. альм. – Новосибирск, 2001. – С. 101–114.

4. Джани-заде Т. Мугам – импровизация на лад // Соврем. методы исслед. в музыковедении. – М., 1977. – С. 56–82.
5. Евдокимова Ю. История полифонии. – М.: Музыка, 1983. – Вып. 1: Многоголосие Средневековья. X–XIV века. – 454 с.
6. Жордания И. Исчезновение традиционного многоголосного песнопения как проблема культурной антропологии // Юж.-Рос. музык. альм. – 2011. – Вып. 2. – С. 67–75.
7. Ибрагимов О. Семантика макомов: автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. – Ташкент, 1998. – 31 с.
8. Кушнарев Х. Вопросы истории и теории армянской монодической музыки. – Л.: Гос. музык. изд-во, 1958. – 627 с.
9. Низамов А. Суфизм в контексте музыкальной культуры народов Центральной Азии. – Душанбе: Ирфон. – 2000. – 296 с.
10. Шанкар Р. Унаследованное мною // Музыка народов Азии и Африки. – М.: Совет. композитор, 1984. – Вып. 4. – С. 302–327.

References

1. Abdurashidov A. *Tanbur i ego funktsii v izuchenii ladovoy sistemy Shashmakoma. Avtoreferat diss. kandidata iskusstvovedeniya [Tanbur and its function in the study of the modal systems Shashmaqom. Author's abstract of diss. PhD in history of art]*. Tashkent, 1991. 26 p. (In Russ.).
2. Aranovskiy M. *Muzyka. Myshlenie. Zhizn'. Stat'i, interv'y, vospominaniya [Music. Thinking. A life. Articles, interviews, memoirs]*. Moscow, State Institute of Art Publ., 2012. 440 p. (In Russ.).
3. Galitskaya S. Eshche raz o makamate kak yavlenii musul'manskoy muzykal'noy kul'tury [Once again on maqamat as a phenomenon of the Muslim musical culture]. *Sibirskiy muzykal'nyy al'manakh [Siberian musical Almanac]*. Novosibirsk, 2001, pp. 101–114. (In Russ.).
4. Dzhani-zade T. Mugam - improvizatsiya na lad [Mugam - improvisation on the modal]. *Sovremennye metody issledovaniya v muzykovedenii [Modern methods of research in musicology]*. Moscow, 1977, pp. 56–82. (In Russ.).
5. Evdokimova Yu. Istoriya polifonii. Vypusk 1. Mnogogolosie Srednevekov'ya. X–XIV veka [The history of polyphony. Issue 1. Medieval Polyphony. X–XIV centuries]. Moscow, Music Publ., 1983. 454 p. (In Russ.).
6. Zhordaniya I. Ischeznovenie traditsionnogo mnogogolosnogo pesnopeniya kak problema kul'turnoy antropologii [The disappearance of the traditional polyphonic singing as a problem of cultural anthropology]. *Yuzhno-Rossiyskiy muzykal'nyy al'manakh [South Russian music Almanac]*, 2011, iss. 2, pp. 67–75. (In Russ.).
7. Ibragimov O. Semantika makomov. Avtoreferat diss. doktora iskusstvovedeniya [Semantics of mmaqams. Author's abstract of diss. Dr of art criticism]. Tashkent, 1998. 31 p. (In Russ.).
8. Kushnarev Kh. *Voprosy istorii i teorii armyanskoy monodicheskoy muzyki [Questions of History and Theory of Armenian monodic music]*. Leningrad, State Musical Publ., 1958. 627 p. (In Russ.).
9. Nizamov A. *Sufizm v kontekste muzykal'noy kul'tury narodov Tsentral'noy Azii [Sufism in the context of the musical culture of the Central Asian nations]*. Dushanbe, Irfon Publ., 2000. 296 p. (In Russ.).
10. Shankar R. Unasledovannoe mnoyu [Inherited me]. *Muzyka narodov Azii i Afriki [Music of Asia and Africa]*. Moscow, Soviet composer Publ., 1984, iss. 4, pp. 302–327. (In Russ.).

УДК 745/749

ВЗАИМОСВЯЗЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТРАДИЦИЙ В КОСТЮМАХ БАШКИР И НАРОДОВ СИБИРИ

Камалиева Айгуль Салаватовна, кандидат технических наук, доцент, Институт развития образования Республики Башкортостан (г. Уфа, РФ). E-mail: 456kostum@mail.ru

Происхождение характерных для традиционного башкирского костюма декоративных форм, прочно утвердившихся к началу XVIII века, в ряде случаев связано с древними пластами искусства. Этнические контакты, имевшие место в древней и средневековой истории башкир, в значительной мере повлияли на разнообразие художественных традиций народного костюма. Среди них наибольшее влияние на культуру части башкир оказали древнеюжносибирские связи с тунгусскими, самоедскими и угорскими племенами. Проведение художественных параллелей в костюмах башкир и народов Сибири имеет

историческое основание, убедительно доказанное к середине XX века рядом учёных-этнографов. Однако этнографический подход к материалу не решает в полной мере вопросов художественно-образного единства традиций, форм, композиционного построения одежды. За рамками подобного исследования остаются вопросы стилистической общности и закономерностей гармонизации одежды через конструкцию, декор и композицию. Так на примере комплекса одежд горнолесных и части лесостепных башкир и костюмов народов Сибири было выявлено принципиальное сходство в покрое и декоре некоторых видов верхней одежды, в декоративном решении и композиции нагрудников, головных уборов, накосников и других предметов.

Ключевые слова: башкиры, народный костюм, одежда, Сибирь, Башкортостан, искусство, традиции.

INTERCONNECTION OF ARTISTIC TRADITIONS IN COSTUMES OF THE BASHKIRS AND SIBERIAN PEOPLES

Kamalieva Aygul Salavatovna, PhD in Technical Sciences, Associate Professor, Institute of Education Development of the Republic of Bashkortostan (Ufa, Russian Federation). E-mail: 456kostum@mail.ru

The article represents comparative analysis of artistic traditions of costumes of the Bashkirs and Siberian peoples. Historical science proved the existence of elements of the ancient South Siberian layer characteristic for culture of the Tungus, Samoyedic, Ugric Peoples of Siberia in Bashkir garment complex. However, ethnographic approach to the material does not fully solve the problems of artistic and imaginative unity of traditions, forms, compositional structure of garments. At the same time, the performed analysis shows that a close interconnection with the “Siberian” culture is traced in the peculiarities of stylistic solutions, in the constructive base, semantics of certain objects constituting the originality and artistic expression of the Bashkir costume. It is also important that the aforesaid interconnection is expressed not only in certain details or objects, but has a more fundamental base in indicating its formation in common historical and cultural environment. It is mainly expressed in the similarity of decorative forms of certain costume elements, such as for instance, headpiece plait adornments, breast plates, footwear and overclothes. The resemblance of artistic design of garments of ethnoses under consideration is also based on the use of materials similar in plastic and decorative properties: beads, leather, felt, cloth, metal pendants. However, the elucidation of evident kinship in costume traditions of Bashkir and Siberian peoples is essential not so much in certain details as in more fundamental principles which originated and developed in common historical and cultural environment. The similarity of regularities in the organization of artistic form of costumes under analysis enables us to conduct further investigations so as to find the roots and origins of artistic traditions of Bashkir garments, applying directly to the history and culture of the peoples of the North.

Keywords: Bashkirs, folk costumes, clothing, Siberia, Bashkortostan, art, history.

Искусство башкир – это многогранное явление художественного творчества, в каждом виде которого отчётливо проступают следы тех далёких исторических событий и эпох, определивших в своё время судьбу народа. Глубокая древность многих орнаментальных композиций, составляющих художественную образность и уникальность изображений на предметах декоративно-прикладного творчества, в том числе одежде башкир, доказывается при сближении их с материалами археологических памятников, открытых современной наукой на территории Южного Урала. Подобные опыты сравнительного анализа,

принадлежащие таким учёным, как Р. Б. Ахмеров, М. Ф. Обыденнов, К. И. Корепанов, Г. Х. Казбулатова и другие, позволили вычлениить вполне конкретные художественные признаки, возникшие в различные исторические эпохи. Обращаясь непосредственно к народной одежде башкир, следует отметить, что подобной информативностью обладает не только орнамент или декоративная композиция, но вся структура костюма, включая покрой, отделку, материал и всевозможные дополнения.

Поскольку формирование башкирской одежды происходило одновременно с этногенезом, то важным при художественном анализе костю-

ма представляется определение его различных компонентов и их роли в развитии костюмных комплексов. Этим вопросом долгое время занимался научный коллектив Института истории, языка и литературы УНЦ РАН под руководством С. Н. Шитовой. Во второй половине XX века – времени «исчезающей старины» и окончательно угасания естественных условий производства народного костюма – учёному удалось провести масштабное исследование, позволившее внести ясность в проблему формирования устойчивых комплексов башкирской одежды, а именно картографирование видов одежды. Составленные в ходе научных экспедиций (1958–1966) карты распространения верхней, нательной, безрукавной одежды, головных уборов, украшений и обуви легли в основу территориального разграничения семи костюмных комплексов, объединённых по ряду признаков. Помимо результатов полевых экспедиций, принципиальными предпосылками к выделению комплексов стали многочисленные труды исследователей XVIII – начала – середины XX века, правда, большинство из которых, за исключением работ С. И. Руденко, характеризуются косвенным обращением к одежде как исключительно материальному предмету – части этнографии народа. Расширяя проблематику сложения традиционного костюма и осмысливая его как серьёзный источник для исследования этногенеза, специфики этнического, культурного, хозяйственного и общественного развития народа, С. Н. Шитова осуществляет историко-сравнительный анализ материальной культуры башкир с культурой народов и племён, принявших непосредственное участие в её сложении. Итогом работы стало выделение в комплексе башкирской одежды шести пластов, наиболее древним из которых признан древнеюжносибирский [19, с. 149–155].

Действительно, внушительная часть предметов башкирского костюма имеет очевидную стилистическую и семантическую близость с культурой народов Сибири – тунгусскими, самодийскими и угорскими [4, с. 15]. Однако выделить хронологические рамки в истории зарождения подобных элементов башкирской одежды весьма затруднительно, так как присутствие «сибирского компонента» в культуре Южного Урала не было эпизодическим, напротив оно было непрерывным, начиная с древности (данный вопрос бы частично освещён в статье «Историческая обусловленность

традиций башкирских костюмных комплексов» [10, с. 33–39]). Вероятно, длительность историко-культурных и этнических взаимоотношений между древними племенами охотников и кочевников Южного Урала и Сибири стала одним из условий сохранности архаичных элементов на современной одежде горнолесных и лесостепных башкир.

Среди подобных предметов в башкирском костюме в первую очередь следует отметить особенности кроя и декоративного решения верхней одежды – еляна, распашного расклешённого книту, длинного халата (рис. 1).

Конструктивная основа еляна представляет собой сочетание довольно простых по форме, лаконичных деталей, приближенных к геометрическим фигурам – трапеции, треугольника, прямоугольника. Такова была основа «прямоспинной меховой и суконной одежды» древнетюркского пласта, из которой как полагают учёные, развился елян [19, с. 150]. Благодаря пластичным свойствам материалов, преимущественно плотных хлопчатобумажных тканей фабричного производства, елян плотно облегал фигуру в верхней части, создавая мягкие формы в области плеча, груди и талии и ложился ровными фалдами в нижней. Верхняя одежда, впрочем, как и нательная, у башкир кроилась очень широкой. О длинной одежде как «отличительном признаке тюркских племен» [15, с. 52] говорил Д. П. Никольский, ему же принадлежат слова об отсутствии любого «стягивающего талии» у башкир. На «полное отсутствие каких-либо намеков на талию» [1, с. 233] указывал В. А. Арнольдов, таким образом подчеркивая одну из главных черт силуэтной формы костюма. Однако при всей просторности кроя рукава еляна изготавливались узкими, видимо для защиты запястий рук от холодных ветров во время езды на лошади (горизонтальное положение рук при управлении уздечкой). Наибольшее сходство в крое верхних одежд прослеживается между еляном юго-западных (дёмских) башкир и одеждой эвенков (тунгусские народы) У «енисейских, охотских и вилюйских эвенков» [7, с. 230] одежда кроилась из цельной шкуры, а на спинке от линии талии вниз пришивали два треугольных или трапециевидных клина (рис. 2).

Таким же приёмом добивались нужного объёма по спинке и башкирские мастерицы, пришивая трапециевидный клин в подрез, одна сторона которого образовывала боковой срез спинки (рис. 3).

Внешняя схожесть проявляется также в оригинальном декоративном элементе, называемом в башкирском costume – бойорлок, что в переводе означает «почки» (в этнографической литературе их принято называть ложными карманами). В башкирском варианте это полоса позумента примерно 10–15 см, обрамлённая снизу и сверху монетами, бисерной бахромой, шумящими подвесками, цепочками и др. Помимо декоративности бойорлок придавал шву соединения спинки с клином дополнительную защиту от разрыва, также как и в эвенкийской одежде, подобный декоративный элемент усиливал прочность соединения кожи в наиболее растяжимом месте спинки. Подобный элемент присутствует в женском пальто эвенков – найми, из подкрашенной замши (рис. 4).

Кроме того, продолжая рассмотрение особенностей кроя башкирской верхней одежды из сукна, меха и фабричных тканей, следует отдельно отметить то, что преимущественно в горнолесной и отчасти лесостепной зоне Башкортостана еляны кроились с прямой неразрезной спинкой и с боковыми клиньями. Подобный способ формообразования меховой одежды характерен «для самодийских народов (хантов, манси, ненцев), некоторых тюркских народов Западной Сибири (например, томских татар), а также населения Северного Алтая (северных алтайцев, кумандинцев, шорцев)» [20, с. 51].

В декоративной композиции башкирских елянов, созданной из всевозможных комбинаций и фигур из монет, чеканок, бисера разноцветного и кораллового, цветных нитей, бусинок и даже пуговиц, прослеживается отчётливая связь в манере украшения с культурой самодийских народов. Поистине ярким пятном на тёмном фоне еляна являлась нашивка из разноцветных полос ткани, чередующихся с позолотой или серебром позументной тесьмы. Обрамляя все внешние края одежды, включая нижние срезы рукавов, нашивка придавала одежде статичность и монументальность. Расклешённая форма нижней части еляна удерживала силуэт за счёт плотной ткани верха, усиленной подкладкой одежды и широкой нашивкой, крепко фиксирующей приданную одежде форму. Ширина нашивки на рукавах в праздничных елянах могла достигать до 20–25 см и состоять из 10–12 полос различных тканей. Обращает на себя внимание старинный способ чередования красных, желтых и зелёных полос ткани позументной тесьмой. Подобием украшений в ненец-

кой малице является нашивка из полос сукна тех же цветов. В насыщенной гамме нашивки, имеющей строгое чередование, ненцы видели изображение радуги, украшавшей «подол владыки вселенной Нума» [4, с. 20]. К небесной символике также приводит прочтение декоративной нашивки сквозь призму поверий тунгусских народов, в частности нанайцев, которые верили, что небо «состоит из трёх “слоёв” – медного, серебряного и золотого» [18, с. 10].

Внимательно рассматривая рисунок позументной тесьмы на башкирском еляне, проступающий на поверхности из металлизированных нитей, можно заметить отчётливый геометрический узор из косых линий, уступов, трапеций и треугольников. Бесконечное движение диагоналей и зигзагов в замкнутой широкой полосе нашивки создавало многослойную рельефную, изысканную текстуру, удачно сочетаемую с гладкой поверхностью разноцветных полос ткани. Подобная геометричность, но в более ярких контрастных тонах характерна для декора одежды угорских народов Сибири. Особо показательны женские шубы северных хантов и манси, которые издревле предпочитали украшать края вещи узорами, «выполненными мозаикой из меха двух цветов и полосками из цветного сукна, вшитыми в швы вдоль узора и по его контуру» [7, с. 228]. Собственно в этом сочетании материалов с различной фактурой и цветовой гаммой, объединённых в едином декоративном элементе, заключается определённое стилистическое сходство в рассматриваемых костюмах.

Несомненное родство в предметности «сибирских» и башкирских костюмов проявляется в широком применении больших нагрудников, полностью закрывающих верхнюю часть тела. Бытование у башкир нагрудников имеет длительную историю, начало которой датируется, по крайней мере, эпохой бронзы (II – начало I тыс. до н. э.). Об этом свидетельствуют находки в памятниках синташтинской культуры [6, с. 66], признанные учёными как прототипы современных женских нагрудников [13, с. 49]. Первые известные науке подобные украшения изготавливались на меховой основе, точнее из толстой кожи, на которую прикреплялись серебряные пластины и пронизки (рис. 5.1).

Башкирские женские нагрудники, существующие в настоящее время, отличаются большим

разнообразием вариантов форм и способов заполнения поверхности декором, что очередной раз указывает на длительность исторического развития предмета. Основу нагрудников традиционно составляли из нескольких слоёв плотной ткани, с обязательным красным фоном с лицевой стороны. Мастерство женщин, обладавших чувством декоративного ансамбля, проявлялось в умении играть материалом, создавать выразительный по своей простоте и аскетической строгости всевозможный рельеф и фактуру украшения. Коралловый бисер в верхней части нагрудника мастера выкладывали в плотные ряды, образующие ровную поверхность из волнообразных или прямых линий, нижнюю часть, напротив, декорировали ажурной сеткой из того же бисера. Классическое сочетание ярко красного с серебром монет продиктовано замыслом мастеров – орнаментально выделить три уровня, средний из которых, выполненный из нескольких рядов металлического декора, значительно отличался по пластике, цвету и масштабности. Нижнюю часть башкирских нагрудников почти всегда отличала особая подвижность, подчеркнутая бисерной бахромой, подвесками и звоном, издаваемым монетами (рис. 5.2).

В художественных приёмах и форме башкирским украшениям близки нагрудники тунгусских народов Сибири – эвенков и эвенов. Принципиальное значение имеет общий подход к членению поверхности украшения на две или три части. Однако в отличие от башкирских нагрудников в эвенкийском обрамлении и создание внутренних полей осуществляется разноцветными полосками ткани и бисером. Радужная палитра красок, характерная для окантовки, подчёркивала красоту геометрии в нагруднике, выраженную в ровных полосках каймы и правильных формах внутренних полей (рис. 5.3). Ритмичность полос разбавлялась бисерными линиями из разноцветных бусин, например, сочетания черного, синего, бежевого, а также бордюров из голубого, белого, синего, бежевого и другого бисера разной величины [5, с. 26]. Примечательно, что нижний край нагрудника эвенков практически всегда создавался подвижным за счёт бахромы из козьего волоса [5, с. 27] или из ровдужной основы, украшенной металлическими подвесками и колокольчиками [12, с. 105].

Целый ряд башкирских украшений для волос также обнаруживает поразительное сходство с сибирскими. Одинаково традиционным для них

было вплетать в волосы девушек различные накосники, косоплётки и подвески. Видимо в древности манипуляции с волосами имели магическое значение, по крайней мере, на это указывают некоторые ритуалы в свадебной церемонии. Обряд одевания невесты у южных алтайцев сопровождался причёсыванием девушки двумя родственницами: со стороны и невесты, и жениха. Причём первая (родня девушки) заплетала косу с правой стороны со словами «Я даю её», а вторая – с левой стороны со словами «Я беру её» [17, с. 22]. Коса у тувинских девушек являлась своеобразным маркером достижения половой зрелости: её заплетали только по достижении определённого возраста. Информационным элементом можно назвать затылочное украшение – «тыуыр’ан» у кетов (Западная Сибирь), которое вплеталось в волосы невесты в день свадьбы. Традиционно он украшался орнаментом, символизирующим «принадлежность к той или иной семье». Более сложные действия с украшениями для волос осуществляли нганасаны после приезда родителей жениха в чум невесты. Во время встречи невесты и жениха происходил обмен украшениями кубын: первоначально невеста расплетала свои волосы и снимала металлическое украшение, затем это же проделывала с косами жениха, вынимая подобное украшение. Обменяв украшения, она вновь заплетала косы себе и жениху. Ритуал завершался участием родителей, которые также обоим расплетали косы, вынимая все украшения, и вплетали их – кубын жениха и невесты, уже только в волосы девушки [17, с. 46–47].

Башкирским девушкам до определённого возраста позволялось присутствовать в обществе с непокрытой головой. По мере взросления девушки заплетали свои волосы в одну косу, украшая её *елкэлек* – декоративным элементом, представляющим собой «продолговатый, сверху закрученный лоскут материи (нередко бархат) на толстой подкладке, величиной в ладонь или немного больше, сплошь зашитый кораллами или разноцветным бисером, обыкновенно с крупным агатом (акык) посередине иливерху» [16, с. 162]. В основание кос девушки юго-восточных, инзерских и части самарских (бассейна р. Самары) районов вплетали затылочное украшение *елкэлек*, изготавливаемое на тканевой или кожаной основе и орнаментированное бисером, пуговицами и монетами [11, с. 192–193].

Рисунок 1. Башкирский женский елян [14, с. 79]

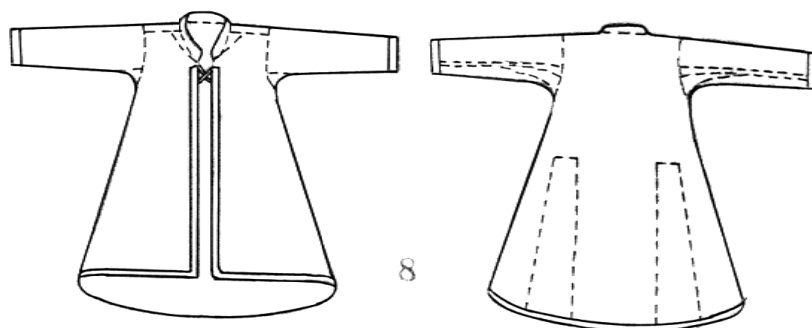

Рисунок 2. Крой верхней одежды (II тип) восточносибирский (распространён в мужской и женской одежде эвенов и юкагиров, у ороков и орочей, а также у эвенов Подкаменной и Нижней Тунгусок и у илимпийских эвенов) [7, с. 237, 307]

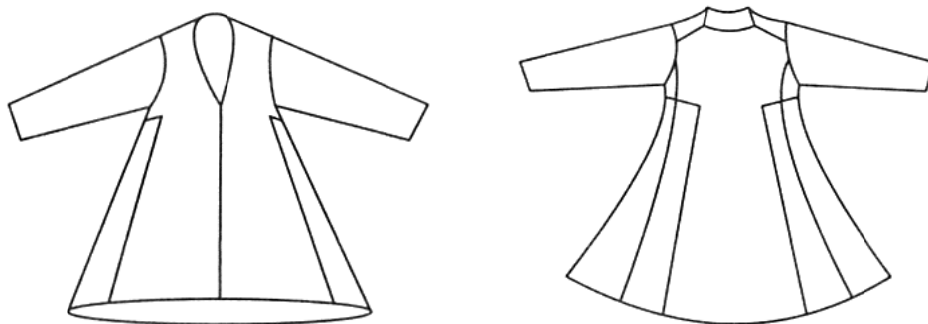

Рисунок 3. Крой башкирского женского ельяна в юго-западном комплексе (по спинке два трапецевидных клина) [9, с. 34]

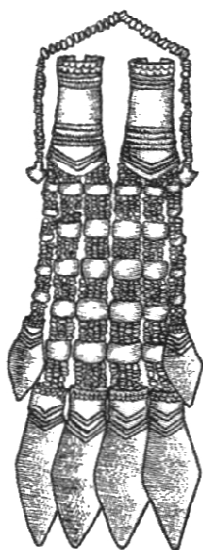

1

2

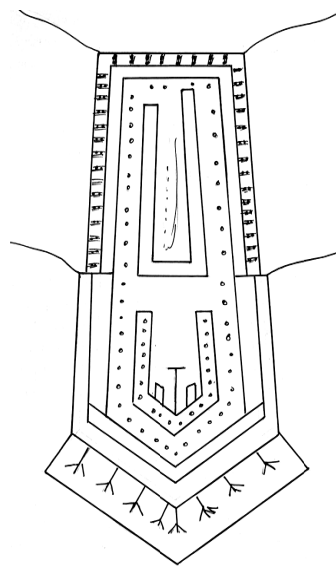
Рисунок 4. Верхняя одежда: 1) башкирский женский елян [9, с. 110];
2) найми – женское пальто (эвены) [3, с. 22]

1

2

3

Рисунок 5. Нагрудники: 1) нагрудник эпохи бронзы из серебряных пластин, бисера, стеклянных бус (Синташинская культура) [13, с. 47]; 2) башкирский женский нагрудник XIX века [2, с. 34];
3) эвенкийский передник [5, с. 23]

Рисунок на затылочных украшениях часто изображал личину: два камня бирюзы символизировали глаза, красный сердолик рот. Подобный *елкэлек* связан с культурой народов Западной Сибири и Алтая. В семантике масок аборигенов Сибири присутствуют древние представления народа о мистической силе глаз, которые после смерти человека «вслед за дыханием отправляются на землю мёртвых». Чтобы умерший соплеменник имел возможность видеть в потустороннем мире нганасаны, ханты, самагиры, изготавливали погребальную маску, которую и клали на лицо покойника. Кстати, существование подобных масок в культуре башкир IX–X веков Южного Урала зафиксировано археологическими находками. Серебряные пластины – наглазницы, закрывающие глаза умерших, были найдены в ряду женских украшений: наконечники с шумящими подвесками, ожерелий из бусин, серёг, нагрудных подвесок и браслетов [13, с. 221].

Другими дополнениями к костюму девушек являлись сэсмау и аркалык, длинные, вытянутой формы, украшенные монетами или бусинами. Сэсмау собирали из нескольких низок разноцветных бусин, прикрепляя между собой поперечиной в виде плоской пластины. Аркалык изготавливали из длинной полосы ткани, нашивая на них два ряда монет, камень в оправе в самом верху украшения и по две крупные подвески снизу. Замужние женщины, в отличие от свободных девушек и также как представительницы многих народов Сибири заплетали две косы, обязательно украшая их на концах фигурными подвесками, изготовленными традиционно из серебра, коралла или сердолика. Часто вместо подвесок молодые хозяйки вплетали в волосы ключи, но это явление более позднего времени.

Наряду с верхней одеждой, нагрудниками, головными уборами и украшениями, родство в конструкции, внешнем облике и функциональности обнаруживает обувь башкир, в частности мягкие сарыки из кожаного низа и суконных голенищ. В заснеженных районах республики большое значение имела высокая и просторная обувь из теплых материалов. Являясь достижением преимущественно охотничьих племён, сибирские «чарыки» с суконным верхом (аналоги башкирских сарыков) были распространены в Северном Алтае, среди хакасов, хантов, кетов, селькупов

[20, с. 59]. Эту тему мы достаточно подробно освещали ранее в статье «Аппликационный орнамент башкирской обуви в контексте древней мифологии» [8, с. 92–99].

Завершая сравнительный анализ башкирской одежды и костюмов народов Сибири, выделим главные черты, определяющие очевидное сходство между ними. В первую очередь они проявляются в комплектности подобных одежд. И в башкирском, и в «сибирском» костюмах это, прежде всего, верхняя одежда, нагрудники, некоторые головные уборы, украшения для волос и обувь типа сарыки или кыныйрак, которые составляли целостный комплект, стилистически объединённый в гармоничный ансамбль. Существенная разница заключается в том, что сибирские черты в башкирской одежде больше всего сохранились в женской одежде, особенно в декоративном оформлении, тогда как мужская претерпела за последние столетия значительные изменения, утратив свою архаичность. Показательным в этом смысле является башкирский нагрудник, который в настоящее время принадлежит к женской одежде и полностью отсутствует в мужском костюме. Вместе с тем в костюме народов Сибири меховой нагрудник как повседневная одежда имеет большое распространение среди мужского населения. Очевидное сходство прослеживается в декоре и композиционном решении верхней одежды, нагрудников и украшений рассматриваемых народов. Многие из них связаны семантически, что свидетельствует о развитии их в единой историко-культурной среде, в эпоху сложения мифологических представлений народов. И, несмотря на некоторые различия в материале украшений (у башкир это разноцветная ткань, коралловый бисер, серебряные монеты, у народов Сибири – крашенная кожа, ровдуга, мех, разноцветный бисер, металлические подвески) композиционное построение орнамента на одежде обнаруживают поразительное сходство в художественных приёмах выражения главных идей о строении Вселенной, небесных телах и светилах. Таким образом, родство между одеждой горнолесных и части лесостепных башкир и одеждой народов Сибири проявляется не столько в отдельных деталях, сколько в фундаментальных категориях, определяющих основу их самобытности и уникальности, таких как виды и форма одежд, крой, принципы построения декоративной композиции.

Литература

1. Арнольдов В. А. Санитарно-бытовой очерк жизни башкир юго-восточной части Стерлитамакского уезда Уфимской губернии // *Дневник о-ва врачей при Император. Казан. ун-те.* – Казань, 1894. – С. 227–244.
2. Башкирские нагрудные украшения из кораллов и монет / сост. Н. Г. Рутто. – Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН: Информреклама, 2006. – 92 с.
3. Бокова Е. Н. Одежда эвенов. – Якутск: Бичик, 2011. – 64 с.
4. Васильев В. И., Шитова С. Н. Башкиро-самодийские взаимосвязи (к проблеме этногенезиса башкир) // *Вопр. этнической истории Южного Урала.* – Уфа, 1982. – С. 18–40.
5. Иванов В. Х. Этнокультурные взаимосвязи и взаимовлияния у народов Северо-Востока Сибири: по мат-лам традиц. декоратив.-приклад. искусства. – Новосибирск: Наука, 2001. – 158 с.
6. Историко-культурный энциклопедический атлас Республики Башкортостан. – М.; Уфа: Дизайн. Информация. Картография, 2007. – 696 с.
7. Историко-этнографический атлас Сибири. – М.; Л.: Академия наук СССР. – 1961. – 497 с.
8. Камалиева А. С. Аппликационный орнамент башкирской обуви в контексте древней мифологии // *Вестн. ВЭГУ.* – 2014. – № 3. – С. 92–99.
9. Камалиева А. С. Башкирский костюм. Технология. Конструкция. Декор. – Уфа: Китап, 2012. – 216 с.
10. Камалиева А. С. Историческая обусловленность традиций башкирских костюмных комплексов // *Вестн. Кемеров. гос. ун-та.* – 2014. – № 4(60). – Вып. 1. – С. 33–38.
11. Камалиева А. С. Особенности художественного стиля башкирских женских украшений // *Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств.* – 2015. – № 32. – С. 187–195.
12. Кочешков Н. В. Этнические традиции в декоративном искусстве народов Крайнего Северо-Востока СССР (XVIII–XX века). – Л.: Наука, Ленинград. отд-ние, 1989. – 196 с.
13. Мажитов Н. А., Султанова А. Н. История Башкортостана. Древность. Средневековье. – Уфа: Китап, 2009. – 496 с.
14. Народное искусство башкир: альбом. – Л.: Совет. художник, 1968. – 110 с.
15. Никольский Д. П. Башкиры: этногр. и санитар.-антропол. исслед. – М.; Л., 1899. – 347 с.
16. Руденко С. И. Башкиры: ист.-этногр. очерки. – Уфа: Китап, 2006. – 376 с.
17. Семейная обрядность народов Сибири: Опыт изучения. – М.: Наука, 1980. – 102 с.
18. Смоляк А. В. Шаман: личность, функции, мировоззрение: (Народы Нижнего Амура). – М.: Наука, 1991. – 280 с.
19. Шитова С. Н. Формирование и развитие башкирского народного костюма: дис. ... канд. ист. наук. – М., 1968. – 259 с.
20. Шитова С. Н. Сибирские таежные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир // *Этнография Башкирии.* – Уфа, 1976. – С. 49–94.

References

1. Arnol'dov V.A. Sanitarno-bytovoy ocherk zhizni bashkir yugo-vostochnoy chasti Sterlitamakskogo uezda Ufimskoy gubernii [Sanitary sketch of the life of the Bashkirs South-Eastern part of Sterlitamak uyezd, Ufa province]. *Dnevnik obshchestva vrachey pri Imperatorskom Kazanskoy universitete* [The journal of the society of physicians of the Imperial Kazan University]. Kazan, 1894, pp. 227-244. (In Russ.).
2. *Bashkirskie nagrudnye ukrasheniya iz korallovo i monet* [Bashkir chest jewelry coral and coins]. Ed. N.G. Rutto. Ufa, TsEI UNTs RAN, Informreklama Publ., 2006. 92 p. (In Russ.).
3. Bokova E.N. *Odezhda evenov* [Clothing evens]. Yakutsk, Bichik Publ., 2011. 64 p. (In Russ.).
4. Vasil'ev V.I., Shitova S.N. Bashkiro-samodiyskie vzaimosvyazi (k probleme etnogeneza bashkir) [Bashkir-Samoyed Association (to the problem of our Bashkirs)]. *Voprosy etnicheskoy istorii Yuzhnogo Urala* [Questions of ethnic history of the southern Urals]. Ufa, 1982, pp. 18-40. (In Russ.).
5. Ivanov V.Kh. *Etnokul'turnye vzaimosvyazi i vzaimovliyaniya u narodov Severo-Vostoka Sibiri: (Po materialam traditsionnogo dekorativno-prikladnogo iskusstva)* [Ethnic and cultural interrelations and mutual influence among the peoples of northeastern Siberia (On materials of traditional decorative-applied art)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2001. 158 p. (In Russ.).
6. *Istoriko-kul'turnyy entsiklopedicheskiy atlas Respubliki Bashkortostan* [Historical and cultural encyclopedic Atlas of the Republic of Bashkortostan]. Moscow, Ufa, Dizayn. Informatsiya. Kartografiya Publ., 2007. 696 p. (In Russ.).
7. *Istoriko-etnograficheskiy atlas Sibiri* [Historical and ethnographic Atlas of Siberia]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1961. 497 p. (In Russ.).

8. Kamaliev A.S. Applikatsionnyy ornament bashkirskoy obuvi v kontekste drevney mifologii [Bashkir ornament appliqué shoes in the context of ancient mythology]. *Vestnik Vostochnoy ekonomiko-yuridicheskoy gumanitarnoy akademii* [Bulletin of the Eastern Economics and Law Humanities Academy], 2014, no. 3 (71), pp. 93-99. (In Russ.).
9. Kamaliev A.S. *Bashkirskiy kostyum. Tekhnologiya. Konstruktsiya. Dekor* [Bashkir suit. Technology. Design. Decor], Ufa, Kitap Publ., 2012. 216 p. (In Russ.).
10. Kamaliev A.S. Istoricheskaya obuslovlennost' traditsiy bashkirskikh kostyumnykh kompleksov [Historical conditions for Bashkir costume complexes traditions]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2014, no. 4 (60), vol. 1, pp. 33-38. (In Russ.).
11. Kamaliev A.S. Osobennosti khudozhestvennogo stilya bashkirskikh zhenskikh ukrasheniy [Art style peculiarities of Bashkir women's adornments]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2015, no. 32, pp. 187-195. (In Russ.).
12. Kocheshkov N.V. *Etnicheskie traditsii v dekorativnom iskusstve narodov Kraynego Severo-Vostoka SSSR (XVIII–XX veka)* [Ethnic traditions in the decorative art of the peoples of the Extreme North-East of the USSR (XVIII–XX centuries)]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie Publ., 1989. 196 p. (In Russ.).
13. Mazhitov N.A., Sultanova A.N. *Istoriya Bashkortostana. Drevnost'. Srednevekov'e* [The History of Bashkortostan. Antiquity. The middle ages]. Ufa, Kitap Publ., 2009. 496 p. (In Russ.).
14. *Narodnoe iskusstvo bashkir: Al'bom* [Folk art Bashkirs]. Leningrad, Sovetskiy khudozhnik Publ., 1968. 109 p. (In Russ.).
15. Nikol'skiy D.P. *Bashkiry: Etnograficheskoe i sanitarno-antropologicheskoe issledovanie* [The Bashkirs: Ethnographic and sanitary-anthropological study]. St. Petersburg, 1899. 347 p. (In Russ.).
16. Rudenko S.I. *Bashkiry: Istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Bashkirs: Historical and ethnographic essays]. Ufa, Kitap Publ., 2006. 376 p. (In Russ.).
17. *Semeynaya obryadnost' narodov Sibiri: Opyt izucheniya* [Family rituals of the peoples of Siberia: Experience of learning]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 102 p. (In Russ.).
18. Smolyak A.V. *Shaman: lichnost', funktsii, mirovozzrenie: (Narody Nizhnego Amura)* [Shaman: personality, functions, worldview: (Lower Amur Peoples)]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 280 p. (In Russ.).
19. Shitova S.N. *Formirovaniye i razvitiye bashkirskogo narodnogo kostyuma. Diss. kand. ist. nauk* [The formation and development of the Bashkir national costume. Diss. PhD in hist. sci.]. Moscow, 1968. 259 p. (In Russ.).
20. Shitova S.N. *Sibirskie taezhnye cherty v material'noy kul'ture i khozyaystve bashkir* [Siberian taiga traits in the material culture and economy of the Bashkirs]. *Etnografiya Bashkirii* [Ethnography of Bashkiriya]. Ufa, 1976, pp. 49-94. (In Russ.).

УДК 008:27

ЭЛЕМЕНТЫ СИМВОЛИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ Ю. Е. БРАЛГИНА

Алексеева Татьяна Петровна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры изобразительного искусства и дизайна, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В. М. Шукшина (г. Бийск, РФ). E-mail: tatyana.alekseevasergeeva@mail.ru

Бралгин Егор Юрьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры изобразительного искусства и дизайна, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В. М. Шукшина (г. Бийск, РФ). E-mail: egor-bralgin@yandex.ru

Материал текста посвящен отражению элементов символизма в художественном творчестве Ю. Е. Бралгина. На основе искусствоведческого анализа произведений Ю. Е. Бралгина дается подтверждение содержательным элементам символизма, выявленных в живописи и графике художника. Анализируются ведущие аспекты его творческой линии:

- проблема бытового жанра;
- отношение к научно-техническому прогрессу и к условности времени;
- специфика портрета и пейзажа;
- некоторые вопросы теории композиции применительно к идеалу покоя;
- граница между живописностью и декоративностью.

В созданных художественных образах жанровых произведений художник отразил идеал гармоничного отношения с самим собой, своими друзьями, близкими, окружающим миром. В большинстве произведений Ю. Е. Бралгина наблюдается условность времени и достаточно условное пространство. Важным аспектом в творчестве художника является пристрастие к «соборности», привязанность к коллективным формам жизни, к миру. Особенностью структуры большинства произведений является квадратный формат, закрытая композиция, симметрия. Произведения Ю. Е. Бралгина предельно декоративны.

В заключении подчеркивается специфика художественного творчества Ю. Е. Бралгина. Изображая бытовые сцены алтайской жизни, Ю. Е. Бралгин всегда показывает нечто большее – идеал человеческой жизни вообще (идеальные отношения между людьми, между людьми и животными, между людьми и природой, космосом и т. д.). Многочисленные символы в произведении дают понять, что это уже не тягостная реальность, а сверхреальность, или некий земной рай. Частное в его картинах отсутствует, оно всегда растворяется в общем, эпическом.

Ключевые слова: культура, символизм, изобразительное искусство, живопись, графика, художественное творчество.

SYMBOLIC ELEMENTS IN Y.E. BRALGIN'S ARTWORK

Alekseeva Tatyana Petrovna, PhD in Art History, Associate Professor of Department of History of Art and Design, Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University (Biysk, Russian Federation). E-mail: tatyana.alekseevasergeeva@mail.ru

Bralgin Egor Yuryevich, PhD in Philosophy, Associate Professor of Department of History of Art and Design, Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University (Biysk, Russian Federation). E-mail: egor-bralgin@yandex.ru

The article deals with the role of symbolic elements in Y. Bralgin's artwork. Using the artistic review method, the authors put out a confirmation of meaningful symbolic elements in Y. Bralgin's artwork, mainly in his painting and drawing. The authors pay attention to such fundamental aspects of Y. Bralgin's creative work as:

- the problem of genre art;
- his attitude to scientific and technological advance and time conventionalities;
- specific character of portraiture and landscape;
- some problems of design theory in relation to the ideal of peace;
- a borderline between pictorialness and decorativeness.

The painter's created images of genre works reflect his inner harmony, harmonious relations with his family, friends and the surrounding world. In most of Y. Bralgin's works, we may observe the conventionality of time and space. An important aspect of his artwork is the painter's interest in communalism, devotion to collective forms of life and to the world. The important features of his paintings are the square format, closed composition and symmetry. Bralgin's works are extremely decorative.

In conclusion the authors dwell upon distinguishing features of Bralgin's artwork. Depicting everyday scenes of Altai life, Bralgin always portrays something more than common life – an ideal of human's life in general (ideal relations between people, between people and animals, between people and nature, space, etc). Numerous symbols in his artworks let us see that it is not a burdensome reality anymore, it is a super-reality or somewhat of an earthly heaven. The private is not given in his pictures, it is always merged with the public and epic.

Keywords: culture, symbolism, pictorial art, painting, drawing, artwork.

Размышляя над феноменом художественного творчества, М. С. Каган в своей известной книге «Эстетика как философская наука» пришёл к ин-

тересному выводу – процесс творчества не есть гармония или цельность, но это всегда некий выбор какой-то частности [5]. Сначала М. С. Каган

показывает возможность «диалога» этих частных. Так, он говорит, что если мы будем идти от смыслов, которые находит художник и потом доводит до нас как до зрителей, слушателей, читателей произведения (от идеи произведения, от замысла и т. п.), то мы быстро поймём, что замыслу очень часто свойственна незавершённость, неосознанность. Возникает удивление художника: «Сделал больше, чем задумал, или иное, чем задумал». То есть осознанное якобы с необходимостью, несёт на себе отпечаток бессознательного начала, которое расширяет произведение, «дописывает» за художника его картину и т. д. Поэтому концепция распознавания произведения как поиск смысла, заложенного автором, в современной науке об искусстве считается устаревшей. И, наоборот, если возьмём какое-либо беспредметное искусство, изначально призывающее в помощь именно бессознательные мотивы, то мы можем обнаружить в этом неосознанно-беспредметном предметные начала. Данная тенденция есть в творчестве В. Кандинского, а ещё больше в его знаменитой книге «О духовном в искусстве», в которой В. Кандинский вслед за Платоном говорит о простых геометрических формах-идеях, за своей абстрактностью скрывающих или раскрывающих для нас некое универсальное начало, некое божественное целое. Так мы получаем сознание и подсознание в качестве базовых компонентов творчества, между которыми существует вечное перетекание, медиация. Но, помимо этого, М. С. Каганом задействуются такие понятия, как «изобразительное и выразительное творчество» [5, с. 259]. И вот здесь возникает сложность сопоставления их друг с другом. Есть объективное или изобразительное творчество, в рамках которого художник познаёт мир, и существует субъективное, или выразительное творчество, когда перед художником не стоит никакой другой задачи, кроме познания самого себя. Принципиальность данного конфликта между изобразительными и выразительными началами творчества М. С. Каган подчёркивает разделением на «эпических и лирических художников» [5, с. 259]. Эпические художники изображают общее, а лирические – частное. Эпический художник идёт к миру в поисках гармонии, и он данную гармонию находит в растворении в целом, а итогом получает некое оптимистическое мировоззрение. Лирический художник, наоборот, углубляется внутрь соб-

ственных переживаний, которые всегда осознаются некоей частностью, понимаемой как разрыв с миром, отчуждением. Поэтому любая самая «лирическая» картина несёт на себе отпечаток, если не трагической образности, то, по крайней мере, некой всемирной тоски, одиночества. Взяв на вооружение данную концепцию М. Кагана, можно все стили и направления в изобразительном искусстве отнести к той или иной специфике. Ренессанс с его обожествлением человека – это эпос, когда человек перерастает себя и становится полубогом, а маньеризм, последовавший после Возрождения – это мировоззрение отдельного человека, разочаровавшегося в своих божественных полномочиях. Барокко – это частное (внутренний мир человека). Классицизм – это целое, это тот закон или «государство», в котором частности «обитают», становясь приобщёнными к целому. Можно данную концепцию перевести даже на отдельные цивилизации и большие исторические промежутки времени. Например, искусство Древней Греции можно назвать эпическим искусством. Современное время, называемое эпохой постмодерна, легко вписывается в концепцию лирического творчества вне зависимости от того, каким творчеством (предметным или беспредметным) занимается художник. Произошла принципиальная утрата ценности и цельности, поэтому все эксперименты современного искусства – это попытка саморефлексии по этому поводу, которая лишь подтверждает изначальную данность: невозможность частности стать чем-то большим. Даже когда отрицание старых ценностей само объявляется ценностью, то это обстоятельство ещё не превращает частное в целое и не возрождает ощущение гармонии с миром.

Отдельного рассмотрения требует заявленное в названии статьи направление символизма. Символизм – это метод художественного творчества с выраженными эпическими началами в нём, то есть приоритетом общего над частным. Ссылаясь на книгу В. Бранского «Искусство и философия» можно перечислить наиболее характерные из них: «Наблюдаемый мир является продуктом потусторонней реальности. Сверхреальность “просвечивает” сквозь символ и ощущается в скрытых формах земной действительности» [3, с. 374]. Поэтому возникает идеал таинственного, загадочного и мистического человека. Следствием этого становится отказ от изображения

современной жизни в её частностях, «негативная реакция на научно-технический прогресс, сочетание реального с фантастическим, культ покоя (движение характерно для видимого мира, а символом невидимого должен стать покой), условность пространства и времени происходящего, статуарность (теория инертной красоты Г. Моро)» [3, с. 374], стилизация, условность, размытость формы, плоскостной характер изображения, условность колорита.

Исходя из этих концептуальных предположений, мы считаем, что специфический художественный язык произведений Ю. Е. Бралгина сформировался под влиянием (прямым или косвенным) идей символизма. Цель статьи – выявить элементы символизма в художественном творчестве Ю. Е. Бралгина. Наша задача провести анализ живописных и графических работ Ю. Е. Бралгина в контексте обнаружения в нём факторов, доказывающих наличие элементов символизма в его творчестве.

На основе искусствоведческого анализа произведений Ю. Е. Бралгина мы определим содержательные элементы символизма, выявив в живописи и графике художника ведущие аспекты творческой линии:

- проблему бытового жанра;
- отношение к научно-техническому прогрессу и к условности времени;
- специфику портрета и пейзажа;
- некоторые вопросы теории композиции применительно к идеалу покоя;
- границу между живописностью и декоративностью.

Рассмотрим проблему бытового жанра в творчестве Ю. Е. Бралгина. В некоторых искусствоведческих исследованиях художника Ю. Е. Бралгина называют художником бытового жанра. Однако символистские смыслы изрядно корректирует и само определение бытового жанра, и его границы. Обратимся к истории. Замечательный русский художник П. В. Кузнецов (кстати, один из любимых художников Ю. Е. Бралгина) создал свою знаменитую восточную серию 1911–1913 годов. Определение П. В. Кузнецова в качестве бытописателя киргизского народа очень сомнительно потому, что у художника была задача показать идеальный и сверхгармоничный мир, просвечивающий через реальность. Вспомним одну из лучших картин этой серии: «Стрижка

баранов» (1912). Изображённая сцена перестаёт быть просто действием бытового назначения, а являет собой культ, мистический ритуал соединения всего живого в единой вселенской гармонии. Ирреальность реального помимо условной формы изображения в картине подчёркивается таким живописным приёмом, как выбелом цвета, блеклостью красок. Это абсолютно сознательный приём, используемый П. В. Кузнецовым для усиления данного образного начала. Очень похожими и содержательно и формально на картины П. В. Кузнецова являются такие произведения Ю. Е. Бралгина, как «Друзья» (х., м., 1990) и «Юная сакманщица» (х., м., 2010). В созданных художественных образах жанровых произведений он старается воплотить идеал гармоничного отношения с самим собой, своими друзьями, близкими, окружающим миром. Таким образом, творчество Ю. Е. Бралгина свидетельствует не о самоценности бытового жанра, каким он утверждает себя, например, в реализме; бытовой жанр здесь, скорее, является лишь неким поводом или предлогом для изображения чего-то большего, спрятанного за повседневностью.

Определим отношение к научно-техническому прогрессу и к условности времени в творчестве Ю. Е. Бралгина. Важной составляющей символизма является негативная реакция на научно-технический прогресс. Обратим внимание на такие работы Ю. Е. Бралгина, как литографии 1983 и 1987 годов «Выездной медпункт», композиции которых впоследствии были переведены художником в большую живописную картину «Врач приехал» (х., м., 1987). Сюжет прост. На стоянку к алтайцам приехала девушка-врач. Она одета как все врачи – в медицинский халат. В этой картине художником своеобразно раскрывается отношение алтайцев к происходящему с помощью сложного комплекса эмоций изображаемых персонажей (удивление, страх, интерес). В девушке-враче рассматривается не только «новое», вызывающее интерес, но и раскрывается ее чужеродность. Она явно не соответствует тому месту, в котором событие развивается. Она выпадает из него. Отсюда страх, особенно заметный в сидящей фигуре отшатнувшегося от процедуры медицинского осмотра чабана. Семантически важно, что передний план картины начинается с фигуры собачки, которая, также как и чабаны, с интересом наблюдает за происходящим. То есть собака находится

в одном ценностном пространстве с чабанами; между миром животных и миром человека в этом месте нет принципиальных разногласий – это один мир. И в этот цельный мир вторгается что-то из современного мира, неся с собой дискретность и дисгармонию. Другая картина с похожей семантикой – «У фотографа» (х., м., 1980). Изображены две фигуры: фотографа и фотографирующегося. Последний персонаж явно чабан, одевший, наверное, свою единственную парадную жилетку ради официального документа. Фотограф при этом имеет явный атрибут современности – фотоаппарат. Вся сцена сюжетно сводится к тому, как фотограф «усаживает», а, по сути, успокаивает фотографирующегося. Последнему явно некомфортно, он весь вжался в кресло, судорожно вцепился руками в подлокотники, как-то неестественно свёл ноги. Эти примеры наглядно показывают отношение художника к вторгающейся в некий идеальный мир алтайского народа современности. И в продолжение этого образного приоритета можно назвать целые серии картин художника, в которых автором сознательно создаётся условное время. У Ю. Е. Бралгина алтайский народ показан вне времени. Изображённые персонажи в равной степени могут быть как нашими современниками, так и людьми, жившими несколько веков тому назад. Таким образом, в большинстве произведений Ю. Е. Бралгина наблюдается условность времени и достаточно условное пространство. Эти примеры показывают явную связь творчества Ю. Е. Бралгина с символизмом.

Рассмотрим специфику портрета и пейзажа в художественном творчестве Ю. Е. Бралгина. Важным аспектом в творчестве символистов является пристрастие к «соборности», привязанность к коллективным формам жизни, к миру и т. д. [6, с. 201]. В этой связи если мы посмотрим на портретное творчество Ю. Е. Бралгина, то в нём мы не найдём попыток движения внутрь, к частному, к самоанализу, к саморефлексии. Художник просто не ставит себе такой задачи. Взгляды практически всех портретируемых Ю. Е. Бралгина устремлены не внутрь, а вовне; сам взгляд и будет показателем этого внешнего целого, которому он подчинён. Становится важен портрет не как достоверность мимики конкретного человека, а как предельно условный образ. Принадлежность к целому здесь важнее собственно индивидуально-портретных черт. В творчестве Ю. Е. Бралгина

портрет – это не человек, уходящий в себя, а входящий к нам. Об этом говорят серии портретов «Настя Кочеева» (х., м., 1993), «Мой друг Сайпош» (х., м., 1993), «Ваня Чоконов» (х., м., 1982), «Тюль-кюль» (х., м., 1980), «Алтайка» (х., м., 2002), «Хозяйка» (х., м., 2003) и другие работы. Но особенно характерна данная тенденция в автопортретах художника. Рассмотрим несколько из них. Автопортрет с говорящим названием «Взгляд на небо» – в других источниках «Взгляд художника» (х., м., 2014). Согласно традициям реалистического искусства, художник в портрете обязательно должен изобразить глаза портретируемого и сделать на них акцент, ибо афоризм «глаза – это зеркало души» воспринимался мастерами предельно серьёзно. Действительно, глаза – это история персонажа, по которой считывается весь его жизненный путь. В шкале художественных ценностей Ю. Е. Бралгина глаза имеют второстепенное значение. Изображённому художнику совсем не обязательно вглядываться в зрителя, рассказывая свою трагедию частного, но наоборот, он должен смотреть в пространство холста, черпая оттуда энергию целого и обязывая зрителя вслед за взглядом художника охватывать это пространство. В другом автопортрете под названием «Алтайский художник» (х., м., 2012) [2, с. 13] мы видим взгляд художника всё же обращённый на зрителя. Но в силу того, что сама сидящая фигура художника решена предельно монументально (абсолютная статика и композиционная симметрия), этот взгляд лишён частно-психологической информации. Художник решает себя так монументально, что пластически сливается с горами, на фоне которых он изображён. Однако это и не возвышенный образ, так как фигура художника не нависает над нами, показывая свою принципиальную несоизмеримость нам, как зрителям. Здесь мы не можем сказать, что нас, как зрителей, выталкивают из изобразительного поля картины, наоборот, при всей монументальности образа, она нас впускает в этот гармоничный мир целого. Оказавшись в нём, мы становимся такими же горами, соразмерными алтайскому художнику. Художник делает это для того, чтобы зритель стал деятелем, соучастником действия. Можно заключить, что данный портрет – эпический многозначный и недосказанный образ. По мнению Д. В. Сарабьянова, именно многозначность и некая недосказанность художественного образа – характерная особенность русского

символизма [6, с. 208]. Квинтэссенцией подобного является картина «Белый бурхан» (х., м., 1990). И хотя сам Ю. Е. Бралгин говорит, что это не автопортрет, а некий, назовём абстрактно, эпический образ, тем не менее мы видим буквальную схожесть с художником. Огромная монументальная голова, заполняющая собой всё пространство небольшого формата, взгляд, отведённый от зрителя, декоративные элементы в портрете – все эти акценты говорят нам об эпически-символистском решении образа. В данном произведении художник проникает в те сферы, которые прежде представлялись недоступными, творец не только погружается в грезу, но и возносится над миром.

Пейзажное творчество Ю. Е. Бралгина характеризуется отсутствием этюдности и фрагментарности. Все композиции пейзажей предельно монументальны. Это в полной мере именно пейзаж-картина. В таких картинах главной образной доминантой является символика целого, единого, огромного неба, которое окутывает собой всё (один из любимых композиционных приёмов художника – использование низкой линии горизонта). И даже тогда, когда изображается частное, как, например, в картине «Моё детство» (х., темпера, 1975), то и воспоминания о детстве получают некую обобщённую типическую, а не индивидуально-конкретную трактовку (такое детство может быть у всех, рождённых в деревне). Помимо этого, художником часто используется так любимый символистами приём изображения дымки, тумана, создающий атмосферу загадочности. Например, это мы можем отметить в картинах «Солнечный день» (х., м., 2004), «Стоянка в горах» (х., м., 2003). А в пейзажах «Вечность» (х., м., 2002) и «Луна над аилом» (х., м., 2000) к изображению туманности добавляется ещё и синий колорит, который любим Ю. Е. Бралгиным. При этом, изображая природу, Ю. Е. Бралгин всегда показывает нечто большее – красоту мироздания. Характеризуя творческую манеру Ю. Бралгина, А. Усанова писала: «Тематическая и мировоззренческая основа творческих поисков Ю. Бралгина связана с поразившей художника и почти нетронутой цивилизацией связью коренного народа Горного Алтая с окружающим его миром» [7, с. 24]. Особый художественный интерес вызывает произведение Ю. Е. Бралгина «Кедр стражник» (х., м., 2000). У художника кедр стражник – это мотив священного «мирового дерева».

Данный мотив достаточно популярен в фольклоре и декоративно-прикладном искусстве. Мировое дерево мыслится осью мира. Оно объединяет верх и низ, небо и землю. У разных народов мировое дерево называется «деревом жизни», «мировой осью», «древом познания добра и зла». Исследователь алтайской культуры А. Эдоков писал: «Само мировое дерево в известном смысле и в определенных контекстах становится моделью культуры в целом, своего рода “деревом цивилизации” среди природного хаоса» [8, с. 35]. Кандидат искусствоведения Н. В. Виницкая, анализируя данное произведение, отмечала: «Кедр Бралгина – это категория возвышенного. Вечное голубое небо и сменяющие друг друга поколения людей и деревьев» [4, с. 50]. Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что кедр Бралгина – это символ.

Проанализируем некоторые вопросы теории композиции применительно к идеалу покоя в символизме на примере творчества Ю. Е. Бралгина. Хорошо известно, что асимметрия в произведении используется как показатель позиции неустойчивости самого художника и изображённого персонажа. Например, в восточном искусстве (искусстве Китая и Японии), в силу того что восточный художник не обладал исключительным правом голоса или авторством, а был лишь посредником, передающим информацию от природы, он не имел права изображения «в лоб», в котором бы читалось его отношение к происходящему. В западноевропейском искусстве (в первую очередь в барокко и в романтизме) асимметрия использовалась для семантического кодирования трагического персонажа. Чем больше такой персонаж смещался от геометрического центра холста, тем больше трагической интонации он получал. Симметрия, наоборот, использовалась для кодирования общего, целого. Иконописный святой мог размещаться только в центре изобразительной плоскости, что являлось показателем его святости и принадлежности к божественному миру. Лишь меняя контексты ощущения религиозности, но с теми же образными задачами симметрия использовалась в классицизме и в символизме. Чем ближе к геометрическому центру изобразительной плоскости, тем больше «замедляется» персонаж и становится статуарным. Так из композиционного принципа симметрии возникает персонаж в состоянии идеального покоя. Данные тенденции мы встречаем

во многих картинах Ю. Е. Бралгина, например, в картинах «Отгоняющие злых духов» (х., м., 1999), «Камни предков» (х., м., 1993), «Сватовство» (х., м., 2000), «Молодая семья» (х., м., 2003), «Первенец» (х., темпера, 2000), «Встреча» (х., темпера, 1987), «Первая ягода» (х., м., 2001). В изобразительном искусстве существует два типа композиции: закрытая и открытая. Закрытая композиция – это когда взгляд зрителя циклически движется в изобразительной плоскости, плавно переходя от одного элемента к другому. Открытая композиция предполагает, что взгляд зрителя выходит за изобразительную плоскость и мысленно продолжает композицию за рамой картины. Ю. Е. Бралгин – принципиальный сторонник композиций закрытого типа. Даже открытые пейзажные композиции он за счёт квадратного формата делает закрытыми (закрытая композиция наиболее органично себя чувствует именно в квадратном формате наиболее любимом художником). За счёт этого открытое во все стороны пространство неба закругляется, за циклируется на самом себе. Квинтэссенцией подобной семантики является знаменитая картина Ю. Е. Бралгина «Спящий пастушок» (х., м., 1999). И формально и содержательно данное произведение даёт нам массу отсылок к символизму. Сама тематика сна являлась для символизма одной из наиболее популярных и востребованных тем. Считалось, что во сне человек переступает границу между явлением и сущностью и обретает долгожданную гармонию божественного (как его понимали символисты) мира. Дополняет данные содержательно-сюжетные мотивы сама структура произведения: квадратный формат, закрытая композиция, симметрия, силуэт фигуры спящего пастушка – это и есть тот «маршрут», по которому движется наш зрительский взгляд.

Определим границу между живописностью и декоративностью в творчестве Ю. Е. Бралгина. На примере творчества Ю. Е. Бралгина мы понимаем, что «живописность» и «декоративность» – это разные понятия. Нам сложно назвать картины художника живописными в традиционном понимании этого термина, так как цвет, как отдельный элемент выразительности, здесь не играет такой важной роли, как линия. При этом произведения Ю. Е. Бралгина предельно декоративны. Грань между станковой живописью и декоративно-прикладным искусством в творчестве алтайского художника очень тонка. Декоративные приёмы, которые используются художником в росписи

камней, овчин, свитков потом успешно применяются при написании станковой картины, и наоборот. Зачастую художник превращает сюжетные сцены в орнаментальные композиции. Орнаментализм – это одна из важных структурных составляющих символизма. Подобный орнаментализм вместе с предельно условным плоским пространством нам встречается в картинах «Сватовство» (х., м., 2000), «Подготовка к свадьбе» (х., м., 2001), «Укротитель сарлыка», «Дочь шамана» (х., м., 2002). При этом в композициях Ю. Е. Бралгина часто основой является линия. Она сама по себе обладает способностью выражать художественную идею; она чаще всего лежит в основе декоративного решения; на ней держится орнамент, имеющий этническое значение. Ярким примером служит триптих «Алтайская мелодия» (х., м., 2002). В данном триптихе Ю. Е. Бралгин использует такой художественный прием, как членение плоскости на части при помощи линии и пятна. Этот прием, позволил художнику разделить композицию на отдельные по размеру фрагменты, манипулировать планами и регулировать композиционное равновесие [1, с. 68].

Итак, при художественном анализе произведений Ю. Е. Бралгина с точки зрения наличия в них элементов символизма открылись новые грани знакомых произведений. Необходимо в произведениях художника подчеркнуть приоритетные особенности при выборе структуры композиции, колорита, обоснованных зависимостью от метод художественного творчества. Особенностью структуры большинства произведений является квадратный формат, закрытая композиция, симметрия. Предпочтение художник отдает голубому колориту. Произведения Ю. Е. Бралгина предельно декоративны. В большинстве произведений Ю. Е. Бралгина наблюдается условность времени и достаточно условное пространство, пристрастие к «соборности», привязанность к коллективным формам жизни, к миру. Изображая бытовые сцены алтайской жизни, Ю. Е. Бралгин всегда показывает нечто большее – идеал человеческой жизни вообще (идеальные отношения между людьми, между людьми и животными, между людьми и природой, космосом и т. д.). Многочисленные символы дают понять, что это уже не тягостная реальность, а сверхреальность, или некий земной рай. Частного в его картинах мы не найдём, так как оно всегда растворяется в общем, эпическом.

Литература

1. Алексеева Т. П. Стилизация как средство создания художественного образа в графических и живописных произведениях художников Алтая рубежа XX–XXI веков [Электронный ресурс] // Альм. мировой науки. – 2015. – № 2–2(2). – С. 67–69. – URL: <http://scjour.ru/docs/amn.2015.02.02.pdf>
2. Бралгин Юрий. Мой Алтай. Каталог произведений к 75-летию юбилею художника. – Бийск: ГАРТ, 2014. – 131 с.
3. Бранский В. П. Искусство и философия: Роль философии в формировании и воспитании художественного произведения на примере истории живописи. – Калининград: Янтарный сказ, 1999. – 704 с.
4. Винацкая Н. В. Фольклорные мотивы и образы в творчестве Юрия Бралгина // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 6. – С. 49–51.
5. Каган М. С. Эстетика как философская наука. – СПб.: Петрополис, 1997. – 544 с.
6. Сарабянов Д. В. Русская живопись XIX века среди европейских школ. М.: Совет художник, 1980. – 260 с.
7. Усанова А. Л. Наивное искусство в художественной культуре Алтая XX века: автореф. дис. ... канд. искусствования. – Барнаул, 2004. – 28 с.
8. Эдоков А. В. Декоративно-прикладное искусства Алтая. – Горно-Алтайск, 2006. – 208 с.

References

1. Alekseeva T.P. Stilizatsiya kak sredstvo sozdaniya khudozhestvennogo obraza v graficheskikh i zhivopisnykh proizvedeniyakh Altaya rubezha 20–21 vekov [Stylization as means of creating an artistic image in paintings and drawings by Altai artists at the end of the 20th beginning of the 21st centuries]. *Almanakh mirovoy nauki [Miscellany of the world's science]*, 2015, no. 2-2(2), pp. 67-69. (In Russ.). Available at: <http://scjour.ru/docs/amn.2015.02.02.pdf>.
2. Bralgin Y. *Moy Altay. Katalog proizvedeniy k 75-letnemu yubileyu khudozhnika [My Altai. A Catalogue of the artist's works devoted to 75th painter's anniversary]*. Biysk, GART Publ., 2014. 131 p. (In Russ.).
3. Branskiy V.P. *Iskusstvo i filosofiya: rol' filosofii v formirovaniy i vospitanii khudozhestvennogo proizvedeniya na primere istorii zhivopisi [Art and philosophy: role of philosophy in the formation and upbringing of a piece of literature using the example of the history of art]*. Kaliningrad, Yantarnyy skaz Publ., 1999. 704 p. (In Russ.).
4. Vinitskaya N.V. Fol'klornye motivy i obrazy v tvorchestve Yuriya Bralgina. [Folk motives and images in Yuriy Bralgin's artwok]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [The world of culture, science and education]*, 2011, no. 6, pp. 49-51. (In Russ.).
5. Kagan M.S. *Estetika kak filosofiya [Aesthetics as philosophy]*. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1997. 544 p. (In Russ.).
6. Sarabianov D.V. *Russkaya zhivopis' XIX veka sredi evropeyskikh shkol [Russian painting of the 19th century among European schools]*. Moscow, Sovetskiy khudozhnik Publ., 1980. 260 p. (In Russ.).
7. Usanova A.L. *Naivnoe iskusstvo v khudozhestvennoy kul'ture Altaya XX veka. Avtoreferat diss. kand. iskusstvovedeniya [Naive art in artistic culture of Altai in the 20th century. Author's abstract of diss. PhD in history of art]*. Barnaul, 2004. 28 p. (In Russ.).
8. Edokov A.V. *Dekoratивно-prikladnoe iskusstvo Altaya [Applied and decorative arts of Altai]*. Gorno-Altaysk, 2006. 208 p. (In Russ.).

УДК 7.017.9

ВИЗУАЛЬНЫЕ МЕДИА В МУЛЬТИМЕДИЙНОЙ ИНСТАЛЛЯЦИИ

Щетинина Светлана Юрьевна, аспирант, кафедра монументально-декоративного искусства, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств (г. Новосибирск, РФ).
E-mail: shine3@ngs.ru

В своем эволюционном развитии искусство осваивает новейшие виды технологий, примером такого освоения является мультимедийная инсталляция. Различные медиа в инсталляции выступают

в качестве выразительных средств, производят особое визуальное содержание, способствуют специфическому эстетическому восприятию произведения искусства.

Мультимедийная инсталляция является пространством художественного синтеза, визуальные медиа в инсталляции проявляются в качестве массива информации, воспринимаемой зрительно. Объект искусства становится динамичным и задача реципиента – уловить художественный образ корректно, обнаружить универсальный способ восприятия образа в среде динамичных медиа.

Изображение, включенное в мультимедийную инсталляцию, в том числе видеоизображение, сопоставимо с живописью, является текстом и прочитывается в контексте художественной идеи. В комплексном потоковом восприятии инсталляции внимание зрителя сосредоточено не только на визуальном, но и других каналах восприятия.

Ритуальный способ восприятия искусства, к которому зритель привык во взаимодействии с живописью, в мультимедийной инсталляции преобразуется в пространственное переживание. Замысел раскрывается в пространстве инсталляции через сотворчество со зрителем, вовлечение зрителя в средовое переживание.

Эстетическое восприятие в среде мультимедиа связано с телесным восприятием и мышечным чувством, в процессе восприятия объединяются тактильное и визуальное в интересенсорное переживание и социальный опыт взаимодействия.

Мультимедийная инсталляция трансформирует ощущение материальности, пространства и времени презентации. Процессуальность является неотъемлемой чертой искусства мультимедиа, что в свою очередь влияет на характер визуального представления и эстетическое восприятие.

Визуальность в мультимедийной среде отличается фрагментарностью, и визуализация образа в мультимедийном пространстве соотносится с другими медиа в режиссерском решении художника и в соавторстве со зрителем.

Мультимедийное искусство в целом не носит исключительно визуального характера и в основе своей не изобразительно. Художественные образы в мультимедийной инсталляции воздействуют на зрителя тотально физически и психологически: визуальны, распределены в пространстве, тактильны.

Мультимедийная инсталляция является социальной коммуникативной практикой, в которой замысел распределен в пространстве и складывается в общий смысловой текст. Визуальные медиа в данной коммуникации являются связующим звеном, визуальные элементы служат индикаторами последующих связей, ассоциаций, частей художественного образа.

Ключевые слова: мультимедийная инсталляция, визуальные медиа, изображение, эстетическое восприятие, выразительны средства.

VISUAL MEDIA IN MULTIMEDIA INSTALLATION

Shchetinina Svetlana Yuryevna, Postgraduate, Department of Monumental and Decorative Art, Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: shine3@ngs.ru

Evolutionary development of art expands into new technologies, an example of this development is multimedia installation. Various media in the installation art are the media of expression, they generate special visual content and specific aesthetic perception.

The multimedia installation is a space of synthesis of media of expression, visual media in it as an array of different information, perceived optical. The object of art is dynamic and the aim of the recipient to catch the artistic idea correctly and to find a universal way of perceiving a figure of artwork in dynamic environment.

Images and video images included in the multimedia installation are comparable to painting and the meaning of image is a text. However, in the complexity of perception of the installation is not only visual, it includes other different channels of perception.

The viewer used a ritual way of perceiving painting instead in multimedia installation perception transformed into a spatial experience. Artist's conception opened out in the space with creativity to the audience.

Aesthetic perception in the environment is associated with bodily perception and muscular sense perception combining the tactile, visual, and multisensory into social experience.

Multimedia installation transforms the feeling of materiality, space and presentation time. Processual character is an integral feature of the multimedia installation art which in turn affects the nature of visual representation and aesthetic perception.

Visuality has a fragmented character in the multimedia environment and artist's idea related to other media through the direction of the artist and viewers co-creation in a multimedia space.

The multimedia installation is a social communicative practice in which the plan is distributed in space and formed into a common semantic text. Visual media are the links, visual elements serve as indicators of the following connections, associations, parts of the artistic idea in this communication.

Keywords: multimedia installation, visual media, image, aesthetic perception, mediums of expression.

За последние десятилетия форма воплощения произведений искусства значительно вышла за рамки классической экспозиции, приобретая характер смешанных медиа. Способы создания художественного высказывания претерпели огромные изменения, пространство искусства стало местом эксперимента, в котором художественный образ воплощен сложно и не менее сложно его восприятие зрителем.

Понятие медиа давно вошло в западное искусствознание и заняло свое место в российской искусствоведческой критике, развиваясь от понятия «медиасредства» (текстовые, звуковые, визуальные данные) до понятия «мультимедиа» (интерактивная графика, видео, анимация). В современном искусстве медиальное принято рассматривать в роли посреднической функции для выражения художественного образа.

Визуальные медиа рассмотрены в данной статье в качестве всего массива информации, воспринимаемой зрительно. Визуальное в данном контексте включает традиционные изобразительные техники (изящное искусство), а также новые и новейшие технологии (цифровую, видеопroduкцию, фотографию).

Объект исследования статьи – мультимедийная инсталляция – современное воплощение синтеза выразительных средств, представленных в пространстве, предмет – визуальные медиа в инсталляции. Роль визуальных медиа рассматривается на материале мультимедийных инсталляций конца XX – начала XXI века разного масштаба, от международных выставок до частных авторских проектов.

Проблематика роли визуальных средств актуальна в связи с изменением характера художественной образности в современном искусстве, где визуальное – лишь часть языковой системы произведения. Очевиден факт, что визуальное предопределено технологиями и в контексте посредничества технологий характер визуального меняется. В рамках данной статьи в фокусе внимания находится эстетическое восприятие визуальных медиа в пространстве мультимедийной инсталляции и его роль в связи с другими воздействующими на зрителя каналами восприятия.

Гипотеза статьи: визуальное начало в мультимедийной инсталляции имеет особый композиционный эстетический характер.

Рассматривая одну из выразительных составляющих мультимедийной инсталляции – визуальные медиа – следует отметить их особенность и сложность устройства. В акте классического эстетического восприятия, например, живописи, зритель взаимодействует со статичным объектом, тогда как в мультимедийной инсталляции объект искусства становится динамичным. Произведение является сплетением и взаимопроникновением средовых воздействий на зрителя с синтетическим характером выразительности. Важно уточнить, как именно и в какой степени визуальное в мультимедийной инсталляции воздействует на зрителя и является ли визуальное основным каналом восприятия художественного образа в синтетическом искусстве мультимедиа.

Пространство инсталляции – особая форма современного искусства, организация элементов в единое целое, объединенное художественным замыслом. Инсталляция исторически возникла

как перенос реальности (бытовой) в музейное пространство, развитие искусства инсталляции состоит в привнесении не реального, а виртуального компонента в выставочное пространство. Объединению реальности с виртуальностью способствует использование технических устройств: видеоэкранов, мониторов, программного кода, элементов интерактивности.

В мультимедийном искусстве важно увидеть «внутреннее невидимое» в образе, а также коммуникационность образа. Е. Петровская в книге «Теория образа» утверждает, что образ состоит из видимой части и невидимой. Задача реципиента вычитать невидимую составляющую образа корректно, найти взаимосвязь с видимым в художественном образе, обнаружить универсальный способ восприятия одного образа многими реципиентами в различных контекстах. Невозможно анализировать мультимедийное искусство и образ в нем, применяя методы традиционной или современной эстетики, семиотики, подходы устойчиво сложившиеся оказываются не вмещающими новых аспектов реальности мультимедиа. Произведение мультимедийной инсталляции обретает новую специфику распределенной во времени и пространстве образности [5].

«Визуальных медиа не существует, любое визуальное (оптическое) явление имеет смешанный характер» – такова авторская интерпретация визуального (живописи, фотографии, графики, иконы и др.) Уильяма Д. Т. Митчелла [4]. По мнению автора, любые визуальные медиа имеют смешанный характер: живопись «вплетает» язык и речь (экфрасис), фотография – невидимость, архитектура – отвлеченность, скульптура – тактильность. При восприятии визуального не переводить увиденное в вербальную плоскость оказывается сложно, проговаривание увиденного практически необходимо для понимания изобразительного искусства. Если применять данное утверждение к мультимедиа, тогда изображение, включенное в мультимедийную инсталляцию, в том числе видеоизображение, сопоставимо с живописью, является текстом и прочитывается как текст. Однако в комплексном потоковом восприятии инсталляции невозможно сосредоточить внимание только на визуальном, отключив другие каналы восприятия.

Визуальные искусства живут и развиваются, претерпевают трансформацию в объяснении их

содержания. Преобразование отраслей искусства – неотъемлемая черта его развития. Несмотря на категоричное отношение У. Митчелла к данному называнию области искусства, на сегодняшний день существуют названные этим именем целые отрасли, факультеты, арт-резиденции, разделы и направления образования в мире (visual arts). Эстетика пространства мультимедийной инсталляции многогранная и визуальное начало в инсталляции является одним из основных компонентов. Чисто визуальную среду трудно представить в современном искусстве, существует лишь синтез сред [4].

Ритуальный способ восприятия искусства [5], или «акт смотрения», к которому зритель привык во взаимодействии с живописью, в мультимедийной инсталляции преобразуется в пространственное переживание. Замысел, раскрытый в этом пространстве, однако, не единственно верный, авторский, но рожденный в сотворчестве со зрителем. Зритель сомневается в верности прочтения замысла художника, но принять свою версию правды ему придется самому, оттого суть им открытая становится самой ценной, осознанной, «выстраданной».

Эстетическое восприятие тесно связано с телесным восприятием и мышечным чувством. При средовом воздействии субъектами восприятия являются не органы чувств, а тело, которое аккумулирует различные свойства среды и чувствует пространство комплексно. По утверждению теоретика телесного восприятия М. Мерло-Понти, тело обладает особой интенциональностью. В восприятии пространства тактильное и визуальное становятся одинаково ощущаемым, сливаясь в один канал восприятия, поскольку зрение имеет пространственный характер [3]. Для направления и концентрации визуального восприятия в пространстве художники используют вспомогательные средства, такие как освещение (приглушенный свет или темнота) и тактильные ощущения. В инсталляции «Учебные суда» (1992) Гарри Хилл погружает зрителей в пространство с ограничением мышечного чувства или «осязательного зрения» (абсолютно темный коридор, с мягким покрытием пола), таким образом, зритель проприоцептивно ограничен, и художнику необходимо такое ограничение для фокусировки внимания к видеосюжетам инсталляции [7].

М. Мерло-Понти предполагает объединение тактильного, визуального в интерсенсорное переживание как отражение опыта не одного человека, а опыт социальный. В свою очередь комплексное восприятие пространства несколькими субъектами порождает пространственную интерсубъективность [3]. В этой связи восприятие лишь инициировано визуальным началом, дано для ориентирования на местности, комплексное же усвоение художественного образа детерминировано смысловой нагрузкой, привнесенной самим зрителем.

Мультимедийность в пространстве инсталляции преобразует и трансформирует ощущение материальности в произведении искусства. Трансляционный, невещественный характер художественного высказывания мультимедийного искусства в отличие от картины нельзя «присвоить», купить, трудно транспортировать, хотя его распространение происходит на другом уровне – мысленно и виртуально. Смысл высказывания рассредоточен в зрительском поле.

Следует отметить особое трансцендентное состояние, возникающее при столкновении с мультимедийной средой в художественном высказывании. Субъективность зрителя, сталкиваясь с большим количеством разнородной информации по нескольким каналам восприятия? оказывается подвержена аффицированию. Аффе́кт как чувственный эмоциональный отклик в ответ на перегруженность воздействия в данном случае – естественная реакция реципиента. Кроме того, мультимедийная инсталляция – это пространство технически воспроизведенного образа. Технические устройства – посредники образа, и зритель, взаимодействуя с опосредованным образом, способен к расширению границ субъективного восприятия, в свою очередь, техника создана человеком, именно для расширения его границ и возможностей [6].

В искусствоведческой критике существует неоднозначное отношение к явлению технологий в искусстве, однако следует отметить неизбежность эволюционного развития, которое естественным образом включает в произведения искусства все возможные виды техники в самых разнообразных сочетаниях. Принятие среды мультимедийной реальности в искусстве возможно и является необходимой нормой, не существует божества или

дьявола технологий, есть современные возможности техники, и, вероятно, в ближайшем будущем теории станут оценивать технологии как обыденную повседневность [2].

Эстетическое восприятие искусства мультимедиа и его особая визуальность, кроме того, связаны с пространством и временем презентации. Пространственно-временной континуум искусства мультимедиа позволяет распространяться видимому (визуальному) образу в виртуальном пространстве, существовать одновременно в нескольких пространствах, перемещаться из одного пространства в другое. В инсталляции художественный образ представлен зрителю не в застывшей форме, а проходящим явлением и процессуальностью образа является неотъемлемой чертой мультимедиаарта, что в свою очередь также влияет на характер визуального представления и эстетическое восприятие.

Кроме того, визуальность в мультимедийной среде отличается фрагментарным, клиповым характером, может существовать в виде слайд-программы, видеофрагментов, нарративных видеосюжетов. Фрагменты визуальных медиа, подвижные или статичные, в пространстве инсталляции являются стимулами и инициируют процесс осмысления авторского замысла.

Подводя итог, можно повторно подчеркнуть синтетический характер искусства мультимедийной инсталляции, включающий визуальный компонент как один из многих других. Если визуальное – осязаемо и прочитываемо [4], то мультимедийное – проживаемо как отдельная созданная здесь и теперь реальность художественного образа, способная поглотить зрителя на время с благородной целью преобразования сознания зрителя в дальнейшем. Современная мультимедийная инсталляция требует такого погружения и переживания впечатлений внутри себя, а также последующего анализа, пережитого как необходимый этап интерпретации образа. Визуализация образа в мультимедийном пространстве соотносится с остальными медиа в режиссерском решении художника, однако, в соавторстве восприятия зрителя.

В. Дильтей (1880) постулировал одним из важнейших принципов философии жизни – переживание, а поэтическую фантазию художника многократно превозносил [1]. Однако, в совре-

менном искусстве акцент творца смещается от персоны художника в сторону зрителя, его переживание становится важнее, зритель – истинный творец смыслов в произведении искусства на сегодняшний день.

В эпоху развивающихся цифровых технологий и убыстряющей техногенной цивилизации, человек создает и творчески осваивает медиа средства в области искусства. Мультимедийная инсталляция с созданной внутри нее средой медиасинтеза является примером эволюционного шага в развитии выразительных средств искусства, полем эксперимента, пересечения средовых эффектов в самых неожиданных формах.

Анализ материала показал, что мультимедийная инсталляция и мультимедийное искусство в целом не носит исключительно визуального характера и в основе своей не изобразительно. Авторские замыслы, художественные образы по-

стигаются, оставаясь невидимыми, вычитываются из контекста, проживаются в среде, созданной пространством инсталляции с помощью медиа-посредников.

Таким образом, мультимедийная инсталляция является социальной коммуникативной практикой, в которой художественное высказывание распределено в пространстве и воспринимается зрителем из различных его элементов; роль медиа состоит в усилении общего послания художника, его текстов, складывающих общий смысловой текст. Визуальные медиа в данной коммуникации являются связующим звеном, поскольку зрительный канал восприятия один из самых сильных. Визуальные элементы служат индикаторами последующих связей, ассоциаций, частей художественного образа, а также являются «точкой отсчета» в построении смыслов и значений произведения искусства мультимедиа.

Литература

1. Дильтей В. Категории жизни / пер. с нем. А. П. Огурцова // *Вопр. философии*. – М., 1995. – № 10. – С. 129–143.
2. Карротсини Д. Техника и гуманизм. Гюнтер Андерс и Жильбер Симондон // *Медиа: между магией и технологией*: сб. ст. / под ред. Н. Сосна и К. Федоровой. – М., 2014. – 186 с.
3. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. – СПб., 1999. – 116 с.
4. Митчелл Уильям Д. Т. Визуальных медиа не существует // *Медиа: между магией и технологией*: сб. ст. / под ред. Н. Сосна и К. Федоровой. – М., 2014. – 128 с.
5. Петровская Е. В. Теория образа. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т. 2010. – 14 с.
6. Федорова К. Техническое возвышенное и проприоцептивные медиа // *Медиа: между магией и технологией*: сб. ст. / под ред. Н. Сосна и К. Федоровой. – М., 2014. – 38 с.
7. The Video Art History Archive [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.arthistoryarchive.com/arthistory/videoart/> (дата обращения: 25.07.2016).

References

1. Dil'tey B. Kategorii zhizni [Categories of life]. Translated from the German by A.P. Ogurtsov. *Voprosy filosofii* [The problems of philosophy]. Moscow, 1995, no. 10, pp. 129-143. (In Russ.).
2. Karrotstsin D. Tekhnika i gumanizm. Gyunter Anders and Ghil'ber Simondon [Technique and humanism. Gunther Anders and Gilbert Simondon]. *Media: mezhd magiey i tekhnologiy: sbornik* [Media: between magic and technology: collected papers]. Ed. N. Sosna, K. Fedorova. Moscow, 2014. 186 p. (In Russ.).
3. Merlo-Ponti M. Fenomenologiya vospriyatiya [Phenomenology of perception]. St. Petersburg, 1999. 116 p. (In Russ.).
4. Mitchell Uilyam D.T. Vizual'nykh media ne sushchestvuet [There are no visual media]. *Media: mezhd magiey i tekhnologiy: sbornik* [Media: between magic and technology: collected papers]. Ed. N. Sosna, K. Fedorova. Moscow, 2014. 128 p. (In Russ.).
5. Petrovskaya E.B. Teorya obraza [Theory of image]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2010. 14 p. (In Russ.).
6. Fedorova K. Tekhnicheskoe vozvyshennoe i propriotseptivnye media [Technical spiritual and proprioceptive media]. *Media: mezhd magiey i tekhnologiy: sbornik* [Media: between magic and technology: collected papers]. Ed. N. Sosna, K. Fedorova. Moscow, 2014. 38 p. (In Russ.).
7. The Video Art History Archive (In Engl.). Available at: <http://www.arthistoryarchive.com/arthistory/videoart/> (accessed 25.07.2016).

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ PEDAGOGICAL SCIENCES

УДК 37.04

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА КАК ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОГО СОСТАВА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Кудрина Екатерина Леонидовна, доктор педагогических наук, профессор, ректор корпоративного университета, Центр развития межличностных коммуникаций – образовательные программы (г. Москва, РФ). E-mail: kudrina_1955@mail.ru

Колногоров Василий Владиславович, полковник полиции, начальник ЦАФАП ОДД ГИБДД ГУ МВД России по Кемеровской области (г. Кемерово, РФ). E-mail: KBB073@yandex.ru

В статье рассматривается воспитание личного состава органов внутренних дел (ОВД) как важнейшая составная часть повседневной управленческой деятельности руководящего состава в системе МВД. Особо подчеркивается необходимость развития и социализации сотрудников ОВД в меняющихся условиях деидеологизированного общества с учетом педагогических средств социально-культурной среды. Авторы предлагают руководителям ОВД: а) учитывать в процессе воспитания известную истину – «воспитатель сам должен быть воспитан» посредством активного социокультурного взаимодействия двух человеческих типов – педагога и воспитуемого; б) при реализации ими в отношении личного состава государственной политики «инвестиций в человека» активно заниматься не только повышением профессионального уровня сотрудников, но и развивать их общую культуру, формировать инновационное, высоконравственное, творческое, креативное отношение к служебной деятельности.

Рассматривая развитие личности как многогранный и многоэтапный процесс последовательного включения человека в социум и культуру через оптимизацию социально-культурной среды, стимулирование и развитие различных видов культурно-досуговой деятельности, способствующих более продуктивной как инкультурации, так и социализации личности, авторы подчеркивают важность субъектно-объектного и субъектно-субъектного подходов. По мнению авторов, воспитательный процесс следует построить на новой модели механизма формирования и развития личного состава, которая, основываясь на социальном воспитании, должна способствовать формированию и развитию определенных качеств, взглядов, ценностей, убеждений и компетенций. В основу модели предлагается положить три грани модальности культуры: человеческую, деятельностьную и предметную.

Ключевые слова: воспитание, культура, личный состав, развитие, сотрудники органов внутренних дел, социализация, социально-культурная среда.

SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENT AS A PEDAGOGICAL TOOL THE TRAINING OF THE PERSONNEL OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

Kudrina Ekaterina Leonidovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Rector of Corporate University, Interpersonal Communications Development Center - Education Programs (Moscow, Russian Federation). E-mail: kudrina_1955@mail.ru

Kolnogorov Vasily Vladislavovich, Colonel of Police, Head of Center of Automated Fixing of Administrative Violations in the Field of Road Transportation SISRT of SD MIA of Russia in Kemerovo Region (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: KBB073@yandex.ru

The article discusses the training of personnel of internal affairs bodies (ATS) as the most important part of the daily management activity management staff in the Ministry of Interior Affairs. It particularly stresses the need for the development and socialization of law enforcement officers in the changing ideology-free society based on pedagogical means of socio-cultural environment. The authors offer managers and ATS) to take into account in the process of education of the well-known truth “the educator must be educated himself” through active socio-cultural interaction between two human types: a) the teacher and the educability; b) the implementation by them in respect of the personnel of the state policy “investment in people” actively engaged not only in increasing the professional level of employees, but also to develop their common culture, to form an innovative, highly moral, creative, creative attitude towards performance.

Considering the development of the individual as a multi-faceted and multi-step process of successive inclusion of man in society and culture through the optimization of the socio-cultural environment, promotion and development of various kinds of cultural and leisure activities, contribute to a more productive than inculturation and socialization, the authors emphasize the importance of the subject-object and subject-subject approach. According to the authors, the educational process should be built on a new model of the mechanism of formation and development of personnel, which is based on social education, that should contribute to the formation and development of certain qualities, attitudes, values, beliefs and competencies. The proposed model is to put three faces of culture modality: human, activity and objectiveness.

Keywords: education, culture, personnel, development, employees of internal affairs, socialization, socio-cultural environment.

В ежедневной управленческой деятельности руководителей органов внутренних дел всех уровней работа с личным составом является не только важнейшей составной частью менеджмента руководителя, но и требует от него определенных знаний, умений и навыков. Работа с личным составом органов внутренних дел определяется как «исторически сложившаяся и развивающаяся системная деятельность руководства и должностных лиц, имеющих в своем подчинении сотрудников и гражданский персонал. Основным содержанием этой деятельности являются процессы отбора, профессиональной подготовки, обеспечения рациональной расстановки и использования кадров в соответствующих службах, их правовой и социальной защиты, воспитания и развития в целях успешного выполнения оперативно-служебных задач» [8, с. 9].

Следует заметить, что происходящие в обществе процессы реформирования, модернизации, трансформации политики, экономики, образования, культуры, других областей и сфер жизнедеятельности внесли существенные изменения в социально-экономические и социально-культурные области, значительно затронув систему воспитания при создающемся в настоящее время идеологизированном обществе. Она «оказалась неадекватной кардинально изменившимся новым условиям среды функционирова-

ния органов внутренних дел, потребностям их деятельности по обеспечению безопасности личности и общества, охраны общественного порядка, борьбы с преступностью.

Именно из этой проблемы в настоящее время возникает необходимость реформирования и модернизации системы воспитательной работы с личным составом с целью приведения ее в соответствие с потребностями общества, государства и Министерства внутренних дел» [8, с. 10]. Как руководителям органов внутренних дел всех уровней, так и другим лицам, являющимся организаторами воспитательной работы, необходимо глубоко осознать и понять, что главным ресурсом дальнейшего повышения эффективности деятельности современной полиции являются сотрудники и гражданский персонал органов внутренних дел, сформированные в зрелые личности. Приоритет личности и инвестиции в «человеческий капитал», ставшие важной частью управленческой деятельности каждого руководителя органа, подразделения, учреждения всей системы МВД России, отвечают сущности провозглашенной Президентом Российской Федерации В. В. Путиным и активно реализуемой государственной политики по созданию необходимых, благоприятных условий для развития способностей личности и возможностей ее самореализации в личном плане и служебной деятельности [3].

Реализация государственной политики «инвестиций в человека» руководителями органов внутренних дел должна быть связана не только с повышением уровня профессионализма сотрудников, но и развитием их общей культуры, формированием инновационного, высоконравственного, творческого, креативного отношения к служебной деятельности и организацией воспитания личного состава и гражданских служащих.

С точки зрения Б. Г. Ушакова, в широком философском смысле «воспитание означает целенаправленный процесс перевода накопленной человечеством культуры в индивидуальную форму существования и поведения, когда внешнее (объективное) становится внутренним (субъективным), то есть переводится во внутренний мир конкретного человеческого типа, закономерно детерминируя его мысли, чувства, поведение. Но немало теоретических и практических проблем возникает вследствие узкой трактовки воспитания, когда оно сводится лишь к функциональным действиям педагога по целенаправленному формированию у личности позитивных социальных качеств.

На самом же деле наиважнейшее значение имеют не сами по себе эти функциональные действия («частичные» по своей природе), а тип человека в единстве его антропологических и личностных характеристик.

Тем более, что сущность воспитания предполагает активное социокультурное (а не только собственно педагогическое!) взаимодействие двух, по крайней мере, человеческих типов – педагога и воспитуемого. Как известно – «воспитатель сам должен быть воспитан» [10, с. 90].

При этом социально-культурная среда является важным средством, дополняющим условия для полноценного развития личности: качественное образование, медицинское обслуживание, жилье, продовольственное и социальное обеспечение и т. п. Социально-культурная среда как инфраструктура, связанная с обслуживанием и удовлетворением потребностей человека в процессе его жизнедеятельности, «рассматривается чаще всего как внутренняя принадлежность понятия «образа жизни». Исходя из такого подхода, можно утверждать, что культурная среда включа-

ет социально-культурные объекты, связанные с созданием и распространением культурных ценностей (А. И. Арнольдов); представляет собой устойчивую совокупность вещественных и личностных элементов, которые оказывают влияние на деятельность человека по созданию и освоению духовных ценностей, благ и др.; характеризуется воздействием социальной среды на различные стороны культурной деятельности личности (Л. Н. Коган); предметно-пространственное окружение, вводящее человека в мир культурно-эстетических и художественных ценностей и отношений, обеспечивающих культурно-формирующие условия его развития. Она репрезентирует культурную сущность быта, «портретирует» образ жизни, ее уровень и качество (В. В. Чижиков)» [5].

Абдулатипов Р. Г. пишет: «... в России следует понять, что российский субъект теперь должен быть занят созданием культурной среды, основанной на идеалах истины, добра, красоты и любви к своей Державе, сохраняя многообразие, но формируя единство российской нации. Это можно осуществить только на основе самоорганизации и развитии социальных институтов. Культурные основания должны создавать российскую нацию, россиян с соответствующей культурной средой, где поощряется как самобытность, так и целостность. Нужна культурная среда, способная создавать эту целостность, обеспечивая устойчивость российского общества» [1].

Крайне важен такой подход и со стороны органов внутренних дел в связи с тем, что сложность и динамизм происходящих современных процессов, неожиданность, спонтанность и непредсказуемость изменений, зачастую приводят к нарастанию кризисных явлений, возникновению новизны и непредвиденности разнообразных проблем и конфликтов. Происходящая смена одной эпохи мирового социокультурного и экономического развития на другую, сопровождаемая масштабными катаклизмами, проявлениями экстремизма и глобальной угрозой терроризма, требует построения новой модели механизма формирования и развития личного состава, основывающейся на социальном воспитании, с целью формирования и развития у сотрудников ОВД определенных качеств, взглядов, ценностей, убеждений и компетенций.

В рамках социально-педагогического подхода социально-культурная среда, выступая одним из педагогических средств воспитания личного состава органов внутренних дел (ОВД), содействует развитию и социализации сотрудников.

В Словаре педагогических терминов развитие определяется как «процесс количественных и качественных изменений в организме, психике, интеллектуальной и духовной сфере человека, обусловленный влиянием внешних и внутренних, управляемых и неуправляемых факторов» [6].

Среди основных понятий и терминов педагогики важное место занимает определение дефиниции «развитие человека»: «Развитие человека – процесс (от лат. *processus* – продвижение) последовательной смены состояний, ход закономерного, необратимого, направленного изменения качеств и свойств человека, становления его личности под воздействием различных факторов. Такое продвижение идет от простого к сложному, от низших уровней к высшим» [7].

Относительно личного состава органов внутренних дел следует заметить, что в процессе развития происходит, прежде всего, профессионально-личностное совершенствование сотрудников: приобретение новых знаний, умений и навыков, формирование необходимых профессионально значимых качеств и компетенций, накопление опыта профессиональной деятельности, рост профессионального мастерства, повышение результативности деятельности, продвижение по службе.

Понятие «социализация» в Энциклопедическом словаре определяется, как «процесс усвоения человеческим индивидом определенной системы знаний, норм и ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества; включает как целенаправленное воздействие на личность (воспитание), так и стихийные, спонтанные процессы, влияющие на ее формирование» [11].

Большой психологический словарь трактует социализацию (англ. *socialization*; от лат. *socialis* – общественный) как «процесс усвоения индивидом социального опыта, системы социальных связей и отношений. В процессе социализации человек приобретает убеждения, общественно одобряемые формы поведения, необходимые ему

для нормальной жизни в обществе. Под социализацией следует понимать весь многогранный процесс усвоения опыта общественной жизни и общественных отношений» [2].

Профессиональная социализация сотрудника ОВД является сложным процессом его включения в служебную деятельность, последовательным приобретением необходимых для службы профессиональных знаний, навыков и умений, сопровождается усвоением социального опыта, традиций и ритуалов, ценностей, норм поведения, формированием компетенций и профессионально-нравственных качеств в соответствии с выполняемой социальной ролью и профессиональной деятельностью. Следует заметить, что при таком подходе развитие характеризуется как общий процесс становления человека, а социализация определяется как развитие, которое обусловлено конкретными социальными условиями и имеет важное значение для становления сотрудника как зрелой личности.

Развитие личности – это многогранный и многоэтапный процесс последовательного включения человека в социум и культуру через оптимизацию социально-культурной среды, стимулирование и развитие различных видов культурно-досуговой деятельности, способствующих более продуктивной инкультурации и социализации личности.

Существующие концепции социализации позволяют определить роль каждого сотрудника ОВД в процессе социализации через субъектно-объектный и субъектно-субъектный подходы. При этом первый подход определяется пассивной позицией сотрудника в процессе социализации, при которой человек адаптируется сам к обществу, формирующему его через присущую обществу культуру. В данном случае субъектами воспитания выступают государство и общество, а личность является объектом воспитания. Второй подход характеризует социализацию как процесс развития и самоизменения человека посредством усвоения и воспроизводства культуры, когда он активно влияет на свои жизненные обстоятельства и на себя самого, а не только адаптируется к обществу через его культуру.

Ряд исследователей отмечает, что культура на понятийном уровне является сверхсложной системой, которая не может рассматриваться в рамках

какого-то одного подхода. Например, Э. В. Соколов, анализируя культуру как социальный феномен, замечает, что она, «взятая в полноте своего бытия, своего функционирования и развития... оказывается трехаспектной системой, включающей в себя три ее грани или модальности: человеческая, деятельностная и предметная» [9, с. 17].

На наш взгляд, именно эти три грани модальности культуры и должны быть положены в основу воспитательного воздействия на личный состав

в организациях МВД России через делегирование полномочий по воспитанию личного состава руководителям органов внутренних дел и воспитательному аппарату. При этом необходимым компонентом целостной системы воспитательной работы с сотрудниками органов внутренних дел должен быть процесс определения существенных факторов окружающей социально-культурной среды, в наибольшей степени взаимодействующих с личностью сотрудника.

Литература

1. Абдулатипов Р. Г. Культура как определяющий фактор развития России в XXI веке // Представительная власть. – 2011. – № 4 (107). – С. 4–10.
2. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, акад. В. П. Зинченко. – М.: Прайм-ЕВРОЗНАК. – 2003. – 632 с.
3. Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на встрече с членами Правительства, руководством Федерального Собрания и главами президиума Государственного Совета Российской Федерации // Рос. газ. – 2005. – 7 сент.
4. Кудрина Е. Л., Кудрин В. С. Основные тенденции молодежного экстремизма в современной социально-культурной ситуации // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2015. – № 32. – С. 205–212.
5. Леонтьева О. В. Культурно-образовательная среда вуза как психолого-педагогическая проблема [Электронный ресурс] // Образование и общество. – URL: http://jeducation.ru/6_2009/106.html (дата обращения: 04.04.2012).
6. Определение понятия «развитие» [Электронный ресурс] // Слов. пед. терминов. – URL: <http://cito-web.yspu.org> (дата обращения: 15.05.2016).
7. Основные понятия и категории педагогики [Электронный ресурс]. – URL: <http://paidagogos.com> (дата обращения: 15.06.2016).
8. Основы организации воспитательной работы с личным составом в органах внутренних дел: учеб. пособие / под общ. ред. В. Я. Кикотя. – М.: ЦОКР МВД РФ, 2008. – 400 с.
9. Соколов Э. В. Город глазами культурологов // Город и культура: сб. науч. тр. – СПб., 1992. – С. 17.
10. Ушаков Б. Г. Антропологические проблемы современного воспитания // Практики воспитания в образовательном опыте переходного общества: мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В. И. Стрельченко. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2010. – С. 89–90.
11. Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – URL: http://dict.t-mm.ru/enc_sl (дата обращения: 20.06.2016).

References

1. Abdulatipov R.G. Kul'tura kak opredelyayushchiy faktor razvitiya Rossii v XXI veke [Culture as a determining factor in the development of Russia in XXI century]. *Predstavitel'naya vlast'* [Representative power], 2011, no. (107), pp. 4-10. (In Russ.).
2. *Bol'shoy psikhologicheskiy slovar'* [A significant psychological dictionary]. Ed. B.G. Meshcheryakov, V.P. Zinchenko. Moscow, Praym-EVROZNAK Publ., 2003. 632 p. (In Russ.).
3. Vystuplenie Prezidenta Rossiyskoy Federatsii V.V. Putina na vstreche s chlenami Pravitel'stva, rukovodstvom Federal'nogo Sobraniya i glavami prezidiuma Gosudarstvennogo Soveta Rossiyskoy Federatsii [Address by the President of the Russian Federation Vladimir Putin at a meeting with members of the Government, the leadership of the Federal Assembly and the heads of the presidium of the State Council of Russia]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper], 2005, 7 September. (In Russ.).
4. Kudrina E. L., Kudrin V. S. Osnovnye tendentsii molodezhnogo ekstremizma v sovremennoy sotsial'no-kul'turnoy situatsii [Main Trends of Youth Extremism in Modern Sociocultural Situation]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2015, no. 32, pp. 205-212.

5. Leont'eva O.V. Kul'turno-obrazovatel'naya sreda vuza kak psikhologo-pedagogicheskaya problema [Cultural-educational environment of high school as a psychological and pedagogical problem]. *Obrazovanie i obshchestvo [Education and Society]*. (In Russ.). Available at: http://jeducation.ru/6_2009/106.html (accessed 04.04.2012).
6. Opredelenie ponyatiya "razvitiye" [The definition of "development" concepts]. *Slovar' pedagogicheskikh terminov [Dictionary of pedagogical terms]*. (In Russ.). Available at: <http://cito-web.yspu.org> (accessed 15.05.2016).
7. *Osnovnye ponyatiya i kategorii pedagogiki [Concepts and pedagogy categories]*. (In Russ.). Available at: <http://paidagogos.com> (accessed 15.06.2016).
8. *Osnovy organizatsii vospitatel'noy raboty s lichnym sostavom v organakh vnutrennikh del: uchebnoe posobie [Fundamentals of educational work with the personnel in the police: the manual]*. Ed. V.Ya. Kikotya. Moscow, COKR MVD RF Publ., 2008. 400 p. (In Russ.).
9. Sokolov E.V. Gorod glazami kul'turologov [City eyes culturologists]. *Gorod i kul'tura: sbornik nauchnykh trudov [City and Culture: Proceedings]*. St. Petersburg, 1992, p. 17. (In Russ.).
10. Ushakov B.G. Antropologicheskie problemy sovremennogo vospitaniya [Anthropological problems of contemporary education]. *Praktiki vospitaniya v obrazovatel'nom opyte perekhodnogo obshchestva: materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Practice training in the educational experience of the transitional society: Materials of III International scientific-practical conf.]*. Ed. V.I. Strel'chenko. St. Petersburg, Polytechnical University Publ., 2010, pp. 89-90. (In Russ.).
11. *Entsiklopedicheskiy slovar' [Collegiate Dictionary]*. (In Russ.). Available at: http://dict.t-mm.ru/enc_sl (accessed 20.06.2016).

УДК 379.8

УСЛОВИЯ МОТИВАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ К ВОЛОНТЁРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

Паклина Елена Алексеевна, аспирант, Санкт-Петербургский государственный институт культуры
(г. Санкт-Петербург, РФ). E-mail: svoboda1990@mail.ru

Статья посвящена анализу волонтерской деятельности в высших учебных заведениях. Автор рассматривает важность эффективного мотивирования и вовлечения студенческой молодёжи в процесс волонтерской деятельности. Анализирует широкий спектр возможностей участия в добровольческих проектах в высших учебных заведениях. Подробно рассматривает прогрессирующую динамику развития добровольческой деятельности в высших учебных заведениях, выявляет плюсы и минусы данного процесса. Конструктивно характеризует устойчивую тенденцию участия студенческой молодёжи в волонтерских проектах и программах, ориентированных на широкую общественную пользу, развитие творческих начал, реализацию креативных идей. Участие в волонтерских проектах конструктивно изменяет морально-психологические установки каждого из студентов, что является важным фактором в учебном процессе: формируется и развивается социальная активность, направленная на изменение и преобразование окружающей действительности, улучшаются коммуникативные и организаторские навыки, развивается чувство уверенности в себе, ответственности, приобретаются лидерские качества и навыки. В настоящее время волонтерство – растущая международная тенденция. Например, в программе Добровольцев ООН провозглашается идея мира и развития посредством продвижения добровольчества по всему миру, стимулирования партнеров интегрировать волонтерство в программах развития и мобилизации постоянно увеличивающегося числа и многообразия волонтеров. Показана динамика развития интереса со стороны студенческой молодёжи к участию в добровольческих проектах.

тах и мероприятиях. Сформированы эффективные условия и методы вовлечения студенческой молодёжи в волонёрское движение высших учебных заведений.

Ключевые слова: волонёрство, волонёрское движение, волонёрская деятельность, студенческая молодёжь, добровольцы, мотивы, мотивация.

MOTIVATION AND INVOLVEMENT OF STUDENTS TO THE VOLUNTEERING MOVEMENT

Paklina Elena Alekseevna, Postgraduate, St. Petersburg State University of Culture (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: svoboda1990@mail.ru

This article analyzes the volunteering at higher education institutions. The author examines the importance of effective motivation and involvement of students to the volunteering movement. The author analyzes a wide range of opportunities to participate in volunteer projects in higher education, investigates progress of interest of volunteering in the universities and the pros and cons of the process. It constructively describes steady trends of young people participation in volunteering projects designed for a general audience. This volunteering projects aims at social (public) benefits. Article describes the main aim of the volunteering – to encourage students to build their creativity. Participation in volunteering projects has had a positive effect on development of the personality and of basic values with a view to personal and social fulfillment and sense of identity. This is an important factor in the educational process. Volunteerism benefits both, society at large and the individual volunteer, by strengthening trust, solidarity and reciprocity among students and by purposefully creating opportunity for participation in university life. Moreover, volunteering creates new skills and work attitudes, fosters social inclusion, improves communicative skills. Participation in volunteering projects also can help young people to become a leader, to regain confidence and to look to the future with greater optimism. Especially now, volunteering is the growing international trend. For example, UNV contributes to peace and development by advocating for volunteerism globally, encouraging partners to integrate volunteerism into development programming and mobilizing an increasing number and diversity of volunteers. And most important is a fact, that volunteering helps a young person become a responsible member of society. The author examines interest of students to participate in volunteer projects and activities. The author has formed effective conditions and methods of involving students to the volunteer movement in higher education.

Keywords: volunteering, volunteer movement, volunteer activity, student's youth, volunteers, motives, motivation.

В настоящее время всё больше приобретает популярность такое современное направление общественной деятельности, как волонёрство. Как отмечает Е. В. Великанова, «волонёрство – общественное явление добровольного участия в каком-либо деле «парапрофессионалов» (людей, не имеющих специальной подготовки), энтузиастов: в клубе – идеологов народной педагогики, родителей, носителей «свободных профессий», студенчества и рабочей молодёжи, представляющее собой лидерское участие в жизни клубных сообществ на добровольных и бескорыстных началах» [1, с 97]. Особый интерес к волонёрской деятельности возрастает в студенческой

среде. Как известно, студенты являются наиболее мобильной группой населения, обладающей целеустремленностью и инициативностью. В последние годы среди студенческой молодёжи формируются различные волонёрские объединения (отряды, движения, организации и т. п.). В процессе работы была проанализирована деятельность волонёрских отрядов в ведущих вузах Санкт-Петербурга.

В Санкт-Петербургском государственном университете (СПбГУ) волонёрский центр был сформирован 21.10.2014, на сегодняшний день количество участников волонёрского движения составляет 2060 человек. Основные направления

деятельности: донорство (организованная сдача крови в городских больницах), социальная работа (сбор вещей и игрушек для детских домов), защита окружающей среды (субботники, сбор яблок в Екатерининском дворце), толерантность (сопровождение иностранных студентов, активная помощь в социализации в новой социально-культурной среде), культурное-досуговое направление (организация культурно-досуговых мероприятий).

В Санкт-Петербургском государственном экономическом университете (СПбГЭУ) с 2011 года ведёт активную работу Центр поддержки добровольческих инициатив, в состав которого входят 1259 человек. На протяжении ряда лет Центр привлекал волонтеров по следующим профилям: управление олимпийской деревней; услуги по организации питания; спорт; взаимодействие с Национальным олимпийским комитетом/Национальным паралимпийским комитетом; научная сфера.

В Санкт-Петербургском государственном технологическом институте (СПбГТИ) волонтерский корпус начал свою работу 16.03.2011, количество участников на данный момент составило 499 человек, основными направлениями деятельности являются: социальное, культурное, спортивное и экологическое.

В Санкт-Петербургском государственном институте кино и телевидения (СПбГИКиТ) добровольческий центр начал свою работу 23.04.2014, основными видами деятельности являются: социальное, культурное и экологическое направления. Количество задействованных волонтеров составляет 480 человек.

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день в отечественных вузах проявляется устойчивая тенденция развития волонтерской деятельности, ориентированной на широкую общественную пользу. На наш взгляд, волонтерство играет достаточно важную роль в современных высших учебных заведениях, так как, пройдя школу добровольческих объединений, именно в вузе, студент приобретает и формирует не только организаторские и профессиональные навыки, но и развивает важные личностные качества и коммуникативные способности.

Участие в мероприятиях волонтерской направленности конструктивно изменяет морально-психологические установки практически каждого студента: активно формируется и развивается социальная активность, направленная на изменение и преобразование окружающей действительности, развиваются чувства уверенности в себе, ответственность, приобретаются лидерские качества, что немаловажно для современной молодёжи в сложившейся социально-экономической ситуации.

Неоспорим и тот факт, что активное саморазвитие современной молодёжи, особенно в студенческой среде, требует социально признаваемой и социально одобряемой деятельности.

В структуре современных волонтерских движений давно определились разнообразные формы, виды и продолжительность институциональной деятельности. Так, волонтерство, может быть «организованным и неорганизованным, осуществляться в общественных и частных организациях, в группе и индивидуально. Группы волонтеров могут быть от двух и более человек. Группы добровольцев по аналогии с другими социальными группами делят на малые и большие, официальные и не официальные, устойчивые и ситуативные, организованные и стихийные, контактные и неконтактные»¹.

Безусловно, плюсами волонтерской деятельности для студенческой молодёжи являются: возможность самореализации, расширение социально-значимых контактов, приобретение новых практических знаний и навыков, а также профессионального опыта. Из минусов можно выделить: возможные пропуски учебных занятий из-за участия в волонтерских мероприятиях, недостаточность свободного времени, эмоциональное выгорание и моральная усталость.

И, тем не менее, участие студентов в волонтерской деятельности способно конструктивно решать важную задачу повышения профессиональной компетентности будущих специалистов за счёт получения в добровольчестве первичного опыта участия в профессиональной деятельности, увеличения возможностей профессионального ориентирования и формирования базовых лич-

¹ О близости понятий «благотворительность» и «помогающее поведение» см. [3].

ностных и социальных компетентностей, необходимых для профессиональной деятельности.

Достаточно актуальной, в контексте затронутого вопроса, нам представляется проблема мотивирования студенческой молодёжи к волонтерской деятельности. Нередко мотивы молодых людей, занимающихся добровольческой деятельностью, очень различны. Одними движет стремление ощущать себя нужными, полезными людям, желание заслужить уважение и признание окружающих, другие руководствуются собственными интересами и склонностями, третьи хотят быть частью большой команды, получить практические навыки.

Исследователь современного волонтерства С. В. Михайлова, изучая мотивы добровольцев, обратила внимание на влияние на них возрастных различий. Так, сравнивая людей молодого, среднего и пожилого возраста она отмечает, что у первых «преобладает мотивация, связанная с желанием попробовать себя в будущей профессии, искать полезные связи и контакты. В среднем возрасте на первый план выходит потребность в самореализации. И, наконец, старшему возрасту в большей степени присуще проявление сострадания, милосердия и заботы» [2].

Анализируя психологические аспекты участия студенческой молодёжи в добровольческой деятельности, можно предположить, что потребность в самореализации является для студенческой молодёжи ведущим мотивом участия в добровольческих проектах. Так, в процессе исследования нами было выявлено, что, например, в Санкт-Петербургском государственном институте культуры (СПбГИК) проявляется достаточно устойчивая тенденция развития волонтерской деятельности, ориентированной на развитие творческих начал и реализацию креативных идей студентов. Студенческая молодёжь института принимает активное участие в различных культурно-досуговых мероприятиях: это выставки и фестивали, общегородские мероприятия и праздники. Волонтеры СПбГИК стали участниками ежегодных международных форумов, фестивалей и выставок, таких как: Всемирный фестиваль «Петербургский самовар», Международная выставка «Всё для лета», Всемирный фе-

стиваль кузнечного искусства «Кузница счастья» в г. Кронштадт, Санкт-Петербургский Международный культурный форум, Международный форум в рамках Партнёрства «Северного измерения» в области культуры, мероприятия группы двадцати «G20», Петербургский Международный экономический форум и мн. др. Кроме указанных мероприятий студенты СПбГИК принимали активное участие в мероприятиях городского формата, приуроченных к празднованию Дня города, 9 мая, Масленицы и «Бабьего Лета», в детском фестивале военно-патриотической песни «Дети России – дети Победы», городском фестивале «Славянская ярмарка», историческом фестивале «Александровская карусель», открытии трехмерной панорамы «Битва за Берлин. Подвиг знаменосцев», фестивале «Детские дни в Петербурге» и др. Общее количество студентов-волонтеров, участников данных мероприятий составило более 700 человек (подробности в официальной группе волонтерского движения СПбГИК: https://vk.com/club_oranjevoe_nastroenie).

Мотивационными факторами участия студентов института в данных проектах являлись: помощь нуждающимся людям, содействие становлению подрастающего поколения, формирование у молодёжи стремления к состраданию и милосердию, навыков лидерского поведения, развитие творческих начал.

Помимо альтруистической направленности волонтерской деятельности, современная студенческая молодёжь также участвует в добровольческих движениях для приобретения опыта, специальных знаний и навыков, установления необходимых социальных контактов. Часто волонтерская деятельность является прямым путём к достойно оплачиваемой работе, возможностью проявить себя и зарекомендовать с лучшей стороны перед работодателем. Многие организации-работодатели практикуют трудоустройство студентов в свои организации после благополучного завершения работы в течение определенного установленного периода на добровольных началах (так, выпускники СПбГИК успешно отработав во время учёбы в институте волонтерами в течение двух-трёх лет, были официально трудоустроены в праздничные агентства, музыкальные школы, дома культуры).

Подводя итог вышеизложенному, хотелось бы отметить, что, на наш взгляд, для повышения общественного статуса волонтерской деятельности в вузах и мотивирования к волонтерству наибольшего процента учащейся молодежи, необходимо систематически и планомерно реализовывать на базе вузов такие мероприятия, как проведение внутривузовских и межвузовских конкурсов «Лучший волонтер сезона», «Лучший волонтерский студенческий проект», «Лучшая статья о волонтерской деятельности», а также проведение на постоянной основе межвузовских конференций с участием городских добровольческих организаций.

Координаторам волонтерской деятельности необходимо не только учитывать существующую мотивацию волонтеров, но и способствовать её развитию с помощью специальных программ и отдельных мероприятий. В целях стимулирования студентов к волонтерской деятельности следует использовать такие хорошо зарекомендовавшие себя формы, как выдача самым активным студентам-волонтерам специального документа – «удостоверения штатного волонтера вуза» за подписью руководителя организации, где будет зафиксирован практический опыт волонтерской деятельности. Для формирования и

поддержания положительного имиджа волонтера необходимо организовывать награждение лучших студентов-волонтеров почётными грамотами и благодарственными письмами в торжественной обстановке; премировать отличившихся волонтеров.

Таким образом, проведённое нами исследование позволило сделать вполне обоснованные выводы о том, что, хотя волонтерские движения в российских вузах еще только начинают набирать обороты и в студенческом волонтерском движении существуют как положительные, так и отрицательные стороны, тем не менее наблюдается устойчивая тенденция роста интереса со стороны студенческой молодежи к волонтерской деятельности. Соответственно в целях не только поддержания, но и развития интереса и мотивации студенческой молодежи к достаточно сложной и многофакторной добровольческой деятельности в высших учебных заведениях необходимо разрабатывать, активно проводить и внедрять научно-обоснованную и практически реализованную систему мероприятий, нацеленных на совершенствование организационной структуры и расширение направлений деятельности студенческих волонтерских движений.

Литература

1. Великанова Е. В. Возможности волонтерского движения в социализации личности подростков и молодежи // Совершенствование подготовки кадров сферы культуры: традиции и новации. – М., 2004. – С. 97.
2. Михайлова С. В. Десять советов по работе с добровольцами руководителю общественной организации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.studyspu.ru/stati/metodicheskie-materialy/desjat-sovetov-po-rabote-s-dobrovolcami-rukovoditelyu-obshchestvennoi-organizatsii.html> (дата обращения: 20.03.15).
3. Дудченко О. Н., Мытиль А. В., Зарипова З. Р. Перспективы развития благотворительности в России // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. акад. РАН М. К. Горшков. – М.; СПб.: Ин-т социологии РАН, Нестор-История, 2011. – Вып. 10. – С. 389–403.

References

1. Velikanova E.V. Vozmozhnosti volonterskogo dvizheniya v sotsializatsii lichnosti podrostkov i molodezhi [Possibilities of the volunteer movement in socialization of the identity of teenagers and youth]. *Sovershenstvovaniye podgotovki kadrov sfery kul'tury: traditsii i novatsii* [Improvement of professional training of the sphere of a culture: traditions and innovations]. Moscow, 2004. 7 p. (In Russ.).
2. Mikhaylova S.V. *Desyat' sovetov po rabote s dobrovol'tsami rukovoditelyu obshchestvennoy organizatsii* [Ten counsils for work with volunteers to the head of public organization]. (In Russ). Available at: <http://www.studyspu.ru/stati/metodicheskie-materialy> (accessed 20.03.2015).
3. Dudchenko O.N., Mytil' A.V., Zaripova Z.R. Perspektivy razvitiya blagotvoritel'nosti v Rossii [The prospects of development of charity in Russia]. *Rossiya reformiruyushchayasya: Ezhegodnik* [Reforming Russia: Year-book]. Moscow, St. Petersburg, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences Publ., Nestor-History Publ., 2011, iss. 10, pp. 389-403. (In Russ.).

УДК 378

**К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ НЕПРЕРЫВНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ
(НА ПРИМЕРЕ КРАЕВОГО НАУЧНО-УЧЕБНОГО ЦЕНТРА КАДРОВ
КУЛЬТУРЫ МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)**

Лазарева Маргарита Викторовна, аспирант, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: rita.antropova@yandex.ru

В статье автор отмечает тесную связь подготовки специалистов в сфере культуры и искусства с динамикой современной культурной жизни, при которой непрерывное профессиональное образование основывается на познавательной активности личности. Описывается три вектора движения человека в образовательном пространстве: «вектор движения вперед», «вектор движения вверх», «вектор движения по горизонтали», что позволяет рассматривать непрерывное профессиональное образование как одно из направлений формирования профессионально компетентного специалиста, обладающего навыками решения профессиональных задач и осознающего значимость своей деятельности с ответственностью за ее результаты.

В ходе исследования был проведен опрос слушателей по программе профессиональной переподготовки «Менеджмент в социально-культурной сфере» Красноярского краевого научно-учебного центра кадров культуры Министерства культуры Красноярского края. Респонденты проходили опрос по оценке результативности обучения и методике изучения мотивов учебной деятельности в модификации А. А. Реана и В. А. Якунина.

На основании полученных результатов был сделан вывод о том, что в сфере культуры и искусств Красноярского края наблюдается недостаточный уровень квалификации профессиональных кадров среди управленческого состава. Это свидетельствует об актуальности решения вопросов повышения квалификации и переподготовки кадров культуры и искусств.

Ключевые слова: вектор движения человека, культура, непрерывное профессиональное образование, образование на протяжении всей жизни.

**ON THE ISSUE OF CONTINUING VOCATIONAL
TRAINING DEVELOPMENT IN CULTURE AND ART
(ON THE EXAMPLE OF CULTURE STAFF REGIONAL RESEARCH AND
TRAINING CENTER OF KRASNOYARSK REGION MINISTRY OF CULTURE)**

Lazareva Margarita Viktorovna, Postgraduate, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: rita.antropova@yandex.ru

The article emphasizes the close relationship of training specialists for the sphere of culture and art with the dynamics of contemporary cultural life, in which the continuing vocational training is based on the cognitive activity of the individual. It describes the three vectors of a person's movement in the educational space "forward motion vector," "vector of moving upwards," "horizontal motion vector," which allows us to consider continuing vocational training as one of the directions of professionally competent professional formation having the skills of solving the professional issues and realizing the significance of their activities with responsibility for the results.

During the research, a survey of listeners of vocational retraining program "Management in the social and cultural sphere" was conducted in Krasnoyarsk Culture Staff Regional Research and Training Centre of Krasnoyarsk region Ministry of Culture. The respondents participated in a survey on the training effectiveness assessment and methodology of the study of motives to educational activity in the modification A.A. Rean and V.A. Yakunin.

It was concluded, based on the results, that in the sphere of culture and arts of Krasnoyarsk region, there is an insufficient level of professional staff qualifications among the administrative staff. This shows the relevance of addressing the issues of advanced training and retraining of culture and arts staff.

Keywords: a person's movement vector, culture, continuing vocational education, life-long learning.

Подготовка специалистов в сфере культуры и искусства тесно связана с динамикой культурной жизни как всего общества и страны в целом, так и каждого отдельно взятого региона, в частности. В связи с чем к основным целям непрерывного образования в сфере культуры и искусств целесообразно отнести подготовку конкурентоспособных специалистов на рынке труда и формирование кадровых ресурсов, непрерывная профессиональная подготовка которых направлена на развитие интеллектуального, духовного и личностного потенциала, на поддержание, сохранение и трансляцию культурных ценностей в обществе.

Рассматривая непрерывное профессиональное образование как системно-организованный процесс образования людей на протяжении всей жизни, в основе которого лежат нормативные предписания, обязывающие работодателя обеспечить работнику необходимые и достаточные условия для приращения профессиональных знаний и умений всякий раз, когда изменение условий его трудовой деятельности связано с предъявлением ему новых или дополнительных профессиональных требований, что позволяет ему оставаться эффективным работником, быть конкурентоспособным на внутреннем и внешнем рынках труда и сохранять социальные условия жизни, адекватные уровню его профессионального рейтинга на рынке труда [4], следует особо подчеркнуть важность и непрерывность данного процесса.

Исследователи отмечают, что в этой ситуации возможны три вектора движения человека в образовательном пространстве [1]: «вектор движения вперед», «вектор движения вверх», «вектор движения по горизонтали».

В первом случае человек, оставаясь на одном и том же формальном образовательном уровне (учитель, слесарь, врач, инженер и т. д.), может

совершенствовать свою квалификацию, свое профессиональное мастерство.

Во втором случае человек, поднимаясь по ступеням и уровням профессионального образования, может либо последовательно восходить по ступеням и уровням образования, либо какие-то уровни и ступени образования пропустить. Примером тому может быть учащийся, который последовательно получает начальное, среднее и высшее профессиональное образование, либо после школы сразу приступает к освоению программы высшего образования по уровням подготовки.

В третьем случае непрерывность образования подразумевает возможность не только продолжения образования, но и смены профиля образования (смены специальности, профессии), то есть возможность осуществления образовательного маневра на разных этапах жизненного пути, исходя из потребностей и возможностей личности и складывающихся социально-экономических условий.

Целью непрерывного образования, по мнению ряда исследователей, следует «считать создание условий для всестороннего развития любого человека, независимо от его возраста, места жительства, первоначально приобретенной профессии, но с учетом индивидуальных способностей, мотивов и интересов, то есть научить человека учиться самостоятельно в течение всей жизни» [5, с. 353].

Существуют отличительные особенности непрерывного образования взрослых от образования человека на протяжении всей жизни, которые характеризуются областью образовательных технологий и связаны с тем, что взрослые, как правило, имеют уже опыт образовательной деятельности и навыки практической работы. В связи с этим их запросы являются более конкретными

и прагматичными, когда речь идет об очередных программах профессионального образования.

Балыхин М. Г., отмечает что системообразующим фактором непрерывного профессионального образования выступает, несомненно, его целостность, под которой исследователь понимает не механическое приращение элементов, а глубокую интеграцию всех подсистем, уровней, структур и образовательных процессов [2].

Вербицкий А. А., рассматривая проблему непрерывного образования, обращает внимание на понимание принципа непрерывности и высказывается против трактовки непрерывного образования как обучения с заранее установленной периодичностью, то есть механического решения проблемы. Содержательное решение этой проблемы автор предлагает, вводя понятие «квалификация», которое характеризует не сумму полученных документов об образовании, а уровень компетентности специалиста, его способность решать определенные классы профессиональных и социальных задач. Автор считает, что своего рода заполнителем резервов непрерывности (то есть прерывности) выступает самообразование, которое предполагает сохранение и развитие познавательного отношения человека к миру, его умение учиться [3].

Из данных суждений следует, что непрерывное профессиональное образование, в первую очередь, ориентировано на оправдательные запросы личности, на её познавательную активность. Исходя из этого, справедливо утверждать, что в основе непрерывного образования лежит образовательная потребность, удовлетворение которой невозможно без создания организационно-педагогических условий, способных обеспечить необходимый набор образовательных услуг.

На наш взгляд, непрерывное профессиональное образование следует рассматривать как одно из направлений формирования профессионально компетентного специалиста, обладающего навыками решения любых профессиональных задач, осознающего значимость своей деятельности, ответственного за ее результаты. Одним из приоритетных направлений в сфере непрерывного профессионального образования является развитие мотивации к обучению, которая представляет собой фундаментальную основу для получения образования в течение всей жизни.

В соответствии с темой исследования нами был проверен социологический опрос слушателей по программе профессиональной переподготовки «Менеджмент в социально-культурной сфере» Красноярского краевого научно-учебного центра кадров культуры Министерства культуры Красноярского края. Группа проходила обучение в период с июня 2015 по июнь 2016 года. В опросе приняли участие 30 слушателей.

Исследование проходило в два этапа: первый этап во время второй сессии (ноябрь 2015 год); второй этап в период четвертой сессии (июнь 2016 год).

Целесообразность выбранных этапов, заключается в том, что первый этап является начальным периодом обучения, а второй этап проходил непосредственно перед защитой выпускной квалификационной работы. Респондентам было предложено пройти опрос по оценке результативности обучения, а также методику изучения мотивов учебной деятельности в модификации А. А. Реана и В. А. Якунина.

В ходе опроса респондентам предлагалось оценить результативность обучения по десятибалльной шкале, где 1 балл – «неудовлетворительно», 10 баллов – «отлично». Были получены результаты, представленные на рисунке 1.

При анализе полученных данных удалось установить, что на первом этапе исследования такие показатели, как соответствие содержания курса ожиданиям, новизна полученной информации, практичность полученного материала и применимость для работы, предложения относительно удобства посещения обучения, владение материалом преподавателем, а также удовлетворенность полученными материалами (пособия, лекции) во втором семестре 2015 года имели усредненные значения, а в четвертом семестре 2016 года эти показатели значительно увеличились, а в отдельных случаях достигли максимального значения. Следовательно, слушатели данной группы проявляют высокую познавательную активность в процессе учебной деятельности, получая удовольствие от самого процесса познания. У них развито стремление овладеть профессиональными знаниями и умениями, а также сформировать профессионально важные качества в период обучения в Красноярском краевом научно-учебном центре кадров культуры.

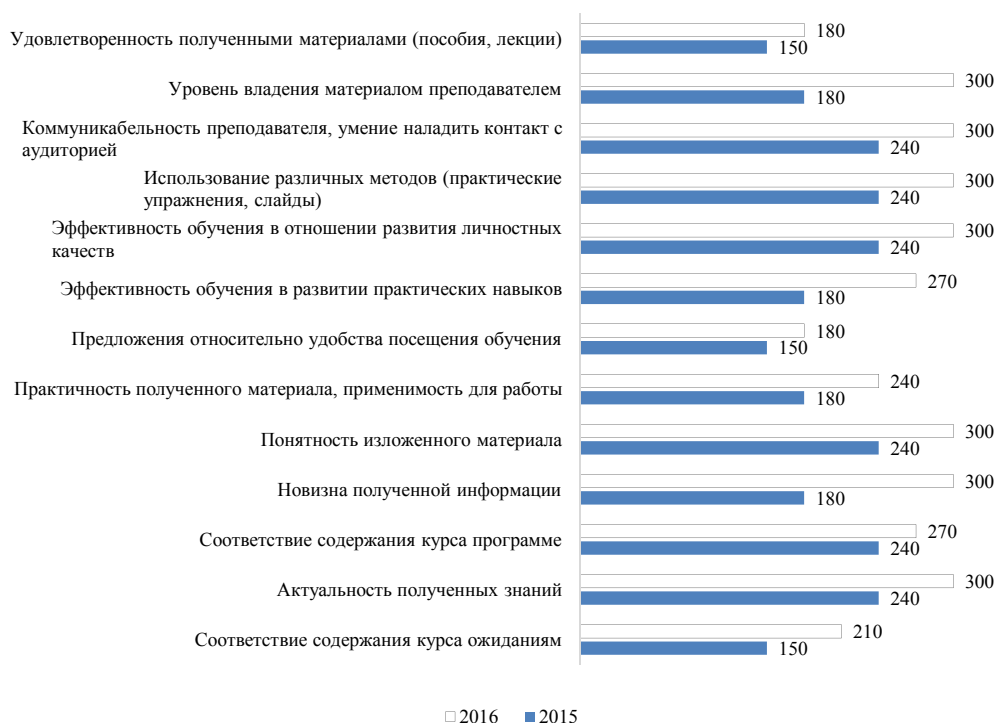

Рисунок 1. Результаты опроса по «оценке результативности обучения»

Данные изменения нашли свое отражение в прохождении методики изучения мотивов учебной деятельности в модификации А. А. Реана и В. А. Якунина. В результате было выявлено, что в структуре учебной мотивации группы слушателей в момент начала обучения (ноябрь 2015 года) доминирует мотив получения диплома и одобрения окружающих, что свидетельствует о наличии у данной группы слушателей низкого уровня познавательного интереса к обучению и соответственно профессиональной направленности. При повторном проведении опроса с использованием данной методики в июне 2016 года преобладающими мотивами были: стать высококвалифицированным специалистом, приобрести глубокие и прочные знания, достичь уважения преподавателей и получить интеллектуальное удовлетворение.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что имеется недостаточный уровень квалификации профессиональных кадров в сфере культуры и искусств Красноярского края, особенно в части управленческого персонала. Необходимо внедрение эффективных форм, методик обучения, технологий организации и управления образовательным процессом, что позволит сформировать гибкую систему непрерывного образования, направленную на развитие человеческого потенциала. Оценка результативности обучения, полученная в ходе исследования об актуальности вопросов со стороны повышения квалификации и переподготовки на протяжении всей жизни, позволит слушателям чувствовать себя более защищенными и конкурентоспособными на рынке труда.

Литература

1. Аношкина В. Л., Резванов С. В. Образование. Инновация. Будущее (Методологические и социокультурные проблемы). – Ростов н/Д.: РО ИПК и ПРО, 2001. – 176 с.
2. Балыхин М. Г. Подготовка бакалавров-магистров в системе непрерывного профессионального образования как социально-историческая и педагогическая проблема [Электронный ресурс] // Учёные зап. ЗабГУ. Сер.: Филология, история, востоковедение. – 2012. – № 2. – URL: [http://cyberleninka.ru/article/n/podgotovka-](http://cyberleninka.ru/article/n/podgotovka)

bakalavrov-magistrov-v-sisteme-nepreryvnogo-professionalnogo-obrazovaniya-kak-sotsialno-istoricheskaya-i-pedagogicheskaya.

3. Вербицкий А. А. Методологические проблемы непрерывного образования // Непрерывное образование: методология и практика. – М., 1990. – С. 25–34.
4. Скворцов В. Н. Основные тенденции развития непрерывного образования [Электронный ресурс] // Царскосельские чтения. – 2013. – № 17. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-tendentsii-razvitiya-nepreryvnogo-obrazovaniya>.
5. Соболева Л. С. Современные тенденции обеспечения преемственности дошкольного и начального общего образования // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 5. – С. 352–355.

References

1. Anoshkina V.L., Rezvanov S.V. *Obrazovanie. Innovatsiya. Budushchee (Metodologicheskie i sotsiokul'turnye problemy) [Education. Innovation. Future (Methodology and socio-cultural issues)]*. Rostov-na-Donu, RO IPK i PRO Publ., 2001. 176 p. (In Russ.).
2. Balykhin M.G. Podgotovka bakalavrov-magistrov v sisteme nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniya kak sotsial'no-istoricheskaya i pedagogicheskaya problema [Training Bachelors and Masters in the system of continuing vocational training as a social, historical and pedagogic problem]. *Uchenye zapiski ZabGU. Seriya: Filologiya, istoriya, vostokovedenie [Scientists notes ZabGU. Series: Philology, history, oriental studies]*, 2012, no. 2. (In Russ.). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/podgotovka-bakalavrov-magistrov-v-sisteme-nepreryvnogo-professionalnogo-obrazovaniya-kak-sotsialno-istoricheskaya-i-pedagogicheskaya>.
3. Verbitskiy A.A. Metodologicheskie problemy nepreryvnogo obrazovaniya [Methodology issues of the continuing training]. *Nepreryvnoe obrazovanie: metodologiya i praktika [Continuing Education Continuing education: methodology and practice]*. Moscow, 1990, pp. 25-34.
4. Skvortsov V.N. Osnovnye tendentsii razvitiya nepreryvnogo obrazovaniya [The main trends of continuing training development]. *Tsarskosel'skie chteniya [Tsarskoe reading]*, 2013, no. 17. (In Russ.). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-tendentsii-razvitiya-nepreryvnogo-obrazovaniya>.
5. Soboleva L.S. Sovremennye tendentsii obespecheniya preemstvennosti doshkol'nogo i nachal'nogo obshchego obrazovaniya [Current trends to ensure continuity of preschool and primary education]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk [Actual problems of the humanities and natural sciences]*, 2013, no. 5, pp. 352-355. (In Russ.).

УДК 374

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ПОДРОСТКОВ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

Зуева Татьяна Владимировна, аспирант, Челябинский государственный институт культуры (г. Челябинск, РФ); старший методист регионального научно-практического центра «Костанай дарыны» управления образования акимата Костанайской области Республики Казахстан, руководитель отдела воспитательной работы и социализации личности школьников (г. Костанай, Республика Казахстан). E-mail: t.zueva28@mail.ru

Статья написана на актуальную тему, раскрывающую аспекты социально-культурного развития личности подростка в деятельности школы и семьи при условии организации их взаимодействия. Обозначена актуальность формирования статуса подростка в референтной группе, отражающего процесс социализации личности и свидетельствующего о принятии (или неприятии) субъекта общностью.

Опираясь на труды ученых в области педагогики детства, развития социокультурного пространства и современных исследователей, автор определяет актуальность и востребованность научного осмысления процессов социализации подростков в современных условиях, связанных с трансформацией социокультурной среды.

Вопросы социализации подрастающего поколения все чаще становятся предметом пристального внимания исследователей, при этом взаимодействие таких социальных институтов, как школа и семья в социально-культурной деятельности изучено недостаточно. Этот вопрос требует своего научно-теоретического осмысления.

В статье сделана попытка обобщить определения социализации, в связи с этим выделены четыре основных направления, показана их специфика (В. Г. Бочарова, А. В. Мудрик, М. А. Галагузова и Р. А. Литвак). Рассмотрены понятия личности подростка и социально-культурной деятельности. Социализация личности ребенка ведет к формированию в социальной общности его статуса. Приведен перечень факторов, влияющих на этот процесс. Предложено включение дополнительных позиций, так как факторы, связанные непосредственно с личностью ребенка (подростка) и его «внешней» деятельностью, то есть с социальной деятельностью вне семьи (и прежде всего здесь надо говорить о школе), отсутствуют. Для подросткового возраста характерна насыщенность межличностных контактов, общению со сверстниками отдается приоритет по сравнению со взаимоотношениями со взрослыми. Статус в группе отражает процесс социализации личности, говорит о принятии (или неприятии) субъекта общностью.

Организация культурной жизни, досуга и предоставление возможности проявления самостоятельности и активности, при согласованном взаимодействии школы и семьи, позволит сделать процесс приобщения подростка к социально значимой деятельности эффективным.

Ключевые слова: социализация подростка, социальные институты, социально-культурная деятельность.

ADOLESCENTS' SOCIALIZATION IN SOCIO-CULTURAL ACTIVITIES OF SCHOOL AND FAMILY

Zueva Tatyana Vladimirovna, Postgraduate, Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts (Chelyabinsk, Russian Federation); Senior Methodologist of the Regional Scientific-practical Center "Kostanay Daryny" Department of Education of Kostanay Region of the Republic of Kazakhstan, the Head of Department of Educational Work and Socialization of Student's Personality (Kostanay, Kazakhstan). E-mail: t.zueva28@mail.ru

The Article is written on a vital topic, revealing aspects of the socio-cultural development of the person of the teenager in the activities of the school and the family provided for the organization of their interaction. It denotes urgency of formation of the teenager's status referent-term group, reflecting the process of socialization and testifying at-yatii (or rejection) of the subject community.

Based on the works of scientists in the field of childhood pedagogy, development of socio-cultural space and modern scholars, the author determines the relevance and demand of scientific understanding the processes of socialization of teenagers in the conditions related to the transformation of the social and cultural environment.

Questions socialization of the younger generation are increasingly becoming the subject of attention of researchers, and the interaction of social institutions such as the school and the family, in socio-cultural activities has been insufficiently studied. This question demands the scientific and theoretical understanding.

The article attempts to summarize the definition of socialization, in connection with the four major directions, shows their specific (V.G. Bocharov, A.V. Mudrik, M.A. Galaguzova, and R.A. Litvak). The concepts of the individual teenager and socio-cultural activities. The socialization of the child's personality leads to the formation of a social community of its status. The list of factors affecting this process. It is proposed the inclusion of additional items as factors directly related to the personality of the child (teenager) and external activity, social activity outside the family (and especially here it is necessary to talk about school). Adolescence is characterized by richness of interpersonal contacts, communication with peers is given priority over relationships with adults. Status in the group reflects the process of socialization, says acceptance (or rejection) of the subject community.

Organization of cultural, leisure and enabling display of independence and activity, consistent with the cooperation of the school and the family will make the process of familiarizing the adolescent to socially significant activities effective.

Keywords: socialization of adolescents, social institutions, social and cultural activities.

Процесс социализации в разных его аспектах и по отношению к различным общественным институтам неоднократно рассматривался исследователями – и психологами, и педагогами, и специалистами социально-культурной деятельности, тем не менее трансформации среды делают обращение к этой теме по-прежнему актуальным, более того, на наш взгляд, обуславливают ее постоянную востребованность. В предыдущей нашей работе (см. [4]) за базовое определение мы брали дефиницию, предложенную еще в 2003 году в словаре Г. М. Коджаспировой, А. Ю. Коджаспирова: «Социализация – процесс усвоения и активного воспроизведения человеком социального опыта, овладения навыками практической и теоретической деятельности, преобразования реально существующих отношений в качества личности. Социализация осуществляется под воздействием целенаправленных процессов (обучение, воспитание) в учебно-воспитательных учреждениях и под влиянием стихийных факторов (семья, улица, СМИ и др.)» [5]. Закрепленный в словаре термин, как правило, обобщает имеющиеся позиции исследователей, подводит итог дискуссиям, однако мы видим, что внимание ученых к «социализации» не только не утихло, а наоборот становится все пристальнее. Осветить все имеющиеся в научной периодике определения социализации, обобщить все исследования в рамках статьи представляется невозможным, тем не менее мы остановимся на ключевых для нашего исследования позициях и в связи с большим объемом терминологического материала постараемся сгруппировать его по направлениям. Предварительно скажем, что история возникновения термина «социализация» и его вхождение в научный обиход достаточно полно освещаются практически в каждой работе, посвященной данному вопросу, проблемы возникают с анализом современных исследований, что обусловлено как их количеством, так и, на первый взгляд, лишь небольшими уточнениями в определениях, часто на уровне замены некоторых фраз синонимичными. Можно сказать, что сегодня четко прослеживаются четыре ключе-

вых направления, научные педагогические школы, сформированные под руководством докторов педагогических наук, профессоров: В. Г. Бочаровой (Институт педагогики социальной работы РАО), А. В. Мудрика (МПГУ), М. А. Галагузовой (РГППУ) и Р. А. Литвак (ЧГИК).

Обратимся к первой позиции. В своей работе 1994 года В. Г. Бочарова актуализирует положение о влиянии в разные возрастные периоды в процессе всей жизни на человека социальной среды и различных сфер микросреды личности. Это влияние, «охватывающее все фазы онтогенеза» человека, и есть социализация [1]. Отметим, что автор использует слово «онтогенез», тем самым соотнося «процесс усвоения и активного воспроизведения человеком социального опыта» с физиологической, природной составляющей развития личности (что, на наш взгляд, неоправданно ушло из приведенного выше словарного определения).

Вторая выделенная нами позиция в отношении изучения социализации личности принадлежит А. В. Мудрику. В своих работах 2000-х годов автор рассматривает социализацию в целом как «процесс развития человека во взаимодействии с окружающим его миром» [6, с. 3] и как «развитие и самоизменение человека в процессе усвоения и воспроизводства культуры, а сущность социализации – как сочетание приспособления и обособления человека в условиях конкретного общества». Последнее определение, как указывает сам исследователь, он выводит из «совершенно определенной и очень четкой трактовки социализации как субъект-субъектного феномена» Г. М. Андреевой (Социальная психология: учебник, 1979), которая помогла «осмыслить социализацию как контекст воспитания» (см. [7, с. 7–8]). Итак, вторая позиция связывает социализацию уже с процессом воспитания, выводит на первый план личностное, межличностное взаимодействие.

Третье направление представлено позицией М. А. Галагузовой (и др.), рассматривающей социализацию как «процесс вхождения ребенка в общество, приобретение им определенного социального опыта (в виде знаний, ценностей, правил

поведения)» [3]. Для нас данная формулировка важна тем, что здесь наблюдается смещение акцента с пассивного восприятия личностью на ее активность (первая позиция – внешнее влияние, вторая – взаимодействие со средой, третья – ее освоение, четвертая, речь о ней пойдет далее, – объединяет представленные формулировки).

Четвертое выделенное нами направление – школа Р. А. Литвак, работы которой констатируют, что социализация представляет собой «многогранный процесс, охватывающий все сферы жизнедеятельности личности, выступающий как общезначимая категория с конкретно заданным результатом» [8, с. 280]. Результат процесса социализации автор видит в образовании личности: «Процесс социализации направлен на установление взаимоотношений с людьми, на познание мира и себя» [8, с. 281]. Итак, данное направление показывает, что социализация личности есть процесс ее социально-культурного развития.

Не оспаривая иных определений, в данном исследовании мы поддерживаем именно четвертую выделенную позицию. Таким образом, анализ проблемы **социализации подростка в социально-культурной деятельности школы и семьи** предполагает раскрытие аспектов социально-культурного развития личности подростка в деятельности названных общественных институтов.

Обратимся к объекту нашего исследования – личности подростка. Собственно понятие личности является предметом рассмотрения многих общественных наук и в связи с этим отмечено много подходов к ее изучению. Мы остановимся только на личности подростка и должны конкретизировать основания для выделения этой группы. Однозначного определения границ подросткового периода нет, в научной литературе данный этап характеризуется как переходный (между детством и взрослостью), но тем не менее имеет и собственную градацию: младший, или ранний подростковый возраст (10/12–14 лет) и старший подростковый возраст, или ранняя юность (15–17/19 лет). Несмотря на отмечаемый признак переходности, в целом подростковый возраст относится к такому периоду человеческого развития, как детство. Для нас важно конкретизировать рассматриваемый период развития человека для однозначного понимания происходящих процессов, в том

числе на физиологическом и психологическом уровне (вспомним акцент в первом выделенном нами определении социализации на фазах онтогенеза). В большинстве российских исследований подростковый возраст определен как 12–15 лет (возраст полового созревания). Именно эту возрастную группу мы и будем рассматривать: преимущественно в нее входят школьники среднего звена (между начальными и старшими классами), находящиеся на обеспечении родителей или государства. Указанные обстоятельства, а также, как правило, не изменяющиеся по отношению к предшествующему периоду развития социально-культурные условия, позволяют некоторые заключения, сделанные учеными по отношению ко всему периоду детства, переносить на подростковый период, несколько их конкретизируя.

Авторы учебника под редакцией А. В. Петровского раскрывают специфическую особенность подросткового периода, по сравнению с предыдущими: «...вступление в него не означает вхождение в новую группу (если не возникла референтная группа вне школы, что очень часто случается), а представляет собой дальнейшее развитие личности в развивающейся группе, но в изменившихся условиях и обстоятельствах (появление учителей-предметников вместо одной учительницы в младших классах, зачатки совместной трудовой деятельности в сельском хозяйстве, возможность проводить время на дискотеке и т. д.) при наличии существенной перестройки организма в условиях бурно протекающего полового созревания» [2, с. 426].

Мы рассматриваем подростков как особую социально-демографическую группу со своими возрастными особенностями, статусным положением и определенными функциями в социальной структуре общества. Деятельность подростка избирательна, обусловлена его потребностями, интересами, сформированными позициями, ориентированными на познание явлений окружающего мира, предметов, которые активизируют психические процессы.

Обратимся к следующему ключевому в рамках настоящей работы для нас понятию – социально-культурная деятельность, определим компоненты, существенные для деятельности школы и семьи. На наш взгляд, объединяющим звеном в социально-культурной деятельности

этих институтов является их направленность на формирование культуры отношений (общественных и личностных): выработка и усвоение элементарных нравственных и эстетических норм, правил общения, поведения, взаимодействия и т. д. Педагогические положения концепции социально-культурной деятельности в целом разрабатывали М. А. Ариарский, Т. И. Бакланова, Т. Г. Бортникова, Н. Д. Булатова, Е. И. Григорьева, М. И. Долженкова, А. И. Костяев, В. В. Леднев, Е. В. Литовкин, Н. Ю. Максимова, Ю. Е. Окунева, Э. И. Петрова, А. А. Сукало, Б. А. Титов, Н. Н. Ярошенко и др. (подробнее об этом см. [10]). Следует отметить, что термин «социально-культурная деятельность» появился сравнительно недавно (с середины 1990-х годов), исследователи отмечают терминологическую замену, обусловленную политическими и социальными изменениями. С нашей точки зрения, понятие социально-культурной деятельности гораздо шире и глубже имеющихся – *внешкольное образование* (до 1920 года), *политико-просветительская работа* (1920–1970 годы), *культурно-просветительская работа* (1270–1990 годы), *культурно-досуговая работа* (до середины 1990-х годов). Приведенные направления сегодня – составляющие социально-культурной деятельности.

Социализация личности ребенка ведет к формированию его статуса в социальной общности. Исследователи социокультурного феномена детства среди влияющих на этот процесс факторов выделяют следующие [9, с. 17–18]:

- культура отношений, культура общения, взаимодействия в семье ее членов;
- число детей в семье и ценности семейных отношений;
- культура отношений между детьми и родителями, уровень толерантности тех и других;
- характер связи детей с родственниками;
- положение ребенка в семье, социальные функции, выполняемые семьей и ребенком в непосредственном социальном окружении;
- характер духовных потребностей семьи, ее интересов и ценностных ориентаций и др.

Безусловно, начало развитию личности дает семья, она и в дальнейшем является важной средой формирования основных качеств личности (основной институт становления личности). Однако авторы сделали попытку обобщить факторы,

влияющие на формирование *социального* статуса, а в настоящем перечне мы видим акцент на роли семьи в процессе социализации. (В исследовании, посвященном подросткам, попавшим в трудную жизненную ситуацию, социализация охарактеризована как процесс, происходящий под влиянием специфического комплекса факторов, основным из которых является именно семья, см. [11]). Мы считаем данный список далеко не полным, поскольку отсутствуют позиции, связанные, во-первых, с личностью ребенка (подростка), во-вторых, с его «внешней» деятельностью, то есть с социальной деятельностью вне семьи.

Итак, с нашей точки зрения, на формирование социального статуса, помимо уже определенных, оказывают влияние следующие факторы:

- интуитивные представления подростка о самом себе (в результате взаимодействий в группе интуитивные представления могут быть скорректированы, становятся осознанными);
- индивидуальные особенности (темперамент, характер, природные задатки, личные способности, умения, навыки, стремления, познавательные возможности и т. д.);
- субъективное отношение человека к окружающему миру, другим людям, самому себе (на формирование статуса, то есть внешней оценки, влияют не только личные способности, знания и умения, но и самооценка, самоуважение, а также отношение к другим);
- специфика организации деятельности.

Приобретение статуса в социальной общности есть отражение процесса социализации личности и притяжения субъекта группой. И, как отмечают исследователи школы Р. А. Литвак, «в подростковом возрасте ведущей становится общественно полезная, социально значимая и индивидуально-личностная деятельность... Основной мотив такой деятельности – социальное самоутверждение среди сверстников и взрослых» [8, с. 88].

В подростковом возрасте отмечается «мощный всплеск неформальных взаимоотношений школьников... и нередко избыточная эмоциональная насыщенность межличностных контактов. Стремление проявить себя как личность, индивидуализироваться в референтной группе требует от подростка поиска новых, по сравнению с младшим школьным возрастом, каналов трансляции своей личности, обеспечивающих наиболь-

шие, как ему кажется, возможности для самовыражения и самоутверждения. Взаимоотношения со значимыми сверстниками становятся на этом этапе поистине личностно образующими для подростка, относительная же ценность для него взаимоотношений со взрослыми заметно снижается» [2, с. 344].

Задача взрослых (в первую очередь родителей, родственников, педагогов, руководителей) в этом процессе – помочь процессу социализации, нивелировать определенную инертность, свой-

ственную исследуемому возрасту, способствовать разрешению проблемных ситуаций. Приобщение подростка к социально значимой деятельности и общественным ценностям станет эффективным при условии организации насыщенной культурной жизни, досуга ребенка, предоставлении возможности проявления самостоятельности и активности (но при разумном контроле со стороны взрослых), при согласованном взаимодействии таких важных социальных институтов, как школа и семья.

Литература

1. Бочарова В. Г. Педагогика социальной работы. – М., 1994. – 207 с.
2. Введение в психологию / под общ. ред. проф. А. В. Петровского. – М.: Академия, 1996. – 496 с.
3. Галагузова М. А., Галагузова Ю. Н., Штинова Г. Н., Тищенко Е. Я., Дьяконов Б. П. Социальная педагогика: курс лекций: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: ВЛАДОС, 2001. – 416 с.
4. Зуева Т. В. Социализация подростков: роль интеграции социально-культурной деятельности школы и семьи // Вестн. Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – 2015. – № 3 (43). – С. 155–160.
5. Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю. Педагогический словарь. – М.: Академия, 2003. – 176 с.
6. Мудрик А. В. Социализация человека. – М.: Академия, 2006. – 304 с.
7. Мудрик А. В. Человек в процессе социализации: три ипостаси // Вестн. ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. – 2009. – Вып. 3 (14). – С. 7–16.
8. Научная школа Р. А. Литвак: в поисках новых подходов к воспитанию / ред.-сост.: Е. В. Криницына, Н. А. Жернокова. – Челябинск: Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2012. – 295 с.
9. Социокультурный феномен детства: кол. моногр. / под общ. ред. Р. А. Литвак, ред.-сост. М. Е. Дуранов; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2013. – 355 с.
10. Швачко Е. В. Культурно-досуговая деятельность как средство преодоления социальной апатии студенческой молодежи. – Челябинск: Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2012. – 190 с.
11. Юдина А. И. Факторы влияния на социализацию подростков в условиях трудной жизненной ситуации // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 24. – С. 231–243.

References

1. Bocharova V.G. *Pedagogika sotsial'noy raboty [Pedagogy Social Work]*. Moscow, 1994. 207 p. (In Russ.).
2. *Vvedenie v psikhologiyu [Introduction to Psychology]*. Ed. A. V. Petrovskiy. Moscow, Akademiya Publ., 1996. 496 p. (In Russ.).
3. Galaguzova M.A., Galaguzova Yu.N., Shtinova G.N., Tishchenko E.Ya., D'yakonov B.P. *Sotsial'naya pedagogika [Social Pedagogy]*. Moscow, VLADOS Publ., 2001. 416 p. (In Russ.).
4. Zueva T.V. *Sotsializatsiya podrostkov: rol' integratsii sotsial'no-kul'turnoy deyatelnosti shkoly i sem'i [Socialization of Adolescents: the Role of Integrating Socio-Cultural Activities for Schools and Families]*. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]*, 2015, no. 3 (43), pp. 155-160. (In Russ.).
5. Kodzhaspirova G.M., Kodzhaspirov A. Yu. *Pedagogicheskiy slovar' [Teaching Dictionary]*. Moscow, Akademiya Publ., 2003. 176 p. (In Russ.).
6. Mudrik A.V. *Sotsializatsiya cheloveka [Socialization person]*. Moscow, Akademiya Publ., 2006. 304 p. (In Russ.).
7. Mudrik A.V. *Chelovek v protsesse sotsializatsii: tri ipostasi [Man in the socialization process: three persons]*. *Vestnik PSTGU IV: Pedagogika. Psikhologiya [Bulletin PSTGU IV: Pedagogy. Psychology]*, 2009, iss. 3 (14), pp. 7-16. (In Russ.).
8. *Nauchnaya shkola R.A. Litvak: v poiskakh novykh podkhodov k vospitaniyu [Scientific School R.A. Litvak: in search of new approaches to education]*. Ed. E.V. Krinitsyna, N.A. Zhernokova. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts, 2012. 295 p. (In Russ.).

9. Sotsiokul'turnyy fenomen detstva [Socio-cultural phenomenon of childhood]. Ed. R.A. Litvak, M.E. Duranov. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts, 2013. 355 p. (In Russ.).
10. Shvachko E.V. Kul'turno-dosugovaya deyatel'nost' kak sredstvo preodoleniya sotsial'noy apatii studencheskoy molodezhi [Recreational Activities as a means of overcoming social apathy of student's youth]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts, 2012. 190 p. (In Russ.).
11. Yudina A.I. Faktory vliyaniya na sotsializatsiyu podrostkov v usloviyakh trudnoy zhiznennoy situatsii [Factors of influence on socialization of teenagers in the conditions of the difficult life situation]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2013, no. 24, pp. 231-243. (In Russ.).

УДК 373.1

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СЕРГЕЯ СЛОНИМСКОГО НА УРОКАХ МУЗЫКИ В МЛАДШИХ КЛАССАХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Попова Анастасия Владимировна, аспирант, кафедра музыкального воспитания и образования, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, РФ).
E-mail: malena5693@rambler.ru

Одна из центральных позиций концепции Д. Б. Кабалевского связана с тезисами о «доступности учащимся младшего школьного возраста высочайших образцов серьезной музыки» и о «необходимости воспитания на этих образцах духовного мира школьника». Такой, по мнению автора, является музыка современного петербургского композитора С. М. Слонимского. Целью данного исследования является анализ современных рабочих программ по музыке в общеобразовательной школе в контексте использования в них произведений этого композитора.

На сегодняшний день имеется ряд программ по изучению музыки в школе, которые можно разделить на несколько групп:

- программы в рамках концепции Д. Б. Кабалевского (в частности, к ним относится программа Э. Б. Абдуллина);
- модернизированные программы (Л. В. Школяр, с усилением творческого компонента; Е. Д. Критской, с усилением фольклорного и духовного компонентов; В. В. Алеева, с углублением связей музыки с жизненными явлениями; Т. В. Чельшевой, с опорой на образовательный проект «Перспективная начальная школа»);
- альтернативные (Ю. Б. Алиева, с усилением деятельностного компонента);
- интегрированные (полихудожественные): М. С. Красильниковой «К вершинам музыкального искусства», Б. П. Юсова «Живой мир искусства», Н. А. Терентьевой «Музыка. Музыкально-эстетическое воспитание» и др.

Последовательное изучение содержания всех вышеперечисленных программ позволило сделать вывод о том, что упоминание произведений С. М. Слонимского в большинстве данных программах отсутствует. На основании проведенных ранее исследований автором сделано заключение, что творчество С. М. Слонимского может быть рекомендовано к использованию на уроках музыки в начальной школе в качестве учебного материала.

Выбор музыкальных произведений С. М. Слонимского осуществлялся исследователем на основе программы «Музыка. Начальная школа» (авторы Е. Д. Критская, Г. П. Сергеева, Т. С. Шмагина). Данная программа не подразумевает жестко регламентированного разделения музыкального материала на учебные темы, уроки.

Автором разработаны предложения по включению различных произведений С. Слонимского в учебный материал уроков музыки для учащихся 1–4-х классов в общеобразовательной школе по указанной программе.

Ключевые слова: музыка для детей, композитор С. М. Слонимский, рабочие программы по музыке, уроки музыки в общеобразовательной школе.

CONCEPTUAL APPROACHES TO THE USE OF PIECES BY SERGEI SLONIMSKY FOR MUSICAL LESSONS AT JUNIOR GRADES OF A SECONDARY SCHOOL

Popova Anastasiya Vladimirovna, Postgraduate, Department of Musical Upbringing and Education, State Pedagogical University of Russia named after A.I. Herzen (Saint-Petersburg, Russian Federation).
E-mail: malena5693@rambler.ru

One of the central positions of Dmitry B. Kabalevsky's concept is associated with the thesis of the "accessibility to the pupils of the primary school age of the highest samples of classical music" and the "need of upbringing on these samples the spiritual world of school children". Such is, according to the author, the music by St. Petersburg composer Sergei M. Slonimsky. The aim of this study is to analyze contemporary programs in teaching the music at a secondary school in the context of the use of the pieces by Slonimsky.

Now there are programs for teaching music at school, that can be classified in several groups:

- Programs under Kabalevsky's concept (Abdullin's program belongs to them);
- Modernized programs (Liudmila V. Schkolyar with increased creative component; Elena. D. Kritskaya with strengthening of folklore and spiritual components; V. Aleev with deepening relations of music with life events; T. Chelysheva relying on the educational project "Prospective elementary school");
- Alternative programs (Y. Aliyev with strengthening of the activity component);
- Integrated (poly-art) programs: M. Krasilnikova "To the tops of musical art", B. Yusov "Live World of Art", N. Terentyeva "Music. Musical and aesthetic education" and others.

Sequential study of the content of all the mentioned above programs led to the conclusion that there are no references to the works by S. Slonimsky in most of these programs. Based on the research conducted by the author in the earlier articles pieces by S. Slonimsky are to be recommended for the use during music lessons at primary school as a teaching material.

The choice by the researcher of music by S. Slonimsky is based on the program "Music. Primary School" (by E. Kritskaya, G. Sergeeva, T. Shmagina), recommended by the Ministry of Education and Science of Russian Federation. In this program, there is no regulation in the use of the musical material in topics, lessons. So, topics only determine the general direction in the work of a teacher-musician and the key moments in the formation of musical culture of pupils. Their expression can be found in the creation of specific scenarios of musical lessons, taking into account the general and musical development of each class with the variability of a teacher's approach to planning musical lessons.

The author makes proposals for the integration of various musical composition by S. Slonimsky in musical lessons for pupils of the 1-4 grades at secondary school based on this program.

Keywords: music for children, composer S. Slonimsky, programs on teaching the music, musical lessons at secondary school.

Музыка во все времена была и остается самым сильным среди всех видов искусства по прямому эмоциональному воздействию на человека. Музыка помогает воспитать в детях отзывчивость,

доброту, чуткость в отношении к окружающим, сформировать нравственно-эстетический идеал. Кроме того, в условиях неуклонного роста общей заболеваемости детей и подростков, повышается

значимость уроков музыки в общеобразовательной школе для духовного и физического оздоровления школьников средствами искусства [3].

В 1977 году была опубликована экспериментальная программа по музыке для общеобразовательных школ, разработанная Д. Б. Кабалеvским и его коллегами на основе концепции массового музыкального образования. Одна из центральных позиций этой концепции Д. Б. Кабалеvского связана с тезисами о «доступности учащимся младшего школьного возраста высочайших образцов серьезной музыки» и о «необходимости воспитания на этих образцах духовного мира школьника» [4].

Такой музыкой, на наш взгляд, и является музыка современного петербургского композитора С. М. Слонимского. Творчество С. М. Слонимского включает множество разнообразных произведений, написанных автором специально для детей. Фортепианные пьесы этого замечательного композитора давно вошли в репертуар учащихся музыкальных школ, однако в общеобразовательных школах на уроках музыки практически не используются [8; 9].

Музыка С. Слонимского, необычайно смелая, интересная, изобретательная по выразительным приемам и звуковым краскам, как правило, нравится детям, чьи уши еще открыты к восприя-

тию свежих терпких гармоний и нерегулярной метроритмики его произведений. Поэтому целью данного исследования является анализ современных рабочих программ по музыке в общеобразовательной школе в контексте использования в них произведений С. М. Слонимского.

Программы по изучению музыки в школе можно разделить на несколько групп:

- программы в рамках концепции Д. Б. Кабалеvского (например, программа Э. Б. Абдуллина);
- модернизированные программы (Л. В. Школяр, с усилением творческого компонента; Е. Д. Критской, с усилением фольклорного и духовного компонентов; В. В. Алеева, с углублением связей музыки с жизненными явлениями; Т. В. Чельшевой, с опорой на образовательный проект «Перспективная начальная школа»);
- альтернативные (Ю. Б. Алиева, с усилением деятельностного компонента);
- интегрированные (полихудожественные): М. С. Красильниковой «К вершинам музыкального искусства», Б. П. Юсова «Живой мир искусства», Н. А. Терентьевой «Музыка. Музыкально-эстетическое воспитание» и др. [1; 2; 6; 7].

Для сравнения в табл. 1 представлены общие контуры структуры программ по музыке для 1–4-х классов общеобразовательной школы (1–3-х – в программе Д. Б. Кабалеvского).

Таблица 1

**Структура программ по музыке для 1–4-х классов общеобразовательной школы
(темы основных разделов)**

Название и авторы программы	Рубрики, разделы	Жанры для иллюстративного материала
«Музыка» для 1–3-х классов начальной школы общеобразовательных учреждений. Д. Б. Кабалеvский	1-й класс: <i>I четверть</i> «“Три кита” в музыке – песня, танец и марш». <i>II четверть</i> «О чем говорит музыка?». <i>III четверть</i> «Куда ведут нас “три кита”?». <i>IV четверть</i> «Что такое музыкальная речь?». 2-й класс: <i>I четверть</i> «Песня, танец и марш перерастают в песенность, танцевальность и маршевость». <i>II четверть</i> «Интонация».	В репертуар программы входит народная музыка, произведения русских и зарубежных композиторов-классиков, музыка современных композиторов. Нет жестко регламентированного, рецептурного разделения музыкального материала на учебные темы, уроки. Творческое планирование художественного материала в рамках урока, распределение его внутри четверти, учебного года в зависимости от интерпретации учителем той или иной художественно-педагогической идеи, особенностей и уровня музыкального развития учащихся каждого конкретного класса

Название и авторы программы	Рубрики, разделы	Жанры для иллюстративного материала
	<i>III четверть</i> «Развитие музыки». <i>IV четверть</i> «Построение (формы) музыки». 3-й класс: <i>I четверть</i> «Музыка моего народа». <i>II четверть</i> «Между музыкой моего народа и музыкой других народов моей страны нет непреходимых границ». <i>III четверть</i> «Между музыкой разных народов мира нет непреходимых границ». <i>IV четверть</i> «Композитор – исполнитель – слушатель»	
Программа по музыке. 1–4-й классы. Э. Б. Абдуллин, Т. А. Бейдер, Т. Е. Вендрова	1-й класс: <i>Первое полугодие</i> «Музыка вокруг нас». <i>Второе полугодие</i> «Музыка и ты». 2-й класс: <i>I четверть</i> «“Три кита” в музыке – песня, танец и марш». <i>II четверть</i> «О чем говорит музыка?». <i>III четверть</i> «Куда ведут нас “три кита”?». <i>IV четверть</i> «Что такое музыкальная речь?». 3-й класс: <i>I четверть</i> «Песня, танец и марш перерастают в песенность, танцевальность и маршевость». <i>II четверть</i> «Интонация». <i>III четверть</i> «Развитие музыки». <i>IV четверть</i> «Построение (формы) музыки». 4-й класс: <i>Первое полугодие</i> «Музыка моего народа». <i>Второе полугодие</i> «Между музыкой моего народа и музыкой разных народов мира нет непреходимых границ»	В репертуар программы входит народная музыка, произведения русских и зарубежных композиторов-классиков, музыка современных композиторов. Творческое планирование художественного материала в рамках урока, распределение его внутри четверти, учебного года в зависимости от интерпретации учителем той или иной художественно-педагогической идеи, особенностей и уровня музыкального развития учащихся каждого конкретного класса
Рабочая программа по музыке. 1–4-й классы. Л. В. Школяр, В. О. Усачёва	1-й класс: «Как можно услышать музыку?». 2-й класс: «“Три кита” в музыке – песня, танец и марш»,	В репертуар программы входит народная музыка, произведения русских и зарубежных композиторов-классиков, музыка современных композиторов.

Продолжение табл. 1

Название и автор программы	Рубрики, разделы	Жанры для иллюстративного материала
	«О чем говорит музыка?», «Куда ведут нас “три кита”?», «Что такое музыкальная речь?». 3-й класс: «Путешествие на родину русского музыкального языка», «Древо русской музыки», «Русский романс». 4-й класс: «Музыка моего народа», «Между музыкой моего народа и музыкой разных народов мира нет непреходимых границ»	Музыкальные произведения распределены по темам уроков, по видам деятельности: Слушание; Пение
Рабочая программа по музыке для 1–4-х классов. Е. Д. Критская, Г. П. Сергеева, Т. С. Шмагин	1-й класс: «Образ Родины в музыке», «Народные праздники и традиции». 2–4-й классы: «Россия – Родина моя», «День, полный событий», «О России петь – что стремиться в храм», «Гори, гори ясно, чтобы не погасло!», «В музыкальном театре», «В концертном зале», «Чтоб музыкантом быть, так надобно уменье...»	В репертуар программы входит народная музыка, произведения русских и зарубежных композиторов-классиков, музыка современных композиторов, церковная музыка. Музыкальные произведения распределены по темам уроков
Музыка. Рабочая программа для общеобразовательных учреждений. 1–4-й классы. В. В. Алеев, Т. И. Науменко, Т. Н. Кичак	1-й класс: «Музыка, музыка всюду нам слышна». 2-й класс: «Музыкальная прогулка». 3-й класс: «О чем рассказывает музыка?». 4-й класс: «Музыкальное путешествие»	В репертуар программы входит народная музыка, произведения композиторов-классиков русских и зарубежных, музыка современных композиторов. Музыкальные произведения распределены по темам уроков, по видам деятельности: Слушание; Пение
Программа. Музыка. 1–8-й классы. Под ред. Ю. Б. Алиева. Ю. Б. Алиев, В. К. Белобородова, Е. В. Николаева, Б. С. Рачина, С. Л. Старобинский	1-й класс: Тема года: «Музыка рассказывает о жизни». <i>I четверть</i> «Школа», «Музыкальные портреты школьников», «Природа и музыка». <i>II четверть</i> «Музыка о доме», «Музыкальные портреты», «Детские игры, танцы». <i>III четверть</i> «Музыка о животных». <i>IV четверть</i> «Сказка в музыке». 2-й класс: Тема года: «Выразительные возможности музыки». <i>I четверть</i> «Музыка изобразительная». <i>II четверть</i> «Музыка выразительная». <i>III четверть</i> «Кто исполняет музыку?». <i>IV четверть</i> «Кто исполняет музыку?».	В репертуар программы входит народная музыка, произведения композиторов-классиков русских и зарубежных, музыка современных композиторов. Музыкальные произведения распределены по темам, по видам деятельности: Слушание; Пение; Движения под музыку (Игра. Танец. Упражнение)

Название и авторы программы	Рубрики, разделы	Жанры для иллюстративного материала
	3-й класс: <i>Тема года:</i> «Музыкальные формы и жанры». <i>I четверть</i> «Малые формы инструментальной и вокальной музыки». <i>II четверть</i> «Симфоническая музыка. Симфонический оркестр, группы его инструментов». <i>III четверть</i> «Музыка в балете». <i>IV четверть</i> «Опера, оперные голоса». 4-й класс: <i>Темы года:</i> «Русская народная музыка» и «Музыкальная жизнь страны». <i>I четверть</i> «Русская народная песня», «Оркестр русских народных инструментов» <i>II четверть</i> «Использование русской народной песни в творчестве композиторов». <i>III четверть</i> «Музыкальная жизнь страны». <i>IV четверть</i> «Музыкальная жизнь страны» (продолжение)	
Музыка. «Планирование знаний». 1–4-й классы. Т. И. Бакланова	1-й класс: «Волшебное царство звуков», «Сказочная страна», «На родных просторах», «Остров музыкальных сокровищ». 2-й класс: «В сокровищнице Волшебницы музыки», «Встреча с великими композиторами», «В стране музыкальных инструментов. В певческой стране». 3-й класс: «В концертном зале», «В музыкальном театре», «В музыкальном музее». 4-й класс: «Музыкальное путешествие по миру старинной европейской музыки», «Музыкальное путешествие от Руси до Руси», «В гостях у народов России», «Музыкальное путешествие по России XX века»	В репертуар программы входит народная музыка, произведения русских и зарубежных композиторов-классиков, музыка современных композиторов. Музыкальные произведения распределены по темам, по видам деятельности: Слушание; Пение; Исполнение на музыкальных инструментах; Упражнения; Рисование. Иллюстративный материал: репродукции картин с изображением природы
Музыка. К вершинам музыкального искусства. Программа. 1–4-й классы М. С. Красильникова, О. Н. Яш-молкина, О. И. Нехаева	1-й класс: <i>Тема года:</i> «Мир музыкальных образов». <i>I четверть</i> «Образы песенной, танцевальной и маршевой музыки». <i>II четверть</i> «О чем говорит музыка?». <i>III четверть</i> «Жизнь музыкальных образов в симфонии, опере, балете». <i>IV четверть</i> «Как говорит музыка?».	В репертуар программы входит народная музыка, произведения русских и зарубежных композиторов-классиков, музыка современных композиторов. Музыкальные произведения распределены по темам уроков. Иллюстративный материал: Аудио- и видеозаписи опер, балетов, мюзиклов, концертных исполнений симфонических и камерных произведений, музыкального фольклора разных народов России;

Окончание табл. 1

Название и автор программы	Рубрики, разделы	Жанры для иллюстративного материала
	2-й класс: <i>Тема года:</i> «Мир музыкальных историй». <i>I четверть</i> «Введение в тему года». <i>II четверть</i> «Симфония как целостная музыкальная история». <i>III четверть</i> «Опера как целостная музыкальная история». <i>IV четверть</i> «Симфония как целостная музыкальная история» (продолжение). 3-й класс: <i>Тема года:</i> «Как устроено крупное музыкальное произведение». <i>I четверть</i> «Родство контрастных тем-образов в симфонической сюите и кантате». <i>II четверть</i> «Контраст и единство тем-образов в симфонии». <i>III четверть</i> «Контраст и единство образов в опере». <i>IV четверть</i> «Контраст и единство тем-образов в фортепианном цикле и симфонической фантазии». 4-й класс: <i>Тема года:</i> «Мир музыки моего народа». <i>I четверть</i> «Художественный мир лирико-эпической оперы Н. Римского-Корсакова “Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии”». <i>II четверть</i> «Художественный мир эпической симфонии. Симфония № 2 (“Богатырская”) А. Бородина». <i>III четверть</i> «Художественный мир лирико-драматической оперы П. И. Чайковского “Пиковая дама”». <i>IV четверть</i> «Традиции музыкальной культуры моего народа»	Репродукции картин и тексты литературных произведений, привлекаемых для изучения отдельных тем программы

Последовательное изучение содержания всех вышеперечисленных программ позволило сделать вывод о том, что упоминания произведений С. М. Слонимского в большинстве данных программ, к сожалению, отсутствуют. Однако есть и исключения из этого правила.

В рабочей программе по музыке для 5–9-х классов общеобразовательных учреждений авторов В. В. Алеев, Т. И. Науменко, Т. Н. Кичак в разделе «Лирические страницы советской музыки» рекомендуется для слушания музыки избрать

романс С. Слонимского на стихи А. Ахматовой «Я недаром печальной слышу...».

В рабочей программе Ю. Б. Алиева с соавторами для 1-го класса в четвертой четверти в разделе «Сказка в музыке» предлагается для слушания музыки и движения под музыку использовать «Марш Бармалея» С. Слонимского.

В авторской программе «Музыка. 1–4-й классы» Чельшевой Т. В. и Кузнецовой В. В., а также в УМК «Перспективная начальная школа» в разделе «Сказка в музыке» используется пьеса

С. Слонимского «Дюймовочка» из цикла детских пьес для фортепьяно, а также пьеса «Мультфильм с приключениями» – с целью знакомства детей с трёхчастной формой.

В примерную рабочую программу учебного предмета «Музыка», одобренную Министерством образования РФ, в список произведений для инструментального музицирования в 3-м классе включено «Веселое рондо» С. Слонимского. Кроме того, в некоторых программах дополнительного музыкального образования рекомендуется к использованию фортепианная пьеса С. Слонимского «Колокола».

Для выявления потенциала творчества С. М. Слонимского и более широкого его применения на занятиях музыкой в общеобразовательной школе нами был проведен констатирующий эксперимент. Целью эксперимента являлось проведение проверки эмоциональной отзывчивости младших школьников на незнакомые им произведения С. М. Слонимского [5].

В результате проведенного исследования гипотеза о том, что музыка С. М. Слонимского обладает высоким эмоциональным воздействием на детей школьного возраста и вызывает у них большой интерес, подтвердилась. Мы пришли к выводу, что творчество С. М. Слонимского может быть рекомендовано к использованию на уроках музыки в начальной школе в качестве учебного материала.

Выбор музыкальных произведений осуществлялся на основе широко распространенной программы «Музыка. Начальная школа» (авторы Е. Д. Критская, Г. П. Сергеева, Т. С. Шмагин), рекомендованной Министерством образования и науки Российской Федерации. Данная программа не подразумевает жестко регламентированного деления музыкального материала на учебные темы, уроки [6].

Темы в данной программе определяют лишь общие направления в работе педагога-музыканта и ключевые моменты в формировании музыкальной культуры учащихся. Своё выражение они могут найти при разработке конкретных сценариев уроков музыки, с учётом общего и музыкального развития каждого класса, при вариативном подходе учителя к планированию музыкальных занятий. Поэтому мы рассматриваем возможности включения произведений С. Слонимского в уроки

музыки в общеобразовательной школе, которые проводятся по данной программе [8; 9].

Основная тема первого полугодия программы 1-го класса – «Музыка вокруг нас».

«Три кита» – песня, танец, марш – три основные сферы музыки, по Д. Б. Кабалевскому. Положенные в основу музыкальных занятий в общеобразовательной школе, «Три кита» дают ряд совершенно очевидных преимуществ на первых же уроках в первом классе. Восприятие музыки у первоклассников становится активно-творческим, аналитическим. Ведь учитель предлагает им послушать не «песню», не «марш», не «танец», а музыку вообще. Школьники должны сами услышать и определить характер этой музыки и принадлежность ее к одной из трех основных сфер. Для этого ученикам, по нашему мнению, можно предложить следующие произведения С. Слонимского:

- песня – «Ночевала тучка золотая» на стихи М. Ю. Лермонтова;
- танец – «Полька»;
- марш «Марш зайцев» из фортепианного цикла «Три лесные истории».

В разделе «Музыка и ты» программы для 1-го класса школьники постигают своеобразие музыкального произведения в выражении чувств человека и окружающего его мира. Здесь мы предлагаем для прослушивания в разное время три пьесы С. Слонимского – «Дюймовочка», «Мультфильм с приключениями» и «Пасмурный вечер». Ученики должны почувствовать атмосферу сказки и поделиться своими впечатлениями, а может быть, даже нарисовать возникшие в воображении картинки.

Далее рассмотрим программу 2-го класса. В разделе «Россия – Родина моя» ученики в процессе знакомства с музыкальными образами родного края изучают песенность как отличительную черту русской музыки. Здесь предлагается в качестве музыкального материала использовать «Сиверную песню» С. Слонимского.

В разделе «День, полный событий» отражается мир ребенка в музыкальных интонациях и образах. Для изучения данного раздела наряду с детскими пьесами П. Чайковского и С. Прокофьева прекрасно подходит «Вальс Золушки и принца» из цикла «Две пьесы по сказке Шарля Перро» для фортепиано в 4 руки.

Знакомство учащихся с колокольными звонами России в разделе «О России петь – что стремиться в храм», по нашему мнению, можно осуществить, прослушав пьесу С. Слонимского «Колокола».

Раздел «Гори, гори ясно, чтобы не погасло!» посвящен знакомству школьников с народной музыкой, этот раздел присутствует в программах для 2–4-х классов. Основные темы для уроков музыки по данному разделу во 2-м классе:

- Оркестр русских народных инструментов;
- Вариации в русской народной музыке;
- Музыка в народном стиле;
- Обряды и праздники русского народа: проводы зимы, встреча весны.

В качестве музыкального материала здесь предлагается «Праздничная музыка» С. Слонимского для балалайки, ложек и оркестра.

Этот же раздел программы в 3-м классе посвящен жанру былины. Ученики знакомятся с певцами-гуслирами, изучают образы былинных сказителей, народные традиции и обряды в музыке русских композиторов. Пьеса С. Слонимского «Похищение Василисы Прекрасной» замечательно подходит в качестве музыкального материала.

Раздел «Гори, гори ясно, чтобы не погасло!» программы для 4-го класса продолжает изучение народной музыки, его основные темы:

- Народная песня – летопись жизни народа и источник вдохновения композиторов;
- Интонационная выразительность народных песен;
- Музыкальные инструменты России;
- Оркестр русских народных инструментов;
- Вариации в народной и композиторской музыке;
- Праздники русского народа.

Школьники могут почувствовать атмосферу русского народного праздника, прослушав «Симфониетту» С. Слонимского.

Далее продолжим рассмотрение программы для 4-го класса. В Разделе «Россия – Родина моя» изучается общность интонаций народной музыки и музыки русских композиторов. В качестве иллюстративного материала здесь прекрасно подойдет «Деревенский вальс» С. Слонимского.

В разделе «День, полный событий» для 4-го класса, посвященном музыкально-поэтическим образам А. С. Пушкина, можно использовать песню С. Слонимского «Зимняя дорога» на стихи великого русского поэта.

Раздел «В музыкальном театре» знакомит школьников с линиями драматургического развития в опере. Романс «Волны лазурные бьются о скалы» из оперы-баллады «Мария Стюарт» С. Слонимского поможет им в этом.

В разделе «В концертном зале» планируется изучение различных жанров вокальной, фортепианной и симфонической музыки, знакомство с инструментами симфонического оркестра. Для этого, на наш взгляд, подходит «Песня русалки» для квартета арф, а также необыкновенно красивое и мелодичное «Интермеццо памяти Брамса» С. Слонимского.

Таким образом, исследование произведений С. Слонимского показывает, что детские пьесы композитора написаны в богатейших традициях современной русской музыки. Слонимскому удалось создать свой неповторимый мир детской музыки, наполненный яркими индивидуальными образами. Поэтому, по нашему мнению, различные произведения этого композитора можно рекомендовать широко использовать на уроках музыки в младших классах средней школы в рамках программы Е. Д. Критской с соавторами.

Литература

1. Алиев Ю. Б. Концепция музыкального образования школьников [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.studfiles.ru/preview/1763503> (дата обращения: 04.05.2016).
2. Волчегорская Е. Ю. Личностно-ориентированное эстетическое воспитание в начальной школе: моногр. – М.: Компания Спутник+, 2007. – 159 с.
3. Евсюкова Ю. Экология музыки как актуальная проблема современного языкознания [Электронный ресурс]. – URL: http://www.rostcons.ru/assets/almanac/2012_1/2/evsyukova.pdf (дата обращения: 28.03.2016).
4. Музыка. Программа общеобразовательных учреждений / под рук. Д. Б. Кабалевского. – М.: Просвещение, 2007. – 224 с.

5. Попова А. В., Черная М. Р. Фортепианные пьесы Сергея Слонимского на уроке музыки в младших классах общеобразовательной школы // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2016. – № 34. – С. 227–232.
6. Программа «Музыка. Начальные классы» / сост.: Е. Д. Критская, Г. П. Сергеева, Т. С. Шмагина. – М.: Просвещение, 2007. – 128 с.
7. Программы общеобразовательных учреждений: Музыка: Начальные классы: 1–4-й классы. – М.: Просвещение, 2007. – 160 с.
8. Сергей Слонимский. Фортепианные циклы для детей и юношества [Электронный ресурс]. – URL: http://www.compozitor.spb.ru/our_authors/interview/sergey-slonimsky.php (дата обращения: 15.04.2016).
9. Слонимский С. М. От пяти до пятидесяти. Фортепианный альбом. Тетрадь 1. – СПб.: Композитор, 1993. – 40 с.
10. Школяр Л. В. Теория и методика музыкального образования детей / ред.: Л. В. Школяр, М. С. Красильникова, Е. Д. Критская, В. О. Усачева. – М.: ФЛИНТА-НАУКА, 1999. – 336 с.

References

1. Aliev Y.B. *Kontseptsiya muzykal'nogo obrazovaniya shkol'nikov [The concept of musical education of school children]*. (In Russ.). Available at: <http://www.studfiles.ru/preview/1763503> (accessed 04.05.2016).
2. Volchegorskaya E.Y. *Lichnostno-orientirovannoe esteticheskoe vospitanie v nachal'noy shkole: monografiya [Personally-oriented aesthetic education at primary school: a monograph]*. Moscow, Kompania Sputnik+ Publ., 2007. 159 p. (In Russ.).
3. Evsyukova Y. *Ekologiya muzyki kak aktual'naya problema sovremennogo yazykoznaniiya [Ecology of music as an actual problem of modern linguistics]*. (In Russ.). Available at: http://www.rostcons.ru/assets/almanac/2012_1/2/evsyukova.pdf (accessed 28.03.2016).
4. *Muzyka. Programma obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy [Music. Program of educational institutions]*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2007. 224 p. (In Russ.).
5. Popova A.V. *Fortepiannye p'esy Sergeya Slonimskogo na uroke muzyki v mladshikh klassakh obshcheobrazovatel'noy shkoly [Piano pieces by Sergei Slonimsky during the lessons of music at junior secondary school]*. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin Kemerovo State University of culture and art]*, 2016, no. 34, pp. 227–232. (In Russ.).
6. *Programma "Muzyka. Nachal'nye klassy" [The program "Music. Primary grades"]*. Ed. E.D. Kreetskaya, G.P. Sergeeva, T.S. Shmagina. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2007. 128 p. (In Russ.).
7. *Programmy obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy: Muzyka. Nachal'nye klassy: 1–4-y klassy [Programs of educational institutions: Music: Primary classes: grades 1–4]*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2007. 160 p. (In Russ.).
8. Sergey Slonimskiy. *Fortepiannye tsykly dlya detey i yunoshstva [Piano cycles for children and youth]*. (In Russ.). Available at: http://www.compozitor.spb.ru/our_authors/interview/sergey-slonimsky.php. (accessed 15.04.2016).
9. Slonimsky S.M. *Ot pyati do pyatidesyati. Fortepiannyi al'bom. Tetrad' 1 [From five to fifty. Piano album. Book 1]*. St. Petersburg, Kompositor Publ., 1993. 40 p. (In Russ.).
10. Shkolyar L.V. *Teoriya i metodika muzykal'nogo obrazovaniya detey [Theory and methods of musical education of children]*. Moscow, FLINTA NAUKA Publ., 1999. 336 p. (In Russ.).

УДК 37

СИСТЕМА МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА В ВУЗЕ: НОВАЯ ПАРАДИГМА ВНЕДРЕНИЯ

Гук Александра Геннадьевна, кандидат педагогических наук, доцент, начальник отдела менеджмента качества, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: guk.a.g@mail.ru

Система менеджмента качества, существующая в российских вузах, уже доказала свою жизнеспособность и эффективность. Однако логика ее эволюционного развития привела к необходимости

изменить акценты в позиционировании системы менеджмента качества в вузе. Новые социально-экономические условия, сложившиеся в нашей стране, требуют от выпускников вузов компетенций личностного развития и самосовершенствования, умений качественно осуществлять свою профессиональную деятельность. В статье на примере функционирования системы менеджмента качества в Кемеровском государственном институте культуры рассмотрен опыт ее внедрения в студенческую среду. Это обстоятельство свидетельствует о переходе системы менеджмента качества вуза в новое качественное состояние, расширяющее сферу ее профессионального применения. Делаются выводы об универсальном характере системы менеджмента качества как общекультурного феномена, способного оптимизировать деятельность любой организации. Предлагается для успешного внедрения идеологии системы менеджмента качества среди студентов организовать учебный процесс на различных специальностях и образовательных направлениях. При этом необходимо разработать типовую программу обучения, в которой должна быть общая для всех образовательных направлений теоретическая часть, а также практическое содержание, отражающее специфику будущей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: система менеджмента качества, новая парадигма, обучение студентов.

QUALITY MANAGEMENT SYSTEM IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS: NEW PARADIGM OF IMPLEMENTATION

Guk Aleksandra Gennadyevna, PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of Quality Management Department, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: guk.a.g@mail.ru

The quality management system that exists in the Russian universities, has already proved its viability and effectiveness. Its implementation has allowed universities to be competitive in the market of educational services, to become a reliable and effective mechanism for the implementation of quality of life-supporting activities at the university, encouraging informed and responsible attitude to performing various duties of the subjects of educational institutions. However, the logic of its evolutionary development has led to the need to change the emphasis in the positioning of the quality management system in high school. New social and economic conditions prevailing in our country require graduates' personal development and self-competence, their skills to carry out qualitatively their professional activities. The article renders, on the example of the quality management system in the Kemerovo State Institute of Culture, on the experience of its implementation in the student environment. The progressive potential of the quality management system of the educational institution suggests to "expand" in the direction of teaching students the basics of its theory and practice. In recent years, the Institute of Information and Library Technologies of Kemerovo State Institute of Culture organized training of students to discipline "Systems of quality management in the library". This fact testifies the passing of quality management system of an educational institution into a new qualitative state, expanding the scope of its professional use. The author makes a conclusion about the universal character of the quality management system as a general cultural phenomenon, able to optimize the performance of any organization. We propose to organize the learning process in different specialties and educational directions for the successful implementation of the ideology of the quality management system for students. To achieve the purpose, it is necessary to involve members of the University QMS staff into teaching process, as well as the staff of the departments related to management, economics, etc. It is necessary to develop a model training program, which must contain a theoretical part common to all educational profiles and practical content, reflecting the specificity of the future professional activity.

Keywords: quality management system, new paradigm, higher education.

Система менеджмента качества (далее – СМК) в российских вузах функционирует относительно недавно, но уже доказала свою жизнеспособность и эволюционный потенциал. Определенный толчок развитию этой системы дало включение в аккредитационные показатели пункта о наличии СМК в вузах при их аттестации. Несмотря на то, что в настоящее время это требование снято, многие вузы страны продолжают внедрять и совершенствовать данную систему. Это говорит о том, что независимо от конъюнктурной ситуации СМК востребована сама по себе как средство и механизм устойчивого развития всей вузовской системы. Наиболее очевидные преимущества, которые демонстрирует СМК при ее инсталляции в вузах, состоят в следующем:

СМК позволяет вузу быть конкурентоспособным на рынке образовательных услуг, учитывая, с одной стороны, запросы государства и общества, а с другой стороны, интересы конкретных потребителей (абитуриентов, студентов, родителей и т. д.);

СМК является надёжным средством и эффективным механизмом качественного осуществления всех жизнеобеспечивающих видов деятельности в вузе, их контроля и корректировки;

СМК стимулирует осознанное и ответственное отношение к выполнению различных служебных обязанностей у субъектов образовательных учреждений, способствует развитию их инициативы.

Если обозначить эволюцию СМК в российских вузах, то можно выделить два основных этапа:

1) экстенсивный, когда СМК директивно стала внедряться практически во все вузы страны;

2) интенсивный, когда обязательность существования СМК в вузах отпала, и часть из них принялась адаптировать и совершенствовать эту систему для своих нужд.

Соответственно, научная литература в целом и отдельные исследования в частности по проблемам СМК в вузах отражали данную ситуацию. Вначале это были попытки осмыслить собственный опыт интеграции СМК в вузовские структуры, понять для чего это нужно и что это дает конкретному учебному заведению.

Так, например, В. П. Граб, анализируя ситуацию с внедрением СМК в систему высшего образования страны, констатировала следующие моменты:

1) развитие СМК позволит работать вузам более эффективно, а также повысит качество образовательных услуг (внутренний эффект);

2) для успешного функционирования СМК в вузах страны необходимо разработать и внедрить отраслевую систему сертификации системы качества вузов, которая учитывала бы критерии оценки вузов при их аттестации и аккредитации [3, с. 99–101].

Другие исследователи, в частности, В. Л. Пашута и А. С. Никольская акцентировали внимание на зарубежном опыте, накопленном в вузах, внедривших у себя систему QM. По их мнению, нужно более активно использовать этот опыт. Они предлагали изменить существующую систему оценки отечественных вузов (рейтинги), которая не дает представления об их развитии и развитии их выпускников [14, с. 70–76].

Часть авторов просто описывали механизмы внедрения СМК в своих вузах, а также собственные достижения в этой сфере. Утверждалось, например, что гарантия качества в Кубанском государственном техническом университете обеспечивается соответствующей организационной структурой СМК, состоящей из проректора по качеству образования (представитель руководства по качеству), отдела менеджмента качества и сертификации, экспертно-аналитического управления, отдела аудита и внутренних аудиторов, центра социологических исследований, а также из подразделений университета, в которых внедрена и функционирует СМК [13]. В Ульяновском государственном университете полагали, что СМК должна решать конкретные задачи на рынке образовательных услуг. Они обозначали этапы становления СМК в своем вузе, его структуру и свои достижения в этой сфере [7].

Несколько позже в специальной литературе появились статьи проблемного характера. С точки зрения А. Л. Ющенко, главной проблемой внедрения СМК в сферу высшего образования является сегодня инерция сознания вузовских работников (на всех уровнях), которая не позволяет увидеть

всех ее преимуществ [18, с. 69–70]. Позитивным моментом для успешного развития СМК может стать, по мнению Е. В. Усик, создание при вузах Центров менеджмента качества образования, которые будут заниматься не только совершенствованием методической и дидактической работы, но и образовательным прогнозированием, совершенствованием рейтинговых программ [16, с. 340].

Появляются при этом весьма радикальные суждения (А. Г. Кислов), например, о нецелесообразности функционирования СМК в вузах, о ее дублирующем характере по отношению к государственной системе контроля и надзора, «то есть там, где качество оценивает государство в лице уполномоченных органов, потребителю остается доверять уже государству, а не непосредственно производителю или экспертам от TQM из сертифицирующих организаций или конкурсных комиссий в области качества» [5, с. 104].

Большое внимание со стороны исследователей в настоящее время стало уделяться таким аспектам функционирования СМК в вузах, как планирование и стимулирование.

Планирование (стратегическое, тактическое, оперативное) в вузе, согласно Е. Б. Гаффоровой и Е. В. Виноградовой, должно отвечать требованиям СМК и соответствовать следующим критериям: целям деятельности университета; соответствие содержания планов и их структуры требованиям, установленным Минобрнауки России и другими заинтересованными сторонами; степень полноты планов по содержанию их разделов и перечню мероприятий, направленных на решение перспективных задач; степень направленности планов на достижение показателей качества, заложенных в нормативных документах Минобрнауки России; уровень творческого подхода в планировании мероприятий, направленных на решение поставленных задач (для структурных подразделений) [2, с. 79].

Экономическое стимулирование труда преподавателей, утверждает М. С. Лукьяненко, должно привести к улучшению качества их работы, что является целью СМК в вузе. Отсюда, СМК будет выполнять свою функцию, если сможет обеспечить это экономическое стимулирование [12, с. 271].

В настоящее время очень важными и актуальными стали проблемы внедрения в СМК новых информационно-коммуникативных технологий. Электронный документооборот как средство, обеспечивающее возможность эффективного функционирования СМК в вузе, рассмотрен, в частности, Д. И. Сачковой и Ю. В. Проценко. При этом вся деятельность в области качества распределена ими по четырем основным уровням: административный, проектный, процессный и оценочный (мониторинговый) [15, с. 26]. Группа авторов из Караганды (КГТУ) предлагает для повышения управляемости процессов СМК в вузе также использовать электронный документооборот и на его основе сделать более эффективной работу заведующего кафедрой [1, с. 65]. И. В. Лазарев дает обобщенный сценарий того, как с помощью веб-технологий увеличить эффективность СМК в конкретном подразделении вуза (кафедры) [11, с. 65–68].

Многие исследования последнего времени посвящены изучению результативности СМК в вузах, которая во многом зависит от эффективности применяемых методик. Причем это, как правило, авторские методики, разработанные непосредственно преподавателями вузов. Методика оценки результативности процессов в СМК, представленная В. А. Коновым и И. В. Кустовым, позволяет определить состояние функционирования СМК, подробно раскрывает ее проблемные области на всех этапах жизненного цикла продукции [6, с. 181–186]. Методика системы мониторинга процессов, предложенная А. Спиридоновой и Е. Хомутовой для совершенствования СМК в вузе, включает в себя: измерение и анализ показателей процесса; аудит процессов; самооценку эффективности функционирования СМК; измерение и анализ удовлетворенности потребителей [17, с. 66].

Вместе с тем, несмотря на многоаспектный характер современных исследований по проблемам СМК в российских вузах, есть вопросы, которые требуют своего обсуждения и решения. Эти вопросы касаются обучения основам теории качества, менеджмента качества такой категории вузовского образовательного процесса, как студенты. На эту проблему уже обратили внимание отдельные авторы. Так, например, М. И. Калини-

на и И. С. Петрова указывают на необходимость обучения студентов СМК, учитывая новые требования к ним [4, с. 45]. На наш взгляд, данный вопрос требует гораздо более глубокого изучения и проработки.

Мы считаем, что вся СМК в вузах должна выйти сегодня на качественно иной уровень. Если в предыдущие временные периоды СМК в вузах реализовывала, главным образом, внутренние задачи, которые обеспечивали имидж и качество образовательного процесса в них, то теперь акценты смещаются на внешние задачи и факторы. В связи с переходом всей системы высшего образования нашей страны на компетентностную модель подготовки кадров, требования к студенту как итоговому «продукту» образовательного процесса существенно трансформировались. От выпускника вуза сегодня требуется не только усвоение некой суммы знаний, умений и навыков, но, прежде всего, способность к саморазвитию, самосовершенствованию, к постоянному улучшению своей профессиональной деятельности [8]. Таким образом, мы имеем дело с внешним социально-государственным заказом на определенную модель профессионального работника высшей квалификации.

Обозначенные компетенции у студента можно сформировать различными путями и способами. Однако наиболее очевидным преимуществом в этом плане, на наш взгляд, обладает уже функционирующая в конкретном вузе СМК. Ее прогрессивный потенциал необходимо распространять не только на все процессы деятельности в вузе, но и на обогащение конкретного субъекта – студента высшего учебного заведения. Этот разворот необходим и оправдан всей логикой развития СМК в российских вузах.

По нашему мнению, в настоящее время вузовская СМК переходит на новый этап своего эволюционного развития. Его семантическим отражением и ключевым моментом является понятие «обучение СМК», то есть обучение студентов основам теории и практики СМК. При этом изменяются акценты в позиционировании СМК в вузе. Наряду с функционированием традиционной схемы реализации СМК в вузе, должна, на наш взгляд, внедряться идеология СМК как самодостаточного феномена, как средства универ-

сального характера, способного давать ощутимые сдвиги в работе любого института. Студенты-выпускники в такой ситуации должны выступать проводниками идеологии СМК на местах своей профессиональной деятельности.

В нашей стране совсем недавно появились направления бакалавриата и магистратуры «Управление качеством». Это говорит о том, что такого рода специалисты востребованы жизнью, их ждут на местах, как в производственной, так и в непроизводственной сфере. Однако начавшаяся в вузах подготовка бакалавров и магистров по направлению «Управление качеством» принципиально не меняет ситуацию с массовым распространением СМК на предприятиях и учреждениях нашей огромной страны. Поэтому выход из создавшегося положения совершенно очевиден – нужно транслировать накопленный в вузах опыт в области СМК студентам, организовав их обучение этой системе.

В Кемеровском государственном институте культуры СМК была внедрена в 2006 году в соответствии с требованиями международного стандарта ISO 9001:2000 и директив ENQA (Европейской ассоциации гарантии качества в высшем образовании). Целью внедрения СМК в институте стало повышение качества оказания образовательных услуг, отвечающих требованиям потребителей (абитуриентов, студентов, работодателей) и соответствующих обязательным требованиям, установленным государственным стандартом высшего профессионального образования. Вуз ставил перед собой задачу повышения удовлетворённости потребителей образовательных услуг посредством эффективного применения СМК, включая процессы постоянного ее улучшения и обеспечения соответствия требованиям международного стандарта.

В достаточно короткое время «114 человек прошли внутреннее обучение в категории уполномоченных по качеству. 57 человек получили сертификаты образовательного центра «Менеджмент качества» Сибирского сертификационного центра Томского политехнического университета NQA-Russia («Менеджер по качеству», «Уполномоченный по качеству», «Внутренний аудитор по качеству»)» [9, с. 86]. Таким образом, в институте

сложилась команда, способная управлять системой качества образования в вузе.

Была налажена система изучения состояния удовлетворенности потребителей образовательными услугами, соизмерение полученных результатов с требованиями и ожиданиями пользователей, выявление тенденций их изменений с целью принятия управленческих решений по повышению качества услуги и процесса ее предоставления. Например, в 2011/12 учебном году в институте было проведено шесть пилотажных исследования, направленных на изучение удовлетворенности различных категорий потребителей образовательных услуг (студенты, преподаватели, работодатели) [10, с. 161].

В настоящее время в вузе на базе Института информационных и библиотечных технологий ведется обучение студентов дисциплине «СМК в библиотеке», в рамках направления подготовки магистратуры «Библиотечно-информационная деятельность». Это один из первых опытов преподавания СМК студентам профильных направлений в нашем институте, который нужно поддерживать и широко распространять среди других образовательных направлений. Имея возможность вводить в учебные планы дисциплины вариативной части, вуз может разработать и внедрить в учебный процесс всех направлений «типовую» программу учебного курса по СМК. При этом, естественно, возникают некоторые проблемы, которые необходимо продумать и решить принципиальным образом.

Нужно понимать, что данная дисциплина носит общекультурный характер и не может позиционироваться как узкоспециальная. Ее теоретическая часть должна быть общей для всех, независимо от направленности той или иной образовательной программы, а конкретно-практическое наполнение дисциплины будет опреде-

ляться «контекстом», то есть той сферой, в которой будет работать будущий выпускник вуза.

Еще один вопрос касается преподавателей этой дисциплины. Кто ими может быть и где их взять? Было бы вполне логично привлечь к преподаванию работников Центра СМК вуза, если таковой имеется. Можно было бы использовать преподавательский состав кафедр, имеющих отношение к менеджменту, экономике и т. п., но в любом случае им всем необходимо быть сертифицированными специалистами, как минимум, прошедшими соответствующие курсы повышения квалификации.

Что касается методики преподавания курса, посвященного СМК, его организации, то эти вопросы следует отдать на откуп конкретным преподавателям, которые будут реализовывать свой авторский подход в процессе осуществления учебного процесса.

Таким образом, подводя итог сказанному выше, мы пришли к следующим выводам:

1. Существующая в российских вузах СМК в соответствии с новыми социально-экономическими требованиями может выйти на новый этап своего эволюционного развития. Ее прогрессивный потенциал следует «развернуть» в сторону обучения студентов основам теории и практики СМК.

2. СМК в вузе должна позиционироваться для студентов как универсальное средство, способное оптимизировать деятельность любого предприятия и учреждения, сделав их современными и эффективными.

3. Для успешного внедрения идеологии СМК в студенческой среде, необходимо организовать учебный процесс на различных специальностях и образовательных направлениях, разработав для этого некую «типовую» программу.

Литература

1. Байкенжин М. А., Байжабагинова Г. А., Шакирова Ю. К., Игемберлина А. К. Компьютерная система менеджмента качества высшего учебного заведения [Электронный ресурс] // Автоматика. Информатика. – Караганда: Карагандин. гос. техн. ун-т. – 2013. – № 1. – С. 64–67. – URL: <http://elibrary.ru/download/44099862.pdf> (дата обращения: 03.07.2016).
2. Гаффорова Е. Б., Виноградова Е. В. Планирование в системе менеджмента качества высшего учебного заведения [Электронный ресурс] // Изв. Дальневост. федер. ун-та. Экономика и управление. – Владивосток. – 2005. – № 2 – С. 76–84. – URL: <http://elibrary.ru/download/96776559.pdf> (дата обращения: 07.06.2016).

3. Граб В. П. Система менеджмента качества в высших учебных заведениях [Электронный ресурс] // Тр. междунар. симп. «Надежность и качество». – Пенза: ПГУ, 2008. – Т. 1. – С. 99–101. – URL: <http://elibrary.ru/download/38314187.pdf> (дата обращения: 01.07.2016).
4. Калинина М. И., Петрова И. С. О необходимости обучения в высших учебных заведениях основам обучения качества [Электронный ресурс] // Тр. Воен.-косм. акад. им. А. Ф. Можайского. – СПб., 2013. – № 638. – С. 42–46. – URL: <http://elibrary.ru/download/68544442.pdf> (дата обращения: 02.07.2016).
5. Кислов А. Г. О менеджменте качества высшего образования [Электронный ресурс] // Образование и наука. – Екатеринбург: Рос. гос. проф.-пед. ун-т. – 2012. – № 7. – С. 98–112. – URL: <http://elibrary.ru/download/50930611.pdf> (дата обращения: 03.07.2016).
6. Кононов В. А., Кустов И. В. Формирование методики оценки результативности процессов в системе менеджмента качества вуза [Электронный ресурс] // Вестн. Рыбин. гос. авиац. техн. акад. им. П. А. Соловьева. – 2009. – № 1. – С. 181–186. – URL: <http://elibrary.ru/download/90499246.pdf> (дата обращения: 11.07.2016).
7. Костишко Б. М., Бакланов С. Б., Максимова О. И., Шишова В. П. Система менеджмента качества в вузе: движущая сила или простая формальность? [Электронный ресурс] // Б-ка сайта Гильдии экспертов в сфере проф. образования. – URL: <http://expert-nica.ru/library/sbornik2012/IV%20part/Kostishko,%20Baklanov,%20Maksimova,%20Shishova.pdf> (дата обращения: 27.06.2016).
8. Костюк Н. В. Формирование готовности будущих менеджеров в сфере культуры к реализации инновационных моделей управления социально-культурной деятельностью в условиях изменяющегося рынка труда // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 22–1. – С. 178–180.
9. Кудрина Е. Л., Гук А. Г. Внедрение системы менеджмента качества в университете культуры и искусств // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2008. – № 5. – С. 84–89.
10. Кудрина Е. Л., Гук А. Г. Потребность работодателей в специалистах сферы культуры и удовлетворенность потребителей качеством образовательных услуг // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 22–1. – С. 158–165.
11. Лазарев И. В. Информационная система поддержки менеджмента качества структурного подразделения вуза [Электронный ресурс] // Электрон. средства и системы управления. – Томск: Томский гос. ун-т систем управления и электроники, 2010. – № 2. – С. 65–68. – URL: <http://elibrary.ru/download/98388802.pdf> (дата обращения: 05.06.2016).
12. Лукьяненко М. С. Экономическое стимулирование персонала как инструмент совершенствования системы менеджмента качества высшего учебного заведения [Электронный ресурс] // Вопр. соврем. науки и практики. Ун-т им. В. И. Вернадского. – Тамбов: Тамбов. гос. техн. ун-т, 2012. – № 4. – С. 269–271. – URL: <http://elibrary.ru/download/68500497.pdf> (дата обращения: 04.07.2016).
13. Менеджмент качества [Электронный ресурс] // Кубан. гос. техн. ун-т: офиц. сайт. – URL: <http://kubstu.ru/s-386> (дата обращения: 04.07.2016).
14. Пашута В. Л., Никольская А. С. Особенности реализации системы менеджмента качества в отечественных и зарубежных высших учебных заведениях [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. – СПб.: Воен.-мед. акад. им. С. М. Кирова, 2012. – № 3. – С. 70–76. – URL: <http://elibrary.ru/download/10496804.pdf> (дата обращения: 13.06.2016).
15. Сачков Д. И., Проценко Ю. В. К вопросу о применении систем электронного документооборота вуза в рамках сертификации по стандарту менеджмента качества [Электронный ресурс] // Baikal research journal. – Иркутск: Байкал. гос. ун-т, 2013. – № 3. – С. 26. – URL: <http://elibrary.ru/download/65992867.pdf> (дата обращения: 11.06.2016).
16. Усик Е. В. Перспективы развития системы менеджмента качества высших учебных заведений в условиях реализации ФГОС [Электронный ресурс] // Вестн. ун-та (Гос. ун-т управления). – М., 2012. – № 13–1. – URL: <http://elibrary.ru/download/83836038.pdf> (дата обращения: 01.07.2016).
17. Хомутова А. А., Спиридонова Е. Г. Основные аспекты разработки методики мониторинга процессов СМК вуза [Электронный ресурс] // Стандарты и качество. – М., 2012. – № 8. – С. 64–67. – URL: <http://elibrary.ru/download/54844491.pdf> (дата обращения: 23.06.2016).
18. Ющенко А. Л. Особенности формирования и проблемы функционирования системы менеджмента качества образовательных услуг [Электронный ресурс] // Правовое поле современной экономики. – СПб.: Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности, 2012. – № 1. – С. 67–70. – URL: <http://elibrary.ru/download/87523324.pdf> (дата обращения: 10.06.2016).

References

1. Baykenzhin M.A., Bayzhabaginova G.A., Shakirova Yu.K., Igemberlina A.K. Komp'yuternaya sistema menedzhmenta kachestva vysshego uchebnogo zavedeniya [The computer system of quality management of higher education institutions]. *Avtomatika. Informatika [Automation. Informatics]*. Karaganda, Karaganda State Technical University Publ., 2013, no. 1, pp. 64-67. (In Russ.). Available at: <http://elibrary.ru/download/44099862.pdf> (accessed 03.07.2016).
2. Gafforova E.B., Vinogradova E.V. Planirovanie v sisteme menedzhmenta kachestva vysshego uchebnogo zavedeniya [Planning the quality management system of higher educational institutions]. *Izvestiya Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. Ekonomika i upravlenie [Proceedings of the Far Eastern Federal University. Economics and management]*. Vladivostok, 2005, no. 2, pp. 76-84. (In Russ.). Available at: <http://elibrary.ru/download/96776559.pdf> (accessed 07.06.2016).
3. Grab V.P. Sistema menedzhmenta kachestva v vysshih uchebnykh zavedeniyakh [The quality management system in higher educational institutions]. *Trudy mezhdunarodnogo simpoziuma "Nadezhnost' i kachestvo" [Proceedings of the international Symposium "Reliability and quality"]*. Penza, PGU Publ., 2008, vol. 1, pp. 99-101. (In Russ.). Available at: <http://elibrary.ru/download/38314187.pdf> (accessed 01.07.2016).
4. Kalinina M.I., Petrova I.S. O neobkhodimosti obucheniya v vysshih uchebnykh zavedeniyakh osnovam obucheniya kachestva [About the necessity of teaching in higher education fundamentals of teaching quality]. *Trudy Voenno-kosmicheskoy akademii im. A.F. Mozhayskogo [Proceedings of the Military space Academy. A.F. Mozhaisky]*. St. Petersburg, 2013, no. 638, pp. 42-46. (In Russ.). Available at: <http://elibrary.ru/download/68544442.pdf> (accessed 02.07.2016).
5. Kislov A.G. O menedzhmente kachestva vysshego obrazovaniya [About the quality management in higher education]. *Obrazovanie i nauka [Education and science]*. Ekaterinburg, Russian State Vocational Pedagogical University Publ., 2012, no. 7, pp. 98-112. (In Russ.). Available at: <http://elibrary.ru/download/50930611.pdf> (accessed 03.07.2016).
6. Kononov V.A., Kustov I.V. Formirovanie metodiki otsenki rezul'tativnosti protsessov v sisteme menedzhmenta kachestva vuza [The formation of methodology for assessing the efficiency of processes in the quality management system of the University]. *Vestnik Rybinskoy gosudarstvennoy aviatsionnoy tekhnologicheskoy akademii im. P.A. Solov'yeva [Herald of Rybinsk state aviation technological Academy. P.A. Solov'yev]*, 2009, no. 1, pp. 181-186. (In Russ.). Available at: <http://elibrary.ru/download/90499246.pdf> (accessed 11.07.2016).
7. Kostishko B.M., Baklanov S.B., Maksimova O.I., Shishova V.P. Sistema menedzhmenta kachestva v vuze: dvizhushchaya sila ili prostaya formal'nost'? [The quality management system in universities: driving force or a mere formality?]. *Biblioteka sayta Gil'dii ekspertov v sfere professional'nogo obrazovaniya [Library of the website of the Guild of experts in the field of professional education]*. (In Russ.). Available at: <http://expert-nica.ru/library/sbornik2012/IV%20part/Kostishko,%20Baklanov,%20Maksimova,%20Shishova.pdf> (accessed 27.06.2016).
8. Kostyuk N.V. Formirovanie gotovnosti budushchikh menedzherov v sfere kul'tury k realizatsii innovatsionnykh modeley upravleniya sotsial'no-kul'turnoy deyatel'nost'yu v usloviyakh izmenyayushchegosya rynka truda [Formation of readiness of future managers in culture to the implementation of innovative models of socio-cultural activities in a changing labor market]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2013, no. 22-1, pp. 178-180.
9. Kudrina E.L., Guk A.G. Vnedrenie sistemy menedzhmenta kachestva v universitete kul'tury i iskusstv [Implementation of the quality management system at the University of Culture and Arts]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2008, no. 5, pp. 84-89.
10. Kudrina E.L., Guk A.G. Potrebnost' rabotodateley v spetsialistakh sfery kul'tury i udovletvorennost' potrebitel'ey kachestvom obrazovatel'nykh uslug [The need of employers in the sphere of culture and customer satisfaction with the quality of educational services]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2013, no. 22-1, pp. 158-165.
11. Lazarev I.V. Informatsionnaya sistema podderzhki menedzhmenta kachestva strukturnogo podrazdeleniya vuza [Information system support for quality management structural divisions of the University]. *Elektronnye sredstva i sistemy upravleniya [Electronic funds management system]*. Tomsk, Tomsk State University of Control Systems and Electronics Publ., 2010, no. 2, pp. 65-68. (In Russ.). Available at: <http://elibrary.ru/download/98388802.pdf> (accessed 05.06.2016).

12. Luk'yanenko M.S. Ekonomicheskoe stimulirovanie personala kak instrument sovershenstvovaniya sistemy menedzhmenta kachestva vysshego uchebnogo zavedeniya [Economic incentives as a tool to improve the quality management system of higher educational institutions]. *Voprosy sovremennoy nauki i praktiki. Universitet im. V.I. Vernadskogo* [Questions of modern science and practice. University named after V. I. Vernadsky]. Tambov, Tambov State Technical University Publ., 2012, no. 4, pp. 269-271. (In Russ.). Available at: <http://elibrary.ru/download/68500497.pdf> (accessed 04.07.2016).
13. Menedzhment kachestva [Quality management]. *Kubanskiy gosudarstvennyy tekhnologicheskiy universitet: ofitsial'nyy sayt* [Kuban State Technological University. Official website]. (In Russ.). Available at: <http://kubstu.ru/s-386> (accessed 04.07.2016).
14. Pashuta V.L., Nikol'skaya A.S. Osobennosti realizatsii sistemy menedzhmenta kachestva v otechestvennykh i zarubezhnykh vysshih uchebnykh zavedeniyakh [Features of the implementation of the quality management system in domestic and foreign higher education institutions]. *Aktual'nye problemy fizicheskoy i spetsial'noy podgotovki silovykh struktur* [Actual problems of physical and special training of the security forces]. St. Petersburg, Military Medical Academy Named after S.M. Kirov Publ., 2012, no. 3, pp. 70-76. (In Russ.). Available at: <http://elibrary.ru/download/10496804.pdf> (accessed 13.06.2016).
15. Sachkov D.I., Protsenko Yu.V. K voprosu o primenenii sistem elektronnoy dokumentooborota vuza v ramkakh sertifikatsii po standartu menedzhmenta kachestva [To the question of the application of electronic document management systems of the University within the framework of the certification of quality management]. *Baikal research journal*. Irkutsk, Baikal State University Publ., 2013, no. 3, p. 26. (In Russ.). Available at: <http://elibrary.ru/download/65992867.pdf> (accessed 11.06.2016).
16. Usik E.V. Perspektivy razvitiya sistemy menedzhmenta kachestva vysshih uchebnykh zavedeniy v usloviyakh realizatsii FGOS [Prospects of development of system of quality management of higher education institutions in the implementation of the Federal State Educational Standard]. *Vestnik universiteta (Gosudarstvennyy universitet upravleniya)* [Bulletin of University (State University of Management)]. Moscow, 2012, no. 13-1. (In Russ.). Available at: <http://elibrary.ru/download/83836038.pdf> (accessed 01.07.2016).
17. Khomutova A.A., Spiridonova E.G. Osnovnye aspekty razrabotki metodiki monitoringa protsessov SMK vuza [The main aspects of the development of methods of monitoring of QMS processes of the University]. *Standarty i kachestvo* [Standards and quality]. Moscow, 2012, no. 8, pp. 64-67. (In Russ.). Available at: <http://elibrary.ru/download/54844491.pdf> (accessed 23.06.2016).
18. Yushchenko A.L. Osobennosti formirovaniya i problemy funktsionirovaniya sistemy menedzhmenta kachestva obrazovatel'nykh uslug [The features of forming and problems of functioning of the quality management system of educational services]. *Pravovoe pole sovremennoy ekonomiki* [Legal field of the modern economy]. St. Petersburg, Fund for support of science and education in the field of law enforcement Publ., 2012, no. 1, pp. 67-70. (In Russ.). Available at: <http://elibrary.ru/download/87523324.pdf> (accessed 10.06.2016).

Алфавитный указатель авторов

List of Authors in Alphabetical Order

Алексеева Т. П.	181	Alekseeva T. P.	181
Баштанник С. В.	93	Bashtannik S. V.	93
Богданова М. А.	150	Bogdanova M. A.	150
Бралгин Е. Ю.	181	Bralgin E. Y.	181
Виноградова М. А.	157	Vinogradova M. A.	157
Вуйошевич С.	123	Vuyoshevich S.	123
Гертнер С. Л.	31	Gertner S. L.	31
Гук А. Г.	223	Guk A. G.	223
Дьяконова С. А.	86	Dyakonova S. A.	86
Жиляннина Н. А.	62	Zhilyanina N. A.	62
Звягин С. П.	113	Zvyagin S. P.	113
Золотухин В. М.	68	Zolotukhin V. M.	68
Зуева Т. В.	208	Zueva T. V.	208
Иванов А. В.	13	Ivanov A. V.	13
Казаков Е. Ф.	47	Kazakov E. F.	47
Камалиева А. С.	172	Kamalieva A. S.	172
Карташова Т. В.	123	Kartashova T. V.	123
Китов Ю. В.	31	Kitov Y. V.	31
Козырева М. В.	68	Kozyreva M. V.	68
Колногоров В. В.	194	Kolnogorov V. V.	194
Кудрина Е. Л.	194	Kudrina E. L.	194
Лазарева М. В.	204	Lazareva M. V.	204
Лакунова Д. Р.	82	Lakunova D. R.	82
Макарчук С. В.	113	Makarchuk S. V.	113
Москалюк М. В.	130	Moskalyuk M. V.	130
Новосельская В. В.	18	Novoselskaya V. V.	18
Норкина Е. А.	53	Norkina E. A.	53
Паклина Е. А.	199	Paklina E. A.	199
Попова А. В.	214	Popova A. V.	214
Сабелев М. М.	102	Sabelev M. M.	102
Серикова Т. Ю.	130	Serikova T. Y.	130
Суворкина Е. Н.	109	Suvorkina E. N.	109
Тайсаев Д. М.	82	Taysaev G. M.	82
Тресвятский Л. А.	58	Tresvyatskiy L. A.	58
Ульмасов Ф. А.	165	Ulmasov F. A.	165
Фаттахова Л. Р.	143	Fattakhova L. R.	143
Фотиева И. В.	13	Fotieva I. V.	13
Щетинина С. Ю.	188	Shchetinina S. Y.	188
Юркова М. В.	76	Yurkova M. V.	76

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ И УСЛОВИЯ ПРИЕМА СТАТЕЙ В ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ «ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ»

(выходит 4 раза в год)

Перед подачей статьи авторам рекомендуется ознакомиться на сайте (www.vestnikkemgu-ki.ru) с концепцией издания, содержанием вышедших номеров.

1. Статья представляется в бумажном и электронном вариантах (по E-mail или на диске) в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному.

2. Статья должна включать:

- наименование рубрики журнала, где должна быть размещена статья (в соответствии с рубрикаторм журнала «Вестник КемГУКИ»);
- индекс УДК (Универсальной десятичной классификации), отражающий содержание статьи;
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотацию статьи (объемом 150–300 слов) на русском языке;
- ключевые слова (не более 10 слов) на русском и английском языках;
- автореферат статьи на английском языке (250–300 слов, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке.

3. Текст статьи должен быть тщательно вычитан и подписан автором, который несет ответственность за научно-теоретический уровень публикуемого материала; статьи аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук дополнительно подписываются научным руководителем.

4. Ссылки на цитируемую литературу приводятся в конце статьи в Литературе в алфавитном порядке на русском языке в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 (Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления) и в References на латинице (транслитерация) и английском языке. Библиографические ссылки в тексте статьи указываются в квадратных скобках. Например, [1, с. 5]. Количество цитируемых источников – от 8 до 20.

5. Объем статьи – от 6 страниц формата А4.

6. Набор статьи должен быть осуществлен с использованием следующих правил:

- шрифт – Times New Roman;
- размер кегля – 12 пт;
- межстрочный интервал – одинарный;
- форматирование – по ширине;
- все поля – по 20 мм.

Образец оформления статьи

Рубрика журнала

УДК

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ (ПО ЦЕНТРУ, БЕЗ ОТСТУПА, ШРИФТ ЖИРНЫЙ, БУКВЫ ПРОПИСНЫЕ)

Сведения об авторе (-ах) (на русском языке): должны включать фамилию, имя и отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, должность, место работы (город, страну).
E-mail:

Аннотация на русском языке...

Ключевые слова на русском языке: ...

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ПО ЦЕНТРУ, БЕЗ ОТСТУПА, ШРИФТ ЖИРНЫЙ, БУКВЫ ПРОПИСНЫЕ)

Сведения об авторе (-ах) (на английском языке): должны полностью соответствовать русскоязычному варианту.

Аннотация на английском языке....

Ключевые слова на английском языке:....

Текст....

Литература (по центру, без отступа, шрифт жирный)

1.

2.

...

References (по центру, без отступа, шрифт жирный)

1.

2.

...

Сопроводительные документы к статье, направляемой для публикации в журнале «Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств», включают:

1. Две рецензии:

- соискатели докторской степени предоставляют две рецензии докторов наук в данной предметной области;
- соискатели кандидатской степени предоставляют рецензию научного руководителя и рецензию доктора наук в данной предметной области.

2. Справку об авторе(ах) (в бумажном и электронном вариантах).

3. Письмо-согласие на публикацию статьи и размещение ее в Интернете.

Требования к сопроводительным документам

Наименование документа	Необходимые сведения
1. Рецензия	- Фамилия, имя, отчество эксперта (полностью), - ученая степень, - ученое звание, - должность, - служебный адрес, - контактный телефон, - дата выдачи рецензии, - подпись рецензента, - печать учреждения, заверяющего подпись эксперта
2. Справка об авторе(ах)	- Фамилия, имя, отчество автора (полностью на русском и английском языках), - ученая степень, - ученое звание, - должность, - место работы (учебы или соискательства), - контактные телефоны, - факс, - E-mail, - почтовый адрес с указанием почтового индекса
3. Письмо-согласие	- подписано автором, - заверено в организации (место работы или учебы)

Материалы для публикации могут быть направлены в редакцию журнала «Вестник КемГУКИ»:

- почтой:
по адресу: 650056, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17, КемГИК, научное управление;
- e-mail: vestnikkemguki@yandex.ru.

Перечень основных разделов журнала

1. Педагогические науки.
2. Искусствоведение.
3. Культурология.

Редакционная коллегия правомочна отправлять статьи на дополнительное рецензирование.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие установленным требованиям или тематике журнала.

С более полной информацией о правилах публикации можно ознакомиться на официальном сайте журнала: <http://vestnik.kemguki.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Статьи публикуются в авторской редакции.

Отклоненные статьи авторам не возвращаются и не рецензируются.

Цена 505 рублей

Дата выхода номера в свет 14.11.2016

Подписано в печать 21.10.2016.

Формат 60x84¹/₈.

Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».

Заказ № 1.

Уч.-изд. л. 20,1. Усл. печ. л. 27,4

Тираж 500 экз.

Отпечатано в издательстве Кемеровского
государственного института культуры:
Кемеровская область, 650056, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 17. Тел. (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru

Price 505 roubles

Issue released on November 14, 2016

Signed for print 21.10.2016.

Format 60x84¹/₈.

Offset paper. Font «Times».

Order № 1.

Author's sheets 20,1. Printer's sheets 27,4

Number of copies 500.

Printed at the Publisher of Kemerovo State
University of Culture:
Kemerovo region, 650056, Kemerovo,
17 Voroshilov Street. Tel. (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru